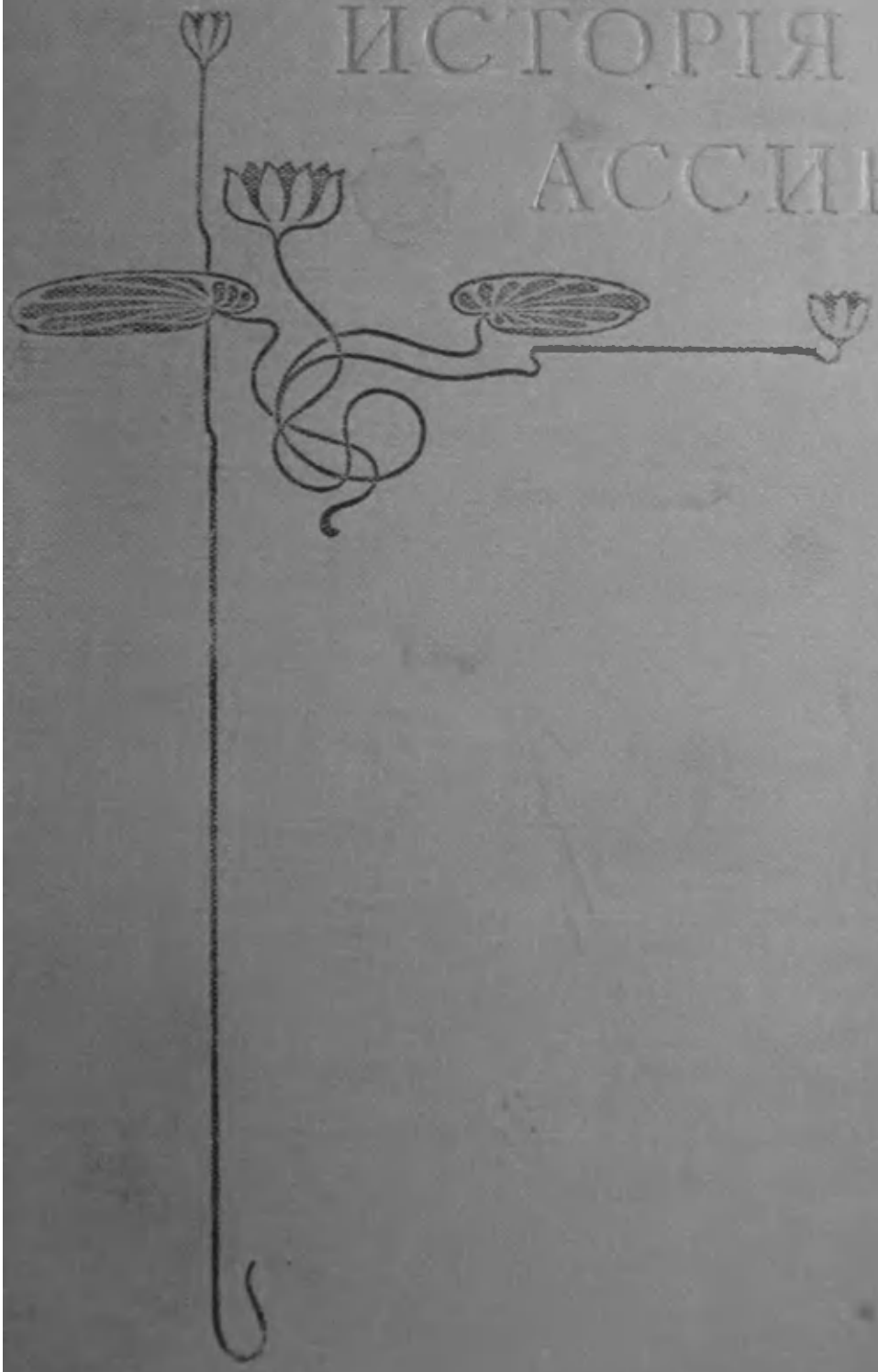
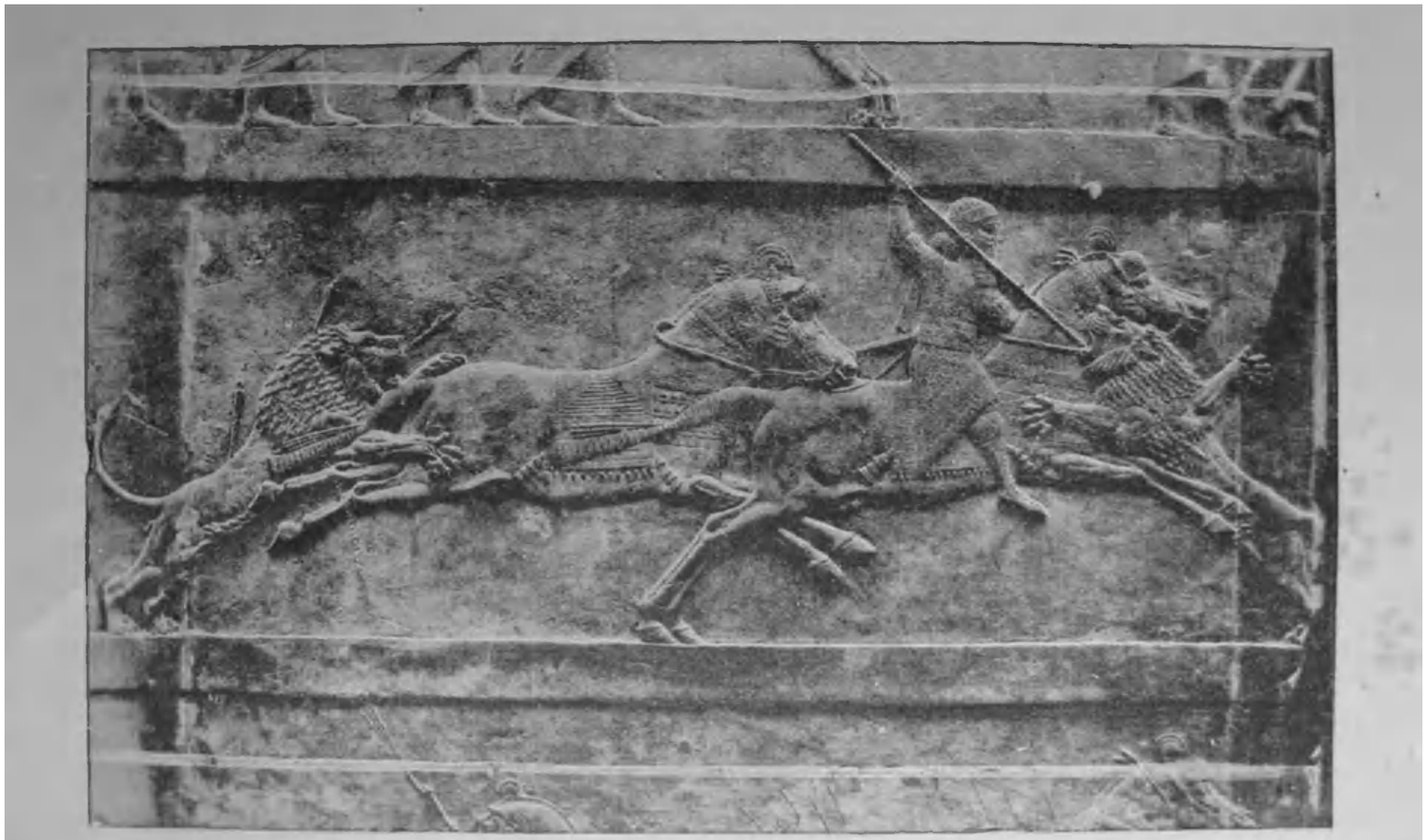
З. А. РАГОЗИНА.

ИСТОРІЯ АССИРІИ.



ИСТОРІЯ АССИРІИ.



Царь Ашурбанипалъ на львиной охотѣ.

Р598

Пособие

ДРЕВНѢЙШАЯ ИСТОРІЯ ВОСТОКА.

ИСТОРІЯ АССИРІИ

Отъ возвышенія ассирійской державы до паденія Ниневіи

З. Л. Загозиной,

члена лондонскаго и великобританскаго „Общества Изученія Азіи“, „Американскаго Общества Востоковѣдѣнія“; парижскаго „Этнологическаго Общества“; члена-корреспондента парижскаго „Восточнаго Атенея“ и пр.

Съ 101 рисункомъ и 2-мя картами, печат. красками.

Второе стереотипное изданіе

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

Рисунки дозволены цензурою 5 августа 1902 г. СПБ.

Типография А. Ф. Маркса, Измайловск. пр., д. № 29.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Библіографія XII

I.

Юность Ашура.

§ 1. Начало Ассиріи. § 2. Размѣры Ассиріи. § 3. Ашуръ---народъ семитской расы. Ашуръ--верховный богъ. § 4. Параллельныя мѣста изъ Библіи и ассирійскихъ надписей. § 5. Еще примѣры. § 6. Различное отношеніе къ божеству царей іудейскихъ и ассирійскихъ. § 7. Изображенія бога Ашура на памятникахъ. § 8. Ассирійскій пантеонъ тотъ же, что и вавилонскій. § 9. Отношенія къ Вавилону.—Патэси города Ашура. § 10. Постепенное отпаденіе Ассиріи отъ Вавилона. § 11. Первое появленіе египтянъ въ западной Азіи. § 12. Египетъ въ древнѣйшій періодъ. § 13. Нашествіе гиксовъ. § 14. Походы египтянъ въ Азію. § 15. Битва при Мегиддо.—Первое столкновеніе Ассиріи съ Египтомъ (около 1600 г. до Р. Х.). § 16. Хеты. Ихъ могущество и богатство. § 17. Обширность державы хетовъ. § 18. Столицы хе-

стран.

товъ. § 19. Упадокъ державы хетовъ совпадаетъ съ усиленіемъ державы ассирійской. § 20. Долголѣтіе державы хетовъ. § 21. Хеттейское искусство и письмо. § 22. Возвышеніе Ассиріи. . . 5—46

II.

Первое или Древнее Царство. — Тиглат-Феласcаръ I.

§ 1. Озера: Ванъ, Урмія и Мертвое Море. § 2. «Земли Наири». § 3. Памятникъ Тиглат-Феласcара у истоковъ Тигра. § 4. Цилиндръ Тиглат-Феласcара I и произведенный съ нимъ опытъ. § 5. Походы Тиглат-Феласcара I въ Земли Наири,—по цилиндру. § 6. Жестокія опустошенія. § 7. Живое описаніе кампаніи на цилиндрѣ. § 8. Арамейцы и главный городъ ихъ, Дамаскъ. § 9. Тиглат-Феласcаръ подводитъ итогъ своимъ кампаніямъ. § 10. Его мудрое правленіе. § 11. Его страсть къ охотѣ. § 12. Морской праздникъ. § 13. Неудачный походъ противъ Вавилоніи. § 14. Пробѣлъ въ исторіи Ассиріи послѣ Тиглат-Феласcара I. § 15. «Первое» или «Древнее» Царство. 47—75

III.

Сыны Ханаана: ихъ передвиженія.—Финикіяне.

§ 1. Финикіяне около 1100 г. до Р. Х. § 2. Ханаейскія племена «Пунты» или «пуны». § 3. Послѣдствія эламитскаго погрома. § 4. До-ханаейское населеніе Сиріи и Палестины. § 5. Кто были эти аборигены? § 6. Финикіяне и ихъ тѣсное побережіе. § 7. Развитіе финикійской торговли. § 8. Пурпурная краска. Вліяніе крошеч-

СТРАН.

наго моллюска на судьбы пѣлаго народа. § 9. Участіе того же моллюска въ дѣлѣ цивилизаціи и колонизаціи. § 10. Плаванія за оловомъ. § 11. Тартшишъ. § 12. «Кассптериды». Сухопутный и морской тракты къ нимъ. § 13. «Мелькартовы Столпы».—Гадесъ.—Розсказни о Тартшишѣ. § 14. Сухопутный трактъ черезъ Германію. § 15. Сухопутные торговые тракты черезъ Западную Азію. § 16. Богатство и великолѣпіе Тира. § 17. Нажива—ключъ къ характеру финикіянъ и къ ихъ исторической миссіи. § 18. Отсутствіе изобрѣтательности, творчества и литературныхъ способностей. § 19. Міровая миссія финикіянъ . . . . 76—117

IV.

Сыны Ханаана: ихъ религія.—Учрежденіе жертвоприношеній.—Человѣческія жертвы.

§ 1. Общая характеристика ханаанейскихъ племенъ. § 2. Матерьялистическій характеръ ханаанскихъ религій. § 3. Дуализмъ ханаанскихъ религій. § 4. Мелькартъ—Баалъ города Тиръ. § 5. Смутность финикійскихъ миѳовъ. § 6. Аштороть въ разныхъ видахъ. § 7. «Высоты», священныя рощи и Ашера. § 8. Баалъ въ разныхъ видахъ. § 9. Баалъ благой и Баалъ злой. § 10. Пророкъ Илья и жрецы Баала. § 11. Самоистязаніе и человѣческія жертвы. § 12. Основное понятіе о «жертвѣ». § 13. Жертва—доля, подобающая богу, хозяину земли. § 14. Всесожженіе и освященіе. § 15. Требуется совершенство жертвуемаго предмета. § 16. Логичность человѣческихъ жертвъ.

СТРАН.

§ 17. Приношеніе въ жертву первенцевъ замѣняется освященіемъ и выкупомъ. § 18. Человѣческія жертвы учреждены, якобы, самимъ божествомъ. § 19. Жертва, принесенная Мешой, царемъ моабскимъ. § 20. Индусскія легенды. § 21. Греческая легенда. § 22. Страстная натура восточныхъ людей. § 23. Изступленное религіозное чувство. § 24. Самоистязаніе на религіозныхъ торжествахъ. § 25. Человѣческія жертвы приносятся Баалу-Молоху. § 26. Принесеніе въ жертву дѣтей въ Карѳагенѣ. § 27. Обрядъ жертвоприношенія. § 28. Упорство ужаснаго обычая. § 29. Обѣты.—Заклятіе у іудеевъ. § 30. Санхоніатонъ и финикійская космогонія. § 31. Миѳъ объ Адонисѣ-Ѳаммузѣ. § 32. Кабиры. § 33. Финикіяне распространяютъ свою религію и обрядность по своимъ колоніямъ . . . . . 118—162

V.

Сосѣди Ашура.—Возрожденіе Ассирійскаго царства.

§ 1. Возрожденіе Ассиріи. § 2. «Лимму» и «Канонъ Эпонимовъ». § 3. Положеніе дѣлъ въ Сиріи. § 4. Филистимляне. § 5. Возвышеніе Израиля. Іудейская держава. § 6. Центръ національнаго богослуженія—въ Іерусалимѣ. § 7. Деспотическое правленіе Соломона и его расточительность. § 8. Политика Соломона и ея послѣдствія. Раздѣленіе Израиля. § 9. Возрожденіе Ассиріи въ связи съ раздорами въ Сиріи. § 10. Ассирія возобновляетъ походы на сѣверъ. § 11. Царь Ашурназирпалъ. Его кампанія въ земляхъ Напри. § 12. Звѣрскія

СТРАН.

жестокости. Дань финикійскихъ городовъ. § 13. Постройки. Калахъ снова дѣлается столицею. § 14. Скульптура въ эпоху Ашурназирпала. § 15. Охота. § 16. Появленіе въ лѣтописяхъ халдейцевъ — калду. § 17. Халдейскіе князья. Ихъ политика и честолюбіе. § 18. Отношенія къ Вавилону. . . . . 163—193

VI.

Салманассаръ II и его преемники.—Ашуръ и Израиль.

§ 1. Характеристика царствованія Салманассара II. § 2. Краткій обзоръ военной дѣятельности Салманассара II-го. § 3. Сирійская кампанія. § 4. Сирійская коалиція. § 5. Союзъ между Ахавомъ, царемъ израильскимъ, и Венададомъ, царемъ сирискимъ. § 6. Битва при Каркарѣ. § 7. Вторая сирійская кампанія. § 8. Третья сирійская кампанія. 9. Черный обелискъ. § 10. Два опущенія въ библейскомъ разсказѣ. § 11. Балаватскія ворота. § 12. Удаленіе Салманассара II. Возстаніе его старшаго сына. Восшествіе другого его сына, Шамши-Раммана III. § 13. Рамман-Нирари III. § 14. Легенда о Семирамидѣ. § 15. Продолженіе легенды. § 16. Историческая несостоятельность легенды. § 17. Урартѹ и алароды.—Новое царство Ванъ. § 18. Культуру и письмо царство Ванъ заимствуетъ у Ассиріи. § 19. Вторичное затменіе Ассиріи. — Восшествіе Тиглат-Фаласcара II. § 20. Фулъ и Тиглат-Фаласcаръ — одно и то же лицо. § 21. Пророкъ Іона. Молчаніе о немъ памятниковъ. § 22. Основаніе Карѳагена. . . . . 194—235

стран.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ VI.

Столбъ Меши, царя моабскаго.

§ 1. Столбъ Меши, царя моабскаго. . . . . 236—241

VII.

Второе Царство.— Осада и взятіе Самаріи.

§ 1. Величіе Ассиріи при Тиглат-Фелассарѣ II. § 2. Политика Второго Царства. § 3. Присоединенія и переселенія. § 4. Царскіе воеводы. § 5. Общій планъ операцій на Западѣ. § 6. Первыя кампаніи: въ Халдею, Загросъ (Загрошъ) и Напри. § 7. Сирійская кампанія 738 г. до Р. Х. — Менаимъ, царь израильскій, платитъ дань. § 8. Союзъ Израиля и Сиріи противъ Іуды. § 9. Близкая гибель Израиля. Ахазъ, царь іудейскій, посылаетъ просить помощи у Тиглат-Фелассара. § 10. Сирійская кампанія 734-го г. до Р. Хр. § 11. Взятіе Дамаска. § 12. Халдейская кампанія. § 13. Мередахъ-Баладанъ, князь бит-якинскій, на поклонѣ у ассирійскаго царя. § 14. Конецъ царствованія Тиглат-Фелассара II. § 15. Салманассаръ IV. § 16. Новыя надежды и возстанія на западѣ. § 17. Возрожденіе Египта. § 18. Готовность Египта помогать азіатскимъ государствамъ; его безсиліе. § 19. Возстаніе и осада Тира. § 20. Возстаніе Израиля. Осада Самаріи. . . . 242—273

VIII.

Гордость Ашура.—Саргонъ.

§ 1. Паденіе Самаріи и выселеніе израильтянъ. § 2. Царь Саргонъ—рода неизвѣстнаго. § 3. Энерги-

СТРАН.

ческая политика новаго царя. § 4. Недовольство на западѣ и тайныя сношенія съ Египтомъ. § 5. Неудачное возстаніе въ Сиріи. § 6. Битва при Рафіи. § 7. Покореніе Тира. § 8. Возстаніе въ Наири. Меродахъ-Баладанъ—царь вавилонскій. § 9. Повсемѣстные заговоры.—Взятіе Кархемиша.—Конецъ хеттейской національности. § 9. Возстаніе горцевъ Загроса (Загроша). § 11. Кампанія противъ Урарту. § 12. Экспедиція въ Мидію. § 13. Народное возстаніе въ Ашдодѣ. § 14. Воевода замѣщаетъ царя въ походахъ. § 15. Меродахъ-Баладанъ готовится къ войнѣ. § 16. Посольство къ Езекіи, царю Іудейскому. § 17. Езекія впадаетъ въ ловушку. § 18. Саргонъ идетъ на Халдею. § 19. Меродахъ-Баладанъ бѣжитъ въ Эламъ. § 20. Саргонъ вступаетъ въ Вавилонъ «по приглашенію». § 21. Взятіе Дур-Якина. § 22. Примирительная политика Саргона. § 23. Посольства отъ семи князей острова Кипра. § 24. Послѣдніе подвиги Саргона. § 25. Основаніе города Дур-Шаррукина. § 26. Приготовленіе къ работамъ. § 27. Великолѣпіе новаго города. § 28. Обиліе изваяній въ дворцѣ Саргона. § 29. Странный способъ создать городское населеніе. § 30. Саргонъ—мудрый администраторъ. § 31. Молитва Саргона о благополучіи и долгоденствіи. § 32. Убіеніе Саргона. . 274—327

IX.

Саргониды.—Сеннахерибъ (Син-аххи-прибъ).

§ 1. Имя Сеннахериба извѣстно давно изъ Библіи. § 2. Общій характеръ царствованія. § 3. Глав-

СТРАН.

пая военная черта царствованія—борьба съ Вавилономъ. § 4. Военныя дѣйствія въ Халдеѣ. § 5. Бѣгство Мередахъ-Баладана. § 6. Кампанія противъ касситовъ и Эллипа. § 7. Приготовленія къ кампаніи противъ Запада и Египта. § 8. Возстаніе Езекіи, царя іудейскаго. § 9. Осада Лахиша.—Езекія смиряется. § 10. Сеннахерибъ передъ Лахишемъ. § 11. Посольство отъ Сеннахериба къ Езекіи. § 12. Переговоры съ Іерусалимомъ. § 13. Пророкъ Исаія утѣшаетъ Езекію. § 14. Битва при Алтаку. § 15. Чума заставляетъ Сеннахериба отступить. § 16. Вторая халдейская кампанія. — Мередахъ-Баладанъ сходитъ со сцены. § 17. Кампанія въ Напри. § 18. Морская экспедиція въ Эламъ. § 19. Неудачная экспедиція въ Загросъ. § 20. Третья вавилонская кампанія. § 21. Битва при Халулп. § 22. Надпись на скалѣ въ Бавіанѣ. § 23. Взятіе Вавилона. § 24. Разореніе Вавилона. § 25. Послѣднія вѣсти о военной дѣятельности Сеннахериба. § 26. Сеннахерибъ убитъ двумя сыновьями. § 27. Возстановленіе столицы Ниневіи. § 28. Дворецъ Сеннахериба въ Ниневіи. . . . . 328—369

X.

Саргониды: Асархаддонъ (Ашуръ-акхи-иддинъ).

§ 1. Скудость памятниковъ этого царствованія. § 2. «Посланія» богини Иштаръ Арбельской. § 3. Краткая война между братьями. § 4. Смуты въ Бит-Якинѣ. § 5. Возстановленіе Вавилона. § 6. Экспедиціи противъ «дальнихъ мидянъ» и противъ

СТРАН.

киммерійцевъ. § 7. Аравійская кампанія. § 8. Усмиреніе возстанія въ Сидонѣ. § 9. Двадцать два царя являются на поклонъ къ Асархаддону. § 10. Построеніе и освященіе новаго дворца въ Ниневіи. § 11. Смуты въ Сиріи. § 12. Усмиреніе возстанія въ Тирѣ. § 13. Египетская кампанія. § 14. Отреченіе отъ престола и смерть Асархаддона. § 15. Назначеніе Шамаш-Шумукина вавилонскимъ намѣстникомъ . . . . . 370—387

XI.

Собирается гроза.—Появленіе младшей изъ великихъ расъ.

§ 1 Появленіе младшей изъ великихъ расъ. § 2. «Сыновья Іафета». § 3. Арійская раса. § 4. Индо-европейцы и ихъ переселенія. § 5. Великія качества индо-европейской расы. § 6. Ариана. § 7. Иранъ и Туранъ. § 8. Мидяне. § 9. Ихъ древнѣйшій общественный строй. § 10. Ихъ движеніе къ западу. § 11. Мидяне вытѣсняютъ турапскія племена. § 12. Арійскія переселенія въ Россію и черезъ Россію. § 13. Киммерійцы. § 14. Киммерійцы, преслѣдуемые скноами, отступаютъ во Фракію. § 15. Хеты въ Малой Азіи. § 16. Хеттейскія изваянія въ Лидіи. 17. Хеттейскія изваянія въ Киликіи. § 18. Хеттейскія изваянія въ Каппадокіи. § 19. Лидія, по древнѣйшимъ преданіямъ. § 20. Фрпго-оракійская группа. § 21. Киммерійцы, переправившись черезъ Босфоръ, вторгаются въ Малую Азію. . . . . 388—413

СТРАН.

XII.

Упадокъ Ашура.—Ашурбанипалъ (Ашур-бани-хабалъ).

§ 1. Блестящее начало царствованія. § 2. Египетская кампанія. § 3. Смуты и возстанія. § 4. Разграбленіе Онвъ. § 5. Возстаніе и усмиреніе Тира и Арвада. § 6. Посольство отъ Гига, царя лидійскаго. § 7. Гигъ ищетъ помощи у царя ассирійскаго. § 8. Отпаденіе Гига и погибель его. § 9. Невѣрная хронологія царствованія Ашурбанипала. § 10. Гроза надвигается съ разныхъ сторонъ. § 11. Скиѳы угрожаютъ съ южнаго Кавказа. § 12. Пораженіе Гога, царя скиѳскаго. § 13. Первая война съ Эламомъ: царь Уртаки начинаетъ ее. § 14. Вторая война съ Эламомъ. § 15. Богиня Иштаръ посылаетъ царю видѣніе. § 16. Битва у рѣки Улаи и смерть Теуммана. § 17. Пытки и казни. § 18. Возстаніе Шамаш-Шумукина. § 19. Новыя смуты въ Эламѣ. § 20. Осада Вавилона и конецъ Шамаш-Шумукина. § 21. Князь бит-якинскій передается Эламу. § 22. Все еще смуты въ Эламѣ. § 23. Третья эламская война и окончательное разореніе эламскаго царства. § 24. Трагическая участь князя Набубельзикри. § 25. Замиреніе Бит-Якина. § 26. Послѣднія смуты въ Эламѣ. § 27. Аравійская кампанія. § 28. Триумфальный въѣздъ Ашурбанипала. § 29. Дворецъ и книгохранилище Ашурбанипала. § 30. Изваянія во дворцѣ Ашурбанипала. § 31. Ашурбанипалъ—Сарданапалъ грековъ 414–462

СТРАН.

XIII.

Паденіе Ашура.

§ 1. Отсутствіе документовъ о послѣднихъ годахъ державы. § 2. Преемники Ашурбаниала. § 3. Быстрое отпаденіе завоеванныхъ областей. § 4. Преданіе о мидянинѣ Дейокѣ. § 5. Правдоподобное объясненіе преданія. § 6. Нашествіе мидянъ на Ассирію при Фраортѣ. § 7. Кіаксаръ, преобразователь мидійской арміи. § 8. Нашествіе скиѳовъ. § 9. Сошествіе скиѳовъ въ Сирію. § 10. Описаніе скиѳовъ у пророка Іереміи. § 11. Пророкъ Іезекіиль о скиѳахъ же. § 12. Опустошеніе Ассиріи скиѳами. § 13. Кіаксаръ избавляетъ Мидію отъ скиѳовъ. § 14. Кіаксаръ заключаетъ союзъ съ Набополассаромъ, царемъ вавилонскимъ. § 15. Осада и паденіе Ниневіи. § 16. Предреканіе пророка Наума. § 18. Причины, ускорившія паденіе Ашура 463–479

Алфавитный указатель 481

БИБЛІОГРАФІЯ.

Babelon, Ernest. Les Assyriens et les Chaldeens. Quatrieme volume de «l'Histoire Ancienne de l'Orient», de François Lenormant, 9-me édit. Paris, A. Lévy, 1885.

Baudissin, W. G. Jahve et Moloch. Sive de ratione inter Deum Israelitarum et Molochum intercedente. Dissertatio Inauguralis. Lipsiae: 1874.

Budge. E. A. Wallis. History of Esarhaddon. London: 1880. 1 vol.

Cory. Ancient Fragments. London: 1876. 1 vol.

Delattre, A. Le Peuple et l'Empire des Mèdes. jusqu'a la fin du règne de Cyaxare. Bruxelles: 1883. 1 vol.

— Les Chaldeens, jusqu'a la formation de l'Empire de Nabuchodonozor. (Extrait de la «Revue des Questions Historiques».) Paris: 1877.

— Esquisse de Geographie Assyrienne (Extrait de la «Revue des Questions Scientifiques). Paris: 1883. 55 pages.

— Les Inscriptions historiques de Nimive et de Babylone. Paris: 1879. 90 pages.

Delitzsch, Dr. Friedrich. «Wo lag das Paradies?» Eine Biblisch-Assyriologische Studie. Leipzig: 1881. 1 vol.

Duncker. Max. Geschichte des Alterthums. 5-te Ausgabe. Leipzig: 1878. Erster und zweiter Band.

Hommel, Dr. Fritz. Geschichte Babyloniens und Assyriens. (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen.) Berlin: 1885 und 1886.

Horning, R. Das sechsseitige Prisma des Sanherib, in Grundtext und uebersetzung, uebst Beitragen zu einer Erklärung. (Inaugural dissertation.) Leipzig: 1878.

Kaulen, Dr. F. Assyrien und Babylonien nach den neuesten Entdeckungen. Freiburg: 1891. 1 vol. (4-te Ausgabe).

Layard, Austen H. Nineveh and its Remains. London: 1849. 2 vol.

— Discoveries among the ruins of Nineveh and Babylon. (American edition.) New-York: 1853. 1 vol.

Lehmann. K. F. Zwei Hauptprobleme der altorientalischen Chronologie. 1 vol. Leipzig: 1898.

Lenormant, François. Les premières Civilisations. Etudes d'histoire et d'archéologie. Paris: Maisonneuve et C-ie. 1874. 2 vol.

— Les Origines de l'Histoire, d'apres la Bible et les traditions des peuples Orientaux. Paris: Maisonneuve et C-ie. 3 vol. 1880—1884.

— La Légende de Sémiramis, premier mémoire de mythologie comparée. Paris: 1873.

Lhotzky, Heinrich. Die Annalen Asurnazirpals, nach der Ausgabe des Londoner Inschriften-werkes umschrieben, ubersetzt und erklart. (Inaugural-Dissertation.) Muenchen: 1885.

Lotz, Dr. Wilhelm. Die Inschriften Tiglath-Pileser's I. in transkribirtem Assyrischem Grundtext mit Übersetzung und Kommentar. Leipzig: 1880. 1 vol.

Lyon. Dr. D. G. Keilschrifttexte Sargon's, königs von Assyrien. Leipzig.

Maspero, G. Histoire Ancienne des Peuples de l'Orient. 3-e édit. Paris: 1878. 1 vol.

Meyer. Edward. Geschichte des Alterthums. Stuttgart. 1881. Erster Band.

Münter, D. Friedrich. Religion der Karthager. 2-te Auflage. Kopenhagen: 1821. 1 vol.

Murdter. F. Kurzgefasste Geschichte Babyloniens und Assyriens, mit besonderer Berucksichtigung des alten Testaments. Mit Vorwort und Beigaben von Friedrich Delitzsch. Stuttgart: 1882. 1 vol.

Perrot et Chipiez. Histoire de l'Art dans l'Antiquité. Tome II. «Les Assyriens»; Tome III. «Phénicie et Chypre».

Pognon, H. L'inscription de Bavian, texte, traduction et Commentaire. Paris: 1879 et 1880.

Rawlinson, George. The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World. London: 1865. 1-st and 2-d vol.

— History of Herodotus, a new Englisch version, with copious notes and appendices, etc. London: 1875. 4 vol.

Records of the Past. Vol. I. III. V, VII, IX, XI.

Renan, Ernest. Mission de Phénicie. Paris: 1865.

Sayce. A. H. Fresh Light from Ancient Monuments. («By-Paths of Bible Knowledge». Series II.) 3-d ed. 1885. London: 1 vol.

— The Ancient Empires of the East. London: 1884. 1 vol.

Schrader, Eberhard. Die Keilinschriften und das alte Testament. 2-d edit. Giessen: 1883. 1 vol.

— Keilinschriften und Geschichtsforschung. Giessen: 1878. 1 vol.

— Zur Kritik der Inschriften Tiglath-Pileser's II, des Asarhaddon und des Asurbanipal. Berlin: 1880.

Smith, George. «History of Sennacherib, translated from the Cuneiform Inscriptions. Edited by the Rev. A. H. Sayce. London: 1878. 1 vol.

— History of Assurbanipal. Translated from Cuneiform inscriptions. London: 1871. 1 vol.

— Assyria from the Earliest Time to the Fall of Nineveh. («Ancient History from the Monuments». Series.) London. 1 vol.

— Assyrian Discoveries. an account of explorations, 1873—1874. London: 1875. 1 vol.

— The Assyrian Eponym Canon. London: 1876. 1 vol.

Stade. Dr. Bernhard. Geschichte des Volkes Israel. («Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen».) Berlin: 1881—1886.

Tiele. C. P. Babylonisch-Assyrische Geschichte. Erster Theil: von den altesten Zeiten bis zum Tode Sargons II. Gotha: 1886.

Vigouroux. Abbe F. La Bible et les Decouvertes Modernes, en Palestine, en Egypte et en Assyrie. 4-e édit. Paris: 1884. 4 vols.

Weber. A. Indische Streifen.

Winckler, Hugo. Geschichte Babyloniens und Assyriens. Leipzig. 1892.

— Untersuchungen zur Altorientalischen Geschichte.

Wright, William. The Empire of the Hittites. American edition. New-York: 1884. 1 vol.

Множество отдѣльныхъ статей въ англійскомъ переводѣ Геродота, Джорджа и сэръ Генри Раулинсонъ, и вообще знаменитыхъ ассиріологовъ, въ библейскомъ словарѣ «Calwer's Bibellexikon», и въ разныхъ спеціальныхъ повре-

менныхъ изданіяхъ, какъ-то: «Proceedings and Transactions of the Society of Biblical Archæology», «Zeitschrift fur Keilschriftforschung», «Gazette Archéologique», «Journal and Proceedings of the American Oriental Society», «Sunday School Times», и пр., брошюръ въ сборникѣ «Der alte Orient.»—и очень многихъ другихъ. Почти полный списокъ такихъ статей, а также богатую библіографію, можно найти въ концѣ книги профессора Ястрова (Jastrow) «Religion of Babylonia and Assyria».

I.

Юность Ашура.*)

Начало Ассиріи.

1.—На тщательно исполненныхъ картахъ Месопотаміи, на сѣверъ отъ города Аккадъ или Агадэ, проведена блѣдная черта поперекъ долины Междурѣчія, отъ Иса или Хита на Евфратѣ,—мѣста, донынѣ славящагося своими обильными источниками земляной смолы, — до Самары на Тигрѣ. Черта эта обозначаетъ начало аллювія или наносной земли, т.-е. жирнаго чернозема, нанесеннаго обѣими рѣками, и, въ то же время, естественную границу сѣверной Вавилоніи. За нею равнина, поднимаясь понемногу навстрѣчу поперечному известняковому хребту, извѣстному подъ названіемъ Синджарскихъ горъ, принимаетъ другой характеръ. Сухая и обнаженная, она едва отличается отъ смежной съ нею Сирійской пустыни, и ничто, кромѣ самаго тщательнаго орошенія, никогда не могло бы сдѣлать эту почву плодородною. Исключеніе представляетъ одна уз-

*) Французскіе и нѣмецкіе ученые обыкновенно пишутъ «Ассуръ», «Сумпръ», «Самасъ»; англичане же придерживаются болѣе вѣрнаго семитскаго произношенія на ш: «Ашуръ», «Шамашъ» и пр.

кая полоса вдоль обѣихъ рѣкъ. Весьма вѣроятно, что, до прихода семитовъ, весь этотъ край лежалъ, въ сущности, незаселенный и служилъ мѣстомъ скитанія безымяннымъ и никуда не причисленнымъ племенамъ. Но когда сюда пришли первые семиты, вѣроятно спасаясь отъ притѣсненій эламитовъ, свирѣпствовавшихъ въ Шумирѣ и Аккадѣ, край преобразился. Переселенцы, принявшись за него всѣми средствами, которымъ научила ихъ южная цивилизація, превратили его въ цвѣтущую область. Тутъ они построили свой первый большой городъ—Ашуръ. Вскорѣ, однако, по мѣрѣ того какъ прибывали новые отряды съ юга, они потянулись далѣе на сѣверъ, гдѣ заняли и заселили небольшую, но плодородную землю между Тигромъ, его притоками и первыми отрогами Загрошской цѣпи. Имя своей первой столицы они распространили на всю занятую ими землю, и сами имъ назвались; и немного прошло вѣковъ, какъ уже всѣ ихъ сосѣди, и близкіе и дальніе, научились страшиться этого имени. Этотъ укромный уголокъ, заключенный въ тѣсные предѣлы, но поставленный въ исключительно выгодныя условія для обороны и внутренняго развитія, можно по всей справедливости назвать колыбелью великаго ассирійскаго царства. Тамъ юный народъ основалъ твердыню, въ которой, въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ набиралъ силы и укрѣплялъ въ себѣ независимый духъ, постепенно вырабатывая отличавшій его впослѣдствіи необыкновенно задорный и энергичный характеръ, и проходя военную школу въ мелкихъ, но не-

устанныхъ воинахъ съ окружающими его дикими горцами и кочевниками.

Размѣры Ассиріи.

2.—Итакъ, именно это небольшое пространство, въ которомъ въ разное время возникли большіе города: Калахъ, Ниневія, Арбела и, впослѣдствіи, еще четвертый — Дуръ-Шаррукинъ, было извѣстно въ древности подъ названіемъ Атурія или Ассиріи, и къ нему относится извѣстное мѣсто въ гл. X Книги Бытія: «Изъ сей земли (Сеннааръ, т.-е. Вавилоніи) вышелъ Ассуръ и построилъ Ниневію», и пр. (11—12). Но, въ пору величайшаго расширенія царства, имя «Ассирія» простиралось на гораздо болѣе обширную территорію, болѣе чѣмъ наполняющую пространство между обѣими рѣками, отъ Армянскихъ горъ вплоть до черты аллювія. Это даетъ длину въ 350 миль, при ширинѣ, между Евфратомъ и Загрошемъ, отъ 170 до 300 слишкомъ миль. «Вся эта площадь,—пишетъ Джорджъ Раулинсонъ: — вѣроятно равнялась не менѣе, какъ 75.000 квадратнымъ милямъ, т.-е. покрывала пространство больше того, которое занимаютъ нѣмецкія области Австріи или Пруссіи, вдвое слишкомъ больше Португаліи и немногимъ меньше Великобританіи. Стало-быть, Ассиріи, уже по ея размѣрамъ, можно было предсказать видную роль въ исторіи; тѣмъ болѣе, что, въ пору ея величія, едва ли одна изъ странъ, приходившихъ съ нею въ столкновеніе, могла даже приблизительно поравняться съ нею объемомъ территоріи» *).

*) Дж. Раулинсонъ, «Пять Царствъ Древняго Востока».

Ашуръ—народъ семитской расы.—Ашуръ—верховный богъ.

3.—Ито народъ, именуемый Ашуромъ и занимающій въ библейскомъ спискѣ второе мѣсто въ числѣ родныхъ дѣтей Сима (гл. X, 22), былъ чисто семитской расы, въ этомъ никто никогда не сомнѣвался. Почти достаточно было бы поразительнаго сходства, существующаго между типами ассирійскимъ и іудейскимъ, для того, чтобы доказать это родство, даже помимо сходства между обоими языками. Но родство проникаетъ и еще глубже, проявляясь въ нѣкоторыхъ духовныхъ свойствахъ и наклонностяхъ, нашедшихъ себѣ выраженіе въ народной религіи, или, вѣрнѣе, въ одной существенной особенности,—а именно, понятіи о единствѣ божества,—которую ассиріцы внесли въ религію вавилонскую, впрочемъ воспринятую ими цѣликомъ отъ своей южной родины. Но, между тѣмъ какъ іудейскіе законоучители твердо стали на почву безусловнаго единобожія (монотеизма) и сдѣлали этотъ догматъ обязательнымъ для своихъ послѣдователей, съ энергіей и рвеніемъ, которыхъ не могли сломить никакое отступничество, никакое противленіе, ассирійскіе мудрецы пытались примирить истину, не вполнѣ ими сознанную. съ древними преданіями издавна установленнаго культа. Они сохранили весь вавилонскій пантеонъ, съ его двумя великими троицами, пятью звѣздными божествами и полчищемъ подвластныхъ божествъ, но надо всѣми поставили единаго верховнаго бога и владыку,—Ашура, и назвали его именемъ и свой народъ, и свою землю, и свою первую столицу. Отождествляя себя такимъ обра-

зомъ со своимъ національнымъ богомъ, называя себя его народомъ, ассирійцы вѣрили, что они находятся подъ его особымъ покровительствомъ и предводительствомъ, въ мирѣ и войнѣ. Его имя почти всегда помѣщалось во главѣ списковъ «великихъ боговъ», которые призывались иногда одни, иногда же вкупѣ со своими «великими» или «возвышенными» супругами. Приводимъ для примѣра одно такое воззваніе, которымъ открывается очень знаменитая надпись могущественнаго царя Тиглат-Фелассара I, перваго великаго ассирійскаго завоевателя, повѣствующая о нѣкоторыхъ его походахъ: «*Ашуръ, великій владыка, управляющій ратью боговъ*, дарующій вѣнецъ и скипетръ, укрѣпляющій державу;—Бэлъ, владыка, повелитель всѣхъ Анунна-кі *), отецъ боговъ, владыка надъ странами земли;—Синъ, мудрый, вѣнценосный, превознесенный въ свѣтломъ сіяніи; — Шамашъ, судья надъ небомъ и землею, зрящій злыя дѣянія враговъ; ....Раммапъ, могучій, потопляющій земли враговъ, ихъ нивы и дома;—Нинибъ, сильный, сокрушающій лиходѣевъ и недруговъ и дающій людямъ то, чего желаетъ сердце ихъ;—Иштаръ, перворожденная боговъ, свирѣпствующая въ битвахъ; — всѣ вы, великіе боги, правители неба и земли... которые превознесли державу Тиглат-Фелассара, великаго любимца сердецъ вашихъ»... и пр., и пр.

Параллельныя мѣста изъ Библіи и ассирійскихъ надписей.

4.—Нерѣдко, однако, имя Ашура поминается одно. Когда царь разсказываетъ о походѣ, пред-

*) Анунна-кі — духи земные. См. «Исторію Халдеи», стр. 176.

пріятіи, или какомъ-либо дѣйствіи своемъ, которому онъ придастъ особенное значеніе, то онъ такое дѣйствіе обыкновенно такъ или иначе относитъ къ Ашуру, какъ къ верховному божеству и представителю своей національности,—къ его служенію, его закону, прямому внушенію или велѣнію. И тутъ опять, какъ справедливо замѣчаетъ Дж. Раулинсонъ, сказывается духовное родство ассиріицевъ съ іудеями, которые точно такъ же относятъ всѣ свои дѣйствія, отъ набѣга на сосѣднее племя до поголовнаго избіенія военноплѣнныхъ, къ служенію и велѣнію Іеговы. Ассирійскіе цари всѣ свои побѣды и завоеванія неизмѣнно приписываютъ Ашуру, символическое изображеніе котораго всегда несутъ впереди ихъ въ сраженіяхъ на штандартѣ. Существуетъ для этого даже два или три стереотипныхъ выраженія, какъ-то: «Величіе Ашура, Господа моего, сокрушило ихъ; они пришли, облобызали ноги мои»; или: «Страхъ Ашура обуялъ обывателей; они припали къ ногамъ моимъ»; или же: «Чрезмѣрный страхъ передъ Ашуромъ, Господомъ моимъ, одолѣлъ ихъ; они пришли, къ ногамъ моимъ припали». Эти примѣры взяты наудачу изъ надписей разныхъ царей и разныхъ вѣковъ, и ихъ можно бы привести безконечное множество. Такія выраженія съ совершенной точностью соотвѣтствуютъ библейской фразѣ: «Господь (Іегова) предалъ враговъ въ руки ихъ»; или: «И пронеслось имя Давидово по всѣмъ землямъ, и Господь (Іегова) сдѣлалъ его страшнымъ для всѣхъ народовъ». Предпринимается походъ съ цѣлью по-

корить сосѣднюю землю или наказать бунтующихъ подданныхъ—непремѣнно по именному велѣнію Ашура, или «Ашура и великихъ боговъ», для распространенія ихъ законовъ, или для наказанія тѣхъ, кто «не держитъ клятвъ, данныхъ великимъ богамъ», или, «ожесточивъ сердца свои, пренебрегаетъ волей бога Ашура, создателя моего». Такъ Тиглат-Фелассаръ I, въ упомянутой уже надписи, говоритъ: «Ашуръ и великіе боги, возвеличившіе мою державу, одаривъ меня силою и могуществомъ, *повелѣли мнѣ расширить предѣлы ихъ земли и отдали въ мои руки свое всесильное оружіе* — вихрь битвы. Земли, горы, города, *враждебные Ашуру*, я покорилъ»... Другой царь, жившій пятьсотъ лѣтъ позднѣе, изображаетъ Ашура и великихъ боговъ обращающимися прямо къ нему съ посланіемъ: «Тогда къ Ашуру, Сину, Шамашу, Бэлу, Набу, Нергалу, богинѣ Иштарѣ Ниневійской и Иштарѣ Арбельской я воздѣлъ руки свои. Они услышали мою молитву. Въ благосклонной милости своей, они удостоили меня ободрительнаго посланія: «Иди! не робѣй: мы шествуемъ съ тобою! Мы поддержимъ тебя!» — Все это живо напоминаетъ такія библейскія мѣста, какъ, напримѣръ, слѣдующее: «И Господь (Іегова) рекъ Іисусу (Навину): Простри копье, которое въ рукѣ твоей, къ Гаю, ибо Я предамъ его въ руки твои». (Кн. Іисуса Навина, VIII, 18); или, еще болѣе, слѣдующее, — подобныхъ которому, впрочемъ, найдется немало: «И вопросилъ Давидъ Бога, говоря: Идти ли мнѣ противъ филистимлянъ, и предашь ли ихъ

въ руки мои? И сказалъ ему Господь (Іегова): Иди; и Я предамъ ихъ въ руки твои... И сдѣлалъ Давидъ, какъ повелѣлъ ему Богъ, и поразили станъ филистимлянъ». (I Кн. Паралипоменонъ, XIV, 10 и сл.).

Еще примѣры.

5.—А затѣмъ, ассирійскіе цари, казня плѣнниковъ своихъ съ необыкновенной жестокостью, будь то отдѣльныя лица или цѣлые народы, всегда оправдываютъ свой поступокъ на основаніи религіознаго рвенія; мало того, — гордятся точнымъ исполненіемъ мнимыхъ повелѣній Ашура и другихъ боговъ. «Они возстали противъ меня»,—пишетъ царь Ашурбанипалъ о народахъ Аккада, Арама и другихъ земель: — «и я, *слѣдуя велѣнію Ашура*, Бэлиты и великихъ боговъ, моихъ покровителей, всѣхъ ихъ попралъ ногами». Немедленно вслѣдъ за симъ онъ повѣствуетъ, что онъ, въ предыдущемъ походѣ, отрубилъ голову своему плѣнному врагу, царю эламскому, «по велѣнію Ашура». Что̀ касается аккадскихъ мятежниковъ, онъ похваляется, что: «у людей, изрекавшихъ проклятія противъ Ашура, бога моего, и замышлявшихъ злыя козни противъ меня, царя, его поклонника, я вырвалъ языки» (весьма обыкновенная казнь, часто изображаемая на изваяніяхъ); изъ остальныхъ онъ очень многихъ бросилъ живыхъ въ глубокую яму, предварительно отрубивъ у нихъ ноги и руки, которыя были брошены «на съѣденіе псамъ, медвѣдямъ, орламъ, коршунамъ и птицамъ небеснымъ да рыбамъ воднымъ». «Совершеніемъ сего», — заключаетъ онъ съ благочестивымъ умиленіемъ: — «я

усладилъ сердца великихъ боговъ, владыкъ моихъ». И еще далѣе, разсказывая, какъ онъ другого плѣннаго князя связалъ цѣпями съ собаками, и такъ продержалъ «въ большихъ воротахъ Ниневіи», онъ объясняетъ, что то была «кара во удовлетвореніе закона Ашура и великихъ боговъ, владыкъ его». Совершенно то же видимъ мы въ лѣтописяхъ іудейскихъ войнъ и завоеваній. Іудеямъ безпрестанно приказываютъ ихъ вожди, *отъ имени Господа*, умерщвлять цѣлыя побѣжденныя населенія, для предохраненія народа отъ заразы идолопоклонства. «Тогда вы встаньте изъ засады»,—говоритъ Іисусъ Навинъ израильтянамъ:—«и завладѣйте городомъ, и Господь Богъ вашъ предастъ его въ руки ваши. Когда возьмете городъ, зажгите городъ огнемъ,—*по слову Господню сдѣлайте!..*» (Кн. Іисуса Навина, VIII, 7—8). Самый достопамятный такого рода случай, это когда пророкъ Самуилъ объявляетъ царю Саулу Божій гнѣвъ за то, что онъ пощадилъ плѣннаго царя и нѣсколько головъ скота. Вотъ какими наставленіями пророкъ напутствуетъ царя, когда отпускаетъ его въ походъ противъ амалекитянъ, предпосылая словамъ своимъ обычное торжественное вступленіе: «Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ («владыка силъ» или «воинства»): «Теперь иди и порази Амалика, и истреби все, что у него; не бери себѣ ничего у нихъ, но уничтожь и предай заклятію все, что у него; и не давай пощады ему, но *предай смерти отъ мужа до жены, отъ отрока до грудного младенца*, отъ вола до овцы, отъ верблюда до осла». Саулъ побилъ ама-

лекитянъ, и «истребилъ народъ мечемъ», но пощадилъ Агага, царя ихъ, взятаго въ плѣнъ, да лучшій откормленный скотъ. За это ослушаніе Самуилъ всенародно жестоко корилъ Саула и наконецъ, объявилъ ему приговоръ: «Ты отвергъ слово Господа, и Господь отвергъ тебя, чтобы ты не былъ царемъ надъ Израилемъ»; затѣмъ, приказавъ привести къ себѣ Агага, Самуилъ «*разрубилъ его передъ Господомъ*». (1-я кн. Царствъ, XV).

Различное отношеніе къ божеству царей іудейскихъ и ассирійскихъ

6.—Но если іудеи и ассиріицы равно относили свои военные подвиги къ прямому велѣнію и руководству свыше, зато созданная такимъ образомъ громадная власть распредѣлялась у тѣхъ и у другихъ весьма различно. У іудеевъ власть эта вся пребывала въ рукахъ священства и пророковъ, царямъ же досталась весьма малая доля ея. Цари являются послушными орудіями священниковъ и пророковъ, которые избираютъ ихъ, помазываютъ на царство, а при случаѣ и низлагаютъ, если они окажутся недостаточно покорными. Даже жертву приносить передъ народомъ царь не имѣлъ права. Совсѣмъ не то было въ Ассиріи. Тамъ царь былъ также и первосвященникомъ. Это повелось еще со временъ стародавнихъ *патэси*, въ лицѣ которыхъ совмѣщались оба сана *). Царь иногда прямо называетъ себя «верховнымъ жрецомъ Ашура». Но *только* Ашура, единаго верховнаго бога. Земная держава есть представительница державы небесной. Народный богъ и народный вождь вмѣ-

*) См. «Исторію Халден», стр. 228 и др.

стѣ составляютъ величіе и охрану государства; они состоятъ въ прямомъ между собой общеніи, и ничто не можетъ стать между нихъ. Памятники представляютъ обильныя доказательства и примѣры этихъ взаимныхъ отношеній.

Изображенія бога Ашура на памятникахъ.

7.—На изваяніяхъ, изображающихъ сцены изъ жизни монарха,—котораго всегда легко узнать по богатству наряда, высокому головному убору (тіарѣ) и безбородымъ служителямъ,—богъ Ашуръ часто является какъ бы парящимъ надъ его головою или носящимся передъ нимъ, обыкновенно въ образѣ человѣческаго бюста, оканчивающагося, отъ пояса, пернатой принадлежностью въ родѣ птичьяго хвоста, кажется именно голуби-

Богъ Ашуръ въ бою.

наго,—и заключеннаго, какъ въ рамкѣ, въ колесѣ или кругѣ, снабженномъ крыльями. Эта эмблема верховнаго бога появляется иногда и надъ священнымъ деревомъ или надъ жертвенникомъ,—больше нигдѣ. Поза бога всегда соотвѣтствуетъ характеру обстановки, среди которой онъ является, охраняя и освящая личность царя. Если идетъ

битва,—Ашуръ натягиваетъ лукъ передъ царемъ, и стрѣла, пускаемая имъ въ середину непріятеля,

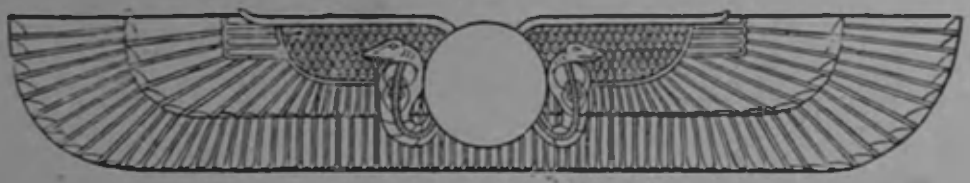
Богъ Ашуръ въ мирное время.

явственно означаетъ гибель, которую онъ, согласно тексту надписей, насылаетъ на всѣхъ своихъ враговъ. Если происходитъ торжество мирное,—напр. тріумфальное шествіе, пріемъ по-

Крылатый дискъ,—эмблема верховнаго бога Ашура у ассиріицевъ.

словъ, религіозный обрядъ,—тогда лукъ опущенъ, и одна рука поднята, какъ бы въ знакъ при-

вѣта, какъ въ подобныхъ случаяхъ часто изображенъ и самъ царь; или вовсе нѣтъ лука, и одна рука протягиваетъ вѣнокъ, вѣроятно въ знакъ мира и благоденствія, такъ какъ вѣнки въ древности носились на пирахъ и вообще на мирныхъ празднествахъ. Иногда человѣческой фигуры вовсе нѣтъ, и упрощенная эмблема состоитъ изъ одного крылатаго колеса или круга, непремѣнно съ птичьимъ, а именно голубинымъ, хвостомъ. Въ этой формѣ она поразительно по-



Крылатый дискъ, — эмблема верховнаго божества у египтянъ.

хожа на египетскую эмблему верховнаго божества, — тоже крылатый кругъ, но безъ хвоста; крылья же ястребиныя, потому что ястребъ у египтянъ считался священной птицей, такъ же, какъ голубь у ассиріецевъ и у нѣкоторыхъ другихъ семитскихъ и хананскихъ народовъ. Египтяне же и ассиріцы состояли въ сношеніяхъ между собою гораздо ранѣе того времени, къ которому можно отнести даже самыя древнія ассирійскія изваянія, и потому весьма возможно, что ассирійскіе жрецы, желая выразить наглядно понятіе, не унаслѣдованное ими отъ древнихъ вавилонянъ, заимствовали подходящую эмблему у египтянъ. Внутри круга иногда помѣщаются, вмѣсто человѣческой фигуры, пять шариковъ:

очевидно имѣются въ виду пять главныхъ свѣтилъ. На одномъ цилиндрѣ,—печати царя Сеннахериба,—на каждомъ крылѣ сидитъ по маленькой бородатой головкѣ. Смыслъ ясенъ: тутъ вся верховная троица въ соединеніи съ женскимъ началомъ (такъ какъ голубь — любимая птица богини Иштаръ),— т. е. символъ, обнимающій всю природу въ ея двоякомъ видѣ, мужескомъ и женскомъ. Не менѣе замѣчательный примѣръ осложненія той же эмблемы представляетъ необыкновенно красивый цилиндръ позднѣйшей эпохи, вѣроятно IX вѣка до Р. Х.; на немъ царь (изображенный, должно-быть ради симметріи, въ двухъ лицахъ) съ охраняющею его сзади знакомою орлоглавою фигурою, молится передъ священнымъ деревомъ, надъ которымъ носится эмблема Ашура съ замѣчательнымъ дополненіемъ; а именно: отъ круга съ каждой сторо-

Печатный цилиндръ царя Сеннахериба.

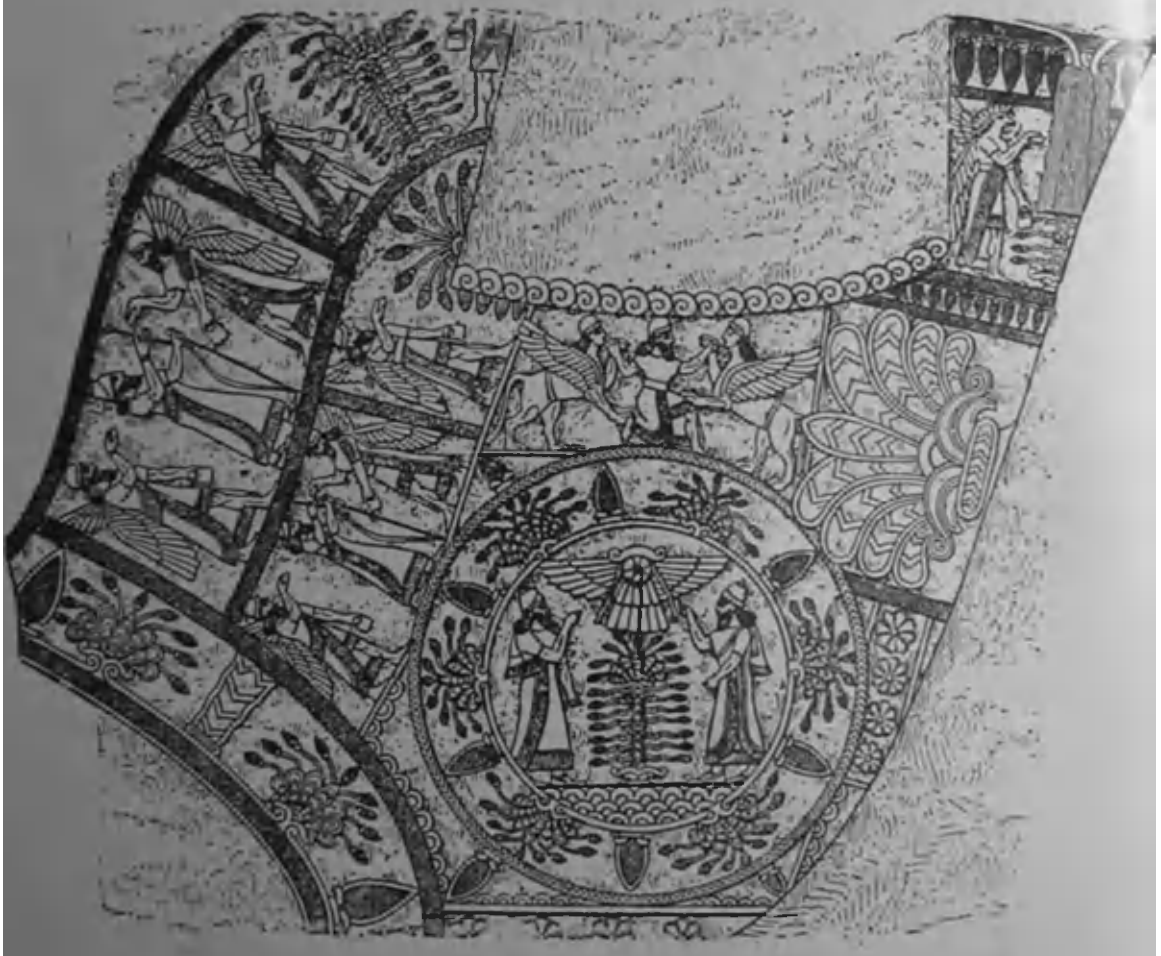
Богъ Ашура на ассирійскомъ печатномъ цилиндрѣ.

ны спускается волнистой линіей какъ бы лента или шнуръ, кончающійся вилой, извѣстной эмблемой Раммана, бога атмосферы, конечно изображающей молнію; что царь безнаказанно держитъ ее въ своей рукѣ—явно выражаетъ неприкосновенность и священность его особы и близкія его сношенія съ національнымъ верховнымъ боже-

Эмблема бога Ашура надъ священнымъ деревомъ.

ствомъ. Это объясненіе отнюдь не противорѣчитъ и другому толкованію, гласящему, что эти шнуры изображаютъ молитвенную связь между царемъ и богомъ. Оба толкованія вполнѣ совмѣстимы; вила же ничѣмъ не объясняется, какъ только представленіемъ о богѣ Раммапѣ. Святость этого символа выражается во всемъ,—даже въ одеждѣ царей, имѣющей характеръ столько же жрецскій, сколько царскій, такъ какъ не только вышивка на груди изображаетъ крылатый кругъ и священное дерево, но и другія части костюма изукрашены узорами символически рели-

гіознаго содержанія,—тѣми самыми, которые повторяются въ декоративныхъ мотивахъ царскихъ дворцовъ *). Все это почти наводитъ на мысль, что царь почитался на ряду съ богами, какъ лицо,



Вышивка на царской одеждѣ.

подчиненное лишь одному, Ашуру или, по меньшей мѣрѣ, удостаивался чести сообщества съ ними; этимъ объяснялся бы, между прочимъ,

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 82–83.

одинъ цилиндръ, на которомъ насупротивъ молящагося царя, по другую сторону священнаго дерева, является не кто иной, какъ самъ Эа-Оаннъ, это древнѣйшее и любимѣйшее божество. На изваяніяхъ и цилиндрахъ часто встрѣчаются жрецы, совершающіе жертвоприношеніе или другой какой религіозный обрядъ, но никогда не въ присутствіи царя, или же лишь на второмъ планѣ, въ сослуженіи съ нимъ: ибо никому и ничему не полагалось становиться между царемъ и «Ашу-

Украшеніе дышла царской колесницы.

ромъ, его владыкою». Однако и другіе «великіе боги» охраняютъ и освящаютъ царскую особу: на шеѣ у нѣкоторыхъ царей ожерелье, состоящее изъ знаковъ пяти высшихъ божественныхъ лицъ, а именно: рога луны, шара солнца, звѣзды, вилы (молніи) и шапки, увѣнчанной бычачьими рогами (Синъ, Шамашъ, Иштаръ, Раммань и Бэлъ). Послѣдняя,—т. е. шапка съ бычачьими рогами,—присвоена, впрочемъ, не одному Бэлу, а означаетъ божественность и могущество вообще, почему этотъ же уборъ мы видимъ и на самомъ Ашурѣ, и на крылатыхъ львахъ и быкахъ, сильныхъ хранителяхъ дворцовыхъ воротъ, и на крылатыхъ добрыхъ

духахъ *). Тотъ же уборъ мы видимъ и на царяхъ. Одна такая царская плита или *стела*,—(техническое названіе подобныхъ стоячихъ плитъ),—особенно интересна потому, что передъ нею, немного пониже, былъ найденъ жертвенникъ, изъ чего можно заключить, что изображенному на плитѣ царю, либо при жизни, либо послѣ смерти, воздавались божескія почести.

Ассирійскій пантеонъ тотъ же, что и вавилонскій.

8.—Послѣ столь подробнаго изслѣдованія главнѣйшей отличительной черты ассирійской религіи,—понятія объ Ашурѣ и его культѣ,—остальной пантеонъ потребуетъ весьма немногихъ словъ, такъ какъ это—тотъ же вавилонскій пантеонъ, съ нѣкоторыми измѣненіями. Во-первыхъ, Гибиль,—Огонь,—исчезаетъ совершенно, и остается лишь Нуску, его двойникъ, но уже безъ характерныхъ аттрибутовъ собственно огня. Затѣмъ Бэлъ-Мардукъ, верховный богъ-хранитель царства вавилонскаго и его столицы, имѣвшій въ послѣдней храмъ *(Э-Сагила)*, который считался греками однимъ изъ семи чудесъ свѣта, — Бэлъ-Мардукъ въ Ассиріи долженъ былъ довольствоваться званіемъ правителя планеты Юпитера. Ассирійскіе цари очень раннихъ временъ еще включали его въ свои вступительныя воззванія, и даже иногда отдѣльно упоминали о немъ въ своихъ надписяхъ, но только по старой памяти, да вслѣдствіе крѣпкой еще политической связи съ метрополіей—Вавилономъ; но онъ вскорѣ совсѣмъ стушевывается передъ національнымъ ассп-

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 78 и сл.

рійскимъ верховнымъ богомъ, Ашуромъ. Мардукъ не имѣетъ въ Ассиріи ни одного храма, и хотя позднѣйшіе цари снова съ почетомъ упоминаютъ его имя, но это очевидно дѣлается съ умысломъ, единственно во уваженіе возобновившихся тѣсныхъ сношеній съ Вавилономъ и отчасти, чтобы снискать расположеніе вавилонянъ. Съ отцомъ его, Эа, поступлено еще невѣжливѣе. Хотя онъ въ теоріи сохраняетъ свое мѣсто въ верховной троицѣ,—Ану-Эа-Бэлъ,—но на практикѣ онъ преданъ забвенію, и его имя лишь изрѣдка упоминается, почтительно, но холодно. И онъ тоже не имѣетъ въ Ассиріи ни одного храма, тогда какъ Ану, хотя въ сущности раздѣляетъ ту же участь, однако все же можетъ похвалиться хотя однимъ храмомъ. Правда, храмъ этотъ помѣщался не въ позднѣйшихъ столицахъ, Калахѣ или Ниневіи, а въ древнемъ, первопрестольномъ городѣ Ашурѣ, что̀ указываетъ на такую старину, когда связь съ метрополіей и ея традиціями еще не была порвана. Но нѣкоторые писатели полагаютъ, что Ану иногда отводилась своя святыня въ храмахъ другихъ боговъ. Иштаръ, напротивъ того, была такою же любимицей въ Ассиріи, какъ и въ южномъ царствѣ. Ея два главныхъ храма помѣщались въ Ниневіи и Арбелѣ (Арба-Илу, «городъ четырехъ боговъ»). Въ послѣднемъ городѣ она является преимущественно въ своемъ воинственномъ видѣ, какъ богиня битвъ, вдохновляющая на геройскіе подвиги, подательница побѣды, тогда какъ въ Ниневіи она является преимущественно богиней плодовитой

природы, любви, сладострастной нѣги и всѣхъ радостей земныхъ. Эта разница опредѣлилась такъ рѣзко, что богиня, такъ сказать, раздвоилась, и въ воззваніяхъ призывается обыкновенно дважды, точно два отдѣльныя лица,—«Иштаръ Ниневійская» и «Иштаръ Арбельская»,—и обѣ половины мѣсяца (по двѣ недѣли каждая), посвящаются поочередно той и другой. Одежда и аттрибуты богини въ томъ и другомъ видѣ ея тоже стали совершенно различными, и такъ какъ она, въ астрономической системѣ, была правительницей планеты Иштаръ (Венеры), то третій изъ помянутыхъ выше божественныхъ аттрибутовъ, — звѣзда,—былъ присвоенъ ей. Это замѣчательно совпадаетъ съ тѣмъ, что имя ея, въ сущности, нарицательное, означающее «богиню» вообще,—*par excellence*,—а въ ассиро-вавилонскомъ письмѣ знакъ звѣзды изображаетъ и понятіе и слово «*божество*». Когда же рѣчь идетъ о настоящихъ, видимыхъ звѣздахъ, знакъ этотъ повторяется трижды, составляя весьма характерную группу. Въ связи съ этой богиней слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ интересномъ обстоятельствѣ, а именно: планета Венера является въ сутки дважды,—рано вечеромъ, тотчасъ послѣ захожденія солнца, и рано утромъ, передъ самымъ разсвѣтомъ. И вотъ, нашлась одна маленькая плиточка съ замѣткой, гласящей, что вечернюю планету звали Иштаръ, а утреннюю—Бэлитой. На первый взглядъ это какъ будто спутываетъ понятія, на самомъ дѣлѣ же—нисколько: Иштаръ—«богиня»; Бэлитъ—«владычица»: въ сущности одно и то же. — Прочіе

боги мало измѣнились отъ переселенія съ Персидскаго залива къ подножію Загроша и Армянскихъ горъ.

Отношенія къ Вавилону.—Патэси города Ашура.

9.—Была ли Ассирія, въ періодъ своего малолѣтства, прямо подвластна метрополіи, управляясь намѣстниками, присылаемыми изъ Вавилона, или съ самаго начала была независимой колоніей (подобно молодому пчелиному рою, отдѣлившемуся отъ родного улья), — еще достовѣрно не разузнано. Вѣроятнѣе всего — ни то, ни другое, или, пожалуй, отчасти и то, и другое. Правители, проживавшіе въ городѣ Ашурѣ, титуловали себя не царями, а *патэси*; титулъ же этотъ, какъ извѣстно, означалъ нѣкоторую легальную зависимость, хотя подчасъ лишь номинальную, отъ высшей, царской, власти. Такъ, вѣроятно, было и здѣсь. Семитская колонія, построившая городъ Ашуръ, управлялась княземъ,—жрецомъ, — *патэси*,—состоявшимъ подъ номинальнымъ верховенствомъ царя вавилонскаго, но съ весьма раннихъ поръ привыкшимъ дѣйствовать самостоятельно. Связь вѣроятно была больше нравственная: общіе языкъ, культура, религія,—и конечно не могла препятствовать политическому соперничеству. Въ 1800 г. до Р. Х. въ Ашурѣ еще правили *патэси*. Это видно изъ надписи царя Тиглат-Фелассара I, жившаго около 1100 г. Царь этотъ пишетъ, что онъ перестроилъ въ городѣ Ашурѣ придѣлы, посвященные богамъ Ану и Рамману въ большомъ храмѣ бога Ашура, который *патэси* Шамши-Раммань, сынъ *патэси* Ишми-Дагана, построилъ (вѣрнѣе—пере-

строплъ), 700 лѣтъ до него. Это—самая первая достовѣрная вѣсть, которую мы имѣемъ о первоначальной Ассиріи, хотя сохранились имена еще четырехъ *патэси*, жившихъ до Ишми-Дагана.

Постепенное отпаденіе Ассиріи отъ Вавилона.

10.—Когда и какъ именно *патэси* города Ашура распространили свое владычество на болѣе сѣверныя земли и, покоривъ давно проживавшее тамъ осѣдлое населеніе, основали настоящее государство и присвоили себѣ окончательно уже царскій титулъ,—для рѣшенія этого вопроса не существуетъ никакихъ источниковъ приблизительно до середины XVI вѣка до Р. Х. Отъ этого времени имѣется письменный документъ: посланіе отъ царя вавилонскаго къ двумъ «царямъ ассирійскимъ», въ которомъ онъ коритъ ихъ за «безумное начинаніе»,—попытку въ чемъ-то противиться его власти. Въ чемъ именно,—не видно, какъ и того, почему въ Ассиріи въ это время *два* царя. Выговоръ, повидимому, не подѣйствовалъ, и Ассирія не только отстояла свою независимость, но и заставила южную державу признать ее, потому что слѣдующій, немногимъ позднѣйшій, политическій документъ, о которомъ упоминается — договоръ между царемъ ассирійскимъ, Ашур-бэл-ниши-шу, и царемъ вавилонскимъ Кара-индашемъ (касситской династіи) *), которымъ оба царя заключаютъ между собою союзъ и взаимно опредѣляютъ и гарантируютъ другъ другу границы обоихъ государствъ. Договоръ этотъ, заключенный около 1470 г., былъ

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 266—268.

возобновленъ и скрѣпленъ преемниками заключавшихъ его государей, и дружескія сношенія между ними увѣнчались, наконецъ, и семейнымъ союзомъ: правнукъ Кара-индаша, Бурнабуріашъ, женился на дочери царя ассирійскаго Ашур-убаллита. Но это событіе было косвенной причиной перваго вооруженнаго вмѣшательства Ассиріи въ дѣла юга. По смерти Бурнабуріаша, касситы возстали противъ его сына и наслѣдника, Карахардаша (не за то ли именно, что онъ былъ наполовину иностранецъ?) и, убивъ его, посадили на престолъ своего избранника, нѣкоего Назибугаша, «человѣка низкаго рода», какъ называетъ его уцѣлѣвшая плитка. Это доставило Ашур-убаллиту желанный поводъ спѣшить въ Вавилонъ, гдѣ онъ, долго не медля, «возстановилъ порядокъ» и посадилъ на престолъ другого своего внука, Кургальзу I. Послѣ этой родственной расправы, Ассирія уже стала предъявлять права не только на равенство съ Вавилономъ, но на верховенство надъ своей древней метрополіей, а правнукъ Ашур-убаллита, Рамман-нирари I, уже велъ съ успѣхомъ войну съ потомкомъ Кургальзу I.

Первое появленіе египтянъ въ западной Азіи.

11.—Лѣтъ за двѣсти до этихъ событій имя Ашура встрѣчается намъ тамъ, гдѣ это всего меньше ожидалось бы, а именно—на египетскомъ спискѣ азіатскихъ народовъ, приславшихъ дань (или дары) великому египетскому царю-завоевателю Тотмесу III-му, который неоднократно своими нашествіями тревожилъ все громадное пространство между Ниломъ и Евфратомъ, — изъ

два раза и не три, а четырнадцать разъ въ теченіе семнадцати лѣтъ. Египетъ тогда только-что дебютировалъ на міровой сценѣ въ блестящей роли завоевателя,—роли для него новой, хотя египетскій народъ уже тогда былъ очень древнимъ народомъ. Египтяне съ самой глубокой старины жили затворниками въ узкой, но непомѣрно длинной долинѣ своей дивной рѣки Нила, гдѣ они, въ теченіе трехъ тысячелѣтій, успѣли выработать ту великолѣпную и своеобразную культуру, ту глубокую мудрость, которыя до сихъ поръ приводятъ въ изумленіе міръ. Они не только гордились своей національностью, но считали ее чѣмъ-то священнымъ, а себя—народомъ отличнымъ отъ всего остального міра по чистотѣ и святости. Питая такое мнѣніе о себѣ, они, понятно, къ инородцамъ относились съ неодолимой брезгливостью, считая за осквернені̀е всякое прикосновеніе или сближеніе съ ними, и одного этого чувства достаточно было, чтобы отбить у нихъ охоту путешествовать или присвоивать себѣ чужія земли.

Египетъ въ древнѣйшій періодъ.

12.—Но полное затворничество неестественно и, въ концѣ концовъ, невозможно для отдѣльныхъ личностей и для народовъ, и египтянамъ пришлось отворить, — крайне неохотно и немилостиво, но все же отворить,—хотя одинъ уголокъ своей завѣтной земли сосѣдямъ—семитамъ и хананеямъ, а именно — сѣверо-восточный приморскій уголъ, который, къ тому же, трудно было бы держать запертымъ отъ кочевниковъ пустыни, забѣгавшихъ туда съ песчанаго Синайскаго

полуострова, такъ какъ Египетъ съ этой стороны не имѣетъ рѣшительно никакой естественной преграды или обороны. Между тѣмъ, это плоское низовье, благодаря многочисленнымъ рукавамъ Нила, отличалось неимовѣрною плодородностью и привлекало иноземцевъ не только съ азіатскаго востока, но съ сѣвера, съ острововъ той части Средиземнаго моря, которое впослѣдствіи называлось греческимъ архипелагомъ. Итакъ, тутъ уже нѣсколько вѣковъ проживало инородное населеніе, притомъ довольно смѣшанное. Въ засуху приходили кочевники со своими изнемогавшими отъ жажды стадами или остатками стадъ, и имъ отводились пастбища; иные оставались совсѣмъ, иные же все-таки предпочитали, отдохнувъ сами и откормивъ свой скотъ, возвратиться въ свои сирійскія степи или аравійскіе оазисы. Такъ и Авраамъ посѣтилъ Египетъ: — «И поднялся Авраамъ, и продолжалъ идти къ югу. И былъ голодъ въ той землѣ. И сошелъ Авраамъ въ Египетъ, пожить тамъ, потому что усилился голодъ въ землѣ той». (Кн. Бытія, XII, 9—10). Тѣмъ же путемъ пришли и потомки его, Іаковъ съ сыновьями. И говорили они Фараону:—«Пастухи овецъ рабы твои, и мы и отцы наши. Мы пришли пожить въ этой землѣ, потому что нѣтъ пажити для скота рабовъ твоихъ, ибо въ землѣ ханаанской сильный голодъ. Итакъ, просимъ тебя, позволь поселиться рабамъ твоимъ въ землѣ Гесемъ». (Кн. Бытія, XLVII, 3—4). Торговцы, по большей части островитяне и финикіяне, жили въ приморскихъ городахъ, и корабли ихъ ходили

отъ устьевъ Нила въ порты Средиземнаго побережья и обратно, тогда какъ караваны ихъ развозили богатства Азіи и Африки по большому торговому тракту, который тянулся вдоль моря на сѣверъ, въ землю Ливанскихъ горъ, потомъ сворачивалъ на востокъ, къ Евфрату.

Нашествіе гиксовъ.

13.—Такимъ образомъ создалось многочисленное и сильное инородное населеніе, которое чистокровные египтяне терпѣли, какъ неизбѣжное зло, пока насталъ день, когда ихъ инстинктивная боязнь оправдалась, и великая бѣда нагрянула на нихъ именно съ этой ненавистной стороны. Египетъ сдѣлался жертвою нашествія семитскихъ кочевниковъ, весьма похожихъ на нынѣшнихъ бедуиновъ, которымъ народъ давалъ презрительную кличку Шасу, т. е. «воры, грабители». Они пришли съ Синайскаго полуострова и ворвались въ Египетъ черезъ инородныя поселенія. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что имъ помогли ихъ богатые и цивилизованные соплеменники, потому что, безъ такой помощи, гдѣ бы варварамъ, кочевникамъ, организовать систематическое нашествіе? развѣ еще смѣлый грабительскій набѣгъ. Еще менѣе того смогли бы они одними своими средствами и своимъ умомъ установить прочное владычество и замѣстить туземныхъ царей своими династіями, удержавшими за собою власть нѣсколько сотъ лѣтъ. Династіи эти извѣстны въ исторіи подъ названіемъ «царей-пастуховъ»; это—буквальный переводъ египетскаго слова Гик-сосъ (гик — «царь», сос — «пастухъ»), — прозвище, данное имъ, вѣроятно, въ насмѣшку. Нѣтъ воз-

можности въ точности опредѣлить время этого переворота, по неимѣнію современныхъ надписей. Египтяне, послѣ изгнанія гиксовъ, не хотѣли, чтобы имъ что-либо напоминало этотъ долгій періодъ національнаго униженія, и потому преспокойно соскоблили всѣ относившіяся къ нему надписи съ уцѣлѣвшихъ памятниковъ той эпохи, да и самыхъ памятниковъ не мало уничтожили, такъ что сохранились лишь имена инородныхъ царей, и то далеко не всѣхъ. Приходится довольствоваться приблизительной датой,—около 2100 г. до Р. Х., замѣчательно, однако, совпадающей съ важнымъ моментомъ въ исторіи Халдеи, а именно—эламитскимъ нашествіемъ и владычествомъ, что невольно наводитъ на вопросъ: не могла ли быть между обоими событіями связь болѣе близкая, нежели простое, случайное совпаденіе? Опустошительные походы Худур-Нанхунди и преемниковъ его до Худур-Лагамара включительно *) должны были вызвать страшное смятеніе среди полу-осѣдлыхъ и вовсе кочевыхъ племенъ Арама и Ханаана и сдѣлаться болѣе или менѣе прямой причиной цѣлаго ряда передвиженій. Разъ снявшись съ мѣста, такія племена должны были, ради своихъ стадъ, почувствовать влеченіе скорѣе къ югу, съ его просторными пажитями, нежели къ гористому сѣверу, и такимъ образомъ, спускаясь съ каждымъ годомъ все ниже, встрѣчаясь съ другими, усиливаясь численно, должны были наконецъ столкнуться съ болѣе воинственными раз-

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 254 и сл.

бойничьими шайками,—Шасу,—Аравіи и Синайскаго полуострова. Эти же Шасу, зная уже дорогу въ Египетъ, весьма легко могли предложить набѣгъ соединенными силами, а такая масса народа должна была все снести на пути своемъ одной численной своей силою. Въ царствованіе одного изъ послѣднихъ гиксовъ Іосифъ былъ проданъ въ Египетъ, и этимъ обстоятельствомъ отчасти объясняется феноменальная карьера іудейскаго временщика. При чистокровномъ египетскомъ государѣ иностранецъ никогда не могъ бы стать первымъ министромъ, «начальникомъ земли той» (Кн. Бытія, XLII, 6). Племенное родство, существовавшее между фараономъ и молодымъ иноземцемъ, столько же говорило въ пользу послѣдняго, какъ и умѣніе его толковать сновидѣнія (это же искусство, замѣтимъ мимоходомъ, было имъ унаслѣдовано отъ халдейцевъ). Пришествіе въ Египетъ небольшого семитскаго племени (теперь уже называемаго ИЗРАИЛЬТЯНАМИ), а именно—Іакова съ сыновьями и внуками, «всего шестьдесятъ шесть душъ, кромѣ женъ сыновъ Іаковлевыхъ» (Кн. Бытія, XLVII, 26—27),—приходится около 1730 г. до Р. Х. Война за независимость, которую начали на югѣ князья патріоты, была уже въ полномъ разгарѣ, и близился день національнаго торжества: гиксы были выгнаны, и родная держава была возстановлена вскорѣ послѣ 1700 г. до Р. Х.

Походы египтянъ въ Азію.

14.—Но одно избавленіе изъ-подъ иноземнаго ига не могло удовлетворить долго лелѣянной народной обиды. Египтяне жаждали мщенія, отмести, и это страстное желаніе превратило ихъ

изъ миролюбиваго народа-домосѣда въ ненасытимыхъ завоевателей, жадныхъ искателей военной славы. Демонъ войны овладѣлъ одинаково и царями, и народомъ, и, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, одинъ за другимъ, возникалъ цѣлый рядъ царей-воителей, между которыми было нѣсколько великихъ полководцевъ, какихъ свѣтъ дотолѣ не видывалъ. да и впослѣдствіи нарождалось немного. Чуть не каждый годъ они водили свои полчища въ Азію и наводняли ими цвѣтущія, многолюдныя земли и пустынныя степи съ раскиданными по нимъ кочующими племенами. Послѣднія, впрочемъ, мигомъ разлетались, такъ что всѣ тягости войны падали на городскихъ обывателей и сельскихъ землевладѣльцевъ. Эти блестящіе походы въ дѣйствительности были просто грабительскія экспедиціи въ громадныхъ размѣрахъ, ибо египетскіе цари не присоединяли къ своей державѣ покоренныхъ земель, никогда не думали обращать ихъ въ египетскія области, лишь изрѣдка строя въ нихъ крѣпости и оставляя тамъ гарнизоны,—а только безпрестанно возвращались, отчасти для того, чтобы опять и опять мстить за старую обиду («омывать сердца свои», по живописному выраженію надписей), отчасти же, чтобы снова и снова набирать несмѣтную добычу прямо грабежомъ, или выкупами и данями. А дома народъ привыкъ ожидать возвращенія побѣдоносныхъ арміи и сильно возропталъ бы, если бы протекло много лѣтъ безъ тріумфальныхъ шествій со всѣми дорогими сердцу его военными парадами, съ процессіями плѣн-

ныхъ князей и царьковъ, съ партіями связанныхъ вмѣстѣ плѣнниковъ, съ проносимыми напоказъ и утѣху глазамъ рѣдкостями и драгоцѣнностями, награбленными въ покоренныхъ земляхъ. И фараоны охотно тѣшили свой народъ. Четырнадцать побѣдоносныхъ кампаній въ семнадцать лѣтъ,—цифра, достигнутая Тотмесомъ III,—могли удовлетворить хоть какую лютую жажду мщенія и необузданную алчность.

Битва при Мегиддо.—Первое столкновеніе Ассиріи съ Египтомъ (около 1600 г. до Р. Х.).

15.—Въ одну изъ этихъ кампаній Тотмесъ встрѣтилъ упорный и, противъ обыкновенія, прекрасно организованный отпоръ со стороны союза хананейскихъ князей, которые подстерегли его въ тѣснинахъ южнаго Ливана. Они однако потерпѣли пораженіе въ большой битвѣ, близъ города Мегиддо, между рѣкой Іорданомъ и моремъ. и эта побѣда раскрыла передъ фараономъ весь край вплоть до Евфрата, если даже не до Тигра. Дани и приношенія потокомъ полились въ египетскій станъ на каждой стоянкѣ, и въ спискѣ прославшихъ дары значится «вождь земли Ассуру», на котораго записано 50 фунтовъ и девять унцій настоящаго лаписъ-лазури, не означенное количество вавилонской поддѣлки того же камня (не означенное по малой цѣнности предмета), и «премного» еще какого-то камня. Два года спустя опять прописанъ «вождь земли Ассуру»: прислалъ 50 срубленныхъ кедровъ, 150 другихъ деревьевъ, нѣсколько сотъ колесницъ, множество запястій и другихъ предметовъ, названій которыхъ не разобрать. Изъ того, что все это числится подъ рубрикой «дань», а не «до-

быча», видно, что Ассирія въ бой не вступала, вѣроятно не чувствуя себя еще въ силахъ помѣриться съ такимъ страшнымъ врагомъ. Битва при Мегиддо была выиграна Тотмесомъ около 1600 г. до Р. Х. или немногимъ позднѣе, и Ассирія въ то время еще не стяжала себѣ особенно виднаго мѣста между своими западными сосѣдями. Если египетская надпись прочтена вѣрно и ассирійскій государь дѣйствительно названъ въ ней «вождемъ», а не «царемъ», то этотъ скромный титулъ указываетъ на то, что его земля еще не очень высоко ставилась въ числѣ независимыхъ государствъ, и вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе новѣйшихъ историковъ, что въ это время Ассиріею еще управляли *патэси* города Ашура, власть которыхъ еще не простиралась далѣе небольшой области, имѣвшей городъ этотъ своей столицей.

Хеты. Ихъ могущество и богатство.

16.—Въ тѣхъ же египетскихъ спискахъ добычи и даней, набираемыхъ великимъ фараономъ въ его азіатскихъ кампаніяхъ, встрѣчается впервые имя еще другого народа, занимающаго очень видное мѣсто, въ контрастъ со скромнымъ положеніемъ Ассиріи; народъ этотъ — хеты (извѣстные изъ Библіи подъ названіемъ хеттеянъ), народъ многочисленный и могущественный, раскинутый по громадному пространству, далеко за предѣлы земель, которыми мы до сихъ поръ занимались, и достигавшій верха своей славы, когда Ассирія только-что начинала заявлять о своемъ существованіи. Египтяне относились къ нимъ съ особенной ненавистью, потому что полчища гиксовъ по

большей части состояли изъ хетовъ. Походы фараоновъ поэтому всегда направлялись главнымъ образомъ противъ хетовъ; отъ нихъ встрѣчали они самый героическій и умно разсчитанный отпоръ, и, хотя они обыкновенно побѣждали ихъ, однако хеты—единственные непріятели, съ которыми они иногда удостаивали вести переговоры, какъ съ равными, и которыхъ они упоминаютъ съ уваженіемъ, какъ достойныхъ себя противниковъ. Коалиція, чуть не остановившая на полупути Тотмеса III при Мегидло, состояла изъ князей хетовъ и ихъ союзниковъ, и о ихъ богатствѣ и великолѣпіи можно судить по списку добычи, захваченной на самомъ полѣ битвы. Тутъ были: царская боевая колесница, вся золотая, и тридцать одна колесница, выложенныя золотыми пластинками; золотоглавыя статуи, тысячи фунтовъ золотыхъ и серебряныхъ запястій и колецъ, всевозможныя украшенія съ драгоцѣнными камнями, большіе столы кедроваго дерева съ золотыми инкрустаціями, престолы съ подножными къ нимъ скамейками изъ кедроваго дерева и слоновой кости и пр. и пр. Да и дань хеты платили драгоцѣнными каменьями и металлами, когда имъ приходилось настолько смириться. Серебро было ихъ любимымъ металломъ, и когда, послѣ четырехсотлѣтней (съ перерывами) войны, былъ, наконецъ, заключенъ «вѣчный миръ» между ними и египетскимъ фараономъ Рамзесомъ II (19-ой династіи), договоръ былъ выгравированъ на большомъ серебряномъ блюдѣ или дискѣ. Это было въ началѣ XIV вѣка до Р. Х. (вскорѣ

послѣ перваго вмѣшательства Ассиріи въ вавилонскія дѣла), вслѣдствіе славной и очень знаменитой битвы, происходившей невдалекѣ отъ столицы хетовъ, Кадеша, на рѣкѣ Оронтѣ; побѣда хотя и осталась за Рамзесомъ, но далась ему такой цѣной и послѣ столь долгой и упорной борьбы, что почти равнялась пораженію. Вѣрно то, что египтянинъ искалъ примиренія не менѣе ревностно, чѣмъ его противникъ.

Обширность державы хетовъ.

17.—Къ которому изъ великихъ отдѣловъ человѣческаго рода слѣдуетъ причислить хетовъ, съ полной достовѣрностью еще не установлено наукой. Исторія съ очень раннихъ поръ застаетъ ихъ заселяющими большую часть земли хананской (Сиріи) и плотными массами, и разбросанными племенами. Но это — только южный отростокъ сильнаго ствола, имѣвшаго корни свои въ горной цѣпи Тавра, ея продолженіи, цѣпи Мазіоса и Армянскихъ горахъ. Горцы всегда отличаются рѣзкими, жесткими чертами характера, которыя никогда не сглаживаются вполнѣ, даже подъ вліяніемъ совершенно иныхъ условій. Такъ и хеты, давно уже спустившись въ жаркія хананскія равнины, все еще сохраняли въ своей одеждѣ (они носили высокіе сапоги и подпоясанные кафтаны) нѣкоторые слѣды своего сѣвернаго происхожденія. Это особенно замѣтно на египетскихъ стѣнныхъ картинахъ, изображающихъ битву при Кадешѣ: тамъ съ величайшей точностью переданы отличительныя черты различныхъ народовъ, участвовавшихъ въ битвѣ.

Столицы хетовъ.

18.—У хетовъ была еще другая столица, кромѣ Кадеша—Кархемишъ, на Евфратѣ, городъ крайне крѣпкій со стратегической точки зрѣнія, а съ торговой — богатый и вліятельный, такъ какъ онъ стоялъ на точкѣ пересѣченія двухъ главныхъ торговыхъ трактовъ: того, который шелъ изъ Египта въ Армянскія горы (съ юга на сѣверъ), и того, который соединялъ Вавилонъ и Ниневію, съ одной стороны, съ богатыми торговыми городами финикійскаго поморья съ другой Кархемишъ современемъ сдѣлался главной столицей хетовъ, центромъ ихъ народной жизни, такъ что ассирійцы называли княжившаго тамъ правителя «царемъ хетовъ» вообще, хотя послѣдніе, подобно всѣмъ древнимъ народамъ, дробились на множество княжествъ, малыхъ и большихъ, правители которыхъ всѣ величали себя «царями». Повидимому, однако, правитель Кархемиша въ самомъ дѣлѣ достигъ чего-то въ родѣ верховенства надъ всѣми прочими, могъ требовать ихъ содѣйствія въ военное время и полагаться на ихъ службу, какъ на подобающую ему по праву. Вслѣдъ за нимъ первымъ несомнѣнно былъ «царь», правившій въ Кадешѣ. Эти двое, повидимому, управляли хеттейскими племенами и городами, разсѣянными по всей сѣверной Сиріи, но были отдѣлены разными инородными народами, имена которыхъ знакомы намъ изъ Библіи, какъ-то: аморреи, евеи, іевусеи и пр.—отъ южной вѣтви своего же народа, хетовъ хевронскихъ, сидѣвшихъ между Мертвымъ и Средиземнымъ морями,—тѣхъ самыхъ, у которыхъ Авраамъ купилъ уча-

стокъ земли подъ свою родовую усыпальницу. Эти южные хеты прерывающейся сѣтью достигали до предѣловъ Египта, и не могли не имѣть сношений съ синайскими Шасу. Поэтому они, какъ сказано выше, принимали участіе въ нашествіи кочевниковъ на Египетъ. Нѣкоторые авторитетные ученые даже полагаютъ, что одна изъ неизвѣстныхъ династій гиксовъ была хеттейская. Этимъ окончательно объяснилась бы жестокая вражда, которую едва могли насытить четыре столѣтія ожесточенной войны.

Упадокъ державы хетовъ совпадаетъ съ усиленіемъ державы ассирійской.

19.—Южнымъ хетамъ, собственно говоря, приходилось терпѣть отъ египтянъ больше, нежели сѣвернымъ. Не только на нихъ обрушивался первый натискъ каждаго египетскаго вторженія, но они были разбросаны посреди разныхъ враждебныхъ племенъ, да еще на землѣ сильнѣйшаго и наиболѣе сплоченнаго народа этихъ краевъ, а именно федераціи пелиштимовъ (столь хорошо извѣстныхъ намъ изъ Библіи подъ именемъ филистимлянъ, отъ которыхъ вся страна получила свое нынѣшнее имя: Палестина). Неудивительно, что національная сила и центръ тяжести понемногу перешли отъ нихъ къ болѣе плотно сложившейся сѣверной державѣ, притомъ гораздо болѣе многолюдной. По мѣрѣ того, какъ ассирійскій левъ росъ и крѣпъ и сердитѣе скалилъ зубы на западныхъ своихъ сосѣдей, слава хетовъ меркла, тѣмъ болѣе, что они были изнурены долговременной борьбой съ Египтомъ, и имъ, кромѣ того, покоя не давали аморреи и раз-

ные другіе обитатели Сиріи. Въ эпоху битвы при Кадешѣ, хеты чуть ли не достигли апогея своей славы и величія. Начавшійся затѣмъ упадокъ совершался сначала не быстро, даже едва замѣтно; однако изъ ассирійскихъ лѣтописей видно, что онъ былъ неминуемъ и шелъ своимъ неуклоннымъ путемъ, а семьсотъ лѣтъ спустя послѣ этой знаменитой битвы, держава ихъ рушилась подъ неустаннымъ напоромъ долгаго ряда ассирійскихъ царей-завоевателей. Федерація ихъ распалась, и въ Кархемишѣ водворился ассирійскій намѣстникъ. Самое племя, однако, не было истреблено, не погибло даже его владычество, а только перешло отъ одной вѣтви къ другой. Уже въ пору своего высшаго благоденствія, — съ XV-го вѣка до Р. Х.,—хеты начинали тянуться на западъ, или вѣрнѣе—на сѣверо-западъ. Изъ холоднаго, сурового, горнаго края, своей первоначальной, насколько извѣстно, родины, часть ихъ понемногу перешла въ обширную передовую область Азіи, съ трехъ сторонъ омываемую морями, извѣстную подъ именемъ Малой Азіи, и дошла до побережья Средиземнаго моря, съ которымъ, по красотѣ и роскошной природѣ, не сравнится ни одно поморье въ мірѣ. Тамъ они основали или покорили много городовъ и государствъ. И тамъ мы застанемъ ихъ, когда тѣ страны въ свою очередь войдутъ въ развертывающуюся передъ нами панораму исторіи Востока; а теперь покуда мы тамъ ихъ оставимъ.

Голголѣтіе державы хетовъ.

20.—Во всякомъ случаѣ нельзя сказать, чтобы держава хетовъ, погибая 700 лѣтъ до Р. Х., по-

гибла безвременно. Она просуществовала, всего на-все, не менѣе трехъ тысячъ лѣтъ, почти вдвое долѣе срока, котораго суждено было достигнуть ихъ завоевателямъ. Уже въ астрологическомъ сборникѣ, приписываемомъ Саргону Аккадскому *), мы находимъ слѣдующую замѣтку въ спискѣ астрономическихъ наблюденій въ связи съ разными земными происшествіями:—«16-го дня мѣсяца Абъ было затмѣніе; царь аккадскій умеръ; богъ Нергалъ *(т. е. война)* пожиралъ землю.—20-го дня было затмѣніе; *царь земли Хатти напалъ на землю и овладѣлъ престоломъ*». Такъ какъ подъ именемъ Хатти въ халдейскихъ и ассирійскихъ надписяхъ неизмѣнно разумѣются хеты, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ идетъ рѣчь о вторженіи ихъ въ Междурѣчіе въ очень давнее время. Изъ этого слѣдуетъ, что они тогда уже сидѣли между рѣками Евфратомъ и Оронтомъ (иными словами — между Месопотаміей и Финикіей), т. е. въ сущности на тѣхъ самыхъ земляхъ, которыя они занимали къ концу четвертаго и въ началѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Х., съ тою только разницей, что въ эту раннюю эпоху ихъ владычества они тяготѣли больше къ южной части своей территоріи, нежели къ Кархемишу, своей позднѣйшей столицѣ.

Хеттейское искусство и письмо.

21.—Однако, нельзя допустить, чтобы отношенія хетовъ къ древнимъ халдейскимъ государствамъ всегда были враждебными. Непремѣнно

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 243.

было время, когда они состояли въ близкихъ сношеніяхъ съ этими исконными центрами культуры, если только, въ своихъ странствованіяхъ,

Хеттейская надпись.

они не прошли черезъ славную долину и не пожили тамъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ собственная культура, какъ относительно искусства, такъ и

религіи, носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды халдейскаго происхожденія. О послѣдней, по правдѣ сказать, еще мало извѣстно, кромѣ того, что они называли своего верховнаго бога Сутехомъ, «царемъ неба и земли», и что богиня Иштаръ называлась въ Кархемишѣ Атаргатой (то же, только исковерканное, семитское имя), и что въ ея храмѣ служила ей толпа посвященныхъ ей женщинъ и дѣвицъ. Что̀ касается искусства, то открытые до сихъ поръ образчики хеттейскаго ваянія явно показываютъ родство его съ вавилонскимъ искусствомъ ранней эпохи. Письмо же у нихъ было совсѣмъ особенное, свое, — іероглифическое, но не похожее ни на египетское, ни на клинопись. Немного еще сдѣлано по части дешифрированія и объясненія найденныхъ до сихъ поръ хеттейскихъ надписей. Но если вспомнить, что полвѣка назадъ никто еще не подозрѣвалъ существованія великой хеттейской державы, простиравшейся отъ границы Египта до береговъ Босфора, то мы перестанемъ этому удивляться.

Возвышеніе Ассиріи.

22.—По своему географическому положенію «хатти», или хеты, были природными врагами Ассиріи, — опасными сосѣдями для возникающей державы, помѣхой для ея честолюбія. Поэтому противъ нихъ первыхъ молодой, задорный народъ испробовалъ силу своего оружія. Ашуръ-убаллитъ (тотъ самый царь, который ходилъ въ Вавилонъ мстить за убитаго внука около 1380 г. Р. Х. — см. стр. 27), направлялъ краткіе походы и на западъ, и на сѣверо-западъ отъ Ниневіи,

противъ нѣкоихъ горныхъ племенъ, которыя либо были хеттейскими аванпостами, либо близко граничили съ настоящими хетами. Его преемники слѣдовали разъ данному импульсу, но, проникая уже далѣе въ горы и спускаясь ниже къ югу, не только твердо установили свое владычество надъ всей землей отъ Тигра до Евфрата,—а эту рѣку можно считать природнымъ предѣломъ, поставленнымъ Ассиріи съ запада,—но простирали свои вторженія гораздо дальше, въ сирійскія равнины. По мѣрѣ того, какъ прибывала добыча и прирастало населеніе, вокругъ двухъ старшихъ столицъ, Ашура и Ниневіи, возникали новые города. Каждый набѣгъ, кромѣ того, доставлялъ тысячи плѣнныхъ, которыхъ надо же было чѣмъ-нибудь занять; и вотъ—чего лучше? — стали заставлять ихъ воздвигать гигантскія насыпи и строить громадные дворцы, стоимость которыхъ, выраженная человѣческимъ трудомъ, даетъ такія ошеломляющія цифры *). Такъ, незадолго до 1300 г. до Р. Х., царь Салманассаръ I основываетъ большой городъ Калахъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи третьей столицей и любимымъ мѣстопребываніемъ нѣсколькихъ государей. Это тотъ городъ, который Лэйардъ раскопалъ въ Нимрудѣ, а Ксенофонтъ нашелъ покинутымъ и разрушеннымъ и назвалъ Ларіссой. Раздѣленные лишь небольшимъ пространствомъ, притомъ соединенные теченіемъ Тигра, эти три города скорѣе кажутся отдѣльными кварталами одного огром-

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 62

ной столицы, и первые изслѣдователи одно время сильно склонялись къ этому, конечно ошибочному, мнѣнію. Этотъ годъ, 1300, памятенъ въ исторіи Ассиріи. Именно тогда,—вѣрнѣе, что нѣсколькими годами позднѣе, — Вавилонъ въ первый разъ былъ взятъ ассирійскимъ царемъ силою оружія. Этимъ подвигомъ отличился сынъ Салманассара I-го, Тукульти-Нинибъ, который сдѣлалъ себѣ печатное кольцо со своимъ именемъ и титулами, съ прибавленіемъ словъ: «*Покоритель Кардуніаша*». Едва ли, однако, онъ долго пользовался плодами своей побѣды, потому что, когда онъ какъ-то утерялъ это самое кольцо, вавилоняне, съ простительной гордостью, увезли его къ себѣ, и тамъ оно хранилось въ царской сокровищницѣ, можетъ-быть, въ память поспѣшнаго отступленія врага, лестнаго ихъ національному тщеславію. Шестьсотъ лѣтъ спустя, это самое кольцо тамъ нашелъ и увезъ обратно въ Ассирію царь Сеннахерибъ, совершившій тотъ же подвигъ, какъ и Тукульти-Нинибъ, но гораздо болѣе основательно, и онъ счелъ возвращеніе этой древней вещицы обстоятельствомъ такой важности, что удостоилъ разсказать всю исторію кольца въ своей лѣтописи, чѣмъ доставилъ намъ еще одну изъ немногихъ имѣющихся авторитетныхъ датъ для исторіи древнѣйшихъ временъ, притомъ особенно интересную, потому что она почти въ точности совпадаетъ съ исходомъ израильтянъ изъ Египта подъ предводительствомъ Моисея. Такимъ образомъ, въ началѣ XIII вѣка Ассирія является не только быстро подвигающейся къ

славному періоду своей національной жизни, но уже въ столкновеніяхъ съ находящимися на разныхъ ступеняхъ своего развитія тремя державами, которыя всѣхъ тѣснѣе были связаны съ ея грядущими судьбами, то на пользу ей, то на вредъ: державою вавилонскою, державой хеттейскою (уже клонящейся къ закату) и державой іудейскою; послѣдняя еще только виднѣлась малой точкой на краю небосклона и ужъ конечно была незамѣтна взорамъ надменныхъ правителей Ашура.

II.

Первая или Древняя Имперія—Тиглат-Фелассаръ I.

Въ южной и юго-западной части обширнаго горнаго края, который простирается между двумя цѣпями: Кавказа и Тавра, съ его продолженіями, все болѣе или менѣе параллельными хребтами, неодинаковой высоты и суровости, находятся два озера, такія замѣчательныя, какихъ на свѣтѣ мало: озера Ванъ и Урмія. Во-первыхъ, они помѣщаются на такой высотѣ, на какой никакъ не ожидаешь встрѣтить столь обширныхъ природныхъ водоемовъ: первый на высотѣ 5000, а второй—4000 футовъ надъ уровнемъ Средиземнаго моря. (Озеро Урмія, наибольшее изъ двухъ, величиной будетъ приблизительно съ Онежское озеро.) Во-вторыхъ, они отличаются особенностью. весьма рѣдкой въ озерахъ: вода въ нихъ солона; въ озерѣ Урмія даже гораздо солонѣе, чѣмъ въ любомъ морѣ, — такъ что существенно увеличивается ея удѣльный вѣсъ. Сэръ Генри Раулинсонъ такъ описываетъ это озеро: — «Удѣльный вѣсъ воды, вслѣдствіе количества соли, которымъ она насыщена, очень великъ; такъ великъ, что

Озера: Ванъ, Урмія и Мертвое Море.

судно, имѣющее, вмѣстѣ съ грузомъ, сто тонъ вѣса, погружается не болѣе, чѣмъ на три или четыре фута. Вслѣдствіе тяжести воды, и бури не производятъ въ озерѣ большого волненія. Самый сильный вѣтеръ поднимаетъ волны лишь на нѣсколько футовъ, и какъ только буря утихнетъ, воды снова впадаютъ въ свой тяжелый, глубокій, мертвенный сонъ». Въ такомъ разсолѣ, конечно, не можетъ существовать ни рыба, ни какое бы то ни было живое созданіе. Вдвойнѣ поражаютъ эти особенности потому, что точно такими же отличается и всегда славилось такъ-называемое Мертвое море въ Палестинѣ, которое лежитъ на 1300 футовъ *ниже* уровня Средиземнаго моря, т. е. чуть ли не ниже всѣхъ озеръ на свѣтѣ. Эти два озера, изъ которыхъ одно на 5500 футовъ выше другого, свойствами своими представляютъ, такъ же, какъ и Каспійское и Аральское море, не что иное, какъ осадки прежнихъ морей, — пруды или лужи, оставшіяся отъ того необъятнаго океана, который когда-то, въ незапамятныя времена, до появленія человѣка на землѣ, покрывалъ бо́льшую часть Азіи, Европы и Африки, и изъ котораго рѣдко раскиданными островами возвышались лишь самыя высокія гряды, какъ-то: Гималаи, Кавказъ, Атласъ и, отчасти, Альпы. Настанетъ время, когда всѣ эти соляныя лужи изсохнутъ, и останутся отъ нихъ только солончаки, какіе часто встрѣчаются въ песчаныхъ степяхъ Средней Азіи и юго-восточной Россіи, гдѣ они издали дразнятъ спаленнаго зноемъ и изнемогающаго отъ

Мертвое море, гдѣ въ него впадаетъ рѣка Арнонъ.

жажды путника подобіемъ снѣжныхъ сугробовъ.

„Земли Наири".

2.—Какъ озеро Урмія, такъ и озеро Ванъ были хорошо извѣстны ассиріянамъ, и народы, жившіе вокругъ этихъ озеръ, съ раннихъ поръ подвергались ихъ грабительскимъ набѣгамъ. Озеро Ванъ особенно часто удостоивалось посѣщенія неутомимыхъ хищниковъ. Крайне суровая и страшно холодная въ зимнее время мѣстность, въ которой оно находится, нынѣ извѣстная подъ названіемъ Курдистана, въ ту пору принадлежала къ обширному гористому краю, обнимающему и всю нынѣшнюю Армению, которому ассиріяцы дали довольно неопредѣленное названіе: «Земли Наири». Въ долинахъ между этихъ горъ проживали независимыя другъ отъ друга племена, изъ которыхъ каждое называло себя отдѣльнымъ народомъ, главарей же своихъ они величали царями. Политическая связь между этими племенами была самая слабая, а то и вовсе не было ея, и потому они легко дѣлались добычею отлично вышколенныхъ ассиріискихъ войскъ, чуть не каждый годъ проникавшихъ все глубже въ ихъ горныя твердыни, и бѣжали отъ нихъ все дальше и выше въ горы,—«подобно птицамъ», по живописному выраженію историческихъ надписей. Тамъ скрывались они, пока враги, у которыхъ было слишкомъ много дѣла въ разныхъ мѣстахъ, чтобы долго замѣшкаться въ одномъ, не уходили съ награбленнымъ добромъ; или же, понуждаемые холодомъ и голодомъ, напуганные опустошеніемъ своихъ

селеній и дворовъ и избіеніемъ своихъ воиновъ или оставшихся дома сосѣдей и родныхъ, горцы спускались изъ своихъ притоновъ и, чтобы хоть на время положить конецъ своимъ бѣдствіямъ, покорялись и платили дань.

Памятникъ Тиглат-Фаласара у истоковъ Тигра.

3.—У одного изъ истоковъ Тигра, немного на западъ отъ озера Ванъ, до сихъ поръ существуетъ замѣчательное изваяніе на скалѣ, нарочно гладко обтесанной: изображенъ царь съ простертой рукой, какъ бы указывающей путь куда-то, и съ надписью: — «Помощью Ашура, Шамаша, Раммана, великихъ боговъ, моихъ владыкъ, я, Тукульти-Палешарра, сынъ... (слѣдуютъ имена его отца и дѣда съ ихъ титулами),—завоевавшій земли отъ большого Западнаго моря (Средиземнаго) до моря Земель Наири (озера Ванъ), въ третій разъ вторгся въ Земли Наири». Этотъ древнѣйшій памятникъ ассирійскихъ походовъ на сѣверъ есть въ то же время древнѣйшій, до сихъ поръ найденный, образчикъ ассирійскаго ваятельнаго искусства, и изображаетъ перваго истинно великаго царя сѣверной державы; во всякомъ случаѣ перваго, дѣянія котораго, благодаря цѣлому ряду счастливыхъ случайностей, намъ хорошо извѣстны. Необыкновенно интересно также то, какимъ способомъ было сдѣлано это открытіе, потому что именно это обстоятельство въ свое время много способствовало окончательному устраненію сомнѣній, которыя долго питали черезчуръ осторожные скептики ученые насчетъ достовѣрности дешифрированія клинописи. При прочтеніи длинной надписи Ашурназирпала, гораздо

позднѣйшаго царя, дворецъ котораго былъ раскопанъ Лэйардомъ въ Нимрудѣ, попалось нѣсколько строкъ, въ которыхъ какъ будто упоминался этотъ самый памятникъ съ подробнымъ обозначеніемъ его мѣстоположенія. И что же? По одному этому указанію, въ 1862 г. было отыскано мѣсто и найдено изваяніе, чѣмъ блистательно было доказано право ассиріологіи на званіе настоящей науки, занимающейся фактами и систематическими изслѣдованіями, а не однѣми болѣе или менѣе привлекательными догадками да фантазіями, какъ многіе до того полагали. Между тѣмъ, ассиріологія въ такомъ подтвержденіи въ сущности уже не нуждалась, потому что уже въ 1857 г. былъ сдѣланъ опытъ, результатъ котораго, по всей справедливости, можно было признать вполнѣ убѣдительнымъ.

Цилиндръ Тиглат-Фелассара I и произведенный съ нимъ опытъ.

1.—При раскопкѣ большого кургана въ Килехъ-Шергатѣ (древній Ашуръ), изъ четырехъ угловыхъ нишъ фундамента были вынуты четыре цилиндра, имѣющіе форму осьмигранной призмы, дюймовъ 18 вышиной, съ именемъ того же Тукульти-Палешарра. Изъ надписи на кирпичахъ оказывалось, что тутъ стоялъ перестроенный тѣмъ же царемъ придѣлъ, посвященный Рамману, въ большомъ храмѣ бога Ашура. Изъ цилиндровъ два были отлично сохранены; отъ другихъ двухъ уцѣлѣло немного кусочковъ, но все же довольно, чтобы показать, что всѣ четыре цилиндра были лишь повтореніемъ одной и той же надписи. Такъ какъ это былъ первый длинный текстъ,—болѣе тысячи строкъ,—который попался въ руки

ученымъ, то полученіе этого цилиндра въ Британскомъ Музеѣ было крупнымъ событіемъ, и было тутъ же положено сдѣлать его предметомъ опыта, для окончательнаго рѣшенія вопроса о достоинствахъ новой науки. Надпись прежде всего слитографировали, потомъ разослали четыре экземпляра ученымъ, съ особеннымъ усердіемъ занимавшимся дешифрированіемъ клинописныхъ документовъ. То были: сэръ Генри Раулинсонъ, Фоксъ Тальботъ, д-ръ Хинксъ и Юлій Оппертъ. Каждый долженъ былъ представить переводъ текста, сдѣланный независимо отъ другихъ. По истеченіи мѣсяца всѣ работы были отправлены въ Королевское Общество Изученія Азіи (Royal Asiatic Society), выбранное въ судьи. Когда всѣ четыре перевода были напечатаны въ четырехъ параллельныхъ столбцахъ, каждому профану стало ясно, что текстъ—одинъ и тотъ же; разногласія оказались лишь въ мелочахъ, какъ это и слѣдовало ожидать при неполномъ тогда еще знаніи древне-ассирійскаго языка. Переводъ съ тѣхъ поръ былъ исправленъ и переработанъ нѣсколько разъ, и послѣдній, наиболѣе совершенный, во многихъ отношеніяхъ сильно разнится отъ первыхъ переводовъ; но и тѣ первые опыты не могли не подѣйствовать убѣдительно въ пользу изученія клинописныхъ текстовъ; а если у кого еще оставались сомнѣнія, ихъ окончательно разсѣяло описанное выше открытіе, сдѣланное пять лѣтъ спустя.

Походы Тиглат-Фелассара I въ Земли Наири,—по цилиндру.

5.—Цилиндръ оказался въ высшей степени интереснымъ по своему содержанію, помимо филологическаго опыта, которому онъ послужилъ. Онъ

содержитъ подробный отчетъ о первыхъ пяти годахъ царствованія Тиглат-Фелассара I (какъ обыкновенно, хотя совершенно неправильно, произносятъ это имя); онъ даетъ какъ бы портретъ во весь ростъ этого царя-воителя, и въ то же время полную картину величія, котораго Ассирія достигла въ его царствованіе, покрывшее конецъ XII-го вѣка до Р. Х. (1120—1100). Начало его было блистательно, и не даромъ царь похваляется (скромность, очевидно, не принадлежала къ тогдашнимъ добродѣтелямъ) въ длинномъ и нѣсколько напыщенномъ вступленіи, отрывокъ изъ котораго былъ приведенъ выше (см. стр. 51): — «Я не имѣлъ соперника въ бою. Къ землѣ Ашура я прибавилъ еще земли, къ его народу — еще другіе народы. Я расширилъ свои владѣнія, всѣ ихъ земли (непріятелей) покорилъ»... Что онъ не первый совершалъ такіе подвиги, и что завоеванныя Ассиріей земли уже простирались, на сѣверъ и на западъ, далеко за предѣлы первоначальной ея территоріи вдоль Тигра, это видно изъ того, что всѣ эти первыя пять лѣтъ своего царствованія царь занимался походами противъ мятежныхъ областей и непокорныхъ сосѣдей. Изъ послѣднихъ его тяжелую руку первые почувствовали нѣкоторыя хеттейскія горныя племена, сидѣвшія между моремъ и верхнимъ Евфратомъ; онъ ходилъ въ ихъ «трудно доступную страну», и разбилъ ихъ, хотя у нихъ было цѣлыхъ пять «царей» и двадцать пять тысячъ воиновъ. «Трупами ихъ», — далѣе говоритъ царь, — «я усѣялъ горныя выси и тѣснины. Я увезъ ихъ имущество,

добычу несмѣтную. Шесть тысячъ воиновъ, остатокъ ихъ войска, бѣжавшіе передъ моимъ оружіемъ, припали къ моимъ ногамъ. Я ихъ увелъ и причислилъ къ обитателямъ моей родной земли».—Это было только началомъ. Царь продолжалъ свой трудный, но побѣдоносный походъ, черезъ мѣстности суровыя, гдѣ не было не то что дорогъ, но и тропинокъ. Нѣсколькими, разбросанными какъ бы наудачу, чертами онъ рисуетъ живую картину всего, что онъ испыталъ въ этихъ кампаніяхъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ разсказываетъ, какъ пришлось прорубать дорогу топорами сквозь густую лѣсную поросль и деревья; въ другомъ онъ говоритъ:—«Я вступилъ въ высокія, крутыя горы, хребты которыхъ были словно лезвіе кинжала, непроходимыя для моихъ колесницъ. Я бросилъ колесницы и пѣшкомъ взбирался на крутизны».—И еще:—«Черезъ могучія горы пробирался я, на колесницѣ тамъ, гдѣ можно было проѣхать, гдѣ же проѣхать было нельзя, — на своихъ ногахъ».

Жестокія опустошенія.

6.—Царь гордится тѣмъ, что «прошелъ черезъ стремнистыя ущелья, внутренность которыхъ ни одинъ царь до него не видалъ», и что ходилъ далеко и высоко, гдѣ никогда не бывало дороги. Онъ, повидимому, проникъ такъ далеко на сѣверъ въ Армянскія горы, какъ рѣдкій царь послѣ него. Поочередно и всегда съ тѣмъ же результатомъ онъ нападалъ на разныя независимыя «царства», гнѣздившіяся въ горахъ около верховьевъ Евфрата и Тигра: горькая участь постигла несчастныхъ горцевъ; тяжко читать однообразное

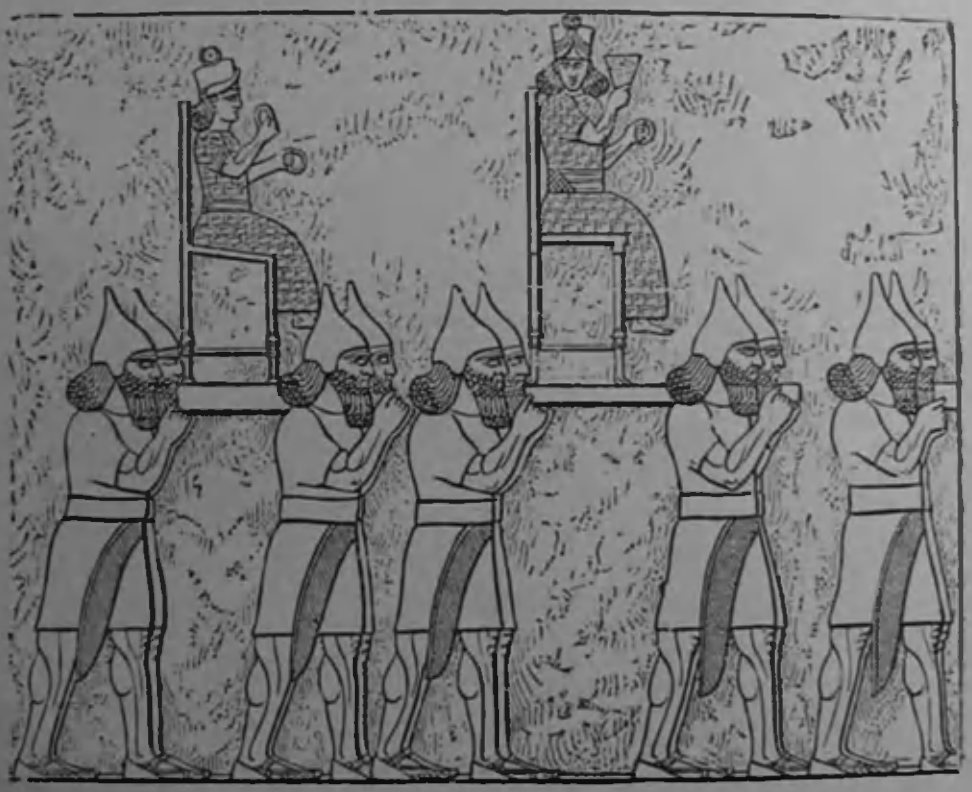
описаніе однихъ и тѣхъ же ужасовъ, въ одинѣхъ и тѣхъ же стереотипныхъ фразахъ, холодныхъ и бездушныхъ, отъ которыхъ картина опустошенія выступаетъ еще ярче и отвратительнѣе. Лѣса, ущелья, выси и склоны горъ, покрытые и запруженные трупами ихъ защитниковъ,—тѣла, брошенныя въ Тигръ или приносимыя его притоками, — города, сожженные или разрушенные,—дворцы, разграбленные и «превращенные въ груды»,—семьи царей, уводимыя въ плѣнъ съ тысячами ихъ подданныхъ, или, если цари покорялись и ихъ покорность милостиво принималась, увозимыя въ Ассирію заложниками;—затѣмъ подробное перечисленіе добычи: лошадей, колесницъ, скота, серебряной и золотой посуды и бронзовыхъ брусьевъ и пр. (не забыты и «боги» побѣжденныхъ),—эти немногія строки передаютъ содержаніе цѣлыхъ страницъ тріумфальной надписи Тиглат-Фелассара. Почти каждый параграфъ первой половины ея повѣствуетъ о покореніи какой-нибудь одной области или царства, и обыкновенно оканчивается такъ: — «Я увезъ ихъ имущество, сжегъ города ихъ огнемъ, потребовалъ отъ нихъ заложниковъ, дани и пожертвованій»; или:—«Я наложилъ на нихъ тяжелое ярмо моего владычества и повелѣлъ имъ каждый годъ приносить мнѣ дань въ мой городъ Ашуръ»; или же:—«Я покорилъ землю ихъ на всемъ ея протяженіи и присоединилъ ее къ моей родной землѣ»; или наконецъ: — «Я помиловалъ ихъ, наложилъ на нихъ дань и привелъ ихъ подъ власть Ашура, Господа моего».—Изъ одной стра-

Ассирійская армія въ горной, лѣсистой мѣстности; съ правой стороны - ограда крѣпости,
а въ верхнемъ правомъ углу воины уводятъ плѣнныхъ.

ни онъ унесъ «ихъ двалцать пять боговъ», привезъ ихъ въ «свои городъ Ашуръ» и разставилъ по разнымъ храмамъ,—совершенно такъ, какъ онъ размѣстилъ бы царственныхъ плѣнниковъ при своемъ дворѣ.

Живое описаніе кампаніи на цилиндрѣ.

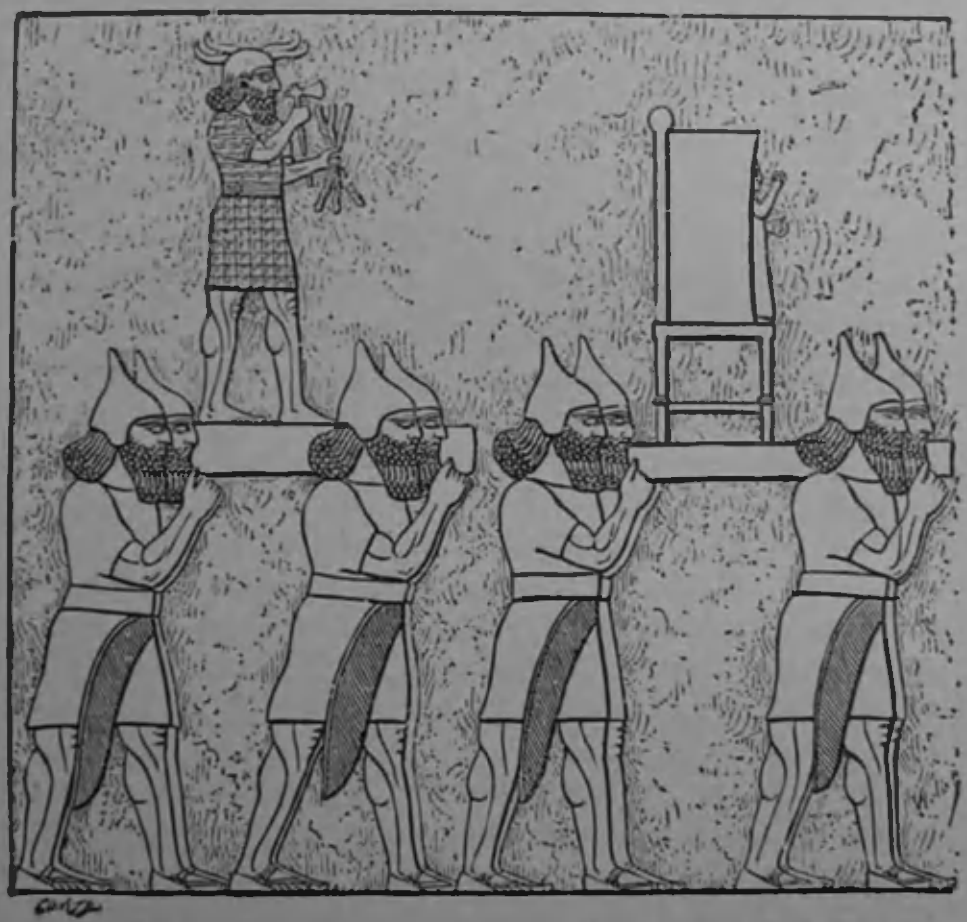
7.—Одинъ походъ, повидимому, вышелъ особенно трудный и опасный, если судить по по-



Ассирійскіе воины уносятъ непріятельскихъ боговъ.

дробностямъ, въ которыя вдается надпись, и по торжественности вступленія, повторяющаго, въ нѣсколько сокращенной формѣ, первые вступительные параграфы. Тиглат-Фелассаръ на этотъ разъ имѣлъ дѣло не съ отдѣльными племенами, а съ коалиціей почти что всѣхъ царей земель Наири. Двадцать трехъ онъ называетъ по именамъ,

къ нимъ прибавляетъ шестьдесятъ другихъ гуртомъ, — всего восемьдесятъ три. Положимъ, что величина этой цифры служитъ положительнымъ доказательствомъ того, что всѣ эти такъ-называе-

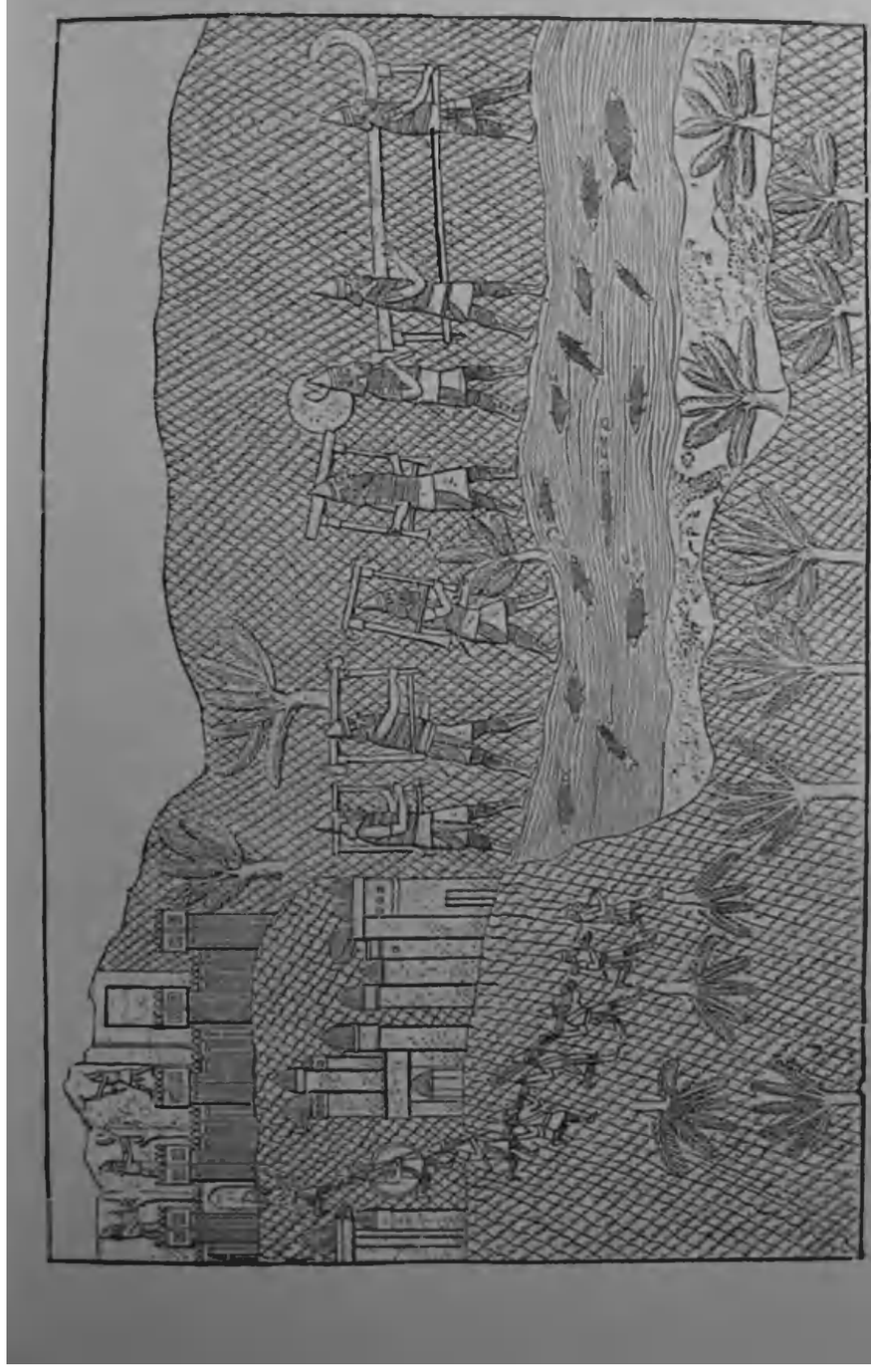


Ассиріискіе воины уносятъ непріятельскихъ боговъ.

мые «цари» были не болѣе, какъ главари разныхъ горныхъ племенъ (вѣроятно, представлявшихъ нѣчто въ родѣ «клановъ» у шотландскихъ горцевъ—*гэйлэндеровъ*); однако, соединившись, они должны были составить почтенную силу, особенно въ такой дикой мѣстности, гдѣ лѣсистыя, горныя твердыни и тѣснины, извѣстныя до послѣд-

ней норки самимъ горцамъ, доставляя имъ на каждомъ шагу вѣрныя убѣжища, въ то же время являлись гибельными ловушками для незнакомыхъ съ ними враговъ. Это тотъ самый параграфъ, въ которомъ сказано, что ни одинъ царь до Тиглат-Фелассара не проникалъ такъ далеко въ горныя дебри. Все описаніе этой замѣчательной кампаніи чрезвычайно живо и такъ занимательно, такъ богато характерными чертами, что его можно привести почти цѣликомъ, какъ самый характерный образчикъ ассирійской монументальной литературы ранней эпохи:

«Въ оные дни... Ашуръ, господинъ мой, послалъ меня, познающаго надъ собою побѣдителя въ войнѣ, ни соперника себѣ въ бою, справедливаго правителя надъ всѣми четырьмя странами свѣта, въ далекія царства, что на берегахъ Верхняго моря, непокорныя, мятежныя, и я пошелъ. Я шелъ недоступными высями, стремнистыми ущельями, внутренность которыхъ ни одинъ царь до меня не видалъ. Черезъ шестнадцать могучихъ хребтовъ (слѣдуютъ имена ихъ) я перебрался въ колесницѣ, тамъ, гдѣ почва была сколько-нибудь удобна; тамъ же, гдѣ она была непроходима, я прорубалъ себѣ путь топорами и строилъ хорошіе мосты для моихъ войскъ. Я перешелъ черезъ Евфратъ. Цари (слѣдуетъ списокъ именъ)... всего двадцать три царя земель Наири, собрали колесницы и войска со всѣхъ своихъ земель и выступили противъ меня въ бой. Бурнымъ напоромъ моихъ храбрыхъ войскъ я ихъ сокрушилъ. Подобный молніи громовержца Раммана, я истребилъ ихъ многолюдныя полчища; трупами ихъ воиновъ я, словно соломой, устлалъ горныя выси и ограды ихъ городовъ. Въ бою я уничтожилъ у нихъ сто двадцать колесницъ; шестьдесятъ царей земель Наири, вмѣстѣ съ пришедшими къ нимъ на помощь, я загналъ до Верхняго (Чернаго) моря. Большіе города ихъ я взялъ, имущества ихъ расхитилъ, сезенія ихъ разорилъ, сжегъ огнемъ, опустошилъ, превратилъ въ груды и пахотную землю. Боль-



Разрушеніе и разграбленіе города въ горной мѣстности.

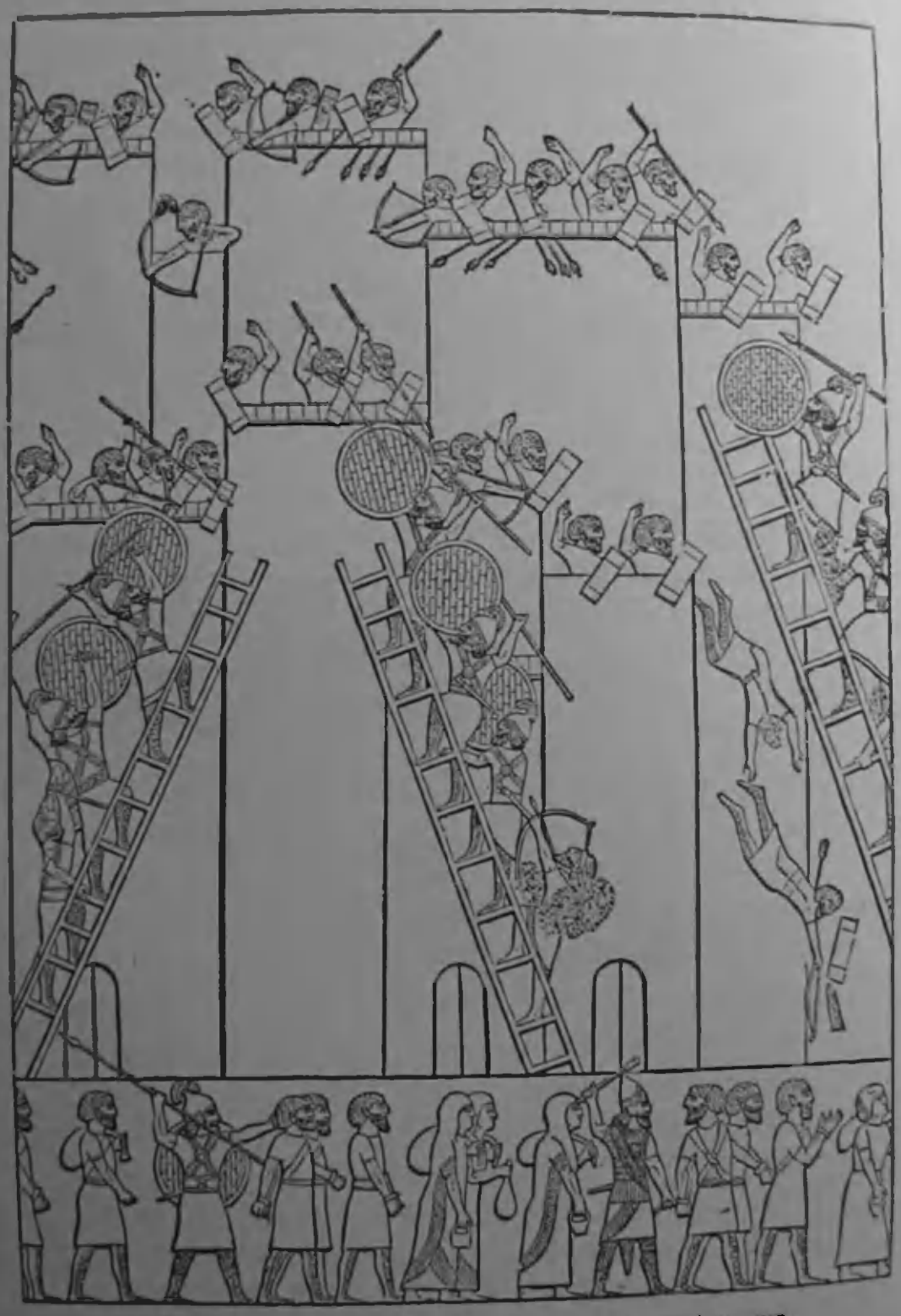
шія стада лошадей, жеребятъ, телятъ и всякую утварь безъ счета я угналъ и увезъ къ себѣ домой. Царей земель Напри рука моя заполонила живыми, всѣхъ. Царей этихъ самыхъ я помиловалъ. Плѣнныхъ и связанныхъ, я отпустилъ ихъ передъ лицомъ Шамаша, Господа владыки моего, взялъ съ нихъ клятву великими богами, заставилъ ихъ присягнуть мнѣ на вѣки вѣчные. Дѣтей ихъ, отпрыски ихъ царскихъ родовъ, я взялъ въ заложники. Наложилъ на нихъ дань—1200 коней да 2000 быковъ, и отпустилъ ихъ по ихъ землямъ. Сини, царя земли Даяини, не захотѣвшаго покориться Ашуру, господину моему, я увелъ плѣннымъ и связаннымъ въ мой стольный градъ Ашуръ. Тамъ я помиловалъ его и изъ града моего Ашура отпустилъ его, обративъ его въ преданнаго слугу великихъ боговъ, наказавъ ему жить и не бунтовать. Обширными землями Напри я завладѣлъ всѣми и всѣхъ царей ихъ повергъ въ прахъ къ ногамъ моимъ».

Нельзя не обратить вниманіе на милостивое обращеніе царя съ этими царьками; такъ оно непохоже на обычный его короткій судъ и расправу; тутъ очевидно побужденіемъ было желаніе снискать ихъ расположеніе. Онъ долженъ былъ сознаться, что Ассиріи слишкомъ убыточно частое повтореніе такихъ трудныхъ походовъ, въ отдаленныя и недоступныя мѣста, и что было бы весьма выгодно обратить непокойныхъ сосѣдей, охотниковъ до хищническихъ набѣговъ, въ союзниковъ и мирныхъ вассаловъ, правильно платящихъ дань; поэтому-то онъ и не старался совсѣмъ овладѣть ихъ землями и не наложилъ на нихъ «ярмо Ашура, своего владыки», со всею тяжестью.

Дамаскъ и главный городъ ихъ, Дамаскъ.

8.—Эти походы на сѣверъ, повидимому, были главнымъ занятіемъ Тиглат-Фелассара и важнѣйшей чертой его царствованія. Упоминается еще

какая-то кампанія на юго-востокъ, въ передовые отроги цѣпи Загрошъ, но какъ-то мимоходомъ, хотя называется успѣшной и выгодной. Не особенно также распространяется надпись о другомъ походѣ, на западъ, въ «Арамейское Порѣчіе», хотя успѣхъ его расширилъ владычество Ассиріи до Евфрата, а именно: до тѣхъ мѣстъ, гдѣ рѣка, образуя огромный полукругъ, всего ближе подходитъ къ Средиземному морю. Однако, этотъ параграфъ для насъ весьма важенъ, потому что въ немъ впервые офиціально упоминается народъ, которому суждено было достигнуть большого могущества. Народъ этотъ, араменцы, чисто семитскаго племени, вѣроятно тоже долго жившій въ Шумирѣ и оттуда уже выселившійся вслѣдствіе эламитскаго вторженія, всего нѣсколько сотъ лѣтъ послѣ Тиглат-Фелассара занималъ всю землю, нынѣ именуемую Сиріей, и образовалъ одно сильное государство, имѣвшее столицей своей Дамаскъ, городъ, встарину принадлежавшій хетамъ. Это одинъ изъ тѣхъ весьма немногихъ городовъ, которые никогда совершенно не погибали. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ центровъ семитской культуры, и во всѣ древніе вѣка сохранилъ свое значеніе и великолѣпіе; въ средніе вѣка, когда арабы, — тоже кровные семиты,—стали проповѣдовать вѣру своего пророка Мухаммеда и завоевывать одну страну за другою, Дамаскъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ центровъ ихъ культуры и могущества, мало уступая самому Багдаду; и даже когда варвары турки наводнили всѣ чудныя страны западной Азіи и



Взятіе приступомъ крѣпости и уводъ плѣнныхъ.

поглотили ихъ въ свою хищническую державу, Дамаскъ все еще не потерялъ своего значенія, и до сихъ поръ остается городомъ далеко не маловажнымъ. Такимъ образомъ существованіе его покрываетъ, безъ перерыва, не менѣе 3500 лѣтъ,—а наврядъ ли другой какой городъ можетъ похвалиться такимъ долгодействіемъ. Основали его не арамеицы, но имъ онъ былъ обязанъ своимъ величіемъ. Въ 1120 г. до Р. Х., арамейцы хотя и владѣли уже Дамаскомъ, но это было еще довольно ничтожное племя, не отваживавшееся уходить далеко отъ рѣки, своей кормилицы и защитницы. Это видно изъ того, какъ мимоходомъ упоминается «Арамейское Порѣчіе», черезъ которое ассиріискій завоеватель быстро проходитъ, имѣя въ виду внезапный набѣгъ на «землю Хатти», гдѣ онъ въ одинъ день, нечаяннымъ нападеніемъ, беретъ и грабитъ Кархемишъ. Арамейцы, очевидно, заняли нынѣшнюю Сирію вслѣдъ за хетами, набирая силы по мѣрѣ того, какъ послѣдніе теряли ихъ, слѣдуя за ними по пятамъ, и овладѣвая городами и землями, лишь только хеты покидали ихъ въ своемъ отступательномъ движеніи къ горнымъ твердынямъ.

Тиглат-Фелассаръ подводитъ итогъ своимъ кампаніямъ.

9.—Разсказавъ болѣе или менѣе подробно всѣ свои кампаніи, Тиглат-Фелассаръ кончаетъ слѣдующимъ сжатымъ обзоромъ своей дѣятельности, безыскусственная простота котораго придаетъ ему нѣкоторое величіе:

«Всего сорокъ двѣ страны съ ихъ царями, отъ лѣсистыхъ окраинъ, что за Нижнимъ Забомъ, до земли Хатти за Евфратомъ и вплоть до Верхняго Моря Заката, — (Средиземное

море выше устья Оронта), — рука моя покорила отъ начала моего царствованія до пятаго года моего владычества. Я заставилъ ихъ говорить на одномъ языкѣ, принялъ отъ нихъ заложниковъ и обложилъ ихъ данью».

Его мудрое правленіе.

10.—До сихъ поръ мы имѣли дѣло лишь съ царемъ-воиномъ и завоевателемъ. Но онъ себя заявилъ и съ другой стороны, равно живо выступающей въ его безцѣнномъ цилиндрѣ. Онъ является предусмотрительнымъ государемъ, который посвящаетъ купленный столькими трудами досугъ мирнымъ занятіямъ и развитію могущества родной земли: «Я соорудилъ колесницъ больше, чѣмъ ихъ было до меня, для увеличенія военной силы моей земли, и снабдилъ ихъ упряжью и конями. Къ землѣ Ашуровой я присоединилъ другія земли, къ народу его—другіе народы; я улучшилъ состояніе моихъ подданныхъ, поселилъ ихъ въ мирныхъ жилищахъ». Онъ говоритъ, что «укрѣпилъ старыя, разваливавшіяся крѣпости», наполнилъ хлѣбомъ царскія житницы во всей Ассиріи; что собралъ въ стада, «словно овецъ», дикихъ козъ, сернъ, оленей, антилопъ, которыхъ приказывалъ ловить въ лѣсахъ тѣхъ гористыхъ странъ, черезъ которыя онъ проходилъ, — что стада эти благоденствовали и множились, и поставляли отборныя жертвы для боговъ (стало-быть, и отличную пищу для людей, такъ какъ на жертвенникахъ сожигались только извѣстныя части животнаго, остальныя же приготовляли для себя жрецы или сами жертвователи). Не забывалъ царь также заботиться объ украшеніи своей столицы и страны вообще. Даже въ походахъ,

онъ успѣвалъ любоваться прекрасными лѣсами и приказывалъ бережно вынимать изъ земли множество молодыхъ, красивыхъ деревьевъ, неизвѣстныхъ ему сортовъ, съ достаточнымъ количествомъ земли для питанія корней, и въ большихъ корзинахъ доставлять въ Ассирію, гдѣ ихъ разсаживали въ царскихъ садахъ и паркахъ. Онъ упоминаетъ о кедрахъ и о двухъ какихъ-то еще деревьяхъ, имена которыхъ остаются для насъ загадкой, и говоритъ о нихъ слѣдующее: «....Деревья эти, которыхъ при царяхъ, отцахъ моихъ, никто не сажалъ, я взялъ и посадилъ въ садахъ моей родной земли; еще привезъ я драгоцѣнныя лозы садоваго винограда, какихъ у насъ до того не было, и обогатилъ ими сады земли Ашуровой».

Его страсть къ охотѣ.

11.—Еще царь дѣлаетъ насъ свидѣтелями своей любимой утѣхи—охоты, которою онъ, очевидно, ревностно занимался и во время своихъ походовъ. Всѣ земли, въ которыхъ онъ перебывалъ, равно какъ и сама Ассирія, въ то время еще изобиловали львами и другими дикими звѣрьми, смотря по мѣстности, и слава искуснаго и безстрашнаго охотника считалась вполнѣ достойною царскаго величія, какъ это видно изъ того, съ какой гордостью Тиглат-Фелассаръ распространяется о своихъ подвигахъ на этомъ поприщѣ, не забывая воздавать должную благодарность богамъ,—покровителямъ благородной потѣхи, также какъ и войны,—Нинибу и Нергалу, особенно послѣднему, которому, какъ извѣстно, было посвящено изображеніе крылатаго льва съ человѣчьей головой.

Убивъ собственноручно четырехъ дикихъ быковъ въ пустынѣ, у предѣловъ земли Хатти, изъ лука и острымъ копьемъ, онъ увезъ шкуры и рога ихъ на память «въ свой градъ Ашуръ», вмѣстѣ со шкурами и клыками десяти убитыхъ имъ слоновъ; четырехъ же слоновъ онъ взялъ живыми и привезъ въ свой стольный городъ. «Милостями Нинба, моего покровителя»,—говоритъ онъ далѣе,—«я, въ пылу юношеской отваги, въ полнотѣ мужеской силы, на своихъ ногахъ, убилъ 120 львовъ; 800 же львовъ я убилъ съ колесницы. Всякаго рода звѣрье и птицу я причислилъ къ своей охотничьей добычѣ».

Морской праздникъ.

12.—Такъ велико было пристрастіе этого царя ко всякимъ зоологическимъ диковинамъ, что, когда царь египетскій пожелалъ особенно угодить ему, ради скрѣпленія дружескихъ международныхъ отношеній, онъ не могъ ничего лучше придумать, какъ послать ему въ подарокъ «большого рѣчного звѣря»—(вѣроятно, или крокодила, или гиппопотама изъ рѣки Нила)—и нѣсколькихъ «звѣрей изъ великаго моря». Эта любопытная подробность, впрочемъ, извѣстна не изъ большого цилиндра, а изъ отрывка гораздо позднѣйшей надписи, въ которой другой царь, тоже знаменитый завоеватель, перечисляетъ подвиги своего великаго предшественника. Этотъ разсказъ, хотя крайне сжатый, однако, весьма вѣрно передаетъ всю суть длиннаго подлинника, и даже дополняетъ его нѣсколькими интересными подробностями, упоминая между прочимъ, что Тиглат-Фелассаръ «сѣлъ на корабли города Арвада и

убилъ... (не дельфина ли?)—на открытомъ морѣ». Арвадъ же (по-гречески Арадосъ) былъ самымъ сѣвернымъ изъ финикійскихъ торговыхъ городовъ, расположеннымъ на берегу той части Средиземнаго моря, которую ассирійцы называли «Верхнимъ Моремъ Заката». Если вѣрить этой замѣткѣ, выходитъ, что царь Тиглат-Фелассаръ первый изо всѣхъ ассирійцевъ отважился выйти въ открытое море. По всему, что намъ извѣстно объ этомъ царѣ, легко можно себѣ представить, какое удовольствіе доставила ему эта маленькая экскурсія, и какъ политическая демонстрація,—нѣчто въ родѣ вступленія во владѣніе новой стихіей, считавшейся дотолѣ исключительнымъ достояніемъ приморскихъ сыновъ Ханаана, — и также какъ благопріятный случай обогатить свои охотничьи воспоминанія новымъ ощущеніемъ. Представляя себѣ это памятное праздничное событіе, невольно думаешь: хоть бы однимъ глазомъ взглянуть на все это великолѣпіе восточныхъ костюмовъ, на росконь восточной обстановки, пышно раскинувшейся на синевѣ этихъ дивныхъ водъ, на фонѣ этой бездонной небесной лазури.

Неудачный походъ противъ Вавилоніи.

13.—Итакъ, мы прощаемся съ Тиглат-Фелассаромъ на высотѣ его славы и могущества, съ чувствомъ уваженія къ его блестящей, героической личности, и не безъ сожалѣнія узнаемъ, что къ концу его царствованія слава эта отчасти померкла, могущество это нѣсколько ослабло. Подобно почти всѣмъ ассирійскимъ царямъ, о которыхъ до насъ дошли свѣдѣнія, онъ воевалъ съ Вавилономъ, а въ этомъ направленіи имъ положи-

тельно не везло. Даже въ періодъ высшаго процвѣтанія Ассиріи, когда она неизмѣнно одерживала верхъ надъ народами, окружавшими ее съ сѣвера, востока и запада, она на югѣ часто встрѣчала неудачи,—что вполнѣ естественно, такъ какъ Вавилонія, нѣкогда ея метрополія и наставница, до конца оставалась равной ей по культурѣ, если только не превосходила ее. Между тѣмъ, съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Тукульти-Ниниб̀ъ I вступилъ побѣдителемъ въ Вавилонъ, младшая держава постоянно заявляла права на верховенство надъ старшею, и права эти, повидимому, отчасти признавались. Притомъ, цари вавилонскіе съ этихъ самыхъ поръ вдругъ являются съ именами семитскими, на мѣсто касситскихъ, такъ долго слѣдовавшихъ другъ за другомъ, а это какъ будто указываетъ на то, что ассирійскіе цари, въ виду собственныхъ выгодъ, произвели тамъ перемѣну династіи. Должно-быть, послѣдовало какое-нибудь соглашеніе насчетъ этого, установилась какая-нибудь форма присяги, что ли, хотя не имѣется документовъ, могущихъ пролить свѣтъ на этотъ темный вопросъ; зато часто упоминается о полученіи дани изъ Вавилона, и когда ассирійскіе цари ходили на югъ. то это дѣлалось обыкновенно для усмиренія того, что имъ угодно было называть «бунтомъ» или «мятежомъ». Во всякомъ случаѣ вавилонскіе цари никогда не переставали отстаивать свою самостоятельность, переходя, смотря по обстоятельствамъ, отъ оборонительнаго къ наступательному образу дѣйствій, иногда же, если счастье ужъ

слишкомъ было противъ нихъ, притаиваясь, смиряясь на время. Взаимныя отношенія двухъ державъ Междурѣчія въ теченіе тѣхъ 600 лѣтъ, которыя протекли отъ первой ассирійской побѣды до окончательной борьбы не на животъ, а на смерть, можно сравнить съ нескончаемой партіей въ какую-нибудь игру, съ постоянно колеблющимся исходомъ, причемъ каждый изъ играющихъ, въ минуту самаго отъявленнаго выигрыша, можетъ въ слѣдующій же моментъ потерять все, а при самомъ отчаянномъ проигрышѣ вполнѣ готовъ взять реваншъ. Тиглат-Фелассаръ I, подобно своему предку Тукульти-Нинибу I, долженъ былъ въ свою очередь отвѣдать неудачи, и тоже оставилъ въ рукахъ своего противника видимый знакъ своего пораженія, а именно—статуи своего любимаго бога, Раммана, и его супруги,—которыя грозный царь Сеннахерибъ взялъ обратно при окончательномъ покореніи Вавилона 400 лѣтъ спустя. вмѣстѣ съ печатнымъ кольцомъ Тукульти-Нинива. II объ этой неудачѣ мы узнаемъ только изъ повѣствованія того же Сеннахериба, изъ котораго видно: во-первыхъ, что Тиглат-Фелассаръ, который почти въ каждомъ параграфѣ своего длиннаго разсказа проявляетъ необыкновенно набожный духъ и, повидимому, гордится построеніемъ и поправкою храмовъ даже болѣе, чѣмъ своими военными подвигами, возилъ съ собою эти статуи въ походѣ противъ Вавилона; во-вторыхъ, что «царь аккадскій отбилъ ихъ у него и поволокъ въ Вавилонъ», откуда уже Сеннахерибъ «извлекъ ихъ» и вернулъ въ ихъ собственный храмъ.

Пробѣлъ въ исторіи Ассиріи послѣ Тиглат-Фелассара I.

14.—Этимъ заканчиваются свѣдѣнія, паче чаянія обильныя, которыя мы имѣемъ о Тиглат-Фелассарѣ I Свѣдѣніями этими мы большею частью обязаны его предусмотрительности, побудившей его помѣстить четыре экземпляра этого документа подъ четырьмя углами своего главнаго зданія,—«на будущіе дни, на вѣчныя времена!» восклицаетъ онъ въ заключительномъ параграфѣ. Мощная фигура царя-вонителя тѣмъ колоссальнѣе и величественнѣе выдвигается изъ мрака вѣковъ, что она стоитъ одна, словно прекрасно отдѣланная статуя подъ лучомъ яркаго свѣта, на темномъ фонѣ. Вокругъ него—одна тьма, еле оживляемая немногими неясно мелькающими тѣнями. Какъ до него мало извѣстно объ Ассиріи, кромѣ двухъ-трехъ фактовъ объ Ашуръ-Убаллитѣ и Тукульти-Нинибѣ I-мъ, такъ двѣсти лѣтъ послѣ него ничего неизвѣстно о его преемникахъ. Имя его воплощаетъ для насъ цѣлое откровеніе. Его цилиндръ—первый историческій и литературный памятникъ, добытый изъ ассирійскихъ развалинъ; изображеніе его на скалѣ дальняго сѣвера—первый извѣстный намъ памятникъ ассирійскаго искусства. Послѣ него—двухвѣковой пробѣлъ. Никакихъ художническихъ остатковъ, никакихъ историческихъ данныхъ; ничего, кромѣ нѣсколькихъ именъ. «Ничего пока неизвѣстно объ этихъ государяхъ», говоритъ Дж. Раулинсонъ въ своемъ трудѣ: «Пять Царствъ Древняго Востока». «Не открыто никакихъ историческихъ надписей, касающихся ихъ царствованій; о нихъ и ихъ дѣяніяхъ не упоминаютъ даже надписи позднѣйшихъ

царей. Передъ нами проходятъ одни тѣни нѣкогда славныхъ именъ, — примѣръ скоротечности посмертной славы, которая бываетъ столь же часто результатомъ случая, какъ и наградою за дѣйствительныя заслуги». Строки эти краснорѣчивы, но вполнѣ ли правдивы? Можно ли назвать «славными» имена, переданныя потомству безъ малѣйшаго упоминанія о чемъ-либо, совершенномъ носившими ихъ? Славныя дѣла, величіе какого бы то ни было рода, какъ-нибудь да выживутъ, оставятъ по себѣ какой ни на есть слѣдъ, хоть косвенно, въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, если нѣтъ памятниковъ современныхъ. Ассирійскіе цари, какъ ни поглощены они своими собственными подвигами, и какъ ни склонны къ самовосхваленію, однако не забываютъ о своихъ славныхъ предшественникахъ и часто поминаютъ ихъ съ благоговѣніемъ. Что царямъ, воспріявшимъ отъ Тиглат-Фелассара державу, столь прочно имъ утвержденную, нигдѣ не воздана такая посмертная честь, невольно наводитъ на мысль, что нечѣмъ было ихъ поминать, что ни въ ихъ личностяхъ, ни въ современныхъ имъ событіяхъ не было ничего выдающагося, ничего такого, что пережило бы ихъ въ памяти потомства, что̀ разнообразило бы монотонную рутину мелкихъ войнъ, охоты, построекъ и домашняго деспотизма, на которую сводилась обычная дѣятельность ассирійскаго царя. Въ самое послѣднее время, однако, возникло сомнѣніе другого рода. Молодой ученый Леманъ, подвергнувшій такой проницательной критикѣ хронологію Саргона Аккад-

скаго (см. «Исторію Халдеи», стр. 253), съ такимъ же скептицизмомъ отнесся и къ этому 200-лѣтнему пробѣлу. Какъ тамъ, такъ и тутъ онъ старается доказать, что объ этомъ промежуткѣ времени ничего неизвѣстно просто потому, что его не было вовсе, т. е., что Тиглат-Фелассаръ I жилъ лѣтъ полтораста позже, чѣмъ до сихъ поръ полагали. И въ настоящемъ случаѣ нѣкоторые ассиріологи безусловно съ нимъ согласны, но большинство еще относится съ недовѣріемъ къ его выводамъ *).

„Первое" или „Древнее" Царство.

15.—Какъ бы то ни было, Тиглат-Фелассаръ I воплощаетъ для насъ первый періодъ развитія и величія Ассиріи, извѣстный подъ названіемъ «Перваго» или «Древняго Царства», потому что рядъ государей, основавшихъ его, не прерывался, повидимому, въ теченіе цѣлыхъ 800 лѣтъ. На этотъ замѣчательный фактъ косвенно указываетъ самъ Тиглат-Фелассаръ, когда, перечисливъ въ параграфѣ, посвященномъ его генеалогіи, своего отца и предковъ своихъ до четвертаго поколѣнія, онъ называетъ своими родоначальниками Ишми-Дагана и Шамаш-Раммана, первыхъ извѣстныхъ *патэси*, — еще не царей, — города Ашура, причемъ замѣчаетъ, что послѣдній былъ строителемъ того самаго храма, который онъ, по его хвастливому замѣчанію, перестроилъ съ большимъ противъ прежняго великолѣпіемъ. Очевидно, что при немъ и, главнымъ образомъ, его стараніями,

*) (См. C. F. Lehmann: «Zwei Hauptfragen» etc.—«Два капитальныхъ вопроса по хронологіи древняго Востока»).

Ассирія достигла своихъ предѣловъ. На сѣверѣ изваянное изображеніе завоевателя какъ будто молчаливымъ жестомъ указываетъ со своей скалы у истоковъ Тигра на горную цѣпь, названную древними географами «Снѣжными Горами» (Mons Niphates), какъ на утвержденную имъ границу своей державы. На западѣ самой естественной границей является Евфратъ, а на востокѣ такую же естественную границу составляетъ горная цѣпь Загросъ. Только на югѣ пограничная черта неясна, да и постоянно подвергалась колебаніямъ вслѣдствіе измѣнчивости отношеній между Ассиріей и Вавилономъ. Описанную здѣсь площадь Дж. Раулинсонъ называетъ «землею, входящею въ дѣйствительный составъ Ассиріи»; она была покрыта городами и селеніями и отличалась отъ «земель, завоеванныхъ и содержимыхъ въ подневольномъ подданствѣ».

III.

Сыны Ханаана: ихъ передвиженія.—Финикіяне.

Финикіяне около 1100 г. до Р. Х.

1.—Читая о праздничной морской прогулкѣ Тиглат-Фелассара на корабляхъ города Арвада и о томъ, какъ онъ убилъ нѣкоего морского звѣря, мы во всемъ этомъ какъ бы чувствуемъ какую-то несообразность, что-то такое, что̀ вызываетъ невольную улыбку, точно ребяческую выходку. Морскія почести какъ-то не къ лицу герою столькихъ сухопутныхъ битвъ, безстрашному вождю походовъ въ невѣдомыя, непроходимыя горныя стремнины, и сама Ассирія—такая чисто континентальная держава, что ея царь и войско словно не на своемъ мѣстѣ на морскомъ берегу, среди торговцевъ и моряковъ. Это несомнѣнно была только случайная военная прогулка, и богатые купцы, подобострастно принимая грознаго гостя, съ медоточивыми рѣчами и ужъ конечно не съ пустыми руками, едва ли иначе смотрѣли на его посѣщеніе; имъ и не снилось, что недалекъ тотъ день, когда желѣзная лапа лютаго Ашура протянется къ ихъ роскошнымъ приморскимъ дачамъ, къ ихъ верфямъ, докамъ,

кладовымъ и заводамъ, и надолго тяжело ляжетъ на шею ихъ потомства. Ассирійцы, отличавшіеся алчностью не менѣе, чѣмъ жестокостью, ужъ конечно не могли забыть несмѣтныхъ богатствъ, на которыя имъ тутъ въ первый разъ привелось взглянуть ослѣпленными всѣмъ этимъ блескомъ, разбѣгавшимися, жадными глазами. Финикіяне же именно къ этому времени достигли верха своего благоденствія, и, между тѣмъ какъ ихъ непрошеные гости дивились ихъ роскоши и наслаждались новизною морской прогулки, уже полными хозяевами плавали и распоряжались по голубой стихіи, которая была уже подвластна имъ,—имъ однимъ, до послѣднихъ предѣловъ, куда доходило человѣческое знаніе и доносили корабли. И именно къ этому времени,—1100 г. до Р. Х.—историки относятъ основаніе самой отдаленной ихъ колоніи и главнѣйшей морской и торговой станціи,—Гадеса (нынѣ Кадиксъ), въ Испаніи, по ту сторону Гибралтарскаго пролива. Пробираясь туда, они должны были причаливать ко многимъ пунктамъ, укрѣплять за собою много пристаней, а на это непремѣнно потребовалось нѣсколько столѣтій, такъ какъ путь дологъ отъ Персидскаго залива до Атлантическаго океана, а всѣ древніе писатели согласны въ томъ, что финикіяне начали свои странствованія отъ группы небольшихъ острововъ, находящихся въ томъ заливѣ,—«Великомъ Морѣ Восхода», какъ называли его ассирійскіе географы. Они и сами о себѣ то же говорили.

Хананейскія племена. „Пунты" или „пуны".

2.—Эта группа, нынѣ извѣстная подъ названіемъ Бахрейнскихъ острововъ, расположена

около середины западнаго берега залива, совсѣмъ близко къ аравійскому побережію, плодоносному и привѣтливому, раздѣленному горами отъ раскаленныхъ песковъ и жгучихъ вѣтровъ пустыни. Тутъ, повидимому, находилась первая родина хананеевъ, прежде чѣмъ они раздѣлились на тѣ безчисленныя племена, которыя разбрелись по всѣмъ плодоноснымъ и краснымъ частямъ Сиріи и должны были въ будущемъ играть такую видную роль въ судьбахъ іудеевъ, почему въ Библіи данъ такой подробный списокъ ихъ (см. Кн. Бытія, гл. X, 15—29). И не только на этихъ островахъ, но и по прилежащему поморью эти родоначальники хананеевъ прожили, должно-быть, много вѣковъ. Одно изъ этихъ племенъ настолько выдалось изъ числа остальныхъ, что уже въ ту раннюю пору получило отдѣльное названіе, а именно: пуиты или пуны (футъ въ Кн. Бытія, гл. X, 6); имя это впослѣдствіи, подъ греческимъ вліяніемъ, извратилось въ финикіянъ. Они сохранили свое отдѣльное наименованіе въ теченіе всего своего странствованія на западъ, тогда какъ единоплеменники ихъ позаимствовали свое общее названіе, хананеевъ, отъ земли Ханаанской, по которой они разбрелись, особыя же имена брали отъ заселяемыхъ ими мѣстностей. Пуны были прежде всего людъ торговый и предпочтительно селились въ такихъ мѣстахъ, которыя благопріятствовали развитію ихъ страсти къ торговлѣ и наживѣ. Значительная вѣтвь ихъ завладѣла одной изъ лучшихъ частей Аравіи, областью, нынѣ называемою

Іеменомъ; это — юго-восточный конецъ аравійскаго полуострова, у пролива Бабъ-эль-Мандебъ и насупротивъ выдающагося угла восточной Африки, нынѣ называемаго областью Сомали: мѣстоположеніе, очевидно, дающее ключъ ко всей торговлѣ морей Чернаго и Аравійскаго, и даже болѣе отдаленнаго Индійскаго океана, притомъ и тогда уже, такъ же какъ и въ наше время, привлекавшее караваны и удобное для отправленія ихъ. Кромѣ того, и Іеменъ, и Сомали сами чрезвычайно богаты всякими цѣнными восточными продуктами, какъ-то: рѣдкими деревами, пряностями, ладаномъ и пр. Тутъ пуны жили и торговали, главнымъ образомъ, съ Египтомъ, уже задолго до появленія финикіянъ. Нѣкоторые считаютъ послѣднихъ отраслью пуновъ, какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлившеюся и ушедшей на сѣверъ; иные — того мнѣнія, что заселители сирійскаго побережія были все тѣ же пуны, но ушедшіе, болѣе сѣвернымъ путемъ, прямо поперекъ пустыни изъ своей первобытной родины у Персидскаго залива, откуда другіе единоплеменники ихъ ушли еще ранѣе ихъ, такъ что позднѣйшіе пришельцы застали первыхъ уже основавшими города и устроившими политическія общины. Среди такихъ племенъ и еще нѣкоторыхъ, семитскихъ, еще надолго оставшихся кочевниками, — а иныя и навсегда,—они замѣшкались на пути, пока, передружившись и переженившись съ обывателями, они причислились къ «сынамъ Хананна», и столица ихъ, Сидонъ, удостоилась чести называться «первороженнымъ Хананна».

Послѣдствія эламитскаго погрома.

3.—Въ исторіи глубочайшей древности нѣтъ событій важнѣе переселеній народовъ; между тѣмъ, по самому естеству ихъ, почти невозможно назначить имъ время даже приблизительно. Переселяются племена обыкновенно, когда они еще на такой ступени культуры, на которой памятники еще не создаются, а созданіе памятниковъ требуетъ много времени. Въ данный моментъ какой-нибудь народъ упоминается въ надписяхъ какого-нибудь другого народа, опередившаго его умственно, и говорится, что онъ живетъ или жилъ въ такомъ-то мѣстѣ; это—первое, что мы о немъ слышимъ. Значитъ, мы можемъ сказать о такомъ народѣ: «въ такое-то время онъ былъ тамъ-то; вотъ тому доказательство», — и все. Долго ли? Давно ли? На эти вопросы часто невозможно бываетъ отвѣтить. Въ особенно благопріятныхъ случаяхъ, пожалуй, найдутся косвенныя указанія, которыя помогутъ установить время, съ ошибкою развѣ въ нѣсколько лѣтъ,— положимъ, даже сто лѣтъ: это такая малость, о которой на такомъ разстояніи говорить не стоитъ. Такъ, въ Книгѣ Бытія (XII, 5—6), гдѣ говорится, что Авраамъ, Сарра, жена его, и Лотъ, его племянникъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ и съ семьями ушли изъ Харрана на югъ и пришли въ землю Ханаанскую, мы читаемъ слѣдующее: — «Въ этой землѣ тогда жили хананеи». Слово «тогда» какъ будто означаетъ, что они пришли туда недавно. Жили ли хананеи долго въ самомъ Шумирѣ, подобно іудеямъ, или не сходили съ прилежащей плодо-

носной прибрежной полосы у залива, — только они, повидимому, опередили первыхъ въ движеніи на западъ. По одному преданію, ихъ выжила съ ихъ мѣстъ жительства ссора съ царемъ вавилонскимъ. Указанное время какъ разъ соотвѣтствуетъ знаменитому нашествію эламитовъ при Худур-Нанхунди, къ которому намъ приходится безпрестанно возвращаться, и весьма вѣроятно, что причиной выселенія ханаанеевъ, какъ и семитовъ, было потрясеніе, причиненное этимъ нашествіемъ, реакція котораго давала себя чувствовать въ болѣе и болѣе обширныхъ кругахъ еще прежде, нежели оно дошло до Мертваго моря при Худур-Лагамарѣ, и прежде, нежели она толкнула орды гиксовъ въ Египетъ. Такимъ образомъ, все рѣшительно, какъ бы сговорившись, указываетъ на эламитскій погромъ, какъ на одно изъ самыхъ многознаменательныхъ, равно какъ и достовѣрныхъ, событій отдаленнѣйшей древности, какъ на точку отправленія нѣсколькихъ переворотовъ, имѣвшихъ воздѣйствіе на восточный міръ далеко за предѣлами странъ, немедленно имъ затронутыхъ, при чемъ создались условія, долгое время слывшія за самыя древнія въ извѣстномъ намъ мірѣ. Ранѣе 1000 лѣтъ до Р. Х. мало что можно было разглядѣть во тьмѣ вѣковъ, и, какъ ни дико это можетъ показаться, однако, можно буквально утверждать, что всѣмъ, что наука завоевала ранѣе того времени, она обязана скромнымъ трудамъ заступа и лома за послѣдніе полвѣка.

До-хананейское население Сиріи и Палестины.

4.—Мы уже убѣдились въ существованіи историческаго закона *), въ силу котораго переселяющееся или вторгающееся племя, когда овладѣваетъ какой-либо землею, никогда не находитъ землю эту пустопорожнею, а непремѣнно уже заселенною; съ другой стороны, никакое племя, какъ бы долго и твердо оно ни сидѣло на мѣстѣ, даже считая само себя туземнымъ,—аборигенами, не окажется таковымъ на самомъ дѣлѣ, а непремѣнно пришедшимъ откуда-нибудь—если только удастся добраться до такой древности. Разумѣется, за всѣмъ тѣмъ, до чего мы дознались, стѣной стоитъ то, до чего мы еще не добрались, и до чего, можетъ-быть, доберемся въ будущемъ, а можетъ-быть и нѣтъ; потому что кто же можетъ напередъ сказать, *гдѣ* находится конечный предѣлъ нашего знанія, нашихъ открытій? Вѣрно лишь то, что такой предѣлъ непремѣнно существуетъ гдѣ-нибудь, по всѣмъ направленіямъ и отраслямъ знанія. Слѣдя за судьбами переселяющихся племенъ, мы часто вдругъ наталкиваемся на такія, которыхъ далѣе прослѣдить нѣтъ средствъ, и самыя имена которыхъ, данныя имъ пришельцами, показываютъ, что для этихъ пришельцевъ они были не меньшей загадкой, нежели для насъ самихъ. «Палестина», говоритъ Франсуа Ленорманъ, «когда въ нее вступили хананеи, не была дикой, необитаемой землею. Большая часть городовъ была уже построена, и окружающія ихъ земли были густо населены, обита-

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 151, 167.

телямъ же пришлось или погибать или уходить. Отъ этихъ первобытныхъ обитателей, однако, оставались еще кое-какіе слѣды, когда израильтяне завладѣли страною. Нѣкоторыя изъ именъ, которыми Библія обозначаетъ найденныхъ ими въ Палестинѣ аборигеновъ, даютъ понятіе о людяхъ большого роста и силы, и народное преданіе впослѣдствіи сдѣлало изъ нихъ великановъ» *). Таковы были АНАКИМЫ, ЭМИМЫ (въ Библіи «енакимы», «емимы»); это послѣднее имя означаетъ людей «страшныхъ», «грозныхъ». Таковы и тѣ народы, которые у хананеевъ назывались ЗУЗИМЫ и ЗАМЗУММЫ; имена эти просто намекаютъ на языкъ, звучавшій въ ушахъ иноплеменниковъ, какъ монотонный жаргонъ, какое-то непонятное жужжаніе. Послѣдніе остатки этихъ первобытныхъ племенъ были истреблены іудеями; но и тогда еще они были настолько многочисленны и, по слухамъ, настолько страшны, что внушали завоевателямъ больше опасеній, нежели сами хананеи, которыхъ они пришли выживать изъ насиженныхъ ими мѣстъ. Когда Моисей послалъ двѣнадцать мужей высокаго званія и достойныхъ довѣрія, по одному человѣку отъ каждаго колѣна,—все «мужи главные у сыновъ Израилевыхъ»,—«высмотрѣть землю хананскую» и поглядѣть, какова она, тучна ли или тоща, и каковъ народъ, живущій на ней, «силенъ онъ или слабъ, малочисленъ ли онъ, или многочисленъ, и каковы города, въ кото-

*) Франсуа Ленорманъ, «Исторія Древняго Востока».

рыхъ онъ живетъ», — они вернулись унылые и объявили Моисею и собравшимся слушать ихъ колѣнамъ: «Не можемъ мы идти противъ народа сего, ибо онъ сильнѣе насъ... Тамъ видѣли мы исполиновъ, сыновъ Енака, отъ исполинскаго рода; и мы были въ глазахъ нашихъ передъ ними, какъ саранча, такими же мы были и въ глазахъ ихъ» (Числа, XIII). А о землѣ моавитянъ у Мертваго моря (у южнаго его конца) сказано въ другомъ мѣстѣ: «Прежде жили тамъ Емимы, народъ великій, многочисленный и высокій, какъ сыны Енаковы... Моавитяне же называютъ ихъ Емимами» (Второзаконіе II, 10). Опять же о народѣ, жившемъ тутъ до пришествія аммонитянъ, немного къ сѣверу отъ моавитянъ, сказано: — «Аммонитяне называютъ ихъ замзуммимами; народъ великій, многочисленный и высокій, какъ сыны Енаковы, и истребилъ ихъ Господь передъ лицемъ (аммонитянъ) и изгнали они ихъ (аммонитяне), и поселились на мѣстѣ ихъ» (Второзаконіе, II, 10—11, 20—21). Въ самомъ дѣлѣ, физическая сила этихъ послѣднихъ потомковъ прежнихъ владѣльцевъ земли вошла въ пословицу: «Кто можетъ устоять противъ Енаковыхъ дѣтей!» было общей поговоркой, и едва хватило двухъ нашествій, — ханаѳеевъ и израильтянъ, — чтобы вконецъ извести ихъ, такъ, чтобы можно было заключить повѣсть о нихъ словами: «Не осталось ни одного изъ Енакимовъ въ землѣ сыновъ Израилевыхъ»,—за исключеніемъ лишь нѣсколькихъ областей, принадлежавшихъ филистимлянамъ.

Кто были эти аборигены?

5.—А затѣмъ на естественно являющійся вопросъ: «Кто были эти замѣчательные аборигены, въ какой отдѣлъ человѣческаго рода слѣдуетъ внести ихъ?» отвѣта не представляется, кромѣ предположеній и догадокъ. Если они и достигли сколько-нибудь значительной ступени культуры, они не оставили о томъ никакихъ памятниковъ, и сама глава X Книги Бытія не даетъ намъ къ тому ключа, оставляетъ вопросъ въ совершенной темнотѣ: перечисляя подробно всѣхъ членовъ хананейской семьи, она обходитъ молчаніемъ ихъ предшественниковъ, весьма мѣтко названныхъ новѣйшими учеными «до-хананейскими племенами Сиріи». Самое это молчаніе есть, пожалуй, своего рода ключъ, потому что оно, очевидно, не случайное, а преднамѣренное. Оно никакъ не объясняется невѣдѣніемъ или недосмотромъ, такъ какъ племена эти столь часто упоминаются впослѣдствіи: они нарочно и послѣдовательно игнорируются, какъ игнорируются желтый и черный отдѣлы рода человѣческаго. Поэтому является предположеніе, что они могли принадлежать къ первому, особенно если вспомнить преданія о долгомъ пребываніи въ западной Азіи туранцевъ или урало-алтайцевъ и тотъ фактъ, что куда бы одно изъ великихъ бѣлыхъ племенъ, числящихся въ Ноевомъ потомствѣ, ни приходило въ теченіе своихъ переселеній, оно всегда какъ-то заставало туранское населеніе сидящимъ тамъ давно и твердо *).

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 151, 231.

Финикіяне и ихъ тѣсное побережье.

6.—Изо всѣхъ «сыновъ Ханаана» финикіяне снискали себѣ обширнѣйшую славу и совершили наиболѣе общеполезную міровую историческую миссію. Они покорили себѣ весь міръ,—насколько онъ былъ въ то время извѣстенъ, — не силой оружія, а умомъ и предпріимчивостью. Знали же они міръ, какъ ни одинъ народъ, потому что они одни содержали флотъ и отваживались выходить въ открытое море. Они образовали звено, соединявшее самые отдаленные берега, самые несходные, несродные между собой народы, были основателями тѣхъ дружелюбныхъ сношеній между людьми, которыя создаются и поддерживаются торговлею, и только торговлею, потому что она удовлетворяетъ взаимныя нужды. Они были первыми мануфактурщиками въ большихъ размѣрахъ, и,—величайшее изо всѣхъ благодѣяній!—они дали міру азбуку. И всѣмъ этимъ величіемъ, могуществомъ, богатствомъ, этими подвигами, они обязаны крайне невыгодному своему географическому положенію. Не то, чтобы земля у нихъ была незавидная или непроизводительная: прелестнѣе ничего быть не можетъ, какъ эта полоска, лежащая между горной цѣпью Ливана и моремъ. Но дѣло въ томъ, что это именно *только* «полоска», такая узенькая, что исполинскимъ горамъ, вздымающимъ надъ нею свой вѣчно снѣжный вѣнецъ, заслужившій имъ и названіе «Бѣлыхъ горъ» (значеніе имени «Ливанъ»); недостаетъ простора, чтобы спуститься къ берегу отлогими уступами и мягкими склонами, какъ спускаются онѣ съ восточной стороны въ сирійскія равнины, и онѣ словно пронзаютъ

Ущелье въ Ливанскихъ горахъ.

небо своими грозными хребтами, подчасъ повиснувъ выдающимся узенькимъ выступомъ надъ самымъ краемъ воды. Въ наиболѣе широкихъ мѣстахъ землѣ дано не болѣе нѣсколькихъ мил:, гдѣ бы раскинуться, такъ что даже рѣки нельзя по-настоящему называть рѣками, а скорѣе бурными, стремительными потоками. Ни одинъ народъ не множился и не развивался въ такой тѣснотѣ, въ такой совершенной невозможности развернуться въ ту или другую сторону. Земля эта— чаша, которая, наполнившись до краевъ, могла излиться, буквально, *только* въ море. Берегъ унизанъ превосходными пристанями и гаванями. Вокругъ нихъ-то расположились рыболовныя селенія и разрослись въ многолюдные, кипящіе дѣятельностью города, образуя какъ бы лѣстницу, низшею ступенью которой является гора Кармилъ, а верхнею — городъ Арвадъ, расположенный на островкахъ. Въ наше время пароходы, совершая свои рейсы вдоль сирійскаго берега, заходятъ за пассажирами и грузами во всѣ главныя морскія станціи древнихъ финикіянъ: Акръ, Суръ, Сайда, Бейрутъ, Джебелъ; это—древніе Акко, Тиръ, Сидонъ, Беритъ, Джебалъ; въ древности каждый портовый городъ, со своей территоріей и селеніями, составлялъ особое маленькое государство, имѣвшее своего царька и совѣтъ родовитыхъ и богатыхъ старшинъ, и всѣ эти города соперничали между собою, часто враждовали, крѣпко, однако, связанные между собою узами племеннаго родства, вѣры, языка, одинаковыхъ обычаевъ, общественныхъ учрежденій и занятій, такъ

Истокъ рѣки Адонисъ въ Ливанскихъ горахъ

что со временемъ различія сгладились въ глазахъ иноземцевъ, и всѣ поморяне слились подъ одно общее наименованіе финикіянъ. Вслѣдствіе тѣсноты, въ которой они жили на сушѣ, жители всего этого побережья весьма рано пустились въ море, сдѣлались лучшими мореходами и судостроителями въ мірѣ, настроили судовъ чуть не столько же, сколько и домовъ, и стали смотрѣть на море, какъ на свою родную стихію, такъ какъ самыя жилища ихъ были построены почти больше на водѣ, чѣмъ на сушѣ. Арвадъ возвышался на скалистомъ островкѣ, на значительномъ разстояніи отъ берега. Тиръ занималъ группу маленькихъ островковъ, искусственно соединенныхъ насыпями, наполнявшими мелководные проливы между ними; — только древнѣйшая часть города стояла на материкѣ, но она со временемъ обратилась въ простое предмѣстье, состоявшее изъ кладовыхъ и доковъ для товаровъ и груженія кораблей, между тѣмъ какъ построенный позднѣе на островахъ «новый городъ» украшался дворцами, храмами, арсеналами и биржами. Настоящее, неиспорченное имя Тира, — Цоръ, — именно значитъ: «Скала». Сидонъ расположился на небольшомъ полуостровѣ, соединявшемся съ материкомъ узенькой плотиной, и могъ похвастаться рѣдкой роскошью — тремя гаванями, глядѣвшими на югъ и на сѣверъ.

Развитіе финикійской торговли.

7.—Финикійскіе города достигли полнаго своего развитія во время владычества гиксовъ въ Египтѣ,—вѣроятно даже отчасти благодаря ихъ владычеству, потому что эти завоеватели, принад-

лежа родственнымъ финикіянамъ племенамъ, могли создать условія, весьма благопріятныя для ихъ торговли. Въ этотъ же періодъ и Сидонъ возвысился надъ прочими городами, и если и не достигъ настоящаго, полнаго верховенства, однако добился общепризнаннаго преобладанія и перевѣса, почему онъ и могъ величать себя «первороженнымъ Хананна», хотя нѣкоторые другіе города вѣроятно были, въ буквальномъ смыслѣ, старше, и иностранцы долгое время называли всѣхъ финикіянъ безразлично «сидонцами». Этимъ перевѣсомъ Сидонъ первоначально вѣроятно былъ обязанъ, какъ указываетъ самое его имя («Рыболовъ»), ловлѣ пурпуровой ракушки, самому выгодному изо всѣхъ промысловъ. Ибо, изо всѣхъ статей вывозной торговли финикіянъ, обширнѣйшій спросъ былъ на ихъ пурпуровую краску, и на товаръ этотъ потому уже стояли непомѣрно высокія цѣны, что получить его можно было только отъ финикіянъ. Они поставляли на міровые рынки много и другихъ весьма цѣнныхъ продуктовъ своей промышленности, но не было ни одного, столь исключительно имъ принадлежавшаго. Они искусно разрабатывали металлы и сооружали изящныя чаши, кубки, кувшины, и всякаго рода красивую утварь изъ золота, серебра и бронзы; ихъ стеклянныя издѣлія славились не менѣе, чѣмъ въ наше время богемскія и венеціанскія; ткацкіе станки ихъ тоже не стояли праздные. Но во всѣхъ этихъ отрасляхъ промышленности другіе народы могли подражать имъ, поравняться съ ними, а въ нѣкоторыхъ и

превзойти ихъ. Такъ, работы египетскихъ ювелировъ — истинное чудо искусства, и тѣ же египтяне были большіе мастера на стеклянныя изд-ія, а въ ткань роскошныхъ ковровъ и красивыхъ матеріи многіе города и страны могли бы поспорить съ финикіянами. Но пурпурную краску они открыли, изобрѣли; она была ихъ исключительною собственностью; они ревниво охраняли секретъ производства ея, и никто кромѣ нихъ не могъ ее приготовлять. Черезъ всѣ градаціи окраски, отъ нѣжнѣйшей алой тѣни до густого кровяного цвѣта, отъ свѣтлаго аметистоваго до темно-фіолетоваго и бархатисто-чернаго, умѣли они проводить удивительное вещество, и самая богатая шерстяная матерія удесятерялась въ цѣнѣ, выходя изъ ихъ красильныхъ чановъ. Одежда, окрашенная въ сидонскій или тирскій пурпуръ, и пурпуровые пологи сдѣлались у всѣхъ народовъ непремѣнной принадлежностью царской роскоши и храмоваго благолѣпія, отличительнымъ знакомъ родовитости, такъ что люди не столь богатые или болѣе бережливые, какъ, напримѣръ, впослѣдствіи, римляне, если не могли платить за такую роскошь или считали ее излишнею, неумѣстною, все же хоть край своей парадной одежды отдѣлывали болѣе или менѣе широкою пурпуровой полосой, смотря по состоянію и званію каждаго.

Пурпурная краска. Вліяніе крошечнаго моллюска на судьбы цѣлаго народа.

8.—Никогда, ни до, ни послѣ этого времени, такое ничтожное, повидимому, созданіе, какъ этотъ крохотный моллюскъ, не играло такой роли въ дѣлахъ сильныхъ міра сего, какъ смиренная ракушка,

поставщица драгоцѣнной краски,—за исключеніемъ развѣ жемчужной устрицы; но даже жемчужный промыселъ, хотя имъ и обогащались большія товарищества и кормились цѣлыя населенія, однако, не создавалъ государствъ, тогда какъ можно сказать утвердительно и безъ преувеличенія, что пурпуровая ракушка создала величіе Финикіи, сначала появленіемъ своимъ, а затѣмъ, въ еще бо́льшей мѣрѣ, своимъ исчезновеніемъ. Красильное вещество есть жидкость, выдѣляемая моллюскомъ въ микроскопическомъ количествѣ, а именно—*по одной каплѣ*. Эта жидкость—сырой матерьялъ, и ея, какъ разсказываютъ древніе писатели, шло триста фунтовъ на окраску пятидесяти фунтовъ шерсти. Ясно, что, какъ бы ни былъ великъ запасъ раковинъ у родныхъ береговъ, онъ долженъ былъ со временемъ истощиться. И вотъ, когда промыселъ сталъ оскудѣвать, ловцы въ своихъ лодкахъ пустились въ погоню за ракушкой. Оказалось, что все море вдоль берега Малой Азіи кишѣло ею. Тогда стали снаряжать цѣлые корабли и отправлять ихъ на ловлю, совершенно такъ, какъ нынѣ суда ходятъ на ловлю китовъ. Такъ, отъ станціи на станцію, ловцы завлекались далѣе и далѣе на сѣверъ, въ то же время занимаясь торговлей, изслѣдуя и узнавая берегъ на всемъ его протяженіи, до самаго Геллеспонта. Но этого мало. Этой удивительной ракушкой въ то время, видно, были положительно наполнены морскія воды не только у азіатскихъ береговъ, но и у всѣхъ острововъ, лежащихъ между ними и греческимъ берегомъ, да и заливы самой Гре-

щіи и даже водьі острова Сицилии, и, еще далѣе, у береговъ сѣверной Африки и южной Испаніи;— однимъ словомъ, она водилась въ несмѣтномъ количествѣ во всемъ Средиземномъ морѣ. Такъ финикіяне и подвигались, отъ острова къ острову, отъ пристани къ пристани, въ погонѣ за своимъ безцѣннымъ «сырымъ матерьяломъ», — далѣе, все далѣе на западъ, и берега Испаніи и Африки сдѣлались имъ такъ же знакомы, какъ свои родные. Такъ-то это крошечное, невзрачное твореньице, основавъ богатство и благоденствіе открывшаго его народа у него дома, завлекло его въ далекія предпріятія и стало прямымъ поводомъ къ первымъ плаваніямъ въ невѣдомыя моря,—плаваніямъ, открывшимъ міру все Средиземное море со всѣми его побережьями и всѣми островами, которыми оно усѣяно, такъ какъ о послѣднихъ можно сказать положительно, что не было ни одного, котораго не открыли бы финикіяне.

Участіе того же моллюска въ дѣлѣ цивилизаціи и колонизаціи.

9.—Но и это еще не все, что сдѣлала для нихъ эта волшебная ракушка. Она же насадила ихъ первыя колоніи. Дѣло въ томъ, что они признали крайне непрактичнымъ, просто безсмысленнымъ расходомъ, возить домой цѣлые грузы раковинъ изъ-за той единственной капли, которую можно было добыть изъ каждой. Гораздо проще было добыть эту каплю на мѣстѣ, а раковины бросать и оставлять сохнуть или гнить на берегу, — какъ поступаютъ и нынѣ съ жемчужными устрицами. Что такъ дѣйствительно распоряжались финикіяне, о томъ свидѣ-

тельствуютъ кучи раковинъ, до сихъ поръ находимыя на островахъ греческаго Архипелага. Этотъ простой разсчетъ повелъ къ насажденію конторъ и заводовъ на главныхъ морскихъ станціяхъ, которыя такимъ образомъ превратились въ постоянныя поселенія. Поизбѣжно должны были завязаться сношенія съ туземцами, очень еще грубыми и дикими; пришлось нанимать туземныхъ рабочихъ, потому что это было и дешево, и удобно. Островитяне живо научились сами ловить ракушку и продавать ее пріѣзжимъ, мѣняя ее на готовыя издѣлія: гончарныя, стеклянныя, шерстяныя, — и не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что чужіе торгаши вволю обирали и надували своихъ полудикихъ кліентовъ, — совершенно такъ же ловко и систематически, какъ нынѣшніе европейскіе торговцы наживаются на золотѣ и слоновой кости африканскихъ дикарей, добываемыхъ за горсти бисеру, за водку, да за плохіе ножи и ситцы. Войдетъ финикійскій корабль въ гавань, или броситъ якорь въ какомъ-нибудь уютномъ заливчикѣ, разложитъ на берегу привлекательный товаръ, заманитъ туземцевъ поторговать,—и устроится нѣчто въ родѣ ярмарки, но продлится не болѣе пяти-шести дней, потому что седьмой день финикіяне, подобно вавилонянамъ и ассирійцамъ, посвящали покою *). Нерѣдко шкиперъ зазоветъ островитянъ на большой праздникъ, чтобы завершить торгъ пиромъ, женщинамъ и дѣтямъ пообѣщаетъ подарковъ или по-

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 215.

купокъ по дешевымъ цѣнамъ, а когда матросы расправятъ паруса и приготовятъ корабль къ отходу, они наскоро нахватаютъ дѣтей, дѣвушекъ и мальчиковъ, сколько можно безъ большого риска, и увезутъ продавать въ невольники на рынкахъ Египта или Малой Азіи, или просто на другихъ островахъ, подальше, — опять-таки совсѣмъ какъ бѣлые торговцы поступали на африканскихъ берегахъ до отмѣны отвратительнаго торга невольниками *). Но разница та, что островитяне греческихъ морей были не какіе-нибудь тупоумные африканскіе дикари, а предки эллиновъ, даровитѣйшаго народа всего древняго міра. И стали они учиться у чужеземцевъ, и научились не только тому, чему тѣ ихъ сами учили, для своихъ цѣлей, а гораздо бо́льшему, такъ что со временемъ они уже могли вести дѣло съ ними на равныхъ условіяхъ, вымѣнивая наловленныя ими ракушки, лѣсъ, разныя руды, уже за приличную цѣну, а по прошествіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ они уже были въ состояніи вытѣснить финикійскія суда своими собственными, и соперничать съ финикіянами во многихъ искусствахъ, только не въ производствѣ пурпурной краски, хотя греки и этому старались подражать, и даже не безуспѣшно. Но все это относится уже къ гораздо позднѣйшему періоду, а именно періоду дѣятельной финикійской колонизаціи.

*) Что финикіяне никогда совсѣмъ не бросали этого обычая, видно изъ укоризненныхъ словъ, обращенныхъ къ нимъ пророкомъ Іоплемъ: «Вы сыновъ Іуды и сыновъ Іерусалима продавали сынамъ Елліновъ» (Іоиль, III. 6).

Плаванія за оловомъ.

о.—Благоденствіе большей части греческихъ острововъ пошло именно съ основанія на нихъ финикійскихъ колоній. Древнѣйшими изъ послѣднихъ естественно были тѣ, которыя лежали ближе къ родной землѣ; онѣ приходились на пору верховенства Сидона и были высланы этимъ городомъ. Самыя значительныя развились на сосѣднемъ островѣ Кипрѣ, а затѣмъ на островѣ Критѣ, двухъ самыхъ большихъ и наиболѣе южныхъ изъ греческихъ острововъ. Киприъ привлекалъ главнымъ образомъ своими богатыми мѣдными рудниками, отъ которыхъ островъ получилъ свое имя *); рудники эти были истиннымъ кладомъ для народа, занимавшагося бронзовыми издѣліями, такъ какъ бронза состоитъ—на девять долей изъ десяти—изъ мѣди. А въ тѣ древнія времена бронза была общеупотребительнымъ металломъ въ ежедневномъ обиходѣ: изъ нея изготовлялись всякія орудія и домашняя утварь, и даже оружіе: мечи, кинжалы, наконечники копій и стрѣлъ; желѣзо же было введено позднѣе, по крайней мѣрѣ для постояннаго и всеобщаго употребленія. Но если мѣдь есть главная составная часть бронзы, другая составная часть ея,—олово, такъ же необходима, хотя и въ маломъ количествѣ, — всего на одну десятую долю, или немного болѣе того. Олова и въ природѣ гораздо меньше, чѣмъ мѣди; на

*) Мѣдь, по-еврейски — *коферъ*; по-латыни — *куприумъ* (*cuprum*); по-гречески — *купросъ*; по-нѣмецки — *купферъ* (*kupfer*); по-англійски — *копперъ* (*copper*). Даже французское слово — *кюиверъ* (*cuivre*), имѣетъ сходный корень.

нѣсколько мѣдныхъ рудниковъ приходится одинъ оловянный; при томъ каждый даетъ сравнительно мало руды и скоро истощается. Очень можетъ быть, что именно вслѣдствіе этого обстоятельства люди принялись за желѣзо, хотя разработка его гораздо труднѣе, а великое его превосходство могло оказаться лишь вѣками постояннаго употребленія. Въ древнiй періодъ исторіи финикіянъ бронза еще была въ полномъ ходу, и имъ надо было добывать олово и для себя, и для другихъ народовъ, напр. — для египтянъ. Одно время они добывали этотъ металлъ по близости, въ Таврскихъ горахъ, но запасъ былъ недостаточенъ, а вскорѣ и вовсе пресѣкся. Тогда они стали ходить за оловомъ на Кавказъ, посылая туда корабли кругомъ всей Малой Азіи, черезъ Геллеспонтъ и Босфоръ въ Черное море, вдоль южнаго берега котораго они насадили нѣсколько колоній. И въ западныхъ своихъ плаваніяхъ они гнались столько же за этимъ цѣннымъ для нихъ металломъ, сколько и за еще болѣе цѣнною ракушкою, и конечно тщательно изслѣдовали каждое мѣсто, къ которому они причаливали.

Таршишъ. 11.—Такимъ образомъ финикіяне забрели въ землю, долженствовавшую быть, въ теченіе многихъ столѣтій, одной изъ богатѣйшихъ областей ихъ,—а именно въ южную Испанію, которую они назвали Таршишъ (въ Библіи Θарсисъ), а древніе географы обозначили на своихъ картахъ подъ именемъ Тартесса. Тутъ рѣки катили золотой песокъ; горы щедро разверзали свои

среброобильные склоны и раскрывали передъ человѣкомъ такія сокровища чистой руды, которыя едва могла истощить многовѣковая неустанная разработка; и не серебро одно давали онѣ, но и мѣдь, свинецъ, и даже, въ малыхъ количествахъ, олово, тогда какъ плодоносныя, цвѣтущія долины, нынѣ извѣстныя подъ названіемъ Андалузіи, буквально расточали медъ и елей и вино, и были житницей пшеницы и всякихъ другихъ хлѣбовъ, не говоря объ овцахъ, дававшихъ руна тончайшей шерсти, и о множествѣ мелкихъ продуктовъ. Объ этой благословенной землѣ ходили самые сказочные слухи, которые передавались потомству разными, впрочемъ достойными уваженія, писателями. Такъ, одинъ разсказываетъ, будто первые финикіяне, пришедшіе въ Таршишъ, получили столько серебра въ обмѣнъ за всякій дрянной товаръ, что судамъ не снести было груза, и всѣ корабельныя орудія и утварь, даже до якорей, пришлось бросить на берегу, сдѣлавъ новыя изъ чистаго серебра. Другой пресерьезно увѣряетъ, будто однажды лѣса загорѣлись, и вдругъ подъ землею закипѣли, заклокотали золото и серебро, расплавленныя отъ страшнаго жара, потому что гора была сплошной массой этихъ металловъ. То же говорится и о Пиренеяхъ, гдѣ, будто бы, при одномъ подобномъ же случаѣ, забили ключами и побѣжали по скату горъ ручьи изъ чистаго расплавленнаго серебра. Въ сѣверозападномъ углу Испаніи нашлось нѣсколько большее количество олова, нежели на югѣ.

„Касситериды". Сухопутный и морской тракты къ нимъ.

12.—Но главнымъ и единственнымъ вполнѣ благонадежнымъ міровымъ рынкомъ для олова въ бронзовые вѣка были: Англія, въ особенности югозападный конецъ ея, — нынѣшнія графства Девонъ и Корнваллисъ,—да острова Ламаншскаго пролива (Джерси и Сцилли), которые впервые извѣстны были подъ именемъ, даннымъ имъ греками: Касситериды, въ переводѣ—«Оловянные Острова». Когда и какимъ образомъ финикіяне провѣдали о столь отдаленномъ уголкѣ, лежавшемъ совсѣмъ имъ не по пути и внѣ кругозора всѣхъ въ то время значительныхъ народовъ,—навсегда останется тайною. Вѣрно то, что, уже задолго до основанія Гадеса (около 1100 г.), они исправно получали оттуда олово по сухопутному тракту, проходившему черезъ всю Францію. Вѣроятно, они не сами первые отыскали острова, а туземцы приносили имъ олово туда, гдѣ ихъ караваны поджидали его гдѣ-нибудь около устья рѣки Сены, а можетъ-быть и дальше отъ берега, если только не у самихъ Пиренеевъ. Одинъ взглядъ на карту покажетъ, какъ легко было плыть вверхъ по Сенѣ, потомъ переносить товаръ на рѣку Сону,—всего коротенькій переволокъ,—а тамъ, перейдя изъ Соны въ рѣку Рону, въ которую она впадаетъ, плыть внизъ по послѣдней, глубокой и быстрой, и такимъ образомъ доставлять сколько угодно товара въ любой изъ многочисленныхъ портовъ, которыми изобилуетъ Средиземное море у устьевъ Роны, гдѣ непремѣнно стоялъ тотъ или другой «Таршишскій корабль»;—такъ называли суда необыкновенныхъ размѣровъ и

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ
АНГЛІЯ
Уэльсъ
Темза
ГЕРМАНІЯ
БИСКАЙСКІЙ ЗАЛИВЪ
ФРАНЦІЯ
Рона
Альпы
Пиренеи
ИСПАНІЯ
ТАРШИШЪ
г.Кадиксъ
Гадесъ
Геркулесовы столбы
Р.Эридань (По)
ИТАЛІЯ
Рим
АДРІАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Атласскія Горы
Карѳагенъ
Сицилія
ГРЕЦІЯ
Р.Истеръ (Дунай)
Р.Тирасъ (Днѣстръ)
Р.Борисѳенъ (Днѣпръ)
Р.Танаисъ (Донъ)
Р.Ра (Волга)
РОССІЯ
СКИѲЫ
КИММЕРІЙЦЫ
ѲРАКІЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Крымъ
Волга
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
Кавказскія Горы
Синопъ
Р.Галисъ
МАЛАЯ АЗІЯ
Ѳогарма
АРМЕНІЯ
МАГОГЪ
Р.Куръ (Кира)
Р.Араксъ
Смирна
ЭФЕСЪ
ЛИДІЯ
САРДЫ
КАППАДОКІЯ
Тавръ
Тавръ
КИЛИКІЯ
О.Критъ
О.Кипръ
АССИРІЯ
НИНЕВІЯ
МИДІЯ
Дальбурскія Горы
Заросъ (Загросскія Горы)
ЭЛАМЪ
ВАВИЛОНІЯ
Евфратъ
Сидонъ
Тиръ
ФИНИКІЯ
СИРІЯ
Сирійская Пустыня
Вавилонъ
Р.Тигръ
ХАЛДЕЯ
АРАВІЯ
ЕГИПЕТЪ
Нилъ
Красное море
Персидскій Заливъ
ЛИВІЯ
АФРИКА
КАРТА
ПЛАВАНІЙ ФИНИКІЯНЪ
и
НАШЕСТВІЯ СѢВЕРНЫХЪ НАРОДОВЪ.
Къ вост 20 отъ Гринича
Древнѣйшая исторія Востока. Т. II. Исторія Ассиріи. Отъ возникновенія ассирійскаго державы до паденія Ниневіи.
Печат въ картогр арт зав А.Ф.Маркса
Масштабъ 1:25000000.
Версты.
Кило.метры

особой постройки, сооружаемыя нарочно для дальнихъ плаваній и тяжелыхъ грузовъ.

„Мелькартовы Столпы".—Гадесъ.—Розсказни о Таршишѣ.

13.—Но и по этому тракту встрѣчались большіе расходы и много проволочекъ. Земля, черезъ которую онъ пролегалъ, была заселена многими племенами, и каждое изъ нихъ, разумѣется, научилось извлекать для себя прибыль изъ движенія иноземныхъ торговцевъ, взимая съ ихъ кораблей или возовъ пошлину, и только за плату пропуская ихъ свободно и въ безопасности черезъ свои земли. Финикіяне были народъ смирный, не охотникъ до ссоръ, и особенно не любили драться, а скорѣе готовы были терпѣть даже несправедливыя требованія и откупаться отъ непріятностей, рано познавъ силу богатства и его необычайную способность сглаживать житейскія стези; сверхъ того, получая такіе огромные барыши, они могли, не жалѣя, жертвовать нѣкоторой долею ихъ ради того, чтобы имъ не мѣшали заниматься безпрепятственно своими дѣлами. Въ то же время, однако, они были весьма находчивы на изощренія, какъ отдѣлываться отъ обременительныхъ обязательствъ. Такъ и тутъ: они открыли, что можно пробраться къ «Оловяннымъ Островамъ» моремъ, отъ Гибралтара кругомъ Испаніи, Бискайскимъ заливомъ и Атлантическимъ океаномъ. Но, чтобы плыть этимъ путемъ, требовалась необычайная отвага, чтобы не сказать: безумная смѣлость,—не столько по какимъ-нибудь недостаткамъ въ судахъ, либо въ искусствѣ моряковъ, сколько потому, что финикіяне представляли себѣ проливъ, отдѣляющій

Испанію отъ Африки, концомъ свѣта. Безбрежная водная пучина по ту сторону пролива была для нихъ тѣмъ таинственнымъ западнымъ океаномъ, въ которыи ихъ племенной богъ, славный Баалъ-Мелькартъ, обоготворенное Солнце, погружался каждый вечеръ, окончивъ свои дневной трудъ, и куда смертному не полагалось за нимъ слѣдовать. Онъ охранялъ народъ свой въ его странствованіяхъ; онъ довелъ его, вслѣдъ за собою, до этихъ воротъ внѣшняго міра,—но тутъ былъ конецъ, предѣлъ, его же человѣку переѣти не положено. Двухъ исполиновъ,—скалы, обозначающія входъ въ проливъ со Средиземнаго моря,—онъ самъ поставилъ преградою на вѣки вѣчные: то были Мелькартовы Столпы, далѣе которыхъ считалось чуть не святотатствомъ производить изысканія. Правда, Гадесъ,—средоточіе западной торговли финикіянъ, богатый и великолѣпный, миніатюрный Тиръ, построенный, подобно метрополіи, на скалистомъ островкѣ поодаль отъ берега,—Гадесъ возвышался по ту сторону священной преграды, но то было лишь продолженіемъ побережья, принадлежавшаго финикіянамъ на всемъ своемъ протяженіи; да кромѣ того, городъ этотъ, по преданію, былъ основанъ по собственному велѣнію бога, сообщенному имъ въ сновидѣніи. Если бы финикіянъ не удерживало это чувство суевѣрнаго страха, то почемъ знать, какія еще открытія они бы сдѣлали. Одно открытіе они и то сдѣлали, но только случайно, и ничего изъ того не вышло, кромѣ нѣсколькихъ басенъ, которыя греки впослѣдствіи изукрасили своей

дивной фантазіей. Однажды, должно-быть бурей, унесло нѣсколько финикійскихъ судовъ въ Атлантическій океанъ; «много дней ихъ безъ рулей, безъ снастей, носило по волнамъ, и наконецъ загнало къ какому-то большому острову, лежавшему насупротивъ береговъ Ливіи (Африки); островъ этотъ, по своему плодородію и благорастворенному климату, казалось, назначался для житья скорѣе богамъ, нежели людямъ. Это былъ, очевидно,—островъ Мадера! Но финикіяне туда не возвращались, и эту чудную группу пришлось сызнова открывать двѣ тысячи лѣтъ спустя. Алчность, однако, превозмогла, повидимому, даже религіозныя сомнѣнія, такъ какъ финикійскія суда совершали правильные рейсы къ «Оловяннымъ Островамъ», и если они и не основывали на нихъ колоній, по отдаленности ихъ и по суровости ихъ климата, однако оставили тамъ немало слѣдовъ своего присутствія. Такъ, у нихъ была торговая станція на островѣ Уайтѣ, въ самомъ центрѣ острова, гдѣ почва поднимается до значительной вышины. Мѣсто было выбрано такъ удачно, что когда, тысячу лѣтъ спустя, туда пришли римляне, они тутъ же построили фортъ, а еще тысячу лѣтъ позднѣе, на этомъ же мѣстѣ сталъ норманскій замокъ, величественныя развалины котораго и теперь посѣщаются путешественниками и пользуются большой извѣстностью подъ именемъ Карисбрукъ-Кастля. Морской путь къ Оловяннымъ Островамъ финикіяне держали въ строгой тайнѣ и ревниво наблюдали, чтобы никто за ними туда не послѣдовалъ и не

замѣстилъ ихъ тамъ, какъ греки замѣстили ихъ въ своихъ водахъ. Сохранилось характеристическое преданіе объ одномъ шкиперѣ, финикіянинѣ, который, будто бы замѣтивъ, что за нимъ гонятся римскіе корабли, случайно занесенные въ эти незнакомыя воды, и будучи не въ состояніи отъ нихъ уйти, какъ ни работалъ веслами и парусами, нарочно сѣлъ на мель и затопилъ судно съ командой и грузомъ, чтобы избѣжать вопросовъ и возможности выдать тайну,—подвигъ, встрѣченный въ Тирѣ полнымъ одобреніемъ и восторженными похвалами.—Но все это относится къ гораздо позднѣйшему времени.

Сухопутный трактъ черезъ Германію.

14.—Не одно только олово смѣлые торговцы привозили изъ своихъ поѣздокъ на сѣверъ. Они же,—и одни они,—привозили еще одинъ сѣверный продуктъ: янтарь съ Балтійскаго моря; это былъ, правда, предметъ чистой роскоши, но тѣмъ не менѣе спросъ на него былъ большой, и цѣны за него платились до безобразія высокія, потому что на янтарь пошла бѣшеная мода по всему тогдашнему цивилизованному міру, какъ потому что это была большая рѣдкость, такъ и вслѣдствіе таинственной прелести, придаваемой ему разстояніемъ. Извѣстно, что смолистое вещество, которое мы называемъ янтаремъ, есть продуктъ недоступныхъ, давно потоплеиныхъ лѣсовъ, который отрывается кусками и выкидывается на берегъ высокими приливами и бурями, и что его собираютъ вдоль всего прусскаго поморья. Поэтому одно время полагали, что финикійскія суда заходили въ эти пустынныя, негостепріим-

ныя моря. Болѣе тщательныя изслѣдованія, однако, показали всю несостоятельность такого предположенія. Гдѣ же было, въ самомъ дѣлѣ, судамъ подвергаться опасностямъ плаванія вокругъ всей Даніи и пускаться въ невѣдомыя, чуть не круглый годъ бурныя воды, почти недоступныя всѣмъ, кромѣ туземныхъ мореходовъ, по великому множеству утесовъ, подводныхъ скалъ, отмелей, буруновъ, узкихъ проходовъ и пр. Далѣе доказано, что янтарь въ очень древнія времена находили и вдоль береговъ Голландіи, очень легко доступныхъ изъ Англіи, и, наконецъ, что финикіяне проложили для своихъ каравановъ трактъ черезъ всю Германію, отъ Адріатическаго моря до Балтійскаго. По этому-то тракту, представлявшему много удобныхъ пунктовъ для сбыта азіатскихъ товаровъ въ промѣнъ на мѣстные продукты, они возили большую часть янтаря къ устьямъ рѣки По въ сѣверной Италіи, а оттуда уже спускали его внизъ по Адріатическому морю.

Сухопутные торговые тракты черезъ западную Азію.

15.—Изъ этого видно, что финикіяне, хотя слава ихъ основана главнымъ образомъ на ихъ морскихъ похожденіяхъ, были однако столь же безстрашными сухопутными путешественниками. На азіатскомъ материкѣ они вели караванную торговлю въ огромныхъ размѣрахъ. Караванные тракты, пересѣкавшіе Востокъ, были почти исключительно въ ихъ рукахъ: отъ Чернаго моря до Нила, черезъ Кархемишъ и Дамаскъ;—отъ ихъ собственныхъ городовъ, черезъ іудейскія земли,—поперекъ Сиріи, черезъ Дамаскъ, къ Евфрату, и внизъ по этой рѣкѣ въ Вавилонъ, или, короткимъ

путемъ черезъ пустыню, прямо въ Ассирію,—въ Ниневію, Калахъ и прочіе города;—наконецъ, изъ Вавилона поперекъ всего материка, прямо въ Индію, или по крайней мѣрѣ къ устьямъ Инда. Впрочемъ, сюда они вѣроятно чаще добирались на большихъ, вооруженныхъ судахъ, въ родѣ тѣхъ, что ходили въ Таршишъ. Нѣтъ сомнѣнія, что финикіяне владѣли монополіею на міровую торговлю; богатства всѣхъ народовъ проходили черезъ ихъ руки, причемъ, конечно, не мало приставало къ ихъ ловкимъ пальцамъ,—во всякомъ случаѣ довольно, чтобы сдѣлать ихъ приморскіе города чудомъ роскоши и благоденствія, даже и безъ неистощимыхъ доходовъ отъ фабрикъ и красленъ, которые опять-таки сами по себѣ могли бы обезпечить народное благосостояніе и безъ такой обширной внѣшней торговли.

Богатство и великолѣпіе Тира.

16.—Итакъ, богатство и роскошь достигали у финикіянъ небывалыхъ и почти что невообразимыхъ размѣровъ. «И устроилъ себѣ Тиръ крѣпость», говоритъ одинъ изъ іудейскихъ пророковъ (Захарія, IX, 3): «накопилъ серебра, какъ пыли, и золота, какъ уличной грязи». Но самую полную и поразительную картину Тира во всемъ разгарѣ его славы мы находимъ на несравненныхъ страницахъ пророка Іезекіиля. Картина эта живетъ и дышитъ передъ нашими восхищенными глазами, и мы едва знаемъ, чему болѣе дивиться: поэтической ли красотѣ описанія, или почти ослѣпительной пышности и живости его. Пророкъ обращается къ царицѣ финикійскихъ городовъ:

«...Тиръ, поселившійся на выступахъ въ море, торгующій

съ народами на многихъ островахъ, ...ты, Тиръ, говоришь: «Я совершенство красоты»... Твоею мудростью и твоимъ разумомъ ты пріобрѣлъ себѣ богатство и въ сокровищницы свои собралъ золота и серебра. Большою мудростью твоею, посредствомъ торговли твоей, ты умножилъ богатство твое, и умъ твой возгордился богатствомъ твоимъ... и ты говоришь: «Я богъ, возсѣдаю на сѣдалищѣ божіемъ, въ сердцѣ морей»... Предѣлы твои въ сердцѣ морей; строители твои усовершили красоту твою. Изъ сенирскихъ кипарисовъ устроили всѣ помосты твои; брали съ Ливана, чтобы сдѣлать на тебя мачты. Изъ дубовъ васанскихъ дѣлали весла твои; скамьи твои дѣлали изъ буковаго дерева, съ оправою изъ слоновой кости, съ острововъ Киттимскихъ (Кипра). Узорчатыя полотна изъ Египта употреблялись на паруса твои и служили флагомъ; голубаго и пурпуроваго цвѣта ткани съ острововъ Елисы (греческихъ) были покрываломъ твоимъ. Жители Сидона и Арвада были у тебя гребцами; свои знатоки были у тебя, Тиръ: они были у тебя кормчими... Всякіе морскіе корабли и корабельщики ихъ находились у тебя для производства торговли твоей... Ѳарсисъ, торговецъ твой, по множеству всякаго богатства, платилъ за товары твои серебромъ, желѣзомъ, свинцомъ и оловомъ. Гаванъ, Ѳувалъ и Мешехъ (іонические греки и горцы Тавра) торговали съ тобою, вымѣнивая товары твои на души человѣческія и мѣдную посуду. Изъ дома Ѳогарма (Арменіи) за товары твои доставляли тебѣ лошадей и боевыхъ коней и лошаковъ... Многіе острова производили съ тобою мѣну; въ уплату тебѣ доставляли слоновую кость и черное дерево. По причинѣ большаго торговаго производства твоего торговали съ тобою Арамеяне; за товары твои они платили карбункулами, тканями пурпуровыми, узорчатыми и виссонами, кораллами и рубинами. Іудея и земля Израилева торговали съ тобою; за товары твои платили пшеницею, и медомъ, и деревяннымъ масломъ, и бальзамомъ. Дамаскъ, по причинѣ большаго торговаго производства твоего, по изобилію всякаго богатства, торговалъ съ тобою виномъ хелбонскимъ и бѣлою шерстью. Аравія производила мѣну съ тобою, ягнятъ и барановъ и козловъ промѣнивала тебѣ... торговали съ тобою всякими лучшими бла-

говорями и всякими дорогими каменьями... драгоцѣнными одеждами и узорчатыми матеріями, которыя они привозили на твои рынки въ дорогихъ ящикахъ, сдѣланныхъ изъ кедра и хорошо упакованныхъ... Когда приходили съ морей товары твои, ты насыщалъ многіе народы, множествомъ богатства твоего и торговлею твоею обогащалъ царей земли... Ѳарсисскіе корабли были твоими караванами въ твоей торговлѣ, и ты сдѣлался богатымъ и весьма славнымъ среди морей»...

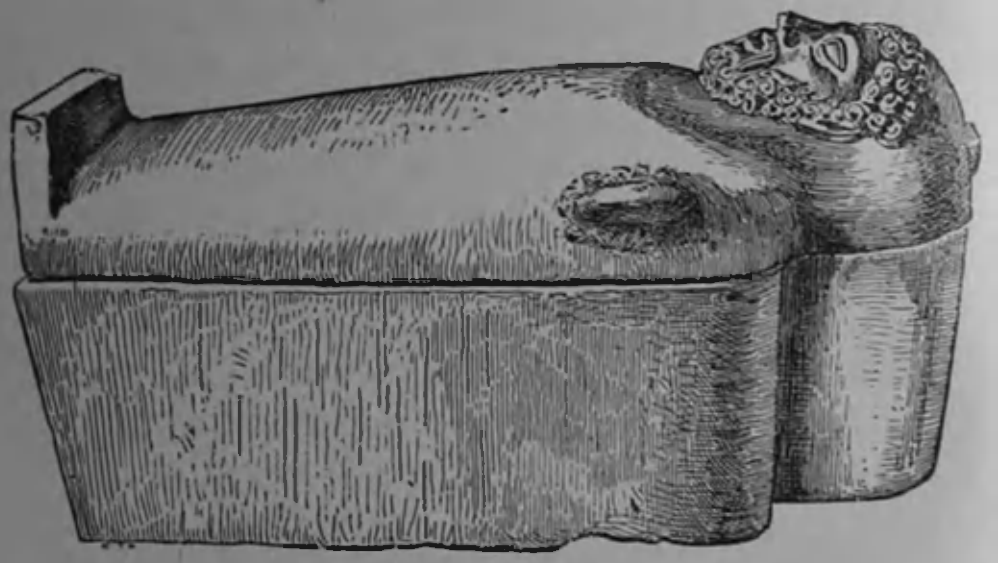
Нажива—ключъ къ характеру финикіянъ и къ ихъ исторической миссіи.

17.—«Твоею мудростью и твоимъ разумомъ»... «Большою мудростью твоею, посредствомъ торговли твоей»... Мудрость барышника, разумъ хитраго торговца,—этимъ исчерпывается вся нравственная суть финикіянъ, какъ народа. Нажива, погоня за барышомъ, скопидомство,—это не только ключъ къ ихъ характеру, это—самый ихъ характеръ, и весь ихъ характеръ. Въ этомъ все: и побужденіе, и цѣль, и поддерживающая сила. Они развиваютъ въ себѣ великія качества: предпріимчивость, выносливость, трудолюбіе, находчивость; но всѣ эти качества порождаются и вдохновляются одной любовью къ наживѣ; успѣхъ для нихъ значитъ богатство; разбогатѣть, въ томъ вся ихъ гордость, вся ихъ услада: «Умъ твой возгордился богатствомъ твоимъ». Поистинѣ можно сказать: если когда-либо цѣлый народъ былъ поклонникомъ Маммона, избралъ его своимъ господиномъ и остался вѣренъ своему выбору, народъ этотъ—финикіяне. Въ нихъ полное отсутствіе всѣхъ тѣхъ качествъ, за которыя иные народы прослыли геройскими и духовно высокими; все честолюбіе ихъ направилось по этой одной колеѣ. Они не были охотниками до войны и завоеваній; въ нихъ даже мало было свободолюбія

пли патріотизма. Скорѣе, чѣмъ отражать нашествіе, они всегда готовы были покориться, откупиться, платить дань. Они не стыдились иноземнаго владычества, а сносили его терпѣливо, пока денежныя требованія предъявлялись умѣренныя, и ихъ торговымъ операціямъ не мѣшали. У нихъ не было своей арміи; они предпочитали нанимать войска на случай неизбѣжной необходимости. Словами пророка Іезекіиля (XXVII, 10), «Персъ, индіянинъ и кивіецъ находились въ войскѣ твоемъ и были у тебя ратниками, вѣшали на тебѣ (т. е. на стѣнахъ) щитъ и шлемъ». Если нападали на ихъ города, ихъ дома, или черезчуръ обирали ихъ, т. е. доводили ихъ до отчаянія, они дрались, какъ дикіе звѣри, выживаемые изъ своихъ притоновъ, и этому бывали примѣры. Но ихъ рѣдко доводили до такой крайности, потому что такихъ драгоцѣнныхъ подданныхъ выгоднѣе было беречь; это были безцѣнные агенты, или, какъ нынѣ говорится о евреяхъ, «факторы». Такъ они благополучно прошли черезъ пятисотлѣтнее египетское владычество и нашествія, не бѣдня, не бунтуя, рѣдко даже выказывая неудовольствіе. Даже когда они основывали колоніи, они охотно платили аренду за землю, на которой они селились, если только туземное населеніе встрѣчало ихъ рѣшительно и настаивало на своихъ правахъ, и случалось, что они продолжали вносить арендную плату, когда основанныя ими колоніи давно уже сдѣлались могущественными, самостоятельными, — просто во избѣжаніе непріятностей.

Отсутствіе изобрѣтательности, творчества и литературныхъ способностей.

18.—Финикіяне не отличались литературными и вообще интеллигентными вкусами. Если они и составили себѣ азбуку, то только для облегченія счетоводства и для коротенькихъ надписей, главнымъ образомъ надгробныхъ. Они не оставили по себѣ поэзіи, историческихъ лѣтописей, научныхъ сочиненій или философскихъ умосозерцаній. Имъ, повидимому, даже не приходило въ



Финикійскій саркофагъ (гробница).

голову записывать свои собственныя, весьма замѣчательныя, похожденія: они отъ нихъ богатѣли, чего же больше? Къ чему еще слава? Если бы ассирійскіе цари-воители посѣтили такія отдаленныя и диковинныя страны, какъ испанское или балтійское побережье, или «Оловянные Острова»— какія бы они оставили намъ интересныя замѣтки! Какъ оживилось бы однообразіе военныхъ походовъ описаніями, краткими, но мѣткими, наиболѣе выдающихся чертъ земель и народовъ, замѣт-

ками даже о незнакомыхъ растеніяхъ и животныхъ, флорѣ и фаунѣ далекихъ, чужихъ странъ! Ничего подобнаго, повидимому, не занимало финикіянъ: а вѣдь интересно было бы узнать, на что была похожа хоть бы Англія полторы тысячи лѣтъ до Р. Х.! У нихъ не было воображенія и творчества, а только способность воспринимать и подражать. Изъ всѣхъ искусствъ, которыми они съ успѣхомъ занимались, ни одно не было ими самими выработано. Одно они изобрѣли,— крашеніе пурпуромъ, но вѣдь это промыселъ, не искусство. Скульптура у нихъ, о которой можно судить по многимъ сохранившимся образчикамъ, была лишь неуклюжимъ подражаніемъ ассирійскому и вавилонскому ваятельному искусству. Не можетъ быть ничего безобразнѣе, безформеннѣе, изображеній ихъ божествъ, большей частью глиняныхъ, которыя они возили съ собою всюду. Объ архитектурѣ ихъ мы не можемъ судить, потому что, когда насталъ

Небольшой финикійскій идолъ изъ терракотты.

роковой день, разрушеніе было полное, и отъ стросній ихъ не осталось камня на камнѣ. Все сбылось такъ, какъ предсказалъ пророкъ Іезекіиль (XXVI): — «И разобьютъ стѣны Тира, и разрушатъ башни его, и вымету изъ него прахъ его, и сдѣлаю его голою скалою... и разобьютъ красивые домы твои, и камни и дерева твои, и землю твою бросятъ въ воду. *Мѣстомъ для разстиланія сѣтей будетъ онъ среди моря*»...

Міровая миссія финикіянъ.

Богиня Ашторетъ (Астарта); маленькій финикійскій идолъ изъ терракотты.

19.—Такимъ образомъ, перечисливъ все, чего у финикіянъ не было, мы поневолѣ приходимъ къ тому, что̀ у нихъ было, къ призванію, въ которомъ они обнаружили несравненную геніальность и безконечныя способности, къ призванію дѣльцовъ и торговцевъ. Провидѣніемъ премудро устроено такъ, что, какъ эгоистично люди ни трудятся для самихъ себя, на собственную пользу, они, независимо отъ своей воли и желанія, непремѣнно приносятъ пользу, косвеннымъ образомъ, и другимъ; такъ и финикіяне принесли громадную

Финикійская статуэтка, изображающая богиню Ашторетъ, найденная на островѣ Кипрѣ.

пользу міру, разнося, если не духовную культуру, то матерьяльную цивилизацію въ безчисленныя мѣста, къ безчисленнымъ племенамъ, которыя безъ нихъ, безъ пробуждающаго оживляющаго столкновенія съ ними, еще цѣлые вѣка продремали бы, не сознавая своихъ способностей, своихъ средствъ и силъ.

«Въ этомъ отношеніи», — говоритъ Франсуа Ленорманъ, ученый историкъ и археологъ, не разъ уже упоминаемый: — «нельзя достаточно оцѣнить роль, которую финикіяне играли въ древнемъ мірѣ, и ихъ великое значеніе... Было время, высшую точку котораго можно поставить около XII-го вѣка до Р. Хр., когда торговыя конторы сыновъ Ханаана образовали непрерывную цѣпь вдоль всего Средиземнаго побережья до Гибралтарскаго пролива, между тѣмъ какъ другой рядъ такихъ же конторъ простирался вдоль морского пути отъ южной оконечности Чермнаго моря до береговъ Индіи. Конторы эти имѣли громадное вліяніе на страны, въ которыхъ онѣ помѣщались. Каждая изъ нихъ становилась сердцевиной большого города, ибо туземцы живо стекались къ финикійскому поселку, привлекаемые туда выгодами и прелестями цивилизованнаго быта. Кромѣ того, каждая такая контора дѣлалась центромъ для распространенія матерьяльной цивилизаціи. Варварскій народъ не входитъ въ дѣятельныя и продолжительныя торговыя сношенія съ цивилизованнымъ народомъ безъ того, чтобы усвоить себѣ постепенно его культуру, особенно когда дѣло идетъ о такихъ интеллигентныхъ и способныхъ къ прогрессу племенахъ, каковыми были европейскія... Возникаютъ новыя потребности: туземцу хочется пріобрѣсти привезенные мануфактурные продукты, которые посвящаютъ его во всякія утонченности, о какихъ онъ не имѣлъ понятія. Вскорѣ въ немъ пробуждается желаніе узнать секретъ ихъ производства, усвоить искусство, создавшее ихъ, самому воспользоваться богатствами родной земли, вмѣсто того, чтобы отдавать ихъ въ видѣ «сырого матерьяла» чужимъ, такъ хорошо знающимъ, на что употреблять ихъ»...

Если мы постараемся ясно представить себѣ, какимъ оживляющимъ, благодѣтельнымъ, истинно цивилизующимъ явленіемъ были бы, въ наше время, правильныя періодическія посѣще-

Финикійское блюдо въ египетскомъ стилѣ, изъ золота и серебра. (Найдено на островѣ Кипрѣ.)

нія коробейника съ хорошимъ подборомъ товаровъ въ отдаленной и уединенной мѣстности, гдѣ-нибудь на краю цивилизованнаго міра, особенно если онъ согласенъ мѣнять товаръ свой

не на однѣ деньги, а при случаѣ и на мѣстные продукты, на сырой матерьялъ, какой найдется лишній у его покупателей, — то мы, увеличивъ все это во сто кратъ, составимъ себѣ довольно вѣрное понятіе о матерьяльныхъ благахъ, всюду слѣдовавшихъ по стопамъ финикіянъ. Сходство будетъ еще полнѣе отъ того, что нашъ коробейникъ ужъ конечно станетъ надувать и обирать свою публику, насколько она ему дозволитъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока она сама не научится знать толкъ въ товарахъ и цѣнахъ, а, можетъ-быть, и производить такіе же товары, и такимъ образомъ не станетъ до извѣстной степени независимой отъ своего кочующаго торговца и просвѣтителя. По справедливости не слѣдовало бы и жалѣть о прежнихъ, предоставленныхъ ему чрезмѣрныхъ барышахъ, хотя, конечно, на будущее время и надлежитъ урѣзать ихъ до болѣе приличныхъ размѣровъ, потому что никакая школа даромъ не дается. Въ итогѣ выходитъ такъ, что каждому великому народу, игравшему роль на міровой исторической сценѣ, выпала какая-нибудь особая задача, даны свои особые таланты и силы, — своя миссія, и миссію финикіянъ можно бы опредѣлить, безо всякаго къ нимъ неуваженія и нисколько не умаляя ихъ огромныхъ заслугъ, назвавъ ихъ «коробейниками древняго міра». Въ свое время это была несомнѣнно необходимая, въ высшей степени полезная миссія; однако возвышенною или славною ее едва ли кто назоветъ, такъ какъ эти эпитеты далеко не пристали столь грубо матерьяльному и

исключительно эгоистичному влеченію, какъ погоня за богатствомъ ради богатства. Такая погоня, положимъ, вызываетъ иногда великолѣпныя качества въ человѣкѣ, но унижаетъ ихъ примѣненіемъ къ недостойнымъ цѣлямъ, и единственныя стороны человѣческой натуры, которыя она развиваетъ основательно и навсегда, — какъ разъ самыя низменныя: безсовѣстная хитрость, беззастѣнчивость, вѣроломство, звѣрская безчувственность, а при случаѣ и хладнокровная, безпощадная жестокость

IV.

Сыны Ханаана: ихъ религія.—Учрежденіе жертвоприношеній.—Человѣческія жертвы.

Общая характеристика хананейскихъ племенъ.

1.—Надо, впрочемъ, сознаться, что финикіяне далеко не одни отличались тѣми качествами, совокупность которыхъ составляетъ довольно некрасивый національный характеръ. Чрезвычайно развитая чувственность,—т. е. привязанность къ матерьяльнымъ благамъ и наслажденіямъ,—склонность къ матерьялизму во взглядѣ на всѣ явленія, какъ видимаго, такъ и невидимаго міра, со страннымъ отсутствіемъ болѣе возвышенныхъ инстинктовъ и духовныхъ порывовъ, и, вслѣдствіе того, грубой безнравственностью и тупостью совѣсти,—таковы общія черты, характеризовавшія всѣ вѣтви хананаскаго племени. Всѣ многочисленные народы, подходящіе подъ рубрику «Сыновъ Ханаана», отличались тѣми же, весьма рѣзко опредѣленными чертами, какъ и финикіяне, но безъ ихъ геніальности, — а геніальными послѣднихъ конечно можно назвать на избранномъ ими поприщѣ. Вотъ почему, при столь же сильной страсти къ роскоши и богатству, при столь

же необыкновенной духовной тупости, другіе хананеи, несмотря на болѣе выгодныя условія, при которыхъ совершалось ихъ развитіе, никогда, даже издали, не могли соперничать со своими приморскими братьями ни по богатству, ни по могуществу. Тѣми же матерьялизмомъ и чувственностью пропитана и религія этихъ народовъ, и естественно получаетъ отъ того совершенно особый племенной отпечатокъ. Если въ чемъ племенная душа высказывается вполнѣ, со всѣми сокровеннѣйшими своими свойствами, то это именно въ религіи. Каковъ народъ, таковы, въ еще большей степени, въ увеличенномъ и облагороженномъ видѣ, будутъ и его боги, и духъ его самъ собою воплотится въ его богослуженіи. Это—неизбѣжное послѣдствіе антропоморфической склонности, отъ которой не отрѣшиться ограниченной человѣческой природѣ *) и которую нѣкій греческій писатель выразилъ весьма мѣтко, хотя и нѣсколько грубо, сказавъ, что, будь у лошадей и быковъ боги, то они ужъ конечно представляли бы себѣ этихъ боговъ въ видѣ лошадей же и быковъ, но гораздо болѣе сильныхъ, красивыхъ и вообще болѣе совершенныхъ, чѣмъ они сами. Общій обзоръ религіозныхъ представленій сыновъ Ханаана долженъ включить и финикіянъ, хотя, какъ это всегда бываетъ у всѣхъ многобожниковъ, разные народы относились съ предпочтеніемъ кто къ одному, кто къ другому божеству, вслѣдствіе чего подчасъ полу-

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 398—400.

чается ложное впечатлѣніе, будто и религіи у нихъ разныя, тогда какъ религія у всѣхъ хананеевъ, включая и финикіянъ, въ сущности одна и та же.

Матерьялистическій характеръ хананеискихъ религій.

2.—Религія Ханаана, какъ и религія Вавилона, и всѣхъ въ мірѣ языческихъ племенъ и народовъ, первоначально основана на первобытномъ представленіи о силахъ природы въ видѣ живыхъ, безсмертныхъ и божественныхъ существъ,—боговъ. Помимо этого сходства, которое простирается на все человѣчество, она, по многимъ точнымъ совпаденіямъ, въ общемъ и въ подробностяхъ, обнаруживаетъ болѣе близкую связь съ вавилонской религіей,—что̀ весьма легко объясняется, если вспомнить, что въ смѣшанномъ населеніи древняго Шумира и Аккада конечно присутствовалъ и ханаанскій элементъ. Въ одномъ отношеніи за религіозными понятіями хананеевъ, пожалуй, можно признать превосходство надъ вавилонскими, потому что, не имѣя туранской подкладки,—чертовщины, система у нихъ выходила менѣе сложная, и боговъ было гораздо меньше. Мы тутъ не находимъ глубокомысленныхъ, но сбивчивыхъ троицъ; не находимъ и стройной системы звѣздныхъ божествъ съ ихъ многоцвѣтными сферами и неуловимымъ вліяніемъ на судьбы людскія. Міровоззрѣніе хананеевъ было много проще. Обитая въ странѣ, гдѣ безплодныя песчаныя пустоши и голыя скалистыя выси чередуются съ роскошными нивами, прохладными, лѣсистыми скатами и вѣчной свѣжестью, вѣющей съ моря,—гдѣ росистыя, благоуханныя

ночи слѣдуютъ за душными, знойными днями,— гдѣ несказанная прелесть весны, съ ея живительными ливнями и обиліемъ цвѣтовъ, смѣняется убійственнымъ, жгучимъ лѣтомъ, — дѣти такой земли естественно должны были прежде всего поразиться контрастами въ природѣ, тѣмъ, что называютъ ея дуализмомъ (двойственностью), т. е. противоположностью крайностей, противопоставленныхъ одна другой и поддерживающихъ равновѣсіе въ ея явленіяхъ. Они видѣли, что существуютъ въ мірѣ добро и зло (на ихъ взглядъ чисто физическаго свойства): жара и прохлада; засуха и влага; ослѣпляющее сіяніе дня и тихая прелесть ночей, причемъ день принадлежитъ труду и всякаго рода дѣятельности, ночь же призываетъ къ отдыху и нѣгѣ среди всей роскоши, всѣхъ наслажденій, какими только богатство можетъ усладить часы досуга. А если перенестись въ другой міръ, тамъ опять поражала двоякая дѣятельность вѣчно создающей и вѣчно производящей и питающей силы, — мужского и женскаго началъ, на которыя все живущее, подлежащее половому закону, само собою дѣлится, отъ чего зависятъ порядокъ и стройность вселенной *). Это отвлеченное понятіе въ матерьяльномъ мірѣ, повидимому, выражалось такими противоположными явленіями, какъ зной и прохлада, огонь и вода, причемъ огненная стихія, какъ наиболѣе лютая, наиболѣе энергично дѣятельная, естественно вопло-

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 282—284.

шала мужское начало, тогда какъ влажная стихія, какъ наиболѣе тихая и кроткая, прекрасно олицетворяла женское начало; необходимое же сочетаніе обоихъ образовало одно цѣлое,—мірозданіе, въ совершенствѣ символически выражаемое тѣмъ фактомъ, что, какъ влага производитъ жизнь, лишь подвергаясь воздѣйствію жара, такъ и жаръ самъ по себѣ, безъ влаги, непроизводителенъ.

Дуализмъ хананскихъ религій.

3.—Въ матерьяльномъ мірѣ видимыми представителями этого дуализма являлись два великіе владыки небесъ, Солнце и Луна: владыка дня и владычица ночи; источникъ жара и податель-ница прохлады и росы; оба свѣтила, а потому однородныя по естеству, однако, какія различныя въ своихъ свойствахъ и проявленіяхъ! Итакъ, хананеи поклонялись солнцу, называя его то Бааломъ (т. е. «Господомъ»—слово то же, что вавилонское Бэлъ), то Молохомъ («Царь»),—иногда съ варіантами, какъ-то: «Владыка Неба», «Царь Города». Что же касается женскаго божества хананеевъ, Ашторетъ (греки называли ее Астартою), то это та же Иштаръ, та же Милитта или Бэлитъ (Баалатъ — «госпожа, владычица»), которая возсѣдала въ ассиро-вавилонскомъ сонмѣ боговъ, почти не измѣнившаяся ни по имени, ни по естеству: богиня любви, а равно и войны, непрестанной производительности и неутомимаго материнства, а также сладострастной нѣги и празднаго наслажденія; главная разница въ томъ, что Ашторетъ изображаетъ луну, тогда какъ вавилонская Иштаръ управляетъ пла-

петой Венерой, утреннею и вечернею звѣздою поэтовъ. Существуетъ финикійскій цилиндръ изъ сердолика, изображающій Баала въ видѣ столба съ изображеніемъ чего-то въ родѣ человѣческихъ рукъ. Окружающіе его лучи показываютъ, что это — символъ солнца, и тутъ же—рогъ луны. Цилиндръ этотъ, ясно намекающій на совмѣстное поклоненіе Солнцу и Лунѣ, былъ найденъ поселяниномъ на западномъ склонѣ Ливана, невдалекѣ отъ развалинъ города Афака, нѣкогда имѣвшаго очень древній и знаменитый храмъ (рис. на стр. 126).

Мелькартъ, Баалъ города Тира.

4.—Понятно, что два главные города финикійскаго приморья отдали себя подъ покровительство двухъ главныхъ національныхъ боговъ: Сидонъ призывалъ богиню Ашторетъ, а Тиръ Молоха, подъ особымъ, мѣстнымъ именемъ Мелькарта («Царь города»). Храмъ бога былъ гордостью Новаго Тира (той части города, которая была построена на островѣ) и, если вѣрить разсказамъ о его великолѣпіи, почти превосходилъ даже знаменитый храмъ Бэл-Мардука въ Вавилонѣ. Геродотъ, славный греческій путешественникъ и историкъ V-го вѣка до Р. Х., разсказываетъ, что онъ нарочно ѣздилъ въ Тиръ, посмотрѣть на этотъ храмъ, столь высоко чтимый еще въ его время, что молва о немъ доходила до самыхъ дальнихъ странъ. «Я посѣтилъ храмъ,—продолжаетъ онъ совершенно искренно,—«и нашелъ его богато изукрашеннымъ множествомъ приношеній, въ томъ числѣ двумя столбами, изъ которыхъ одинъ былъ изъ чистаго золота, другой же изъ изумруда, и ночью распро-

страняхъ яркое сіяніе». Золотые столбы бывали на свѣтѣ; изумрудные, да еще свѣтящіеся въ темнотѣ, очевидно, принадлежатъ области басни. Столбъ, вѣроятно, былъ изъ знаменитаго египетскаго зеленаго стекла, изумительно напоминавшаго изумрудъ; камень же этотъ, по словамъ древнихъ писателей, всего легче поддѣлать. Но даже и въ такомъ случаѣ, подобный столбъ долженъ былъ имѣть громадную цѣнность.

Смутность финикійскихъ миѳовъ.

5.—Ни финикіяне, ни прочія хананскія племена не отличались литературными вкусами, ни даже поэтическимъ даромъ, — по крайней мѣрѣ въ смыслѣ записыванія и собиранія въ поэтической формѣ сказаній, бывшихъ въ ходу у народа, о его собственныхъ богахъ, такъ что они не оставили по себѣ, собственно говоря, миѳологіи, и, ужъ подавно, эпоса *). Между тѣмъ, поэтическая способность или воображеніе ни у одного народа или лица не отсутствуетъ совершенно. Поэтому и хананеи, подобно другимъ племенамъ, имѣли свои миѳы,—т. е. представленія явленій природы въ формѣ поэтическихъ образовъ **); только изъ миѳовъ этихъ не образовались сказанія и легенды; они даже рѣдко облекались въ слова, а больше въ обряды, обычаи, формы служенія, бездарныя художественныя попытки. Нѣтъ поэтому народа, до чьихъ миѳовъ труднѣе было бы добраться. Пришлось собирать ихъ съ монетъ, съ разныхъ обломковъ, невзрачныхъ и немногочисленныхъ, но еще бо-

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 326—328.
**) См. «Исторію Халдеи», стр. 333.

лѣе изъ замѣтокъ и отрывковъ, разбросанныхъ въ сочиненіяхъ очень многихъ писателей, изъ которыхъ одни говорятъ въ качествѣ очевидцевъ, иные же только повторяютъ и собираютъ сказанное уже другими. Въ числѣ такихъ косвенныхъ указаній видное мѣсто занимаютъ многія мѣста Библіи. Иные изъ этихъ миѳовъ финикіяне, въ своихъ странствованіяхъ, передавали грекамъ; греки же, — эти несравненные, міровые сказочники,—живо облекали ихъ въ обаятельную поэтическую форму и превращали въ сказанія, полныя жизни и прелести, въ которыхъ чужія черты скрашивались, но не стушевывались вовсе. Изъ такихъ-то разнообразныхъ матерьяловъ удалось постепенно возсоздать своеобразный миѳическій міръ хананеевъ, такъ сказать, по кусочкамъ.

Авторетъ въ разныхъ видахъ.

6.—Хананской богинѣ, какъ и ея вавилонскому двойнику, служили и поклонялись преимущественно женщины. Въ ея храмахъ толпились красивыя дѣвушки, — плясуньи и музыкантши, — и у алтарей ея прислуживали жрицы, взятыя нерѣдко изъ знатныхъ родовъ. Но самое зданіе храма имѣло лишь второстепенное значеніе; настоящимъ святилищемъ была храмовая ограда съ ея священными рощами: богинѣ природы всего приличнѣе служить подъ открытымъ небомъ, подъ густой листвой, напоминающей о ея вѣчной юности и производительности лучше всего, что могло бы придумать искусство. Поэтому ей посвящались самыя красивыя деревья, предпочтительно такія, которыя не теряютъ никогда зелени, въ особенности кипарисъ, и въ

вавилонской религіи служившій символомъ вѣчной жизни. Изъ плодовъ исключительно посвящалось ей гранатовое яблоко, потому что оно своими тысячами сѣмянъ превосходно олицетво-

Монета съ о. Кипра.
(Храмъ и ограда).

Монета изъ Сидона.
(Ковчегъ, въ которомъ возили кумировъ на процессіяхъ).

ряетъ плодородіе. По той же причинѣ посвящались ей и рыбы (т. е. по обилію икры); во многихъ мѣстахъ ѣсть или убивать рыбъ считалось святотатствомъ; гдѣ-нибудь въ храмовой оградѣ обыкновенно помѣщался прудъ, населенный всякими рыбами, уходъ за которыми поручался особымъ жрецамъ, и въ Аскалопѣ, гдѣ богиня почиталась подъ именемъ Деркето, она изображалась подъ видомъ женщины, тѣло которой, отъ бедръ, переходило въ рыбье. Кромѣ того, близъ этого города находилось озеро, славившееся изобиліемъ рыбъ, ловить которыхъ считалось страшнымъ преступленіемъ. Еще болѣе неизмѣннымъ

Финикійскій цилиндръ.

и излюбленнымъ аттрибутомъ богини былъ бѣлый голубь; эту священную птицу строго воспрещалось убивать, для пищи или ради охоты. На немногихъ, дошедшихъ до насъ, изображеніяхъ ея храмовъ (большей частью на монетахъ греческихъ острововъ, куда финикіяне занесли почитаніе своей богини) всегда изображены голуби, вьющіеся надъ кровлею и вокругъ страннаго конусообразнаго камня, которымъ весьма грубо и нехудожественно изображается сама богиня *).

„Высоты", священныя рощи и ашера.

7.—Но главною чертою поклоненія богини Ашторетъ всегда была священная роща, природная или искусственно насаженная, въ долинахъ или по склонамъ Ливана. Баалу же жертвенники предпочтительно воздвигались не внутри храмовыхъ стѣнъ, а подъ открытымъ небомъ, на вершинѣ холмовъ или вообще возвышенія. Возлѣ жертвенника обыкновенно сажали «священное древо», называемое АШЕРОЙ **)—настоящее дерево или условное подражаніе дереву. Такимъ образомъ Баалъ не разлучался со своею Баалатъ, и это служило молящемуся люду напоминаніемъ о двойственномъ естествѣ Единаго Перваго Начала,—или, пожалуй, наоборотъ, о дѣйствительномъ единствѣ

*) Это самая древнѣйшая хананская и семитская форма идола, иногда, какъ показано выше (рисунокъ «финикійскій цилиндръ»), снабженная чѣмъ-то, намекающимъ на голову и руки; но это уже позднѣйшее прибавленіе.

**) Другой видъ священнаго дерева, символа жизни, извѣстенъ намъ по вавилонскимъ и ассирійскимъ изваяніямъ; значеніе его подробно объяснено въ «Исторіи Халдеи», стр. 318 и сл.

божественной четы. Намъ встрѣчается этотъ символъ,—жертвенникъ бога съ деревомъ богини,—на многихъ ассирійскихъ изваяніяхъ, изображающихъ религіозные моменты или сцены. Это—тѣ

Ассирійскій передвижной жертвенникъ и ашера.

самыя «высоты» или «возвышенныя мѣста» и «ашеры», на которыя мы находимъ въ Библіи столь частыя и гнѣвныя сѣтованія,—тѣ языческія «мерзости», въ которыя непрестанно впадали Іуда и Израиль, и за которыя также не-

престано укоряли ихъ пророки, пока временами не возставалъ какой-нибудь благочестивый или кающійся царь, и не сметалъ ихъ съ лица своей земли, — но не надолго, такъ какъ ихъ возстановляли его преемники, всего чаще его родной сынъ. Такъ говорится о Іосіи, царѣ іудейскомъ, усердномъ реформаторѣ (4-я Кн. Царствъ, XXIII), что онъ сжегъ всѣ сосуды и утварь, сооруженныя для служенія Баалу, «и *ашеръ*, и всему воинству небесному»,—и что онъ «отставилъ жрецовъ, которыхъ поставили цари іудейскіе, чтобы совершать куренія на высотахъ въ городахъ іудейскихъ и окрестностяхъ Іерусалима, и которые кадили Баалу, солнцу и лунѣ, и созвѣздіямъ, и всему воинству небесному»... Тотъ же царь вынесъ *ашеру* за Іерусалимъ и сжегъ ее у потока Кедрона, «...и разрушилъ дома, гдѣ женщины ткали одежды для Астарты» (т. е. пологи для украшенія *ашеры*). Пологи эти дѣлались изъ богатѣйшихъ тканей, большей частью изъ тончайшаго пурпура, изукрашеннаго роскошными вышивками. Изъ нѣкоторыхъ устраивались шатры и бесѣдки въ священныхъ рощахъ, куда стекались на отдыхъ молельщики, чтобы въ честь богини всякихъ радостей и чувственныхъ наслажденій проводить цѣлыя ночи въ пиршествахъ и необузданномъ веселіи, но непремѣнно внутри храмовой ограды, причемъ прислуживали женщины и дѣвушки, которыя посвятили себя служенію богинѣ, и для которыхъ это составляло значительную часть ихъ обязанностей.

Баалъ въ разныхъ видахъ.

8.—Ханаанеямъ Солнце и Луна, иначе сказать,—мужеское и женское начало въ природѣ, проявляемыя двумя стихіями—Огнемъ и Водою,—великіе прародители всего живущаго, представлялись супружеской четою, мужемъ и женою. Такъ, совокупно съ Бааломъ или владыкой города Тира, Мелькартомъ, почиталась Ашторетъ въ качествѣ «владычицы», Милькатъ, тогда какъ въ Аскалонѣ и прочихъ городахъ филистимскаго союза оба обратились въ *рыбныя* божества, Деркето (см. выше, стр. 126) и Дагона (отъ слова *даг*, «рыба» на семитическихъ нарѣчіяхъ). Въ храмѣ Дагона была статуя, имѣвшая голову и руки человѣчьи, тѣло рыбье, а подъ нимъ опять человѣчьи ноги. Не мудрено узнать въ этомъ описаніи самого вавилонскаго Оанна *), и, какъ бы въ дополненіе къ этому сходству, преданіе приписываетъ Дагону изобрѣтеніе плуга и дѣлаетъ его вообще покровителемъ земледѣлія и подателемъ пищи. Имя одного изъ древнѣйшихъ ассирійскихъ *патэси*, Ишми-Дагонъ, далѣе указываетъ на болѣе тѣсную связь между обоими мѳами, нежели доселѣ можетъ быть доказано подлинными письменными документами.

Баалъ благій и Баалъ злой.

9.—Впрочемъ, это была лишь мѣстная форма ханаанскаго культа. Настоящій Баалъ, — Молохъ, почитаемый въ Сиріи и Финикіи, былъ гораздо страшнѣе и дѣятельнѣе. Самая замѣчательная черта его — двойственность естества, смѣсь благихъ и злыхъ качествъ, поочередно

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 219 и сл.

преобладающихъ, такъ что онъ, наконецъ, раздваивается, и получаются два существа, не только различныя, но прямо враждебныя. Чрезмѣрный лѣтній зной, который спаливаетъ землю и убиваетъ все живое, это—Молохъ, грозный, лютый истребитель. Умѣренный вешній жаръ, съ его частыми тихими, живительными дождями.—тепло, вызывающее сѣмя изъ земли и лелѣющее молодые всходы.—мягкая осенняя теплота, при которой дозрѣваютъ плоды и вновь появляются облака, столько мѣсяцевъ разгоняемыя жгучими жарами, и снова поятъ изнемогающія отъ жажды нивы и поля, одѣвая ихъ вторично въ свѣжій зеленый уборъ, это—добрый, ласковый Баалъ, благотворитель. Когда сила его убываетъ и ликъ его блѣднѣетъ,—когда лучи его посѣщаютъ землю съ каждымъ днемъ на меньшій срокъ, косвенно и какъ бы издали, и уже не въ силахъ шевелить жизненные соки въ деревьяхъ и заснувшихъ въ почвѣ сѣменахъ,—тогда Баалъ почиваетъ или путешествуетъ гдѣ-нибудь далеко, на западѣ, и люди поднимаютъ по немъ плачъ, пока мѣсяцы, въ своемъ равномѣрномъ теченіи, не приведутъ его опять или не разбудятъ его,—и это-то его возвращеніе или пробужденіе праздновалось шумно, буйно, съ изступленною радостью; праздникъ этотъ приходился на нашъ мартъ мѣсяцъ.

Пророкъ Илья и жрецы Баала.

10.—Въ Библіи есть одно знаменитое мѣсто, намекающее именно на этотъ миоъ. Повѣствуется о томъ, какъ, въ лютый голодъ, бывшій при царѣ Ахавѣ, четыреста пятьдесятъ «пророковъ Ваалових и четыреста пророковъ дубравныхъ»—(жре-

цовъ *ашеры*) собрались на горѣ Кармилъ передъ лицомъ всего народа Израилева, и пророкъ Илія вызвалъ ихъ на состязаніе, приглашая ихъ приготовить жертву Баалу и своими молитвами призвать на нее огонь съ небесъ. «И взяли они тельца, который данъ былъ имъ, и приготовили, и призывали имя Ваала отъ утра до полудня, говоря: «Ваале, услышь насъ!» но не было ни голоса, ни отвѣта. И скакали они у жертвенника, который сдѣлали. Въ полдень Илія сталъ смѣяться надъ ними и говорилъ: «Кричите громкимъ голосомъ, ибо онъ богъ; можетъ-быть, онъ задумался, или занятъ чѣмъ-либо, *или въ дорогѣ, а можетъ-быть и спитъ*, такъ онъ проснется». (3-ья кн. Царствъ, XVIII, 26 — 27). Эти слова пророка часто приводятся какъ мастерской образецъ риторической фигуры, называемой «сарказмомъ»; но это не все: они заключаютъ въ себѣ прямое указаніе на упомянутый выше миѳъ о спячкѣ или отлучкѣ Баала. За ними слѣдуетъ весьма замѣчательный стихъ, вызывающій воочію передъ нами величайшую странность, свойственную хананскому культу:—«И стали они кричать громкимъ голосомъ, *и кололи себя, по своему обыкновенію, ножами и копьями, такъ что кровь лилась по нимъ*».

Самоистязаніе и человѣческія жертвы.

11.—Значеніе этого, повидимому, сумасброднаго поступка—слѣдующее: жрецы, видя, что на ихъ моленія и приношеніе не обращается никакого вниманія, *усугубили* то и другое, присовокупляя къ нимъ свою собственную кровь и добровольное самоистязаніе, въ томъ несовсѣмъ без-

смысленномъ предположеніи, что кровь людей, да вдобавокъ его собственныхъ служителей, притомъ добровольно проливаемая, должна имѣть въ глазахъ Баала бо́льшую цѣну, нежели кровь неосмысленной твари, а нанесенная себѣ ими добровольно боль должна повліять на него убѣдительнѣе минутной предсмертной муки тупо пассивной жертвы. Если предположить, что огорченіе и страстное возбужденіе еще нѣсколько времени продолжаетъ возрастать въ той же мѣрѣ, пока не достигнетъ высшей степени, — положительнаго отчаянія, то должно послѣдовать приношеніе собственной жизни, или жизни одной или нѣсколькихъ человѣческихъ жертвъ, какъ послѣднее средство возбудить въ Баалѣ состраданіе. Это—логическая необходимость, заключающаяся въ самомъ понятіи о «жертвѣ», въ томъ смыслѣ, который весь древній міръ придавалъ слову *Sacrificium*. И дѣйствительно, этотъ ужасный обычай,—приносить человѣческія жертвы,—въ очень древнія времена существовалъ повсемѣстно. Ни одна древняя религія не обошлась безъ него. Но въ большей части изъ нихъ, насколько удалось пока узнать, мы видимъ лишь рѣдкіе случаи, полузглаженные слѣды его, и только однимъ сынамъ Ханаана предстояло сохранить его въ полной силѣ не только до историческихъ временъ, не только до сравнительно поздней эпохи, но даже до начала нашей собственной, христіанской эры.

Основное понятіе о „жертвѣ".

12.—Латинское слово *Sacrificium* первоначально означало просто «священнодѣйствіе», всякій об-

рядъ, сопряженный съ богослуженіемъ. Но, со временемъ, его стали примѣнять исключительно къ обряду, считавшемуся изо всѣхъ самымъ священнымъ, таинственнымъ, внушающимъ благоговѣйный страхъ, всего прямѣе приближающимъ человѣка къ божеству, приводящимъ его въ личное общеніе съ нимъ,—къ обряду приношенія даровъ. У людей дары приносятся по двумъ побужденіямъ: изъ любви, въ знакъ благодарности или вообще дружескаго расположенія,—и изъ страха, съ цѣлью умилостивить; дары послѣдняго разряда естественно бываютъ и обильнѣе и цѣннѣе. Есть еще третій разрядъ приношеній, которыхъ по-настоящему нельзя назвать дарами; цѣль ихъ—подкупить принимателя, побудить его сдѣлать то или другое, лежащее внѣ его положительныхъ обязанностей, оказать приносителю экстренную милость. Цѣнность такого приношенія соразмѣряется испрашиваемой милостью и можетъ быть увеличена, если принимать сначала выкажетъ равнодушіе или неохоту одолжить просителя. Тутъ ужъ очевидно не столько даръ, какъ торгъ. Затѣмъ есть еще приношенія, установленныя закономъ относительно времени, качества, количества, и подходящія подъ рубрику обязательныхъ повинностей, налоговъ, даней, которыя однако охотно уплачиваются правителю земли съ тѣмъ, что онъ, получивъ свою достаточную долю отъ всего лучшаго, что земля производитъ, уже не станетъ брать болѣе этой доли, хотя и признается, что онъ и вправѣ и властенъ такъ поступить. Ясно, что взамѣнъ всѣхъ та-

кихъ даровъ и приношеній, какого бы то ни было разряда, ожидаются существенныя выгоды или вознагражденія. Даже дары, подносимые изъ любви, не представляютъ исключенія, потому что даритель ужъ конечно чувствуетъ себя вправѣ ожидать отъ принимателя расположеніе и дружеское участіе, а люди сильные и власть имущіе эти чувства обыкновенно выражаютъ любезностями и милостями. Одна только христіанская любовь даетъ, не ожидая ничего взамѣнъ, ни даже благодарности; но этой добродѣтели древній міръ не зналъ, и поэтому она не могла отразиться въ его религіяхъ.

Жертва—доля, подобающая богу, хозяину земли.

13.—Жертвоприношенія богамъ въ точности соотвѣтствуютъ этимъ разрядамъ даровъ у людей; чувства, побужденія, цѣли—однѣ и тѣ же. Для того, чтобы вполнѣ уяснить себѣ крайне практическій, нисколько не сантиментальный духъ этого учрежденія, мы должны стать на мѣсто древняго молельщика, совершенно усвоить себѣ его образъ мышленія и безусловный антропоморфизмъ, которымъ были пропитаны его понятія о божествѣ. Богъ для него—тотъ же царь, только въ увеличенномъ видѣ: добрѣе, благодѣтельнѣе, когда онъ въ добромъ настроеніи, несравненно болѣе могущественный и соразмѣрно болѣе страшный въ гнѣвѣ, когда онъ оскорбленъ. Ему подобаютъ извѣстныя права, и онъ ревниво блюдетъ, чтобы права эти уважались. Онъ—хозяинъ той земли, на которой онъ дозволяетъ своимъ поклонникамъ селиться. Онъ далъ имъ эту землю на вѣчное пользованіе, со всѣмъ, что есть въ ней и

на ней. Но изо всего этого богатства простая признательность велитъ приличную долю отдѣлять ему, какъ верховному владѣльцу. Ему подобаетъ по кранней мѣрѣ первенецъ мужескаго пола отъ каждаго домашняго животнаго, первые плоды изо всего, что производитъ почва, и часть,—обыкновенно десятая, — всѣхъ продуктовъ людской промышленности; эта дань должна вноситься всенародно, торжественно, въ извѣстные сроки, въ ближайшемъ храмѣ, — и это составляетъ народное празднество, поводъ къ общей радости и веселію, потому что не должно подавать такой видъ, будто долгъ этотъ уплачивается неохотно и жалѣючи, такъ какъ въ противномъ случаѣ божество можетъ прогнѣваться на людей за неблагодарность и неуваженіе, и не только прекратить свои милости, но даже ниспослать наказаніе. Легко разсчитать, какой громадной цифры должны были достигать эти приношенія живностью, натурою и всякими продуктами. Еще полагается, что часть военной добычи,—не менѣе десятой доли,—по праву подобаетъ богамъ, милость которыхъ споспѣшествовала торжеству народнаго оружія.

Всесожженіе и освященіе.

14. — Жертвоприношеніе могло совершаться двоякимъ способомъ: приносимый предметъ могъ быть или уничтожаемъ,—пожираемъ на жертвенникѣ огнемъ,—или только посвящаемъ на пользу святыни. Первый способъ, такъ-называемое «всесожженіе», конечно былъ наиболѣе основательнымъ и прямымъ. Полагалось, что даръ и молитва, или благодареніе, возносились прямо на

небо къ божеству. Отсюда обще-употребительныя выраженія: «боги *обоняютъ* жертву». Если они «обоняютъ *пріятный* запахъ», то жертва, значитъ, имъ пріятна. «И обонялъ Господь пріятное благоуханіе»—сказано въ Книгѣ Бытія (VIII, 21) *). Обыкновенно только животныя,—тельцы, козлята, ягнята,—сожигались цѣликомъ, вмѣстѣ съ нѣкоторой долей плодовъ земныхъ, какъ-то,—пшеницы, муки, елея. Но и это бывало рѣдко. Обыкновенно жертву зарѣзывали, лучшія части мяса и жира сожигались на жертвенникѣ, затѣмъ откладывалась значительная доля для жрецовъ и храмовыхъ служителей, а остальное раздавалось народу. Отъ жидкихъ приношеній,—молока, вина, елея,—малая толика выливалась въ пламя на жертвенникъ или на землю (такъ-называемое «возліяніе»); плоды и всякіе продукты «освящались», на употребленіе при храмѣ, жрецами и служителями. Такимъ путемъ составлялся доходъ, достаточный не только на прокормленіе храмового персонала и содержаніе его въ большомъ благолѣпіи и даже роскоши, но и на украшеніе зданій и святилищъ, и на нужный ремонтъ, причемъ храмовая казна все еще никогда не пустѣла. При чрезвычайныхъ случаяхъ, когда частнымъ лицомъ или всенародно приносилась жертва «искупительная», — т. е. во искупленіе какой-нибудь вины, или съ цѣлью испросить прощеніе за какое-нибудь упущеніе или вообще про-

*) То же выраженіе мы находимъ въ халдейской эпической поэмѣ: «Боги обоняли благоуханіе; боги обоняли пріятное благоуханіе». (См. «Исторію Халдеи», стр. 361, 403).

ступокъ, или же съ цѣлью вымолить какую-либо великую и необычайную милость, одно «освященіе» считалось недостаточнымъ: требовалась жертва полная, не сокращенная; только совершенное отреченіе могло удовлетворить прогнѣванное величіе бога или заслужить спеціальное его вмѣшательство. При такихъ случаяхъ бывало, что цѣлыя стада, цѣлые корабельные грузы драгоцѣнныхъ товаровъ пожирались жертвеннымъ пламенемъ, которое вдобавокъ «кормилось» самыми дорогими духами, благовонными маслами и пряностями.

Требуется совершенство жертвуемаго предмета.

15.—Само собою разумѣется, что то, что̀ подносится, живое ли или неодушевленное, должно быть въ своемъ родѣ самое совершенное, не оскверненное употребленіемъ, исключительной красоты, не усмиренное и не утомленное работой. Развѣ человѣкъ поднесетъ своему другу или начальнику надѣванное платье, стриженную овну, изъязвленнаго вола, стараго коня съ потертою отъ сѣдла спиною? А если бы онъ это сдѣлалъ, развѣ другъ не отвернулся бы отъ него въ заслуженномъ гнѣвѣ и не отплатилъ бы ему, вмѣсто благодарности, укорами и, пожалуй, мщеніемъ? Итакъ, жертвы должны быть непорочны во всѣхъ отношеніяхъ: безукоризненной красоты формъ и цвѣта; телка и телецъ, не опозоренные плугомъ, конь не ѣзженный; самки животныхъ, не утомленныя трудами и заботами материнства. Было бы непочтительно отдать скотину, сперва попользовавшись отъ нея прибылью, въ видѣ работы или приплода. Понятно, что, если животное лю-

бимое, или особенно цѣнное по рѣдкости и превосходству породы, то жертва будетъ тѣмъ пріятнѣе и, вѣроятно, тѣмъ дѣйствительнѣе, какъ выраженіе величайшаго и безкорыстнѣйшаго усердія.

Логичность человѣческихъ жертвъ.

16.—Ясно, что усердіе и щедрость должны соразмѣряться съ нуждою или благодарностью жертвователей. Въ обычное время, ничѣмъ особеннымъ не выдающееся, благочестивый человѣкъ будетъ въ точности исполнять всѣ свои обязательства по отношенію къ богамъ, по поводу разныхъ семейныхъ событій:—рожденій, браковъ, смертей, отправленія въ дорогу или возвращенія изъ путешествій, заболѣваній и выздоровленій, и всякихъ начинаній,—но не почувствуетъ потребности дѣлать болѣе того, что положено закономъ и обычаемъ. Только когда сердце переполнено радостью или замираетъ отъ горя или страха, люди перестаютъ разсчитывать, теряютъ до извѣстной степени счетъ своему имуществу и сознаніе относительной цѣнности вещей. Бываютъ милости столь великія и огорченія столь тяжкія, что люди, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго возбужденія, готовы цѣною всего, что имѣютъ, собственной жизни и жизни своихъ самыхъ близкихъ, отблагодарить за первыя и предотвратить или прекратить послѣднія, и всякую цѣну сочтутъ въ ту минуту дешевою. Изъ этихъ двухъ данныхъ: 1) представленія о божествѣ, которое можно дарами склонить къ совершенію или несовершенію извѣстныхъ дѣйствій, и на которое можно повліять соразмѣрной цѣнностью приношенія, — и, 2) душевнаго

состоянія, возбужденнаго до временнаго самозабвенія,—логически истекаетъ необходимость человѣческихъ жертвъ, такъ какъ жизнь есть самое дорогое, что̀ имѣетъ человѣкъ. Если же провести логическую послѣдовательность до крайнихъ предѣловъ, то мы дойдемъ до принесенія въ жертву дѣтей, и если ужъ идти до самаго конца, то даже любимѣйшихъ дѣтей, не только потому, что сама жертва—идеальной чистоты, но и потому, что она должна дѣйствовать наиболѣе убѣдительно, такъ какъ, въ добавленіе къ своему собственному достоинству, она несетъ передъ престолъ божества всю муку истерзанныхъ родительскихъ сердецъ.

Приношеніе въ жертву первенцевъ замѣняется освященіемъ и выкупомъ.

17.—Въ строгомъ смыслѣ, приношеніе въ жертву дѣтей подобало божеству во всякое время, такъ какъ дѣти тоже составляютъ часть народнаго богатства и прироста. Если требуется первенецъ каждаго домашняго животнаго, почему же дѣлать исключеніе въ пользу хозяйскихъ дѣтей? Это обязательство и признается формально и безусловно іудеями, единственнымъ семитскимъ народомъ, законы котораго дошли до насъ сполна. Вотъ замѣчательное мѣсто (Исходъ, XXII, 29), въ которомъ устанавливается этотъ важный пунктъ:—«Не медли приносить мнѣ начатки отъ гумна твоего и отъ точила твоего; *отдавай мнѣ первенца изъ сыновъ твоихъ*. То же дѣлай съ воломъ твоимъ и съ овцою твоею. Семь дней пусть они будутъ при матери своей, а на осьмой день *отдавай ихъ мнѣ*». Если принять въ соображеніе, что у другихъ семитскихъ и хананскихъ племенъ приношеніе дѣтей въ жертву было заурядным̀ъ

явленіемъ, законнымъ учрежденіемъ, то останется мало сомнѣнія въ томъ, что въ самые отдаленные вѣка это повелѣніе понималось и исполнялось буквально. Но когда іудеи появляются на исторической мировой сценѣ, ихъ понятіе о благости Господней настолько опередило понятіе о Его строгости, что они уже не могли допускать такого варварски буквальнаго пониманія, и законъ о приношеніи въ жертву первенцевъ въ примѣненіи къ людямъ смягчался и превращался въ освященіе. Однако въ народной совѣсти все еще настолько сохраняется первоначальное значеніе закона, что чувствуется надобность въ выкупѣ, впрочемъ крайне умѣренномъ: пара горлицъ или молодыхъ голубковъ,—выкупъ, не превышавшій средствъ самаго бѣднаго отца семейства. (См. Ев. Луки, II, 22—24).

Человѣческія жертвы учреждены, якобы, самимъ божествомъ.

18. — Необходимость человѣческихъ жертвъ такъ неизбѣжно истекаетъ изъ грубо матерьяльнаго понятія о божествѣ, присущаго всему древнему міру, что насъ не должно удивлять то, что учрежденіе ихъ приписывалось прямо божеству. Людямъ должно было казаться вполнѣ естественнымъ, что боги, давшіе имъ законы и научившіе ихъ религіознымъ обрядамъ и служенію, и всему тому, что̀ составляетъ цивилизацію, учредили и этотъ священнѣйшій и страшнѣйшій обрядъ. У разныхъ народовъ есть не мало легендъ и сказаній, воплощающихъ эту идею. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ такихъ сказаній мы находимъ у финикіянъ, въ отрывкахъ, приводимыхъ позднѣйшими писателями изъ сочиненія о фи-

никиской космогоніи, которое приписывается нѣкоему древнему жрецу, Санхоніатону, жившему, якобы, слишкомъ тысячу лѣтъ до Р. Х. Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ повѣствуется, что самъ верховный богъ однажды, «когда случилась чума съ великою смертностью», принесъ своего единороднаго сына въ жертву отцу своему «Небу», а въ другомъ то же самое разсказывается въ менѣе скудной формѣ, такъ что можно ясно разглядѣть происхожденіе легенды: «У древнихъ существовалъ обычай, чтобы правители города или страны, въ годины тяжкихъ народныхъ бѣдствій, для предотвращенія всеобщей погибели, приносили въ жертву карающему божеству любимѣйшее изъ своихъ дѣтей, въ видѣ выкупа. Посвященная для этой цѣли жертва приносилась *мистически* (т. е. съ обрядами, имѣющими таинственно-священное,—мистическое,—значеніе, въ память и напоминаніе о божественномъ происхожденіи обычая). Ибо,—далѣе говорится въ текстѣ,—богъ (Илъ) имѣлъ одного сына, а «когда странѣ угрожала великая опасность отъ войны, онъ убралъ жертвенникъ, облачилъ сего своего сына всѣми знаками царскаго сана и принесъ его въ жертву». Легенда эта очевидно была изобрѣтена для того, чтобы объяснить обычай и освятить его божественнымъ авторитетомъ, безъ котораго столь чудовищное нарушеніе законовъ природы никогда не могло бы быть принято. Такихъ легендъ, имѣющихъ цѣлью объяснить происхожденіе или причину того или другого обычая, имени, повѣрія, и т. д., въ

древности было такъ много, что ихъ собрали подъ особую рубрику, съ особымъ названіемъ: *этіологическіе миѳы* (отъ греческаго слова *этія*,— «причина, поводъ»).

Жертва, принесенная Мешой, царемъ моавскимъ.

19.—Съ великимъ изумленіемъ находимъ мы въ Библіи описаніе, поражающее ужасомъ по своей крайней трагической простотѣ, одного событія, несомнѣнно историческаго, которое представляетъ точное воспроизведеніе на землѣ дѣйствія, происходившаго, согласно древнему преданію, гдѣ-то на небесахъ, среди боговъ. Это—эпизодъ войны, бывшей около 850 года до Р. Хр., между израильтянами и родственнымъ имъ семитскимъ народомъ, МОАВИТЯНАМИ, царь которыхъ, МЕША, въ знаменитой, оставленной имъ надписи, является ревностнымъ поклонникомъ своего племенного бога ХЕМОША *).

«И встали израильтяне и стали бить моавитянъ, и тѣ побѣжали отъ нихъ, а они продолжали идти на нихъ и бить ихъ. И города разрушили, и на всякій лучшій участокъ въ полѣ бросили каждый по камню, и закидали его; и всѣ притоки водъ запрудили, и всѣ дерева лучшія срубили, такъ что оставались только каменья въ Кир-Харешетѣ» (городѣ, лежащемъ немного на востокъ отъ южной оконечности Мертваго моря); «и обступили его пращники и разрушили его. И увидѣлъ царь моавитскій, что битва одолѣваетъ его, и взялъ съ собою семьсотъ человѣкъ, владѣющихъ мечомъ, чтобы пробиться къ царю эдомскому; но не могли. *И взялъ онъ сына своего, первенца, которому слѣдовало царствовать вмѣсто него, и вознесъ его во всесожженіе на стѣнѣ.* Это произвело большое негодованіе въ израильтянахъ, и они отступили отъ него, и возвратились въ свою землю» (4-я кн. Царствъ, III, 24—27).

*) См. Приложеніе къ гл. VI.

Индусскія легенды.

20.—У древнихъ индусовъ было сказаніе весьма сходное съ этимъ. Оно очень древнее и нигдѣ прямо не разсказывается. Но въ одномъ изъ ихъ священныхъ гимновъ на него намекается, какъ на нѣчто общеизвѣстное. Оказывается, что индусы представляли себѣ міровое мужеское начало въ видѣ исполинскаго существа мужескаго пола, которое они называли просто МУЖЕМЪ (ПУРУША), однако воображали существомъ божественнымъ, господиномъ всей вселенной, отъ коего исходило все бывшее, сущее и будущее. «Когда боги принесли Божественнаго Мужа въ жертву», гласитъ далѣе сказаніе, то «весна была при этомъ топленымъ масломъ» (которымъ поливаютъ жертву), «лѣто—дровами, а осень—дополнительнымъ приношеніемъ» (плоды и хлѣба). «Жертву сію, рожденную въ началѣ вѣковъ, они заклали и окропили водой на подстилкѣ изъ жертвеннаго злака. Когда боги, совершая жертвоприношеніе, связали его, какъ жертву, семь полѣнъ были разложены вокругъ него, и костеръ былъ для него построенъ въ трижды семь рядовъ полѣнъ... *То были первыя учрежденія*». Затѣмъ сказано, что всѣ міры и все, въ нихъ содержащееся, создалось отъ принесенія въ жертву Божественнаго Мужа. И священныя книги индусовъ тоже содержатъ формальнѣйшія и подробнѣйшія предписанія касательно принесенія человѣческихъ жертвъ и обрядовъ, которые должны быть соблюдаемы при этомъ,—иногда въ огромныхъ размѣрахъ: до 150 человѣкъ приносится въ жертву за одинъ разъ! По мѣрѣ того, какъ водворялись

просвѣщеніе и болѣе мягкіе нравы, это варварство, конечно, постепенно выводилось. Полагалось, что божественная воля высказалась противъ него, и народное чувство, по обыкновенію, облеклось въ сказанія и притчи. Одно изъ этихъ сказаній повѣствуетъ о юношѣ, который, будучи уже привязанъ къ столбу на кострѣ, въ ожиданіи смертнаго удара взмолился поочередно ко всѣмъ богамъ,—и узы чудеснымъ образомъ спали съ него. Есть сказаніе и о женщинѣ, находившейся въ такомъ же отчаянномъ положеніи, въ отвѣтъ на молитвы которой былъ ниспосланъ сильный ливень на загорѣвшійся уже костеръ,—и только на это одно мѣсто Когда впослѣдствіи кровавыя жертвоприношенія даже животныхъ были по большей части отмѣнены и замѣнены приношеніями хлѣбовъ или лепешекъ изъ риса и пшена, въ оправданіе этого гуманнаго нововведенія была опять-таки придумана притча,—о томъ, какъ жертвенная сила отошла отъ высшей и цѣннѣйшей жертвы, человѣка, и сошла въ коня, потомъ изъ коня въ тельца, изъ тельца въ козла, изъ козла въ овцу, а ужъ изъ овцы въ землю, гдѣ она вселилась въ зерна риса и пшена, положенныя въ почву на сѣмя. Этимъ весьма находчиво указывалось на то, что отнынѣ безкровныя жертвы,—лепешки изъ риса и пшена,—будутъ столь же угодны божеству, какъ живыя жертвы, человѣческія или животныя. Ясно, что такая перемѣна не могла быть сдѣлана безъ ссылки на авторитетъ выше человѣческаго, такъ какъ для отмѣны

учрежденія, установленнаго божественной волею, конечно требовалось божественное же повелѣніе.

Греческая легенда.

21.—Этотъ же смыслъ кроется и въ жертвоприношеніи Авраама. Богъ требуетъ жертвы, но въ рѣшительную минуту останавливаетъ занесенный уже ножъ и подставляетъ барана, этимъ давая знать, что Онъ довольствуется менѣе благородной жертвой и щадитъ дѣтей человѣка. Кто не знаетъ греческое сказаніе о томъ, какъ великому, знаменитому царю (Агамемнону) повелѣвается принести въ жертву родную, любимую, красавицу дочь (Ифигенію), для блага всего народа, и какъ вмѣсто нея подставляется бѣлая лань? Можно бы привести и еще примѣры изъ былинъ другихъ народовъ, одинаково направленныхъ къ тому, чтобы показать, какъ высшая культура вездѣ учила людей высшей и болѣе чистой вѣрѣ, внушая увѣренность, что божество, милостиво даровавъ людямъ жизнь и вселивъ въ нихъ нѣжныя родительскія чувства, не могло потѣшаться безсмысленными убійствами и попираніемъ этихъ же чувствъ, самыхъ высокихъ, самыхъ священныхъ.

Страстная натура восточныхъ людей.

22.—Совсѣмъ иначе было у языческихъ семитовъ и хананеевъ. Ихъ свирѣпая религія не знала пощады, ихъ культура не оказывала на нравы смягчающаго вліянія. Благодаря странной лютости и кровожадности, присущей ихъ натурѣ, какой-то пламенности и способности къ крайнему нервному возбужденію, они какъ будто находили какое-то болѣзненное удовольствіе въ чрезмѣрномъ, остромъ страданіи не менѣе, чѣмъ въ чрезмѣрномъ насла-

жденіи. Такъ всегда бываетъ у натуръ, въ которыхъ и чувственность, и душевныя ощущенія доведены до крайняго напряженія. Онѣ сильно склонны къ изнѣженности, доходящей до женоподобности, и въ то же время, вслѣдствіе закона, по которому одна крайность переходитъ въ другую, къ возмутительной жестокости, и, при случаѣ, къ самоистязанію. Человѣкъ, утопающій въ роскоши и всякихъ матерьяльныхъ наслажденіяхъ, неизбѣжно впадаетъ въ пресыщеніе и притупляетъ въ себѣ способность воспринимать ощущенія, однако хочетъ ихъ во что бы ни стало; и вотъ, утомленные нервы ищутъ ихъ въ болѣе и болѣе жестокихъ раздраженіяхъ. Каждое человѣческое чувство, чтобы ощутить его, приходится во сто кратъ усилить, довести до болѣзненной интенсивности. Радость, страхъ, скорбь,—все возводится на степень экстаза, а то—пустота, апатія, спокойствіе, доходящее до безжизненности,—впрочемъ, лишь наружное и обманчивое.

Изступленное религіозное чувство.

23.—Таковыми люди Востока всегда были, таковы они и теперь. Въ этомъ весь секретъ ихъ безстрастной величавости, ихъ размѣренной малорѣчивости, рѣдкихъ и медленныхъ тѣлодвиженій, внушающихъ почтительное уваженіе всякому, кто впервые имѣетъ съ нимъ дѣло. Они не менѣе способны къ изступленнымъ волненіямъ душевнымъ, нежели были ихъ предки три тысячи лѣтъ назадъ, но современныя условія жизни менѣе потворствуютъ такимъ настроеніямъ, а потому спокойные промежутки длятся долѣе, и когда случаются взрывы, они поражаютъ умъ, непривычный вникать

въ явленія, какъ нѣчто неожиданное и ни съ чѣмъ несообразное. Теперь, какъ и тогда, поводомъ къ подобнымъ взрывамъ служитъ большею частью чрезмѣрное возбужденіе религіознаго чувства. И воюютъ они, и избиваютъ иновѣрцевъ, все изъ того же фанатизма, который еще болѣе разгорается отъ дѣйствія страшныхъ возбудительныхъ средствъ,—опіума, гашиша,—употребляемыхъ ими безо всякой мѣры.

Самоистязаніе на религіозныхъ торжествахъ.

24.—Древніе азіаты находили требующееся имъ возбужденіе преимущественно въ обрядахъ своей религіи. Они предавались имъ со страстною нервною экзальтаціей, которая была для нихъ жизненной потребностью. Праздновали ли они радостный весенній праздникъ,—соединеніе юнаго бога-Солнца, возставшаго изъ мертвыхъ, съ долго вдовѣвшей богиней Природы,—или оплакивали безвременную погибель его отъ руки Зимы или жгучаго Лѣта и ея вдовство,—они возбуждали себя и другъ друга, въ процессіональныхъ шествіяхъ, составлявшихъ одну изъ главныхъ чертъ каждаго торжества, воплями и стенаніями, и всякими шумными изліяніями радости или печали, смотря по поводу торжества, чуть не до безумія. Жрецы, шедшіе во главѣ, подавали примѣръ, и въ короткое время доходили до такого состоянія, когда ни вопли, ни стоны, ни разрываніе на себѣ одежды не могли уже удовлетворить разнузданную страстность ихъ натуры, когда одна лишь кровь и физическая боль могли унять нервное раздраженіе, доведенное до послѣдней степени. Тогда они начинали рвать свое тѣло ногтями,

рѣзать и колоть его ножами и другими острыми орудіями. Это зрѣлище дѣйствовало заразительно, и въ сопровождавшей шествіе толпѣ множество охотниковъ вступало съ ними въ состязаніе, стараясь какъ можно ужаснѣе себя изранить, измучить, изувѣчить. Нерѣдко даже какой-нибудь несчастный фанатикъ, въ полномъ забытьѣ, бросался подъ тяжелую колесницу, на которой везли кумиръ, или впадалъ въ экстазъ,—и день, начавшійся пышнымъ спектаклемъ, столь любезнымъ восточной фантазіи, непремѣнно кончался буйнымъ безобразіемъ, разнузданнымъ весельемъ, если празднество было радостное, или еще болѣе чудовищнымъ изступленіемъ, если оно было печальное. Такого рода религіозное сумасбродство у грековъ называлось весьма мѣтко ОРГІЯМИ: греческое слово *orge* означало всякое «буйное, страстное душевное» волненіе. А потому религіи, отличавшіяся такимъ буйнымъ, необузданнымъ характеромъ, т. е. всѣ хананскія и семитскія религіи Сиріи,—греки называли религіями ОРГІАСТИЧЕСКИМИ. Едва ли требуется еще доказывать, что подобные кризисы, доведенные до послѣдней степени изступленія, неминуемо должны были разрѣшаться человѣческими жертвами.

Человѣческія жертвы приносятся Баалу-Молоху.

25.—Неудивительно и то, что у такихъ народовъ культура не могла смягчить, очистить, очеловѣчить религіозныя понятія и богослуженіе, потому что, какъ было указано уже не разъ, каковъ народъ, таковы, притомъ въ преувеличенномъ видѣ, и боги его; да кромѣ того, культура лишь вызываетъ наружу и развиваетъ прирожденныя

способности и черты даннаго народа, доводитъ его природныя качества до наибольшаго совершенства. Согласно этому закону, мы видимъ, что обычай приносить въ жертву дѣтей и взрослыхъ не только не выводится, но какъ будто все болѣе вкореняется и свирѣпѣетъ. Тогда какъ въ началѣ онъ соблюдался единственно въ годины войны, засухи, голода, чумы, со временемъ онъ становится постоянною чертой ханаанскаго богослуженія. Въ самомъ дѣлѣ, человѣческія жертвы приносились ежегодно въ Финикіи и ея колоніяхъ. Во времена народныхъ бѣдствій, ихъ приносилось больше. Но конечно не всѣмъ божествамъ. Кроткія божества, каковы благодѣтельное весеннее Солнце, или Ашторетъ, родительница и хранительница жизни, не могли тѣшиться истребленіемъ того, что они сами создали или даровали: такое приношеніе было бы скорѣе оскорбленіемъ для нихъ. Но оно вполнѣ приличествовало Баалу-Молоху, лютому Солнцу-истребителю. Онъ посылаетъ засуху и чуму, и падежъ скота; война съ ея кровопролитіемъ и сопровождающими ее бѣдами—его утѣха. Когда то или другое изъ этихъ бѣдствій обрушивалось на страну, или же когда всѣ бѣдствія свирѣпствовали сразу, какъ это часто бываетъ на Востокѣ,—тогда наступало Молохово царство. Добрыхъ боговъ забывали, служеніе имъ на время прекращалось, жрецы и жрицы ихъ находились временно въ опалѣ. Тогда для Молоха собиралась ужасная жатва, и чѣмъ отчаяннѣе была опасность, чѣмъ тяжелѣе на народъ ложилась рука бога, тѣмъ щедрѣе его одаряли.

Принесеніе въ жертву дѣтей въ Карѳагенѣ.

26.—Благодаря скудости литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ финикіянами, мы бы ничего не знали о томъ, какъ совершались эти ужасные обряды, если бы греческіе писатели не описали подробно, что происходило при такихъ случаяхъ въ Карѳагенѣ, самой большой и самой могущественной финикійской колоніи, не уступавшей богатствомъ самому Тиру, съ которымъ она не прерывала сношеній. Будучи уже вполнѣ взрослой и самостоятельной дочерью, африканская колонія все еще посылала ежегодно добровольную дань метрополіи, въ храмъ Мелькарта въ Тирѣ, а также значительный процентъ съ военной добычи. Поэтому можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что религіозная связь сохранялась нерушимо, и что африканская колонія во всемъ руководилась примѣромъ, авторитетомъ и традиціями метрополіи.

Обрядъ жертвоприношенія.

27.—Въ Карѳагенѣ была статуя Молоха, сооруженная спеціально для принятія человѣческихъ жертвъ и сожженія ихъ. Она была колоссальнаго роста, вся изъ мѣди, и внутри пустая. Голова была бычачья, потому что быкъ былъ символомъ силы и солнца въ его лютомъ видѣ. Руки у статуи были чудовищной длины, и на огромныя простертыя ладони клались жертвы; руки, движимыя цѣпями на блокахъ, скрытыхъ за спиною, поднимали жертвъ до отверстія, находящагося въ груди, откуда онѣ сваливались въ пылающее пекло, которое помѣщалось внутри статуи, на невидимой рѣшеткѣ, а выпадавшіе сквозь нея зола и угли образовывали все возрастающую кучу между

ногъ колосса. Полагаютъ, что взрослыя жертвы сперва закалывались, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что дѣти клались живыми на страшныя, докрасна раскаленныя ладони чудовища. Роднымъ настрого воспрещалось выказывать печаль. Дѣтей, если они кричали, пока ихъ приготовляли къ ужасному обряду, успокаивали ласками. Какъ это ни должно казаться безобразнымъ и невозможнымъ, матери обязаны были не только присутствовать на страшномъ торжествѣ, но воздерживаться отъ слезъ, рыданій и всякаго проявленія печали, потому что иначе онѣ не только лишились бы почета, подобавшаго имъ вслѣдствіе оказанной имъ всенародно великой чести, но могли навлечь гнѣвъ оскорбленнаго божества на весь народъ, и одно неохотно сдѣланное приношеніе могло уничтожить дѣйствіе всего жертвоприношенія и даже навлечь на народъ бѣды хуже прежнихъ. Такая слабохарактерная мать была бы навѣки опозорена. Барабаны и флейты поддерживали безпрерывный шумъ, не только для того, чтобы заглушить вопли жертвъ, но чтобы усилить возбужденіе въ народѣ. При этомъ вѣроятно совершались торжественныя пляски,—въ Сиріи навѣрно,—и пѣлись воззванія и хвалебные гимны, въ которыхъ безпрестанно повторялось имя бога, по обычаю, принятому въ Финикіи и во всемъ Ханаанѣ. Если у жрецовъ почему-либо являлось сомнѣніе, угодно ли жертвоприношеніе божеству, они должны были, для большей внушительности, проливать собственную кровь. Въ Библіи, когда говорится о такихъ жертвоприношеніяхъ, обык-

повѣнно употребляется выраженіе: «проводить сыновей черезъ огонь Молоху» или «въ честь Молоха». Это многими учеными понималось въ такомъ смыслѣ, будто надъ дѣтьми только совершался обрядъ освященія черезъ огонь; но противъ такого толкованія можно привести мѣста, совершенно не допускающія его. Такъ, обращаясь къ Іерусалиму отъ имени Господня, укоряя царскій градъ за его беззаконія и вѣроотступничество, пророкъ Іезекіилъ говоритъ: «*Ты сыновей моихъ закалала и отдавала имъ, проводя ихъ черезъ огонь*»... и немного далѣе: «...за то, что ты сыпала деньги твои... передъ мерзкими идолами твоими и *за кровь сыновей твоихъ, которыхъ ты отдавала имъ*».... И еще яснѣе: «И устроили высоты въ долинѣ Тофета... чтобы сожигать сыновей и дочерей своихъ»... Дѣйствительно, іудеи такъ освоились съ обычаями своихъ сосѣдей, что отвели, за стѣнами Іерусалима, особое мѣсто,—долину Тофетъ,—и посвятили его поклоненію Баалу, и тамъ постоянно пылали костры, часто пожиравшіе младенцевъ *).

Упорство ужаснаго обычая.

28.—На томъ основаніи, что даръ тѣмъ пріятнѣе принимателю, чѣмъ бо́льшую цѣну придаетъ ему даритель, на всенародныя жертвоприношенія брались только дѣти знатнѣйшихъ родовъ, и тѣ родители, которые уличались въ стараніи уклониться отъ требованія жрецовъ, подвергались строгому взысканію. Однажды случилось, что карѳагеняне, въ войнѣ съ римлянами, понесли пораженіе, ко-

*) См. 4-я Кн. Царствъ, XXIII, 10; Іеремія, VII, 31; XIX, 5.

торое подвергало республику крайней опасности. Было наряжено строжайшее слѣдствіе, и оказалось, что у знати вошло въ обычай покупать и откармливать дѣтей нищихъ или рабовъ и выдавать ихъ за своихъ. Такому святотатству тотчасъ же приписали случившееся бѣдствіе, и немедленно постановлено было совершить искупительное жертвоприношеніе въ небывалыхъ размѣрахъ: при этомъ случаѣ погибло двѣсти сыновей знатнѣйшихъ родовъ Карѳагена, а изъ провинившихся родителей, какъ увѣряютъ нѣкоторые писатели, до трехъ сотъ человѣкъ сами добровольно лишили себя жизни. Страшно подумать, какіе удобные случаи представлялись жрецамъ и доносчикамъ, къ удовлетворенію семейной и личной вражды. Не ранѣе, какъ въ царствованіе римскаго императора Тиверія, современника Христа, ужасному обычаю былъ положенъ закономъ конецъ въ Карѳагенѣ. Римляне, въ ту пору властелины міра, не отличались кротостью или мягкосердіемъ. Однако, когда одинъ изъ Тиверіевыхъ легіоновъ неожиданно засталъ жрецовъ Молоха за принесеніемъ въ жертву дѣтей, воинами овладѣло такое негодованіе и такая жалость, что они не только разогнали толпу и освободили жертвъ, сколько еще оставалось въ живыхъ, но всѣхъ жрецовъ тутъ же перевѣшали; послѣ этого былъ изданъ законъ, воспрещавшій повтореніе чудовищнаго обряда на всѣ будущія времена. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что, изрѣдка и тайкомъ, законъ нарушался еще въ теченіе почти двухсотъ лѣтъ, т. е. собственно до

тѣхъ поръ, пока христіанство не установилось прочно въ африканскихъ областяхъ римской имперіи *).

Обѣты.—Заклятія у іудеевъ.

29.—Иногда человѣческія жертвы приносились изъ благодарности или въ исполненіе обѣта. Такъ, карѳагеняне послѣ побѣды приносили въ жертву Молоху самыхъ красивыхъ плѣнныхъ женщинъ. И кто не знаетъ исторію объ обѣтѣ Іефоая, судьи израильскаго:—«И далъ Іефоай обѣтъ Господу и сказалъ: если ты предашь аммонитянъ въ руки мои, то, по возвращеніи моемъ съ миромъ отъ аммонитянъ, что̀ выйдетъ изъ воротъ дома моего навстрѣчу мнѣ, будетъ Господу, и вознесу сіе на всесожженіе» (Кн. Судей, XI, 30—31). Но массовыя жертвоприношенія «по обѣту», или «заклятія» божеству какихъ-нибудь животныхъ, людей, или даже неодушевленныхъ предметовъ, въ благодареніе за дарованіе какой-либо испрашиваемой милости, долго сохранялись у іудеевъ, и назывались у нихъ *херемомъ*. Они заключались въ томъ, что іудеи обѣщали «посвятить» Господу тотъ или другой городъ, если Онъ предастъ его въ ихъ руки; означалъ же такой обѣтъ то, что городъ со всѣмъ имуществомъ будетъ уничтоженъ, и все живое въ немъ будетъ умерщвлено,—въ чествованіе и прославленіе Бога. Самый совершенный примѣръ такого «заклятія» или *херема* мы видимъ въ наказѣ, даннымъ Саулу пророкомъ

---

*) См. монографію Мюнтера «*Die Religion der Karthager*». Поразительное описаніе такого жертвоприношенія можно найти въ романѣ Гюстава Флобера—«Саламбо».

Самуиломъ, когда онъ отпускалъ царя въ походъ противъ амалекитянъ. А какъ строго требовалось исполненіе подобнаго обѣта, видно изъ того, какъ яростно пророкъ обличалъ и укорялъ Саула за то, что онъ пощадилъ жизнь царя и нѣсколькихъ головъ лучшаго скота. Послѣ этого понятно станетъ, почему Саулово извиненіе, что, молъ, «народъ изъ добычи, изъ овецъ и воловъ, взялъ лучшее изъ заклятаго, для жертвоприношенія Господу», не могло имѣть вѣса въ глазахъ пророка: въ самомъ дѣлѣ, какой смыслъ жертвовать часть, когда обѣщано—«заклято»—все? Во Второзаконіи (XX, 13—14, 16—17) «заклятіе» побѣжденныхъ городовъ вмѣняется въ законъ и священное предписаніе. Такъ какъ книга эта написана сравнительно поздно (около 800 лѣтъ до Р. Х.), свирѣпость *херема* въ ней уже нѣсколько смягчена, и смерти предается одинъ только мужескій полъ; женщины и дѣти берутся въ рабство, а скотъ и все имущество забираются завоевателями въ свою пользу. Вотъ что тамъ сказано: «И когда Господь Богъ твои предастъ его (городъ) въ руки твои, порази въ немъ весь мужескій полъ остріемъ меча. Только женъ и дѣтей, и скотъ, и все, что въ городѣ, всю добычу его возьми себѣ, и пользуйся добычею враговъ твоихъ, которыхъ предалъ тебѣ Господь Богъ твой... Въ городахъ сихъ народовъ, которыхъ Господь Богъ твой даетъ тебѣ во владѣніе, не оставляй въ живыхъ ни одной души, но *предай ихъ заклятію*»... И безпрестанно встрѣчаются такія мѣста: — «И далъ Израиль обѣтъ Господу и сказалъ: если предашь народъ

сей въ руки мои, то положу заклятіе на города ихъ» (Кн. Чиселъ, XXI, 2—3). «Городъ будетъ подъ заклятіемъ, и все, что̀ въ немъ, Господу; только Раавъ пусть останется въ живыхъ» (Кн. Іисуса Навина, VI, 16).

Здѣсь, наконецъ, можно прекратить отступленіе, хотя и длинное, но крайне необходимое для правильнаго уразумѣнія не только особой группы родственныхъ религій народовъ сирійскихъ или западно-азіатскихъ, но и вообще всей той сложной и трудно понятной стороны древнихъ религій, которая относится къ великому таинству—жертвоприношенію.

Санхоніатонъ и финикійская космогонія.

30.—Нельзя не пожалѣть, что Санхоніатонъ писалъ гораздо ранѣе Бероза и далеко не такъ заслуживаетъ довѣрія. Говорятъ, онъ, подобно Берозу, былъ жрецомъ при одномъ изъ главнѣйшихъ святилищъ своей родины. Многіе, впрочемъ, сомнѣваются, существовалъ ли дѣйствительно Санхоніатонъ, какъ личность, потому что этому нѣтъ никакихъ доказательствъ, кромѣ одного имени, не связаннаго ни съ какими фактами или преданіями. Вѣрно только то, что отрывки, приводимые подъ этимъ именемъ, содержатъ ученіе, сообщаемое въ жреческой школѣ города Джебалъ (по-гречески Библосъ), уступавшаго однимъ только Тиру и Сидону по своему торговому и политическому значенію, но превышавшаго ихъ по святости. Тутъ было какъ бы хранилище всякой жреческой науки, религіозныхъ сказаній и обычаевъ, и вообще священнаго авторитета. Даже въ своемъ далеко не полномъ видѣ, отрывки эти

содержатъ весьма разработанную систему космогоніи финикіянъ и сродныхъ имъ народовъ. Къ сожалѣнію, ее передалъ, въ сокращенномъ и далеко не ясномъ видѣ, писатель-грекъ первыхъ вѣковъ христіанства, Евсевій, самъ христіанинъ, и вышла такая невѣроятная путаница,—вслѣдствіе примѣси греческихъ понятій поздняго періода и передѣлки всѣхъ именъ на греческій ладъ, безъ возможности сличить ихъ съ подлинниками,—что едва возможно разобрать, что̀ вѣрно и что̀ невѣрно. Получается результатъ просто головоломный. Много писано на эту тему, и все-таки ясности не добились. Здѣсь не мѣсто обсуждать эти, все же крайне интересные и цѣнные, отрывки, такъ какъ задача наша состоитъ въ томъ, чтобы разобрать и прослѣдить главнымъ образомъ достовѣрныя, подлинныя религіозныя понятія изучаемыхъ нами народовъ. А это, какъ было уже замѣчено (см. стр. 124), особенно трудно, когда имѣемъ дѣло съ финикіянами и вообще съ хананскими народами, и едва ли можно надѣяться, чтобы нашлись какіе-либо памятники, могущіе пролить на такъ-называемые «Санхоніатоновскіе фрагменты» такой свѣтъ, какой пролили на гораздо болѣе достовѣрные «Берозовскіе фрагменты» памятники, открытые и все еще открываемые въ обоихъ царствахъ Междурѣчія.

Миѳъ объ Адонисѣ-Ѳамузѣ.

31.—Что и космогонія финикіянъ, и главнѣйшіе ихъ миѳы сходны съ космогоніей и миѳами древней Халдеи, это точно такъ же вѣрно, какъ и то, что искусство ихъ по большей части заимствовано изъ того же источника. Мы поэтому

не удивимся, встрѣтивъ халдейскаго Думузи, подъ именемъ Адониса-Ѳаммуза въ наиболѣе чтимомъ святилищѣ финикійскаго богослуженія, въ Джебалѣ. («Адонисъ» значитъ просто «Господинъ, Владыка»; это то же еврейское слово «Адонъ», которымъ іуден часто величали Господа Бога). Какъ ни груба и несимпатична этика хананеевъ, однако и они не могли лишить поэтической прелести чудное сказаніе о трагической судьбѣ дивнаго юноши-Солнца. Его любила богиня Баалатъ (по-гречески Бельтисъ, та же Бэлитъ, Иштаръ и Ашторетъ), а похитилъ его у нея жестокій случай: на охотѣ, въ Ливанскихъ горахъ, его пронзилъ клыкъ свирѣпаго вепря, посланнаго его лютымъ врагомъ, Огненнымъ Молохомъ. Случилось это въ самую середину лѣта, въ іюлѣ мѣсяцѣ, который у семитовъ посвященъ юному, застигнутому измѣной, богу. Рѣка, текущая близъ города Джебалъ, была названа Адонисомъ, и существовало повѣрье, будто она въ этомъ мѣсяцѣ окрашивалась кровью молодого бога. Повѣрье это было основано на фактѣ: родники рѣки протекаютъ мѣстами черезъ красную глину, которая сохнетъ и крошится въ жаркое время и отчасти смывается ея водами. Миѳическій смыслъ сказанія весьма ясенъ: онъ означаетъ побѣду злого, свирѣпаго Солнца-Истребителя надъ благодатнымъ Солнцемъ, прекраснымъ богомъ весны, женихомъ обновленной природы. Конечно, онъ возвращается къ жизни. Его праздникъ приходился раннею весною. Начинался онъ печально, шествіемъ плачущихъ женщинъ, кото-

рыя рвали на себѣ платье и волосы и вопили, что богъ умеръ. Онѣ, и съ ними народъ, призывали его имя, повторяя возгласъ «*Айлану! Айлану!*» («Горе намъ!»). Онѣ клали деревянное изображеніе его, облаченное въ царственную одежду, на роскошный одръ, умащивали его елеемъ и благовонными маслами и совершали надъ нимъ всѣ посмертные обряды, соблюдая въ это время строгій постъ. Одръ носили въ торжественномъ шествіи, за которымъ слѣдовала толпа, предаваясь обычнымъ на Востокѣ изступленнымъ изъявленіямъ печали. Затѣмъ воскресеніе бога изъ мертвыхъ праздновалось съ не менѣе изступленными изъявленіями радости, и воздухъ оглашался ликующими возгласами «Адонисъ живъ!» вмѣсто жалобнаго вопля «Ѳаммузъ умеръ!» Само собою разумѣется, что это празднество, и въ томъ, и въ другомъ фазисѣ его, отличалось вполнѣ оргіастическимъ характеромъ (см. стр. 149). Съ нимъ былъ сопряженъ одинъ красивый обычай: разведеніе такъ-называемыхъ «адонисовыхъ садовъ». Въ деревянныхъ ящикахъ ранней весной сѣялись сѣмена разныхъ раннихъ травъ и растеній, такъ чтобы они были въ полномъ цвѣту и листѣ къ празднику бога и служили живымъ доказательствомъ его обновленныхъ силъ. Это было, вѣроятно, нѣчто въ родѣ тѣхъ цвѣтниковъ, которые мы разводимъ въ ящикахъ у себя на окнахъ.

Кабиры. 32.—Ближе всего къ нравственному понятію о божественномъ въ природѣ финикіяне подошли, создавая группу Семи Кабировъ (Кабиримъ—«Могущественные»). Впрочемъ, тутъ новаго мало.

Въ числѣ «семи» были Мелькартъ и Ашторетъ; другіе же пятеро вѣроятно въ началѣ были звѣздными силами, и только подверглись нѣкоторымъ превращеніямъ и получили имена, прямо указывающія на приписываемыя имъ нравственныя свойства. Одинъ изобрѣтаетъ искусство разрабатывать желѣзо и зовется «Устроителемъ»; другому имя—«Законъ». Всѣ, по словамъ Санхоніатона, дѣти Сидика (Правосуднаго), т. е., пожалуй, по-нашему, «Божественнаго Правосудія» Весьма своеобразная черта этой группы — прибавленіе къ ней члена выше и могучѣе другихъ Кабировъ, хотя и называемаго ихъ братомъ. Имя ему—просто «Восьмой», Эшмунъ, и онъ вмѣшаетъ въ самомъ себѣ естество и силу всѣхъ остальныхъ. Это, очевидно, неуклюжій порывъ къ единобожію. Кабиры представляли божественный Разумъ, во всѣхъ его проявленіяхъ; они считались хранителями народныхъ порядковъ, политическихъ и общественныхъ, изобрѣтателями промысловъ, которыми обезпечивалось народное благосостояніе, въ особенности кораблестроенія, мореходства и желѣзнаго промысла; они же почитались и преподавателями религіозной науки. Санхоніатонъ заключаетъ свое разсужденіе о нихъ слѣдующимъ заявленіемъ: «Все это Кабиры, дѣти Сидика, и восьмой братъ ихъ Эшмунъ, первые записали... и передали своимъ преемникамъ и иноземцамъ»... Слѣдовательно финикіяне считали свои священныя писанія откровеніемъ отъ Кабировъ, точно такъ, какъ вавилоняне свои писанія приписывали своему древнему богу Эа, являющемуся

у Бероза подъ именемъ Оанна. Писанія эти, вѣроятно, тщательно хранились, такъ какъ и у финикіянъ были жреческія общины; одинъ городъ у нихъ даже прямо назывался «Книжнымъ» (Кіріатъ-Сеферъ), — такъ что непонятно, почему нигдѣ не отыскалось ни малѣйшаго слѣда ихъ.

Финикіяне распространяютъ свою религію и обрядность по своимъ колоніямъ.

33.—Само собою разумѣется, что финикіяне заносили боговъ своихъ и свои обряды всюду, гдѣ только у нихъ были колоніи или торговыя поселенія. Такимъ образомъ они водворили свою культуру на всѣхъ италійскихъ и греческихъ островахъ и во многихъ частяхъ греческаго материка, особенно съ восточной стороны. Гибкій и отзывчивый, воспріимчивый греческій умъ въ большой мѣрѣ усвоилъ ихъ повѣрія и понятія и слилъ ихъ со своими, но, волшебствомъ своего поэтическаго генія и глубиной своего философскаго мышленія, превратилъ ихъ въ такія прекрасныя творенія ума человѣческаго, въ которыхъ лишь напрактикованный взглядъ ученаго анализа можетъ узнать старыя грубыя, варварскія формы.

V.

Сосѣди Ашура. — Возрожденіе Ассирійскаго царства.

Возрожденіе Ассиріи.

1.—Пробѣлъ, оказавшійся въ монументальной исторіи Ассиріи послѣ блистательнаго царствованія Тиглатъ-Фелассара I, доставилъ намъ случай заняться подробно приморскими городами и ихъ бытомъ, безъ ущерба нашему главному предмету. Когда мы снова обращаемъ взоры наши на долину верхняго Тигра, мы застаемъ уже X вѣкъ на исходѣ; тучи, нависшія было надъ Ниневіей, разсѣялись, и ассирійскій левъ сталъ сильнѣе и голоднѣе прежняго. На престолѣ возсѣдаетъ непрерывный рядъ могущественныхъ и воинственныхъ царей, которые, со свѣжей энергіей, внесли и усиленную военную организацію. За этими царями и ихъ похожденіями мы имѣемъ возможность слѣдить съ легкостью и увѣренностью, дотолѣ недостижимыми, благодаря очень практической выдумкѣ ассиріицевъ, имѣвшей цѣлью именно установить достовѣрную хронологическую систему.

„Лимму" и „Канонъ эпонимовъ".

2.—Съ очень отдаленныхъ временъ существовалъ обычай помѣчать каждый годъ именемъ одного изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ, а именно: «*лимму* такого-то». Полагаютъ, что этотъ титулъ, *лимму*, давался сановнику какъ бы въ дополненіе къ титулу, подобающему ему по должности, и это слово принято переводить греческимъ словомъ «эпонимъ», которое означаетъ «лицо, дающее чему-либо свое имя». Званіе «эпонима» очевидно считалось очень почетнымъ, такъ какъ въ числѣ *лимму* мы находимъ однихъ только самыхъ высшихъ сановниковъ. Каждый царь бывалъ эпонимомъ хотя одинъ разъ, обыкновенно второй полный годъ послѣ своего воцаренія. (Цари считали свое царствованіе не со дня своего восшествія на престолъ, а съ начала слѣдующаго затѣмъ года; остатокъ стараго года назывался просто «началомъ царствованія».) Итакъ, царь бывалъ *лимму* второй годъ; за нимъ слѣдовали по порядку: *тартанъ*, т. е. главнокомандующій арміею, потомъ первый министръ, а тамъ лицо, которое Джорджъ Смитъ называетъ «главою всего жреческаго сословія», т. е., должно-быть, первосвященникъ; затѣмъ слѣдовали офицеръ, исправлявшій, по мнѣнію того же ученаго, должность адъютанта при царѣ, да правители областей и главныхъ городовъ. Списки эпонимовъ съ соотвѣтствовавшими годами конечно тщательно велись, и даты событій давались, приблизительно какъ слѣдуетъ: «Четвертый годъ Салманассара; *лимму*—такой-то»; или: «Второй годъ Салманассара; *лимму*—царь». Неизвѣстно, съ какихъ поръ

повелся этотъ обычай, потому что найденные списки доводятъ насъ только до 900-го года до Р. Х. Найдены цѣлыхъ четыре экземпляра этихъ списковъ, сильно поврежденные и мѣстами чуть не стертые; но они пополняютъ одинъ другой такъ удачно, что стоило только списать ихъ въ четырехъ параллельныхъ столбцахъ, и получился непрерывный вполнѣ достовѣрный рядъ царствованій, покрывающій слишкомъ двѣсти лѣтъ (900—666 до Р. Х.). Это—знаменитый такъ-называемый ассирійскій «канонъ (т. е. достовѣрный списокъ) эпонимовъ». Дальнѣйшимъ и еще бо́льшимъ пособіемъ оказались найденные списки эпонимовъ съ краткой замѣткой о главной чертѣ, ознаменовавшей каждый годъ; напримѣръ: «Походъ въ Бабилу», или «въ земли Нанри», или «въ землю кедровъ» (Ливанъ), или же: «въ своей землѣ»; эта послѣдняя замѣтка, встрѣчающаяся весьма рѣдко, означаетъ, что царь въ томъ году не ходилъ никуда съ войскомъ. Солнечное затменіе, весьма кстати упоминаемое въ одномъ изъ этихъ списковъ, даетъ возможность, съ помощью астрономическихъ исчисленій, твердо установить цѣлый длинный рядъ датъ. Это было особенно желательно именно для даннаго періода, потому что въ этотъ періодъ приходятся постоянныя столкновенія между Ассиріей и іудеями. Почти каждое событіе, связанное съ Ассиріею и упомянутое въ Библіи, внесено и въ историческія надписи ассирійскихъ царей, и канонъ эпонимовъ даетъ возможность исправить не совсѣмъ точную хронологію іудейскихъ исто-

риковъ, которые не вели ежегодной лѣтописи и считали круглыми и средними цифрами слишкомъ часто для полной точности.

Положеніе дѣлъ въ Сиріи.

3.—Когда Ассирія изъ долгаго затменія и бездѣятельности снова выступила на міровую сцену, самая сцена эта была уже не прежняя. Держава хетовъ, которая уже при Тиглат-Фелассарѣ не составляла болѣе независимаго, самостоятельнаго царства, или, вѣрнѣе,—тѣсно сплоченной федераціи, — теперь уже совсѣмъ распалась, и хотя Кархемишъ все еще сохраняетъ большое значеніе, но уже больше въ качествѣ богатой станціи на одномъ изъ главнѣйшихъ международныхъ торговыхъ путей (см. стр. 38) и центра національнаго культа, нежели политическаго центра. Арамейцы вездѣ замѣщали хетовъ, многихъ оттѣсняя къ сѣверу, къ горнымъ ущельямъ цѣпей Таврской и Аманосской. Арамъ сталъ народомъ могущественнымъ, подъ управленіемъ царей, утвердившихъ своей столицей городъ Дамаскъ. Но не одно упорное движеніе арамейцевъ отъ Евфрата къ западу оттѣснило и расшатало державу хетовъ. На нихъ съ юга напирали іудеи, которые постепенно, въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, заняли землю вокругъ Мертваго моря и по обѣимъ сторонамъ Іордана,—ту самую землю ханаанскую, которую они твердо считали своимъ, Богомъ обѣтованнымъ, достояніемъ, и которою они завладѣли силою непоколебимаго упорства и безпощадной жестокости. Такимъ образомъ, хотя въ историческихъ надписяхъ этого періода все еще часто упоминаются «города хат-

товъ», «земля хаттовъ», но названіе это употреблялось какъ неопредѣленный географическій терминъ, означающій вообще города и земли, впослѣдствіи извѣстныя подъ именемъ Сиріи; населеніе же этихъ земель принадлежало чаще къ арамейскому племени, нежели къ хеттейскому.

Филистимляне.

4.—Многое за это время измѣнилось и въ богатыхъ торговыхъ городахъ финикійскаго побережья. Верховенство все прочнѣе утверждалось за Тиромъ, который давно порывался отбить его у Сидона, и иноземцы уже не называли всѣхъ финикіянъ, какъ бывало въ древнѣйшія времена, безразлично «сидонцами». Колонизація продолжалась съ большимъ оживленіемъ; только первыя колоніи, вызванныя изслѣдованіемъ греческихъ морей и острововъ, были основаны по большей части сидонцами, тогда какъ позднѣйшія и болѣе отдаленныя высылались изъ Тира. Уходили же колонисты все далѣе и далѣе оттого, что греки теперь успѣли выжить финикіянъ изъ своихъ морей, гдѣ они естественно завели собственныя суда и торговлю. Да и потому еще новые рои все чаще вылетали изъ родного, стараго улья, что натискъ израильтянъ и арамейцевъ съ востока и филистимлянъ (Пелиштимъ) съ юга (народа новаго и, вѣроятно, европейскаго происхожденія), все болѣе тѣснилъ ихъ и отнималъ у нихъ мѣсто. О филистимлянахъ въ Библіи говорится, что они пришли съ острова Кафторъ, лежащаго далеко на Западѣ; вѣроятно, тутъ разумѣется островъ Критъ, самый большой и южнѣйшій изъ греческихъ острововъ, но навѣрно этого ска-

зать нельзя. Добыть достовѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи этого воинственнаго народа, интересующаго насъ по причинѣ его долгой вражды съ іудеями, тѣмъ труднѣе, что онъ, повидимому, весьма скоро осемитизировался, если судить по его религіи и собственнымъ именамъ. Филистимляне, какъ уже сказано, поклонялись преимущественно богу Дагону и богинѣ Атаргатѣ (Деркето)—«рыбнымъ» божествамъ (см. стр. 130). Въ одномъ изъ ихъ городовъ, Аккаронѣ, солнце чествовали подъ страннымъ именемъ и видомъ: его называли Баалъ-Зебубомъ (въ Библіи «Веельзевулъ»), т. е. «богъ мухъ», вѣроятно потому, что солнце порождаетъ тлѣніе,—тлѣніе смерти и гніеніе, изъ которыхъ опять рождается новая жизнь. Замѣчено, впрочемъ, будто филистимляне сохранили многія особенности, и нѣкоторыхъ обычаевъ и обрядовъ, общихъ всему семитскому міру, никогда не усваивали себѣ. Все это указываетъ на возможность происхожденія ихъ отъ какихъ-нибудь иноземныхъ искателей приключеній, нѣкогда овладѣвшихъ землею, уже заселенною цивилизованными семитами и образовавшими тамъ военную аристократію или владѣтельное сословіе. Какъ бы тамъ ни было, а исторія застаетъ ихъ уже образующими сильную федерацію изъ пяти главнѣйшихъ княжествъ съ ихъ столицами, имена которымъ: Газа, Ашкалонъ, Ашдодъ, Гатъ и Аккаронъ (Экронъ). Князья этихъ пяти городовъ—тѣ самые, которые задавали столько дѣла Саулу и Давиду и до того изнурили іудейскихъ сельскихъ хозяевъ своими набѣгами и грабежами,

что послѣдніе утратили всякую охоту воздѣлывать и засѣвать поля, зная заранѣе, что жатва съ нихъ все равно не имъ достанется, и стали прятаться по пещерамъ и лѣсамъ.

Возвышеніе Израиля. Іудейская держава.

5.—Но величайшею перемѣной въ общемъ передвиженіи декорацій, происшедшей въ семитскомъ и ханаанскомъ мірѣ, было превращеніе нѣсколькихъ колѣнъ, кочевавшихъ по пустынѣ, сначала въ осѣдлое населеніе, сельское и городское, съ храбрыми вождями и знатными родами, а со временемъ — въ сильное царство, устроенное по образцу самыхъ пышныхъ самодержавныхъ государствъ Востока. И все-таки это было въ то же время государство народное, потому что оно создалось борьбою народа за независимость, и царскій вѣнецъ былъ наградою, добровольно даруемой имъ своимъ избавителямъ, а въ почестяхъ, воздаваемыхъ имъ, не чувствовалось раболѣпства. Въ теченіе столѣтія, послѣдовавшаго за смертью Тиглат-Фелассара (1100—1000 до Р. Х.), борьба между филистимлянами и іудеями обострилась до послѣдней степени и не къ выгодѣ послѣднихъ, которымъ пришлось не только терпѣть присутствіе непріятельскихъ военачальниковъ въ своихъ укрѣпленныхъ городахъ, но, — если вѣрить преданію, — покориться запрету своихъ надменныхъ побѣдителей носить оружіе и даже заниматься кузнечнымъ и оружейнымъ мастерствами. Именно убіеніемъ одного изъ этихъ военачальниковъ Саулъ и сынъ его Іонаѳанъ, князья изъ колѣна Веньямина, положили начало своему многотрудному поприщу. Но не имъ суждено

было вкусить сладость царской власти. Постоянно воюя не только противъ филистимлянъ, но и противъ другихъ сосѣднихъ народовъ, они въ то же время несли на себѣ всѣ мучительныя заботы, всю тяжкую отвѣтственность, которыя выпадаютъ на долю національныхъ вождей въ критическія, бѣдственныя годины, и встрѣтили наконецъ горькую смерть побѣжденныхъ на полѣ битвы. Зато Давиду, избраннику Іуды, царственному изгнаннику, суждено было, послѣ первыхъ лѣтъ борьбы и невзгодъ, носить въ мирѣ и благоденствіи тотъ самый вѣнецъ, который былъ для Саула вѣнцомъ терновымъ, и который онъ сложилъ съ себя вмѣстѣ съ жизнью, въ безнадежномъ помраченіи духа. Давиду же дано было исполнить великую задачу: избавить свой народъ, собрать его разбросанныя силы, — колѣна, сознававшія, конечно, свое племенное единство, но неспособныя отстоять себя вслѣдствіе раздробленности на столько независимыхъ общинъ. Цѣли своей онъ достигъ, опоясавъ, такъ-сказать, землю крѣпостями, да устроивъ постоянную, правильно организованную армію на мѣстѣ временныхъ вооруженныхъ сборищъ, всегда готовыхъ разбѣжаться по домамъ, временъ Судей, и замѣнивъ постояннымъ, централизованнымъ правительствомъ былую патріархальную власть совѣта старшинъ. Всѣ эти новшества онъ окончательно скрѣпилъ построеніемъ, на прекрасномъ холмѣ, царственнаго града Іерусалима, и въ особенности провозглашеніемъ столичнаго святилища единственной святыней для всей націи.

6.—Дѣло въ томъ, что доселѣ было много святыхъ мѣстъ, куда народъ ходилъ на поклоненіе и носилъ дары и приношенія, и пнымъ изъ этихъ мѣстъ тѣмъ или другимъ изъ колѣнъ израилевыхъ приписывалась бо́льшая святость, нежели другимъ. Сверхъ того, единобожіе, хотя и исповѣдалось въ теоріи, но на дѣлѣ практиковалось далеко не твердо. Даже идолопоклонство не было вполнѣ отмѣнено; изъ самой Библіи видно, что оно долгое время было, по меньшей мѣрѣ, терпимо. Частнымъ людямъ, если они были богаты и вліятельны, дозволялось имѣть у себя молельни, конечно, посвященныя Іеговѣ, а не какому-нибудь иноземному Баалу,—народъ называлъ ихъ не иначе, какъ «мерзостями»,—и держать своихъ священниковъ, для прислуживанія у алтаря; но весьма вѣроятно, что тутъ хранились и кумиры, почитавшіеся изображеніями Іеговы *). Учрежденіе въ Іерусалимѣ царскаго или столичнаго святилища для водворенія въ немъ національной святыни, — Кивота Завѣта, было не только необходимой религіозной мѣрой, но и мудрою, глубоко обдуманною мѣрою политическою. Ничто такъ не раздѣляетъ общества, даже исповѣдующія одну и ту же вѣру, какъ почитаніе разныхъ святынь; ничто такъ скоро и прочно не сплачиваетъ ихъ, какъ почитаніе одной общей святыни. Когда люди, лучшія чувства которыхъ, самые возвышенные помыслы, самыя святыя на-

Центръ національнаго богослуженія—въ Іерусалимѣ.

*) См. Кн. Судей, VIII, 24—28, разсказъ о Гедеонѣ; XVII и XVIII, разсказъ о Михѣ, его священникѣ, и серафимѣ; 1-я Кн. Царствъ, XIX, 10—17, разсказъ о побѣгѣ Давида.

дежды которыхъ стремятся къ единому центру, сходятся на общей-почвѣ, забывая на время о мірскихъ соперничествахъ, враждахъ и злобѣ, они не могутъ не соединиться общими крѣпкими узами братства и взаимнаго доброжелательства. Когда сынъ и преемникъ Давида, Соломонъ, построилъ храмъ на горѣ Морія и провозгласилъ его единымъ мѣстомъ, гдѣ закономъ дозволялось избранному народу Іеговы молиться и приносить жертвы, онъ этимъ самымъ наложилъ печать на дѣло, начатое его отцомъ, — дѣло, устоявшее, черезъ столько вѣковъ, до нашихъ дней. Не будь этой заповѣди и этого воспоминанія, евреи впослѣдствіи, подобно всѣмъ покореннымъ народамъ, слились бы со своими поработителями и утратили бы свое политическое сознаніе. Считая же эту заповѣдь и это воспоминаніе обязательными и священными до сихъ поръ, они соблюли себя отъ всѣхъ народовъ, среди которыхъ раскидала ихъ странная ихъ судьба, такъ что, разсѣянные по всему земному шару, они все-таки нравственно остались неразрывны, несмотря на раздѣляющія ихъ пространства, и считаютъ себя единымъ, отдѣльнымъ отъ всѣхъ прочихъ, пародомъ.

Деспотическое правленіе Соломона и его расточительность.

7.—Царствованіе Соломона (середина X вѣка до Р. Х.) представляетъ высшую степень могущества и великолѣпія, до котораго достигла іудейская держава. Въ самомъ Соломонѣ мы видимъ идеалъ того, что можно назвать восточнымъ деспотомъ высшаго типа,—странную смѣсь великихъ качествъ и суетнаго тщеславія, мудрости и жестокости. Страстью своей строить, которую онъ

удовлетворялъ въ огромныхъ размѣрахъ, не щадя на то никакихъ жертвъ, онъ напоминаетъ ассирійскихъ и вавилонскихъ монарховъ. Силою набранныя партіи рабочихъ,—«чужестранцевъ, бывшихъ въ землѣ израилевой»,—справляли свой каторжный трудъ подъ надзоромъ нѣсколькихъ тысячъ надсмотрщиковъ; 70.000 человѣкъ переносили на себѣ тяжести; 80.000 рубили лѣсъ въ горахъ; да еще 30.000 были отправлены въ Ливанскія горы, исключительно за кедрами и за камнемъ. Все это требовало громадныхъ расходовъ и ложилось тяжкимъ гнетомъ на народъ, который обременялся небывалыми податями и налогами. Притомъ же, сверхъ стоимости матерьяла и содержанія рабочихъ, надо было позаботиться объ украшеніи зданій, а для этого приходилось выписывать художниковъ, такъ какъ іуден не отличались талантомъ къ искусствамъ, за исключеніемъ музыки и поэзіи. Соломонъ обратился къ своему союзнику, Хираму, царю тирскому, всегда очень дружившему съ отцомъ его, Давидомъ, и просилъ прислать ему художниковъ и искусныхъ ремесленниковъ, которые поучили бы его людей, а самыя тонкія работы исполнили бы сами, обѣщая содержать ихъ на свой счетъ. Хирамъ исполнилъ все, о чемъ просилъ его Соломонъ; поставилъ крупный лѣсъ,—кедры и ели, и даже ссудилъ друга золотомъ, сколько онъ пожелалъ. Но все это составило такой большой долгъ, что Соломонъ, двадцать лѣтъ спустя, построивъ «домъ Господній» и «собственный царя домъ» (на первый потребовалось семь лѣтъ, а на послѣдній—

тринадцать), не былъ въ состояніи расплатиться деньгами, такъ какъ финансы его вообще были разстроены, и долженъ былъ уступить завоевателю двадцать пограничныхъ городовъ. Для исторіи искусства составляетъ большую потерю то обстоятельство, что постройки Соломона разрушены до тла, такъ какъ подробное описаніе, сохранившееся въ

Группа ливанскихъ кедровъ.

Библіи (3-я Кн. Царствъ, VI, VII, и 1-я Кн. Паралипоменонъ, III и IV), нѣсколько сбивчиво, и по нему очень трудно составить себѣ представленіе объ этихъ двухъ зданіяхъ, а между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что они были мастерскими произведеніями финикійскаго искусства, которое, какъ извѣстно, заимствовано пополамъ отъ Египта и Вавилона, и достигло большого совершенства въ техникѣ, но, къ сожалѣнію, оставило такъ мало

образцовъ, по которымъ можно бы о немъ судить.

Политика Соломона и ея послѣдствія. Раздѣленіе Израиля.

8.—Какъ государственный человѣкъ, по вѣрности взглядовъ и дальновидной прозорливости, Соломонъ, вѣроятно, много уступалъ отцу. Политика его состояла въ томъ, чтобы заручаться хорошими отношеніями со всѣми окружающими странами, съ цѣлью обезпечить себѣ спокойное царствованіе, и хотя это ему отчасти и удалось, однако не въ той мѣрѣ, какъ онъ конечно того желалъ. Добивался же онъ своихъ цѣлей по методу чисто восточному, а именно—браками съ дочерями всѣхъ окружавшихъ его землю князей и царей. Набольшей женой его, настоящей царицей, была египетская царевна; ей и почетъ былъ особенный: нарочно для нея былъ построенъ дворецъ недалеко отъ его собственнаго. Затѣмъ набралъ онъ женъ отъ сидонцевъ, хетовъ, моавитянъ, аммонитянъ, идумеянъ, словомъ отъ всѣхъ народовъ, съ которыми у Израиля бывали войны,—и образовался у него гаремъ необыкновенно многочисленный и разнообразный даже для восточнаго государя; а на Востокѣ большой гаремъ считается необходимостью и роскошью, подобающей царскому величію. Но, къ несчастью, Соломонъ, подъ вліяніемъ инородныхъ женъ, склонился сердцемъ къ чужимъ богамъ и сталъ строить имъ капища на «возвышенныхъ мѣстахъ»: «Такъ сдѣлалъ онъ для всѣхъ своихъ чужестранныхъ женъ, которыя кадили и приносили жертвы своимъ богамъ» (3-ья Кн. Царствъ, XI, 8). Дѣлалъ же онъ это конечно больше въ угоду род-

нымъ и землякамъ своихъ женъ и ради поощренія международныхъ сношеній и торговли; и въ самомъ дѣлѣ Іерусалимъ вскорѣ сдѣлался богатымъ торговымъ городомъ. Это снисхожденіе какъ будто подсказывалось здравымъ политическимъ расчетомъ, а между тѣмъ послѣдствія вышли самыя печальныя, такъ какъ дружба съ инородцами продержалась, лишь пока это оказалось взаимно удобнымъ, а неодолимое влеченіе іудеевъ къ богамъ сосѣдей еще болѣе утвердилось, и Іерусалимъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ тѣхъ самыхъ языческихъ «мерзостей», противъ которыхъ такъ сильно ратовали его основатели. Ярмо же, наложенное Соломономъ на народъ, дотолѣ независимый и даже своевольный, было такъ тяжело, что тотчасъ по его смерти израильтяне отказали въ повиновеніи его сыну Ровоаму и потребовали отъ него облегченія непосильной ноши; когда же онъ отвѣтилъ имъ жестокой насмѣшкой, погрозивъ, что «отецъ его наказывалъ ихъ бичами, онъ же будетъ наказывать ихъ скорпіонами», раздался боевой кличъ: «По шатрамъ своимъ, Израиль!», и десять колѣнъ отложились отъ дома Давидова и избрали себѣ другого царя, и одни только колѣна Іудино и Веньяминово остались вѣрны внуку Давидову и его потомству, такъ что оттолѣ стало два царства: іудейское и израильское. Въ послѣднемъ бывали безпрестанныя распри, возстанія, насильственныя перемѣны династій, тогда какъ въ первомъ потомки Давида царствовали безъ перерыва, отецъ за сыномъ. Оба царства большей частью

относились другъ къ другу враждебно, и часто между ними вспыхивала открытая война, чѣмъ доставлялся юной Дамасской державѣ желанный случай укрѣпиться и расширить свои владѣния, слѣдуя простой и практической политикѣ, — возстановлять оба царства одно противъ другого. Тѣмъ же случаемъ пользовались и всѣ прочіе, давніе враги Израиля, особенно моавитяне, которые именно объ эту пору стали крайне назойливы и предпріимчивы, и выказали качества, столь мѣтко описанныя пророкомъ Исаіей въ двухъ строкахъ: «Слыхали мы о гордости Моава, гордости чрезмѣрной, о надменности его и высокомѣріи и неистовствѣ его; неискренна рѣчь его».

Возрожденіе Ассиріи въ связи съ раздорами въ Сиріи.

9.—Весьма возможно, что причиною временнаго затменія Ассиріи отчасти послужило, хотя косвенно, возвеличеніе сосѣдей, на которыхъ Тиглат-Фелассаръ въ свое время взглянулъ бы съ презрѣніемъ; съ другой стороны, раздвоеніе іудейской державы и распри, волновавшія всѣ эти безпокойные и завистливые народы, тоже могли до нѣкоторой степени содѣйствовать возстановленію его державы въ прежнемъ блескѣ. «Народы будутъ угнетены, каждый сосѣдомъ своимъ», пишетъ пророкъ Исаія: «и вотъ — передъ ними воспрянетъ Ашуръ, и у него будетъ на сердцѣ разорить и истребить немало народовъ» (Исаія).

Ассирія возобновляетъ походы на сѣверъ.

10.—Однако, не на западѣ, а на сѣверѣ снова являются намъ ассирійскіе цари-воители, въ тои таинственной горной землѣ Наири, которая, хотя предѣлы ея никогда не были въ точности опредѣлены, очевидно представляется оплотомъ, по

ту сторону котораго ни одинъ народъ семитскаго племени не основывалъ прочнаго жительства и политическаго владычества. Тукульти-Нинибъ II, третій царь новой серіи правителей, около середины X-го вѣка до Р. Х. поставилъ столбъ со своимъ изображеніемъ, у одного изъ истоковъ Тигра, рядомъ съ изображеніемъ Тиглат-Феласcара I. Объ этомъ повѣствуетъ его сынъ, Ашурназирпалъ, который, своими военными подвигами и мудрымъ управленіемъ, довелъ свое царство до небывалаго дотолѣ блеска и величія.

Царь Ашурназирпалъ. Его кампанія въ земляхъ Наири.

II.—«Я царь, господинъ, могучій, почитаемый, исполинъ, первый, сильный, отважный, левъ и богатырь—Ашурназирпалъ, могущественный царь, владыка Ашура». Этими словами онъ заявляетъ о себѣ потомству въ длинной надписи, извѣстной подъ названіемъ его «Лѣтописи», и еще много строкъ посвящаетъ возвеличенію своей личности, называя себя «непреодолимымъ оружіемъ», «разрушителемъ городовъ», «попрателемъ враговъ», и пр. и пр., прежде чѣмъ приступаетъ къ повѣствованію о своихъ кампаніяхъ. Первымъ походомъ пошелъ онъ противъ той же неукротимой земли Наири, которая, повидимому, поглощала добрую треть времени и силъ ассирійскихъ царей,—такъ что невольно спрашиваешь себя, не болѣе ли ради обороны предпринимались эти частыя экспедиціи, нежели ради нападенія. Весьма возможно, что эти горцы, какъ и всѣ на свѣтѣ горныя племена, наскучали крупному сосѣду безпрестанными грабительскими набѣгами, и только страхъ наказанія сколько-нибудь сдер-

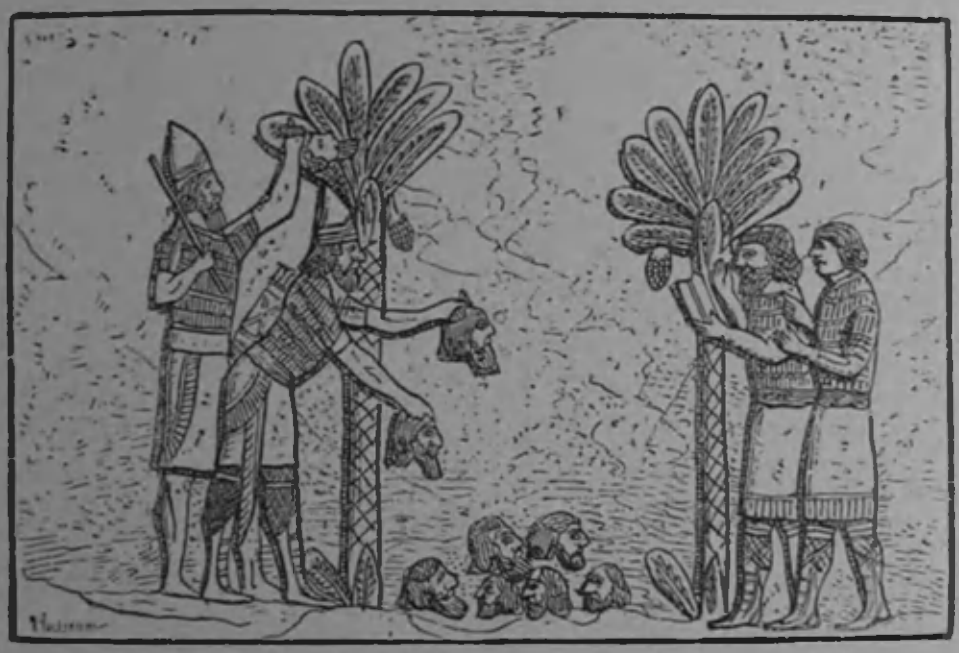
Ашурназирпалъ совѣщается съ сановникомъ.

живалъ ихъ. Такъ о нихъ и говорится, что они «бунтовали», и тѣмъ навлекали на себя грозу. Ашурназирпалъ неоднократно хвастается, что онъ «проникъ туда, куда до него ни одинъ изъ его предковъ не доходилъ», добрался «до горы, пронзающей небо, словно кинжалъ», «куда нѣтъ доступа даже птицамъ небеснымъ», и что онъ, «взобравшись на гору ту на собственныхъ ногахъ», низвергъ съ нея людей, построившихъ себѣ тамъ твердыню, «словно орлиное гнѣздо», «окрасилъ горы кровью ихъ, словно шерсть». Однако «твердыня» эта едва ли была очень важной крѣпостью, такъ какъ при взятіи ея погибло всего двѣсти человѣкъ. Царь велѣлъ изваять въ скалѣ свое изображеніе въ той самой пещерѣ у истока Тигра, въ которой находились уже изображенія Тиглат-Фелассара и Тукульти-Нинипа, и изображеніе это нашелъ тамъ англійскій ученый Тэлоръ вмѣстѣ съ первымъ; второе какъ-то погибло,—быть можетъ, обвалилась та часть пещеры. Значитъ, Ашурназирпалъ, при всей своей похвальбѣ, ушелъ немного далѣе отца и предка; иначе онъ не преминулъ бы оставить свое изображеніе на самой далекой, достигнутой имъ, точкѣ.

Звѣрскія жестокости. Дань финикійскихъ городовъ.

12.—Хотѣлось бы считать столь же преувеличенными описанія неслыханныхъ жестокостей, которыми царь этотъ хвастается съ очевиднымъ наслажденіемъ, возбуждая въ насъ тѣмъ вдвойнѣ ужасъ и отвращеніе. Пусть подобныя звѣрства не рѣдкость въ войнахъ Востока, да и не только въ древнія времена, — это нисколько не миритъ насъ съ возмутительнымъ характеромъ всего но-

вѣствованія. Удовольствуемся нѣсколькими примѣрами. Взявъ приступомъ другую «твердыню», «повисшую на небѣ, подобно облаку», царь воздвигъ пирамиду изъ головъ убитыхъ защитниковъ. «Городского князя» онъ увелъ съ собою въ Ассирію, въ городъ Арбелу, и тамъ содралъ съ него, живого, кожу, которую пригвоздилъ къ



Писцы принимаютъ и записываютъ головы убитыхъ.

городской стѣнѣ, растянувъ ее, какъ охотники растягиваютъ шкуры затравленныхъ звѣрей. Другой вождь, «ничей сынъ» (т. е. не княжескаго рода, простого званія), подвергся той же участи въ Ниневіи послѣ того, какъ передъ его глазами были умерщвлены его товарищи: «Я воздвигъ столбъ передъ воротами его города»,—пишетъ царь: «со всѣхъ бунтовавшихъ вельможъ я содралъ кожу, и этими кожами обтянулъ тотъ

столбъ; нѣкоторыхъ я заложилъ живыхъ внутри столба; иныхъ я посадилъ на колья наверху столба, а еще иныхъ на колья, разставленные кругомъ него»... Еще былъ у него обычай,—отрѣзывать у плѣнныхъ и складывать въ кучи ноги, руки, носы и уши, а также выкалывать у нихъ глаза; подростковъ обоего пола онъ сжигалъ живыми. Отъ всѣхъ этихъ ужасовъ отдыхаешь только, читая длинные, сухіе списки добычи, перечень даней и поднесенныхъ даровъ. Много подобныхъ документовъ оставили ассирійскіе цари, но этотъ приходится признать самымъ возмутительнымъ изо всѣхъ. Разсказъ становится нѣсколько интереснѣе, когда переноситъ насъ въ «землю хаттовъ» (хетовъ). Девятымъ походомъ царь ходилъ въ Сирію, къ горамъ Ливанскимъ и къ берегу морскому:—«Въ тѣ дни я занялъ окрестности Ливана; до великаго моря финикійскаго дошелъ я; до самаго великаго моря донесъ я мое оружіе; тамъ приносилъ я жертвы богамъ; я взялъ дань съ князей поморья». Встрѣчаются имена Тира, Сидона, Джебала, Арвада; стало-быть, богатые торговцы-поморяне и этотъ разъ откупились. Дали они «золота, серебра, мѣди, олова, одежды льняныя и шерстяныя», и пр., а также «крѣпкаго лѣса», котораго царю много надо было для его разныхъ построекъ. Онъ и самъ нарубилъ немало лѣса въ Аманосскихъ горахъ.

Постройки. Калахъ снова дѣлается столицею.

13.—Совершивъ десять походовъ въ шесть лѣтъ, все съ тою же неутомимой энергіей, Ашур-назирпалъ, смиривъ всѣхъ противниковъ, могъ

Плѣнные, посаженные на колья, передъ городскими стѣнами.—Ассирійскій таранъ.

наконецъ заняться домашними дѣлами. Сѣверъ былъ, повидимому, укрощенъ окончательно; владѣнія Ассиріи на западѣ значительно расширены, а на югѣ и юго-западѣ Вавилонъ и горцы южнаго Загроша содержались въ почтительномъ страхѣ, такъ что въ остальныя пятнадцать лѣтъ этого царствованія упоминается еще только одинъ походъ, опять-таки на сѣверъ, гдѣ, несмотря на взятые или разрушенные 250 городовъ, не водворялось полное спокойствіе. Въ этотъ долгій мирный промежутокъ Ашурназирпалъ занялся главнымъ образомъ перестройкой и украшеніемъ своей любимой столицы, Калаха, нѣкогда основанной Салманассаромъ I, но съ тѣхъ поръ какъ-то заброшенной и пришедшей въ упадокъ. На эти гигантскія работы онъ поставилъ всѣхъ военноплѣнныхъ, привезенныхъ «изъ-за Евфрата»—и что это были за работы, раскопки Лэйарда въ Нимрудѣ вдоволь показали. Такъ-называемый «сѣверо-западный дворецъ» Ашурназирпалъ построилъ для себя, а подлѣ него—храмъ Нинибу, своему любимому божеству, съ зиккуратомъ, къ нему принадлежащимъ; это—тотъ самый пирамидальной формы курганъ, который составляетъ самую видную черту нимрудскаго ландшафта. Этотъ же царь соорудилъ и большой каналъ, долженствовавшій приводить въ городъ чистую ключевую воду прямо изъ горъ и эту же воду распредѣлять по окружнымъ полямъ посредствомъ плотинъ и шлюзовъ. Это—единственная такого рода ассирійская работа, отъ которой остались достаточные слѣды, чтобы дать намъ возможность

судить о системѣ, по которой она производилась. Новая столица, должно-быть, выростала не по днямъ, а по часамъ. Вотъ что говоритъ о ней Джорджъ Раулинсонъ, у котораго описанія всегда живописны: «Дворецъ за дворцомъ воздвигался на высокой платформѣ, блистая позолотою, живописью, глазировкой, ваяніемъ и рѣзьбою, стремясь затмить великолѣпіемъ всѣ прежнія постройки, между тѣмъ какъ каменные львы, обелиски, храмовыя башни и святилища разнообразили и скрашивали убійственную монотонность мѣстности. Высокій зиккуратъ, вздымавшійся надъ всей этой массой дворцовой и храмовой архитектуры, придавалъ ей художественное единство. Тигръ, огибая всю западную сторону платформы, отражалъ всѣ эти строенія, и, оптическимъ обманомъ удваивая вышину ихъ, сглаживалъ единственный недостатокъ ассиро-вавилонскаго зодчества. Когда закатъ зажигалъ въ небѣ тѣ пышныя краски, которыя можно видѣть только на Востокѣ, Калахъ долженъ былъ казаться путнику, впервые созерцавшему его съ долины, видѣніемъ изъ волшебнаго міра».

Скульптура въ эпоху Ашурназирпала.

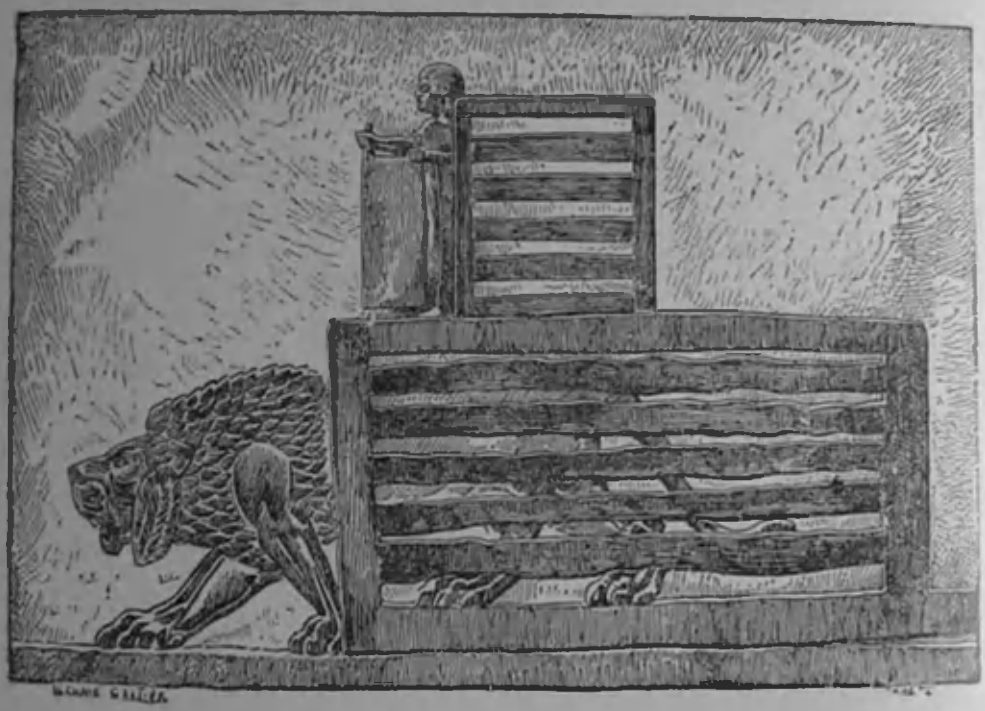
14.—Всѣ стѣны дворца Ашурназирпала облицованы изваянными алебастровыми плитами, о которыхъ дадутъ понятіе рисунки, помѣщенные въ настоящей главѣ. Когда ихъ впервые откопали, эти изваянія были истиннымъ откровеніемъ роскоши и художественности, до которыхъ дошли ассирійцы въ своихъ одеждахъ, вооруженіяхъ и всякой утвари. Это царствованіе можно считать началомъ золотого вѣка ассирійскаго

искусства, и это тѣмъ замѣчательнѣе, что мы не имѣемъ образцовъ, по которымъ можно бы прослѣдить процессъ развитія его отъ незрѣлой грубоватости, какой отличается единственный, уцѣлѣвшій, болѣе древній памятникъ, а именно неоднократно уже упоминаемое изображеніе Тиглат-Фелассара на скалѣ у истока Тигра.

Охота. 15.—Чуть ли не самыя замѣчательныя изваянія, по художественности исполненія, тѣ, на которыхъ представлены сцены изъ царскихъ охотъ. Сцены эти полны жизни, безукоризненны въ деталяхъ, а животныя изображены съ такой смѣлостью и правдою, такимъ разнообразіемъ въ позахъ и тонкостью отдѣлки, что съ ними не могутъ сравниться человѣческія фигуры, условныя и однообразныя, вѣчно представленныя непремѣнно въ профиль, съ преувеличенно выпуклыми мышцами и неизмѣнными движеніями и жестами. Только долгое и любовное изученіе природы могло привести къ такимъ результатамъ, и нѣтъ сомнѣнія, что художники сопровождали царя въ его экспедиціяхъ, съ цѣлью быть очевидцами его подвиговъ и на мѣстѣ изучать свой сюжетъ. У всѣхъ ассирійскихъ царей была страсть къ охотѣ, и они гордились своими похожденіями въ травлѣ дикихъ звѣрей нисколько не менѣе, нежели своими воинственными подвигами, и такъ же ревностно старались оставить о нихъ память потомству. Ашурназирпалъ, повидимому, особенно любилъ охотиться на львовъ и дикихъ быковъ,—можетъ быть потому, что ихъ было больше, чѣмъ другой

Царская охота на льва.

дичи; въ такомъ случаѣ царская потѣха приносила общественную пользу. Царь всегда изображается нападающимъ на звѣря одинъ, пѣшій или на колесницѣ; прислуга остается позади и только зорко наблюдаетъ за ходомъ охоты, держа на готовѣ запасныя копья и стрѣлы. Очевидно, было



Левъ выпускается изъ клѣтки въ царскомъ паркѣ.

строго запрещено вмѣшиваться иначе, какъ по зову царя, или если слишкомъ большая опасность угрожала его священной особѣ. Ашурназирпалъ такъ же подробно, какъ Тиглат-Фелассаръ, вноситъ въ свою лѣтопись число своихъ наиболѣе замѣчательныхъ охотъ, убитыхъ или изловленныхъ имъ звѣрей. Онъ тоже содержалъ у себя звѣринцы, или, вѣрнѣе, парки, настолько обширные, что въ нихъ можно было привольно охо-

Ашурназирпалъ совершаетъ возліяніе надъ убитыми дикими быками.

титься, для чего львовъ выпускали изъ клѣтокъ. Впрочемъ, это, можетъ-быть, дѣлалось, когда такого калибра дичь становилась уже рѣдка. За счастливую охоту приносилось благодареніе богамъ, какъ за побѣду, и на многихъ изваяніяхъ царь изображенъ совершающимъ возліяніе надъ тѣлами львовъ или дикихъ быковъ, положенныхъ въ красивой позѣ, какъ бы для отдыха, передъ жертвенникомъ или у ногъ его.

Появленіе въ лѣтописяхъ халдеевъ—калду.

16.—Въ лѣтописи этого царя мы встрѣчаемъ слѣдующее заявленіе: «Страхъ передъ моимъ владычествомъ достигъ до Кардуніаша; успѣхи моего оружія наполнили ужасомъ Землю Калду». Названіе это, «Калду», по-нашему—Халдея, впервые тутъ попадается; оно дотолѣ не являлось ни на какихъ памятникахъ, ни на вавилонскихъ, ни на ассирійскихъ. Приходится сознаться, какъ было уже объяснено *), что мы употребляемъ это названіе неправильно, примѣняя его ко всей Нижней Месопотаміи въ отличіе отъ Верхней или Ассиріи. Оно въ точности подобаетъ лишь низовьямъ вокругъ Персидскаго залива и тамошнему населенію. Въ этомъ смыслѣ оно отнынѣ постоянно употребляется въ лѣтописныхъ надписяхъ и противупоставляется Вавилону съ землями Аккадскою и Шумирскою и ихъ древними, большими городами. Необходимо твердо помнить это, для лучшаго пониманія дальнѣйшихъ переворотовъ, въ которыхъ главную роль играетъ именно «земля Калду» — Халдея въ точномъ смыслѣ. А между

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 227 и 266—267.

тѣмъ, это названіе вѣроятно все еще будетъ употребляться неточно, по старой привычкѣ. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ исправить выраженіе невѣрное, но вошедшее въ привычку отъ долгаго употребленія. Вѣдь знаетъ же нынче каждый ребенокъ, что солнце не «всходитъ» и не «садится»; однако кому приходитъ въ голову изгнать изъ разговорнаго языка эти слова, или «восходъ» и «закатъ?»

Халдейскіе князья. Ихъ политика и честолюбіе.

17.—Итакъ, настоящіе халдейцы населяли низовья около Персидскаго залива и раздѣлялись на множество малыхъ княжествъ, т. е. племенъ, патріархально управляемыхъ своими родовыми князьками, которые, вѣроятно, первоначально были старшинами родовъ, разросшихся въ сильныя, тѣсно сплоченыя племена въ родѣ шотландскихъ клановъ. Это видно изъ того, что каждое такое княжество прозывалось «Домъ такой-то» — «Бит—...» По всему видно, что родъ, имѣвшій родоначальникомъ нѣкоего Якина, — «Бит-Якинъ», т. е. «Домъ Якина»,—былъ главнымъ изъ нихъ. Князья этого «дома» превосходили всѣхъ прочихъ богатствомъ и вліяніемъ, и когда настала пора всенароднаго возстанія, теперь уже медленно, глухо подготовляемаго, какъ-то само собою сдѣлалось, что они были признаны вождями. Неясно, когда именно эти племена начали собираться силами и сплотились въ одно политическое тѣло, но весьма вѣроятно, что движеніе это зачалось гдѣ-то въ X-мъ вѣкѣ, когда на величіе Ассиріи нашло временное затменіе. Съ той минуты, когда на сцену выступаютъ халдейцы,

они являются не иначе, какъ неистовыми врагами Ассиріи, закоснѣлыми инсургентами (съ ея точки зрѣнія), о которыхъ говорится всегда съ горькою враждою, не безъ оттѣнка уваженія и опасенія.

Отношенія къ Вавилону.

16.—Совсѣмъ иное дѣло—Вавилонъ. Къ нему ассирійскіе цари относились, въ общемъ, довольно дружелюбно, какъ подобаетъ сильнѣйшему сосѣду относиться къ менѣе сильному. Вавилонскіе цари состояли, несомнѣнно, на положеніи вассаловъ Ниневіи, и потому наказывались за непокорство; но и прощалось имъ, лишь только они посылали дань съ повинной. Ассирійскіе цари торжественно и всенародно приносили жертвы въ священныхъ и для нихъ древнихъ вавилонскихъ національныхъ святилищахъ, въ Вавилонѣ, Борсиппѣ, Сиппарѣ, Кутѣ, и пр. и считали за милость «великихъ боговъ», что они удостоивались такой чести; они часто туда ходили на богомолье. Видно, что Вавилонъ и остальные большіе города юга отчасти примирились съ владычествомъ, все же не чужимъ, такъ какъ оно смягчалось племеннымъ родствомъ и единствомъ вѣры и преданій, тогда какъ у населенія низовьевъ и побережья сохранилось чувство независимости, которое порождало въ нихъ упорную строптивость, все возраставшую, до той поры, когда они получили возможность перейти въ открытую борьбу. Не должно забывать, что это приморское населеніе по преимуществу принадлежало къ древнѣйшей туранской или урало-алтайской части этой многоплеменной націи, и берегло въ себѣ расовое сознаніе и преданія о стародавнемъ народномъ

величіи, вмѣстѣ съ пламеннымъ, страстнымъ желаніемъ возвратить себѣ независимость, а если можно, то и владычество. Поморяне проявили великія качества въ борьбѣ, которую они затѣяли, пожалуй что, и неосмотрительно, несвоевременно, но зато вели геройски въ теченіе двухъ слишкомъ столѣтій, при убійственныхъ условіяхъ. Не даромъ пророкъ Аввакумъ называетъ халдейцевъ «народомъ жестокимъ и необузданнымъ», а онъ имѣлъ полную возможность изучить ихъ, такъ какъ они въ его время торжествовали; за ними была власть, и Вавилонъ былъ «красою царствъ, гордостью халдеевъ» (Исаія, XIII, 19), и ослѣплялъ міръ своимъ блескомъ до того, что греки, со своей обычной нерадивостью относительно исторической и географической точности, стали называть «Халдеей» всю нижнюю Месопотамію. Они то и дѣло такимъ образомъ вводятъ въ заблужденіе.

VI.

Салманассаръ II и его преемники.— Ашуръ и Израиль.

Характеристика царствованія Салманассара II.

1. — Приступаемъ къ одному изъ самыхъ долголѣтнихъ и однообразныхъ царствованій, а именно къ царствованію сына Ашурназирпала, Салманассара II-го (Шалману-Уширъ). Не будь нѣкоторыхъ въ высшей степени интересныхъ памятниковъ, оставленныхъ имъ, и того, что при немъ состоялось первое прямое столкновеніе между Ассиріей и Израилемъ, на этотъ тридцатипятилѣтній періодъ, — (860—824)—потребовалось бы всего нѣсколько строкъ. Такое однообразіе объясняется отнюдь не бездѣятельностью или безславіемъ,—совершенно наоборотъ. Ассирія при этомъ царѣ достигла полнаго роста и высшаго могущества, и онъ могъ вполнѣ справедливо похвастаться, что владычество его простиралось отъ истоковъ Тигра до горъ Ливанскихъ и лежащаго за ними моря. Но скукой смертной вѣетъ отъ его безконечныхъ лѣтописныхъ надписей, съ ихъ монотонными походами и вѣчно повторяющимися безобразіями и жестокостями, хотя послѣднія и не описываются такъ пространно и съ такимъ отвратительнымъ само-

довольствіемъ, какъ въ «лѣтописи» его отца. Этотъ царь-завоеватель представляется какъ бы закабаленнымъ рабомъ собственнаго величія, вѣчнымъ труженикомъ военной славы. Кампаніи въ хронологическомъ порядкѣ—«въ моемъ десятомъ году»... «въ моемъ двадцать третьемъ году»... «въ моемъ тридцать первомъ году»...—слѣдуютъ одна за другою съ удручающей монотонностью какого-то гибельнаго закона природы, отъ котораго нѣтъ спасенія, и уясняютъ намъ полное значеніе одного выраженія, встрѣчающагося въ библейской лѣтописи: «И было то *въ то время года, когда цари выходятъ на войну*»... Весною *полагалось* выступать въ походъ, такъ, какъ нынѣ полагается осенью ходить на охоту, стрѣлять утокъ и тетеревей, и только что не былъ назначенъ для того «день открытія», какъ у насъ для охоты. Впрочемъ, Салманассару, повидимому, не хватало досуга даже для охоты; по крайней мѣрѣ ни о какихъ охотничьихъ похожденіяхъ онъ не упоминаетъ. Зато онъ вноситъ въ свою лѣтопись, что онъ восемь разъ рубилъ лѣсъ въ Аманосскихъ горахъ и двадцать четыре раза самолично перебирался черезъ Евфратъ, неоднократно «въ половодье», которое значительно осложняетъ эту операцію. Скука разсказа усугубляется ужасною сухостью и безцвѣтностью слога, свойственнаго лѣтописцамъ этого періода, которые не позволяютъ себѣ ни малѣйшаго живописнаго выраженія или черты, взятой изъ жизни, какихъ такъ много встрѣчается лѣтъ двѣсти спустя. Въ двухъ длиннѣйшихъ надписяхъ попадается единственное

поэтическое выраженіе: сравненіе горной вершины съ кинжаломъ, пронизывающимъ небо—да и то украдено изъ лѣтописи Ашурназирпала.

Краткій обзоръ военной дѣятельности Салманассара II-го.

2.—При всемъ томъ, изо всей этой массы сухого и скучнаго матерьяла не трудно разобрать главную характеристику этого царствованія; состоитъ же она въ томъ, что самый тяжелый и непрерывный напоръ былъ направленъ противъ запада; на сѣверъ и югъ обращено вниманіе лишь настолько, чтобы держать ихъ въ должномъ страхѣ и повиновеніи. Салманассаръ упоминаетъ, что онъ ходилъ «вверхъ», въ земли Напри, дошелъ до истоковъ Тигра, гдѣ, по примѣру своихъ предшественниковъ, поставилъ «изображеніе своей царской особы», а также въ земли при озерахъ Ванъ и Урмія; не видно, однако, чтобъ онъ успѣлъ окончательно усмирить этихъ упорныхъ горцевъ. Въ другой разъ, по случаю ссоры, вспыхнувшей въ царскомъ родѣ въ Вавилонѣ, онъ сходилъ и туда, приносилъ жертвы въ главныхъ храмахъ, и такъ напугалъ халдейскихъ князьковъ, «наводя страхъ вплоть до моря (Персидскаго залива) мощью своего оружія», что они прислали ему запоздалую дань. Еще описываетъ онъ набѣгъ, сдѣланный имъ отъ «большихъ озеръ», вдоль восточной границы Ассиріи, внизъ по Загрошу,—только не видно, съ какою собственно цѣлью: просто ли ради грабежа, или для того, чтобы отвадить горныя племена отъ хищническихъ набѣговъ. Во всякомъ случаѣ все это второстепенныя черты этого царствованія; главною задачею Салманассара было—усмиреніе кочевни-

ковъ сирійской пустыни и, въ особенности, подчиненіе своей власти разныхъ, дотолѣ независимыхъ сирійскихъ государствъ, которыя, благодаря возрастающему благоденствію своему и богатству, должны были сдѣлаться либо весьма полезными вассалами, либо весьма опасными соперниками. Въ виду ихъ малыхъ размѣровъ и раздиравшихъ ихъ постоянныхъ усобицъ, это могло казаться легкимъ дѣломъ; на дѣлѣ же оно оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ представлялъ себѣ ассиріецъ.

Сирійская кампанія.

3.—Салманассаръ приступилъ къ новой задачѣ отнюдь не легкомысленно, и не съ одной цѣлью поживиться добычей изъ разоренныхъ богатыхъ городовъ, а по глубоко обдуманному и политически вѣрному плану. Онъ началъ съ того, что опустошилъ оба берега Евфрата, и, овладѣвъ наилучше укрѣпленными городами, лишилъ ихъ средствъ къ дальнѣйшей оборонѣ, уведя обывателей въ Ассирію и посадивъ на ихъ мѣсто своихъ земляковъ, причемъ измѣнилъ самыя названія городовъ. Кархемишъ съ перваго слова призналъ его владычество,—а это былъ, какъ извѣстно, пунктъ такой важности, и въ стратегическомъ, и въ торговомъ отношеніи, что могъ считаться ключомъ главнаго пути, ведущаго изъ Египта на сѣверъ,—и царь, родомъ хетъ, послалъ Салманассару не только богатые дары скотомъ, золотомъ, серебромъ, желѣзомъ, бронзой, пурпурными тканями и пр., но родную дочь въ жены, вмѣстѣ съ дочерьми ста знатнѣйшихъ вельможъ. Затѣмъ, перейдя рѣку Оронтъ, ассиріецъ пошелъ на сѣверъ черезъ всю сѣверную Сирію, пере-

брался черезъ Аманосскія горы, собирая по пути немалую дань кедрами (а это дерево считалось самымъ цѣннымъ изо всѣхъ мѣстныхъ продуктовъ), и сошелъ на ту сторону въ Киликію, гдѣ онъ пробылъ недолго, но набралъ богатую добычу. На обратномъ пути онъ постоялъ у Евфрата, чтобы принять дань, присланную «и поморскими царями», и «царями береговъ Евфрата».

Сирійская коалиція.

4.—Легко себѣ представить, что за этими военными демонстраціями неспокойными взорами слѣдили царьки и князьки Нижней Сиріи, отлично понимая, что онѣ и имъ не предвѣщаютъ ничего хорошаго. Они ждали нашествія и трепетали, въ особенности царь эмаоскій, потому что его земля, лежавшая немного къ востоку отъ Ливанскихъ горъ и нѣсколько сѣвернѣе Арвада, приходилась первою по пути завоевателя. Но имъ пора еще не настала. Предварительная кампанія кончилась, не тронувъ ихъ, и только въ слѣдующемъ году,—шестомъ царствованія Салманассара, 854-мъ до Р. Х., — буря разразилась надъ ними. Они воспользовались отсрочкою, чтобы образовать весьма грозный союзъ для взаимной обороны, во главѣ котораго стали три самые могущественные государя сирійской земли: царь дамасскій, Дадидри (который зовется въ Библіи Венададомъ), поставилъ 12.000 колесницъ, 12.000 конницы и 10.000 пѣхоты; царь Эмаоскій поставилъ 700 колесницъ, 700 конницы и 10.000 пѣхоты; и Ахаббу Зирлаи (Ахавъ, царь израильскій) поставилъ 21.000 колесницъ и 10.000 войска. Салманассаръ называетъ по имени

еще девять царей, которые привели или прислали отряды поменьше; между ними мы находимъ царей арвадскаго, аммонскаго, аравійскаго князя съ 1.000 верблюдами и,—чего никакъ не ожидали,—1.000 человѣкъ войска, присланнаго царемъ египетскимъ. Послѣднее обстоятельство показываетъ, что страхъ передъ Ассиріей уже простирался далѣе непосредственныхъ ея сосѣдей, и что Египетъ, хотя ему еще не снилась возможность нашествія съ ея стороны, начиналъ уже опасаться приближенія ея войскъ къ своимъ предѣламъ и былъ не прочь участвовать въ общемъ усиліи оттолкнуть ихъ подальше.

Союзъ между Ахавомъ, царемъ израильскимъ, и Венададомъ, царемъ дамасскимъ.

5.—Какъ-то странно видѣть царя израильскаго въ союзѣ съ нѣкоторыми изъ самыхъ древнихъ и самыхъ жестокихъ враговъ израилевыхъ, каковы Дамаскъ, аммонитяне, эмаѳяне. Трудно представить себѣ что-нибудь несообразнѣе такого сбора непримиримо враждебныхъ элементовъ, и ничто, кромѣ самой близкой общей опасности, не могло бы привести къ такому, хотя и временному, забвенію непріязненныхъ чувствъ и слиянію такихъ несовмѣстимыхъ интересовъ. Общею же опасностью, и только ею, вполнѣ объясняется примиреніе между Ахавомъ, царемъ израильскимъ, и Венададомъ, царемъ дамасскимъ, подробно описанное въ Ветхомъ Завѣтѣ (3-я Кн. Царствъ, XX). Между ними передъ тѣмъ была свирѣпая война; было и нѣсколько сраженій, въ послѣднемъ изъ которыхъ Израиль остался побѣдителемъ, и Венададъ былъ взятъ въ плѣнъ. Поэтому является совершенной неожиданностью, когда, именно въ

этотъ критическій моментъ, Ахавъ, вмѣсто того, чтобы поступить съ такимъ важнымъ плѣнникомъ согласно стародавнему обычаю, и сразить его мечомъ «передъ Господомъ», зоветъ его «братомъ» и заключаетъ съ нимъ договоръ. Въ чемъ именно состоялъ договоръ—не сказано, а говорится только, что въ продолженіе трехъ лѣтъ не было войны между Израилемъ и Сиріею (3-я Кн. Царствъ, XXII, 1). Стало-быть, въ библейскомъ разсказѣ оставленъ пробѣлъ; но онъ какъ нельзя лучше пополняется ассирійскими современными памятниками, а именно—обѣими большими историческими надписями Салманассара II. Одна изъ нихъ даетъ полный списокъ союзниковъ, тогда какъ въ другой говорится, въ совокупности, о «царяхъ земли Хатти и поморья», съ которыми и Дадидри, царь дамасскій, и Иркхулина, царь эмаѳскій, выступили въ походъ. Изъ этого мѣста, между прочимъ, видно, въ какомъ общемъ, неопредѣленномъ смыслѣ имя «Хатти» употреблялось въ то время.

Битва при Каркаръ.

6.—Ни разу, со времени большой коалиціи хетовъ противъ Рамзеса II и битвъ при Мегиддо и Кадешѣ, не бывало такого грознаго и единодушнаго вооруженія азіатскихъ народовъ. Подъемъ духа среди союзниковъ былъ такъ великъ, такъ велика надежда ихъ на свои силы, что они сами пошли навстрѣчу ассиріицамъ и вызвали ихъ на бой близъ города Каркара, невдалекѣ отъ рѣки Оронта. Цѣль ихъ наступательнаго движенія состояла въ томъ, чтобы, какой бы ни былъ исходъ битвы, не допустить врага приблизиться къ ихъ

землямъ. Исходъ же, насколько можно судить, оказался сомнительнымъ. Салманассаръ въ одной надписи говоритъ, что онъ избилъ 14.000 враговъ; въ другой, позднѣйшей, цифра эта уже возрастаетъ до 20.500; тутъ же онъ говоритъ, что онъ, милостью Ашура, разбилъ ихъ въ прахъ: «Подобно богу Рамману, я разгромилъ ихъ». «Въ битвѣ той я взялъ ихъ боевыя колесницы, коней и скотъ». Грабежа и кровопролитія, конечно, было, вдоволь, но не видно, чтобы ассиршская рать дошла далѣе Оронта; о подданствѣ же и дани не упоминается вовсе. Нѣтъ примѣра, чтобы ассирійскій царь призналъ себя побѣжденнымъ, но бываетъ и молчаніе краснорѣчивое. Такъ, въ настоящемъ случаѣ ясно, что побѣда не могла быть полная, несмотря на увѣренія царя; фактъ же, что прошло цѣлыхъ пять лѣтъ, прежде чѣмъ онъ возобновилъ нападеніе, заставляетъ подозрѣвать, что онъ потерпѣлъ не только отпоръ, но настоящее пораженіе. Этотъ промежутокъ времени наполняется отчасти походомъ къ истокамъ Тигра, гдѣ онъ поставилъ «собственное изображеніе большихъ размѣровъ», и другимъ походомъ, въ Вавилонію и «землю Калду». Послѣ того онъ года два ходилъ около Евфрата, и только тогда уже рѣшился идти опять въ Эмаѳъ. Тамъ онъ встрѣтилъ своего стариннаго противника Венадада, а съ нимъ, какъ и прежде, «двѣнадцать царей хаттовъ»,—и опять потерпѣлъ отпоръ.

Вторая сирійская кампанія.

7.—Итакъ—опять *двѣнадцать* союзниковъ. И въ третьей надписи встрѣчается та же цифра, такъ что невольно приходитъ на мысль, что она

пишется наудачу,—такъ сказать «круглымъ числомъ»: во всякомъ случаѣ союзники, если и было ихъ двѣнадцать, не всегда были одни и тѣ же. Во время второй сирійской кампаніи, Ахава израильскаго уже не было въ живыхъ, и натянутый союзъ съ Дамаскомъ самъ собою распался, лишь только миновала немедленная общая опасность. Отшатнувшись отъ Дамаска, Ахавъ бросился въ объятія царя іудейскаго, и оба соединили свои силы противъ Венадада. Послѣдовала битва, въ которой Ахавъ палъ. Съ нимъ померкъ блескъ рода, который обѣщалъ было цвѣсти на благо и пользу Израиля. Отецъ его Амврій, храбрый воинъ и смѣлый узурпаторъ, присвоилъ себѣ вѣнецъ среди заговоровъ, убійствъ, усобицъ, при помощи войска, которымъ онъ командовалъ. Онъ оказался не только храбрымъ воеводой, но и умнымъ государственнымъ человѣкомъ, и главной его заботой было укрѣпленіе сѣвернаго царства, т. е. Израиля. По примѣру Давида, онъ купилъ холмъ и построилъ на немъ свою столицу, Самарію. Сынъ его былъ не менѣе его энергиченъ и способенъ, и бракомъ съ тирской царевной старался придать бо́льшую твердость своему престолу, бо́льшій вѣсъ своему роду. Вѣроятно, въ царствованіе этихъ двухъ государей слава Израиля дошла до ассирійскихъ царей, на которыхъ могущество и великолѣпіе ихъ должны были произвести сильное впечатлѣніе, потому что все царство израильское стало у нихъ называться «Домомъ Амврія»,—Бит-Хумри,—согласно ассирійской модѣ,—называть цѣлыя страны именемъ ихъ правителей.

Третья сирійская кампанія.

8.—Третья сирійская кампанія не принесла болѣе рѣшительныхъ результатовъ. Коалиція все еще держалась и съ успѣхомъ отстаивала свои земли, хотя Салманассаръ на этотъ разъ вывелъ въ поле такую армію, противъ которой, казалось бы, не могли устоять даже соединенныя силы сравнительно мелкихъ державъ.

«На моемъ четырнадцатомъ году» (846 до Р. Хр.),—повѣствуетъ онъ въ надписи на одномъ изъ своихъ ассирійскихъ крылатыхъ быковъ,—«я собралъ неисчислимую силу со всѣхъ моихъ обширныхъ земель. Съ войскомъ изъ 120.000 человѣкъ я переправился черезъ Евфратъ въ самое половодье. Въ тѣ дни Дадидри, царь дамасскій, Ирхулини, царь эмаѳскій, съ двѣнадцатью царями съ прибрежья Верхняго и Нижняго морей (Средиземнаго моря), собрали свою безчисленную и несмѣтную рать и пошли походомъ противъ меня. Я же въ большой битвѣ разбилъ ихъ, уничтожилъ ихъ конницу, ихъ колесницы, отбилъ у нихъ поклажу. Ради спасенія жизни, они отступили».

Главнымъ противникомъ Салманассара былъ все еще старикъ Венададъ, попрежнему неустрашимый, на этотъ разъ опиравшійся главнымъ образомъ на «царей поморья», т. е. на финикіянъ, и, можетъ-быть, на федерацію пяти филистимскихъ городовъ. Тактика неизмѣнно одна и та же: встрѣтиться съ врагомъ, выдержать натискъ его и сломить его силу, держа его на почтительномъ разстояніи. Тактика эта и теперь имѣла успѣхъ, но уже въ послѣдній разъ. Въ Дамаскѣ произошелъ внутренній переворотъ, вслѣдствіе котораго престоломъ овладѣлъ дворцовый сановникъ Азаилъ, предательски умертвивъ престарѣлаго Венадада II (4-я Кн. Царствъ, VIII, 7—15). Кажется, что послѣдствіемъ этого

же переворота было распаденіе сирійской коалиціи. Это можно заключить изъ того, что, когда, четыре года спустя, ассиріецъ съ неутомимой настойчивостью опять возобновляетъ нападеніе, онъ упоминаетъ уже объ одномъ только противникѣ, Азаилѣ, царѣ дамасскомъ, который, робѣя бытьможетъ именно вслѣдствіе своей изолированности, ожидаетъ его у себя, среди крѣпкихъ горныхъ позицій Анти-Ливана, но претерпѣваетъ тамъ такое пораженіе, съ такими страшными потерями людьми и конницей, включая и обозъ, и колесницы, что поспѣшно отступаетъ въ свою столицу куда побѣдитель слѣдуетъ за нимъ. Салманассаръ, однако, не говоритъ, что онъ взялъ Дамаскъ, а только: «Въ Дамаскѣ, его столицѣ, я окружилъ его осадою; я разорилъ его насажденія». Немедленно вслѣдъ затѣмъ онъ идетъ къ морскому берегу, гдѣ онъ прпнимаетъ повинную и дани Тира и Сидона и новаго царя израильскаго, котораго онъ называетъ «Яхуа, сынъ Хумрп». То не былъ, однако, ни въ какомъ смыслѣ «сынъ (т. е. потомокъ) Амврія», а былъ, напротивъ того, губитель его рода, а именно—Іпуй, воевода, который, убѣдивъ свое войско провозгласить его царемъ, помчался во весь духъ въ столицу, умертвилъ молодого царя съ матерью и приказалъ истребить всю семью Ахава,— семьдесятъ юныхъ сыновей, гласитъ библейская лѣтопись, находившихся на воспитаніи у разныхъ знатнѣйшихъ старѣйшинъ, и всѣхъ близкихъ и дальнихъ родичей ихъ (4-я Кн. Царствъ, IX—X). Между тѣмъ, этотъ человѣкъ на двухъ ассирійскихъ па-

мятникахъ названъ «сыномъ Амврія». Несообразность эта могла произойти или отъ незнанія совершившихся въ Самаріи событій, или же оттого, что имя «Амврій» обратилось въ традицію у ассирійскихъ лѣтописцевъ, почему земля израильская такъ и осталась для нихъ до конца «Домомъ Амврія», а израильскіе цари преемниками, а потому «сынами» Амврія, независимо отъ всякихъ перемѣнъ, происходившихъ въ составѣ царствующаго тамъ дома.

Черный обелискъ.

9.—Въ развалинахъ дворца Салманассара, занимающаго центръ большого нимрудскаго кургана, Лэйардъ откопалъ весьма замѣчательный памятникъ: столбъ, по формѣ—обелискъ, изъ базальта, вышиной около семи футовъ. Благодаря твердости камня, онъ превосходно сохранился,—гораздо лучше, нежели другой памятникъ той же формы, но побольше, изъ бѣлаго камня,—оставленный Ашурназирпаломъ. Всѣ четыре стороны обелиска покрыты изваяніями и письменами: первыхъ — по пяти рядовъ; послѣднихъ — очень много строкъ. Эта знаменитая надпись содержитъ повѣствованіе о кампаніяхъ Салманассара почти до послѣдняго года его царствованія. На изваяніяхъ изображены процессіи данниковъ отъ пяти народовъ. На одной сторонѣ—два лица, которыхъ царю представляютъ какіе-то сановники, причемъ одинъ изъ нихъ держитъ въ рукѣ что-то въ родѣ свитка, должно-быть списокъ подносимыхъ предметовъ. Лица эти изображены въ позѣ, показывающей, что встрѣчающіяся такъ часто фразы: «Они припали къ моимъ ногамъ», «они лобызали

Черный обелискъ Салманассара II.

мои ноги», отнюдь не содержатъ преувеличенія. Простертое на землѣ лицо во второмъ рядѣ долго принимали за посла царя израильскаго, но, судя по надписи надъ этимъ рядомъ, гораздо вѣроятнѣе, что это—самъ Іегуй. Вотъ буквальный переводъ этой надписи: «Дань отъ Іахуа, сына Хумри: серебро, золото, блюда съ золотомъ, бутыли съ золотомъ, сосуды золотые, ведра съ золотомъ, свинецъ, ... лѣсъ—я получилъ». Бо́льшую часть названныхъ предметовъ можно узнать на изваяніяхъ, которыя живо передаютъ трусливый, подобострастный подходъ данниковъ, также какъ и несомнѣнно еврейскій типъ ихъ лицъ. Этотъ рядъ изваяній, конечно, самый для насъ интересный, по своей связи съ библейской исторіей; но другіе ряды, сами по себѣ, занимательнѣе, по множеству различныхъ и необыкновенныхъ изображаемыхъ на нихъ звѣрей: слонъ, антилопы, два верблюда, обезьяны, очевидно, назначаются для царскихъ парковъ и звѣринцевъ, и нельзя надивиться живой наблюдательности, съ которой художникъ воспроизвелъ ихъ самыя характерныя и забавныя черты.

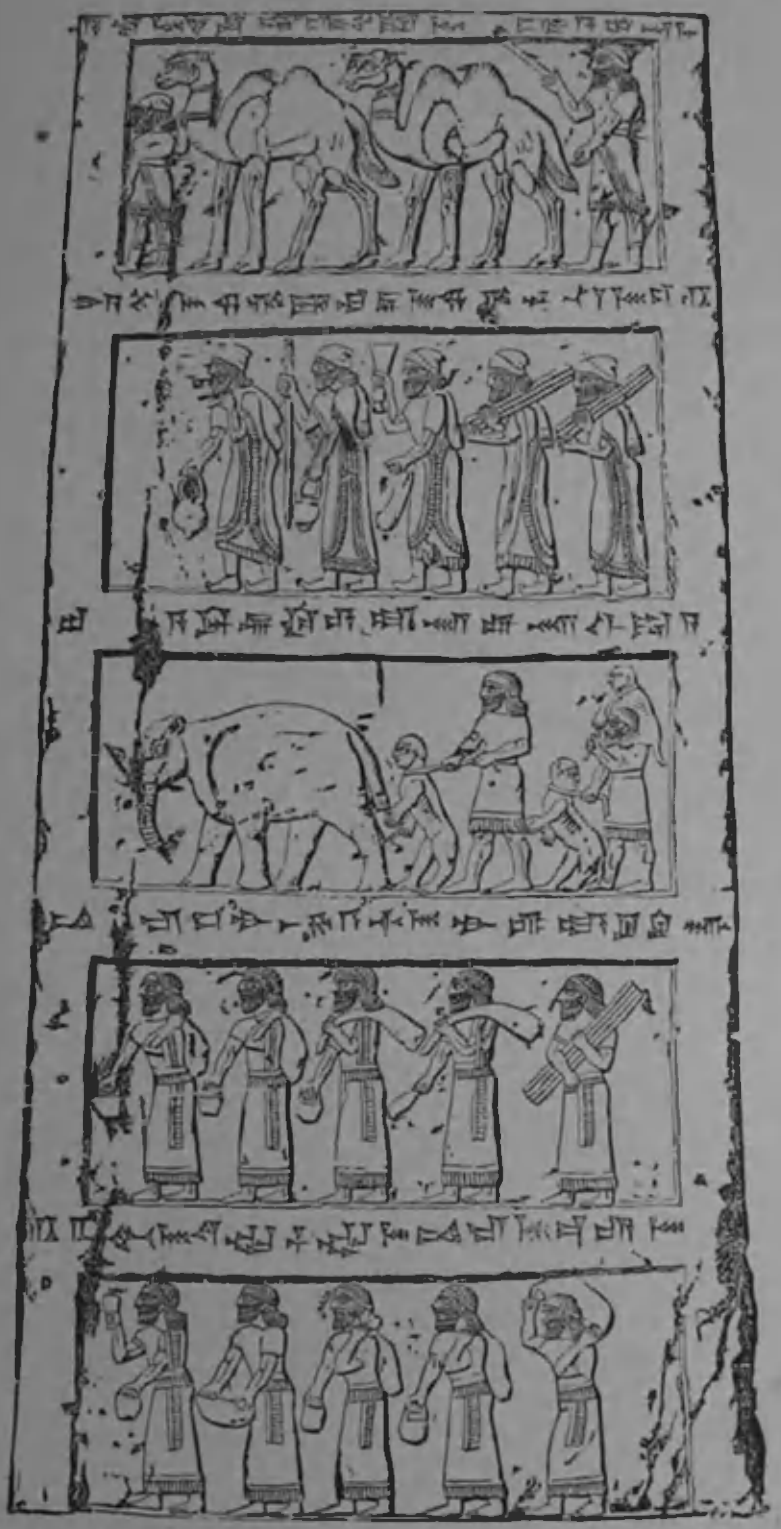
Два опущенія въ библейскомъ разсказѣ.

10.—Замѣчательно, что ни въ одной изъ библейскихъ книгъ, относящихся къ этому періоду, т. е. ни въ четвертой Книгѣ Царствъ, ни во второй Книгѣ Паралипоменонъ, ни единымъ словомъ не упоминаются два такихъ важныхъ факта, каковы участіе Ахава въ сирійской коалиціи и войнѣ противъ Салманассара II и покореніе царя израильскаго Іегуя. Трудно придумать причину такого страннаго опущенія, развѣ, что эти факты

Первая сторона обелиска; царь израильскій Іуй во второмъ ряду.

Вторая сторона обелиска: израильскіе данники во второмъ ряду.

Третья сторона обелиска: израильскіе данники во второмъ ряду.



Четвертая сторона обелиска: израильскіе данники во второмъ ряду.

Одинъ изъ данниковъ съ обезьянами.

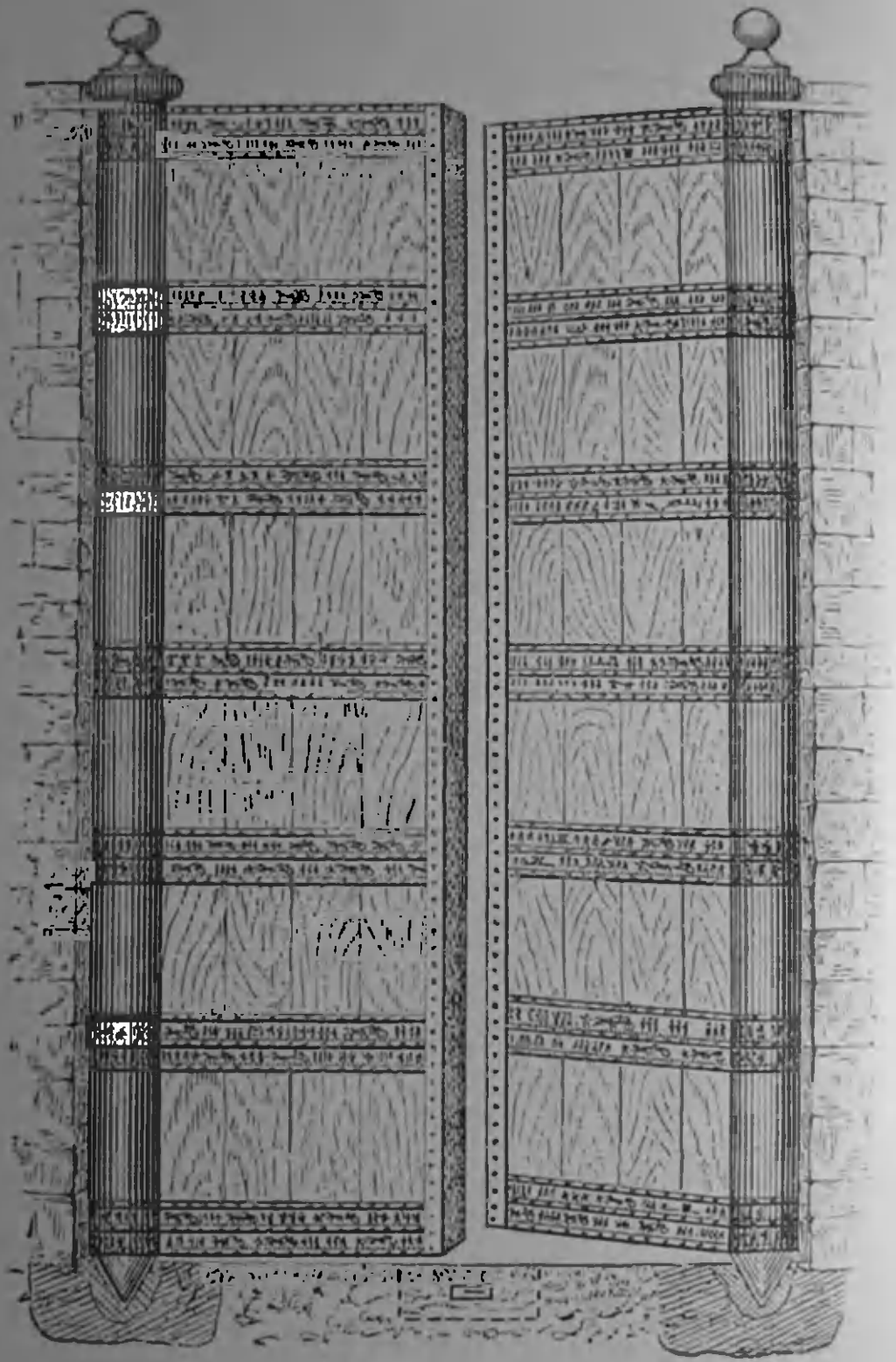
были внесены въ книгу, повидимому, пропавшую, о которой постоянно говорится подъ заглавіемъ «Лѣтописи царей израильскихъ»: «Прочее объ Іиуѣ и обо всемъ, что онъ сдѣлалъ, и о мужественныхъ подвигахъ его написано въ «Лѣтописяхъ царей израильскихъ». Эта формула употребляется, съ измѣненіемъ одного имени, по поводу смерти почти каждаго царя. Самой же книги нѣтъ.

Балаватскія ворота.

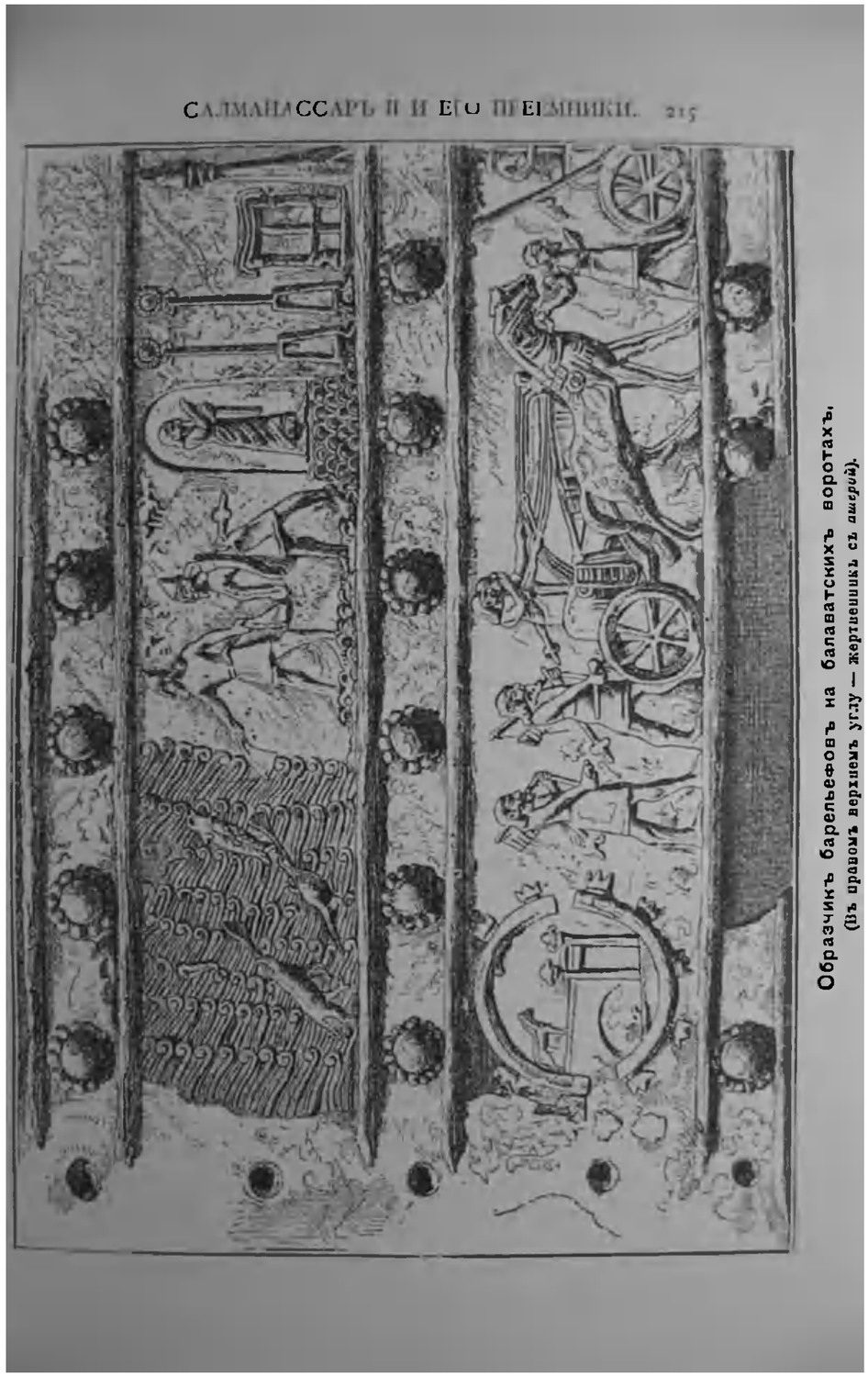
11.—Салманассаръ II оставилъ еще одинъ памятникъ, исторически крайне интересный и весьма цѣнный съ художественной точки зрѣнія, притомъ единственный въ своемъ родѣ. Открылъ его Хормуздъ-Рассамъ, нѣкогда помощникъ Лэйарда, а впослѣдствіи его преемникъ на поприщѣ ассирійскихъ раскопокъ. Предоставимъ ему самому разсказать про свою находку:

«Въ 1877 г., въ курганѣ. по названію Балаватъ, миляхъ въ 15-ти на востокъ отъ Мосула и около 9-ти отъ Нимруда, я нашелъ нѣсколько полосъ мѣдной обшивки съ какого-то мнѣ неизвѣстнаго ассирійскаго памятника. Мѣдь (вѣрнѣе, бронза) была сильно повреждена отъ долгаго лежанія подъ землею. Верхняя часть была на глубинѣ 3—4-хъ футовъ подъ поверхностью земной, нижняя—въ 15-ти. Предметъ этотъ теперь находится въ Британскомъ Музеѣ. Полагаютъ, что это—обшивка огромныхъ двустворчатыхъ воротъ, толщиною, должно-быть, въ четыре дюйма, какъ видно по загибу гвоздей, которыми листы были прикрѣплены къ дереву».

Эти полосы или листы сплошь покрыты барельефами обычнаго типа, не литыми, а выбитыми изнутри, чеканной работы. На томъ же мѣстѣ были найдены и гнѣзда, въ которыхъ сидѣли стержни, на которыхъ вращались створы воротъ, такъ что опытному рисовальщику легко изобразить ихъ въ на-



Балаватскія ворота (реставрація).



Образчикъ барельефовъ на балаватскихъ воротахъ.
(Въ правомъ верхнемъ углу — жертвенникъ съ *шверой*).

стоящемъ ихъ видѣ. Надпись кратко излагаетъ событія первыхъ девяти лѣтъ царствованія Салманассара. Ворота эти принадлежали городу, построенному Ашурназирпаломъ, и, несмотря на величину и массивность, не могли назваться неуклюжими, а скорѣе изящными, благодаря своей прекрасно разсчитанной пропорціональности.

Удаленіе Салманассара II. Возстаніе его старшаго сына. Восшествіе другого его сына, Шамши-раммана III.

12.—Послѣднія семь или восемь лѣтъ своей жизни Салманассаръ провелъ на покоѣ, бо́льшей частью въ Калахѣ, гдѣ онъ строилъ, перестраивалъ и служилъ «великимъ богамъ». Тамъ же онъ докончилъ большой зиккуратъ, начатый его отцомъ; это—та самая «пирамида», развалины которой такъ озадачили Ксенофонта, когда онъ стоялъ близъ Лариссы *). Воевалъ же за него воевода и, повидимому, успѣшно. Но войны были сравнительно неважныя послѣ того, какъ главная задача этого неутомимаго монарха, — покореніе Сиріи,—была выполнена имъ самимъ. Ему, однако, не суждено было до конца безмятежно наслаждаться плодами своихъ долголѣтнихъ трудовъ. Старшій его сынъ возсталъ противъ него, и успѣлъ сманить на свою сторону большую часть родового царства,—Ассиріи. Цѣлыхъ шестнадцать городовъ, если вѣрить лѣтописи, открыто перешли къ нему. Престолъ, поэтому, унаслѣдовалъ другой сынъ, Шамши-Раммань III; но сперва онъ долженъ былъ усмирить возстаніе.

Рамман-Нирари III.

13.—Объ этомъ царѣ не повѣствуется ничего особенно интереснаго. Зато царствованіе его сына

*) См. Исторію Халдеи, стр. 7.

Шамши-Рамманъ III (по инымъ—IV).

и преемника, Рамман-Нирари III, является почти повтореніемъ славнаго поприща дѣда, не только по долголѣтію (онъ царствовалъ столько же лѣтъ, какъ и дѣдъ), но и по множеству и блеску совершенныхъ имъ кампаній, особенно противъ той же неугомонной Сиріи. Перечень этихъ кампаній былъ бы и скученъ и нисколько не поучителенъ, такъ какъ общій характеръ ихъ вѣчно одинъ и тотъ же. Особенно отличился этотъ царь тѣмъ, что довершилъ покореніе Сиріи взятіемъ столицы ея, Дамаска,—которымъ дѣду его не удалось окончательно завладѣть. И обложилъ онъ жителей данью, совсѣмъ ужъ невѣроятною, и это сверхъ добычи, взятой на полѣ битвы и въ походѣ. Онъ самъ весьма вѣрно резюмируетъ свою дѣятельность: «На западъ отъ Евфрата я покорилъ землю Хатти, всю землю Ахарри (Финикію), Тиръ, Сидонъ, Бит-Хумри, Эдомъ и Филистію, вплоть до Моря Заката, и наложилъ на нихъ дани и подати». Впрочемъ, приморскіе города, какъ и царство израильское, не были покорены силой оружія, но добровольно прислали дары, а это, по ассиріискимъ понятіямъ, равнялось принятію подданства, и если приславшій однажды дары въ слѣдующемъ году уже новыхъ не присылалъ, т. е. не платилъ правильно дань, то на него смотрѣли уже какъ на бунтовщика, инсургента, и такъ съ нимъ и расправлялись. Упоминаются «всѣ князья земли Калду», какъ платящіе исправно дань, но въ «земли Наири» ассиріицы объ эту пору какъ будто не ходили. Зато встрѣчаются названія многихъ дотолѣ мало или

вовсе неизвѣстныхъ «княжествъ» и «народовъ»,— «племенами» правильнѣе было бы назвать ихъ,— проживавшихъ гдѣ-то на востокѣ и сѣверо-востокѣ, т. е. между отрогами и ближайшими грядами Загроша, отъ большихъ озеръ до Элама. Въ числѣ этихъ новыхъ именъ мы въ особенности замѣчаемъ имя мидянъ (мадап), о которыхъ рѣчь впереди.

Легенда о Семирамидѣ.

14.—Намъ извѣстно имя супруги царя Рамман-Нирари III-го: звали ее Шаммурамать, въ греческой передѣлкѣ — Семирамида. Греки этимъ именемъ называли баснословную царицу, о которой они разсказывали разныя небылицы и выдавали ихъ за исторію, и всѣ мы въ молодости за исторію же учили ихъ, вплоть до открытія и прочтенія клинописныхъ текстовъ. Приводимъ вкратцѣ эту старинную басню.

Въ Азіи съ очень древнихъ временъ были цари, но они не совершили ничего достопримѣчательнаго и не оставили по себѣ памяти, пока изъ числа ихъ не выдался славный воинъ, царь ассирійскій, Нинъ. Онъ завоевалъ много земель и основалъ обширное и знаменитое ассирійское царство. Ему были подвластны вся Малая Азія до самаго моря, Арменія и Мидія. Онъ покорилъ всѣ земли вокругъ Чернаго и Каспійскаго морей, включая даже часть южной Скиѳіи (Россіи), и всѣ земли, составляющія нынѣшнюю Персію, не говоря объ Аравіи. Тогда онъ построилъ себѣ великолѣпную столицу и назвалъ ее своимъ именемъ, Ниневіей. Ему служилъ храбрый воевода

Онинъ или Оаниъ, жена котораго, Семирамида, была краше всѣхъ женщинъ въ мірѣ, притомъ и не простая смертная, а дочь сирійской богини Деркето, младенцемъ вскормленная въ каменистой пустынѣ, невдалекѣ отъ святилища богини въ Аскалонѣ, стаей голубицъ; тамъ она росла, дотѣхъ поръ, пока ее не нашли случайно пастухи. Они отнесли дѣвочку къ своему начальнику Симмасу, который состоялъ смотрителемъ надъ всѣми царскими стадами. Онъ взялъ ее къ себѣ и вырастилъ, какъ свою. Однажды царскій воевода Оаниъ случайно встрѣтилъ ее, и такъ какъ невозможно было, увидавъ, не полюбить ее, немедленно пожелалъ сдѣлать ее своей женой. Она всѣхъ изумляла умомъ и отвагою не менѣе, чѣмъ красотой, и какъ-то случилось, что она помогла мужу своему и царю овладѣть крѣпостью, долго имъ не дававшейся. Роковая красота ея обворожила и царя, и онъ отнялъ ее у Оанна, который съ горя лишилъ себя жизни. Семирамида сдѣлалась царицею, и такъ умѣла привязать къ себѣ царя, что онъ передъ смертью,—царствовалъ же онъ цѣлыхъ 52 года,—назначилъ ее своей преемницей, хотя у нихъ былъ сынъ, Ниній.

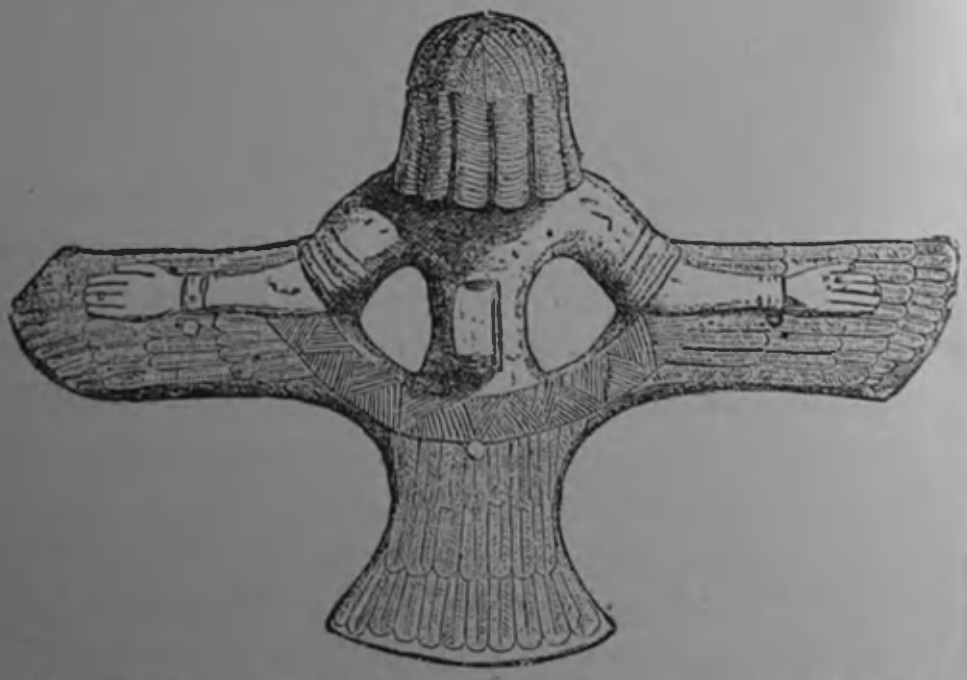
Продолженіе легенды.

15.—Теперь только Семирамида нашла полный просторъ для своихъ геніальныхъ способностей, не только въ военномъ дѣлѣ, но и въ мирномъ управленіи государствомъ. Она построила царскій городъ Вавилонъ, съ висячими садами, мощными стѣнами и башнями, съ чуднымъ мостомъ черезъ Евфратъ и дивнымъ храмомъ Бэлу. Еще велѣла она пробить всѣ семь грядъ Загрошской цѣпи, что-

бы проложить удобную дорогу въ Мидію, гдѣ она тоже построила столицу Экбатану, съ прекраснымъ царскимъ дворцомъ, и воду провела туда черезъ туннель изъ далекихъ горныхъ озеръ. Есть въ тѣхъ горахъ высокая, почти отвѣсно-прямая скала о трехъ вершинахъ, близъ древняго города Багистана. Семирамида приказала тщательно обтесать лицевую сторону этой скалы и покрыть ее изваяніями, изображающими ее самое и сто человѣкъ ея тѣлохранителей. Ея военные походы затмили своей смѣлостью и блестящею тактикой полвиги царя, ея знаменитаго супруга: она не только покорила Египетъ, Эѳіопію и часть Ливіи, но задумала походъ противъ Индіи, и сама выступила со своей ратью. Она дошла до рѣки Инда и уже перекинула черезъ нее мостъ для переправы на ту сторону; но тутъ ее встрѣтила индусская армія, и она, потерпѣвъ жестокое пораженіе, должна была отступить съ большимъ урономъ. Она, впрочемъ, и тутъ не упала духомъ. Только, возвратившись въ собственныя владѣнія, она уже не предавалась честолюбивымъ замысламъ, а вся отдалась роскоши и нѣгѣ, и всякимъ наслажденіямъ, такъ же страстно, какъ нѣкогда предавалась упоенію войны и государственнымъ работамъ. Ея неземная красота не разрушалась годами; однимъ взглядомъ она порабощала сердца, и дворъ ея блисталъ неслыханнымъ великолѣпіемъ. Но сынъ ея Ниній, наскучивъ безславной долей, составилъ противъ нея заговоръ. Царица узнала о томъ и припомнила старинное пророчаніе, гласившее, что, когда родной сынъ противъ нея

Семирамида, превращенная въ голубицу.
(Бронзовое украшеніе, согнутое и придѣланное къ чашѣ, въ видѣ ручки).

возстанетъ, она будетъ восхищена къ безсмертнымъ богамъ, и ей самой люди воздадутъ божескія почести. Тогда она добровольно передала



Семирамида, превращенная въ голубицу—видъ сзади.

власть сыну, и, по желанію ея, всѣ воеводы и сановники при ней присягнули ему въ вѣрности. Сама же она обратилась въ голубицу и улетѣла изъ дворца со стаей голубей. Съ тѣхъ поръ ассирійцы, будто бы, стали почитать ее, какъ богиню, и голубь сдѣлался у нихъ священной птицей. Художники часто изображали это превращеніе. Впрочемъ, есть и другіе разсказы о ея смерти.—Нинн оказался недостойнымъ своихъ славныхъ родителей. Онъ заперся въ своемъ дворцѣ, гдѣ проводилъ почти все время въ гаремѣ, въ позорной праздности, никогда не показывался народу, править же государствомъ предоставлялъ воеводамъ и сановникамъ. И всѣ его преемники жили и управляли по данному имъ постыдному примѣру, и ни одинъ изъ нихъ не оставилъ по себѣ имени, или памяти хотя бы объ одномъ достойномъ царя поступкѣ. И это продолжалось, будто бы, цѣлыхъ 1.300 лѣтъ, т. е. до самыхъ тѣхъ поръ, когда ассирійская держава распалась и досталась мидянамъ.

Историческая несостоятельность легенды.

16.—Что въ этой легендѣ нѣтъ ни капли исторической правды,—едва ли нужно говорить. Намъ, знакомымъ съ историческими фактами, съ такой точностью раскрытыми клинописными лѣтописями, все это сплетеніе нелѣпицъ кажется просто смѣшнымъ. Греки слышали эти сказки не отъ ассирійцевъ, а отъ покорившихъ ихъ мидянъ и персовъ,—когда и при какихъ обстоятельствахъ, о томъ будетъ рѣчь впереди, въ свое время. Такія сказки принадлежатъ не исторіи, а былинной словесности народовъ, отчасти и миоическому

эпосу, такъ какъ Нинъ, мнимый основатель Ниневіи (эпонимъ этого города), и сама Семирамида, женщина-голубица, взяты прямо изъ ассирійскаго пантеона и перенесены на землю въ человѣческомъ образѣ. Нинъ, весьма вѣроятно, есть не кто иной, какъ превращенный въ героя богъ Нинибъ, одинъ изъ любимыхъ небесныхъ покровителей ассирійскихъ царей, тогда какъ Семирамида (имя которой, «Шаммурамматъ», означаетъ просто «голубицу»), внѣ всякаго сомнѣнія,—та же Иштаръ въ ея двоякомъ видѣ царицы любви и войны,—сліяніе богини, которой поклонялись въ Ниневіи, и той, которая имѣла храмъ въ Арбелѣ, въ ихъ первоначальномъ единствѣ. Можно мимоходомъ отмѣтить сходство, даже скорѣе тождество, именъ Онна или Оанна и Симмаса съ двумя божествами,—Эа-Оанномъ и Шамашемъ. Вся эта часть сказки—чистый миѳъ, какъ нельзя болѣе прозрачный. Что же касается грубыхъ историческихъ несообразностей, здѣсь не мѣсто о нихъ распространяться. Мы еще возвратимся къ этому предмету. Историческая Семирамида,—супруга царя Рамман-Нирари III,—единственная ассирійская царица, между прочимъ, имя которой упоминается на памятникахъ. Оно встрѣчается на пьедесталахъ двухъ статуй бога Набу, въ надписяхъ, гласящихъ, что эти статуи посвящаются богу намѣстникомъ города Калаха, какъ «покровителю царя земли Ашуръ», Рамман-Нирари, его господина, и госпожи его, Шаммураматъ, «супруги, пребывающей во дворцѣ». До сихъ поръ ничего не от-

крыто, чѣмъ объяснялось бы такое отступленіе отъ обычаевъ Востока. Полагаютъ, что эта царица могла быть вавилонской царевной и такимъ образомъ могла пользоваться какими-нибудь личными правами.

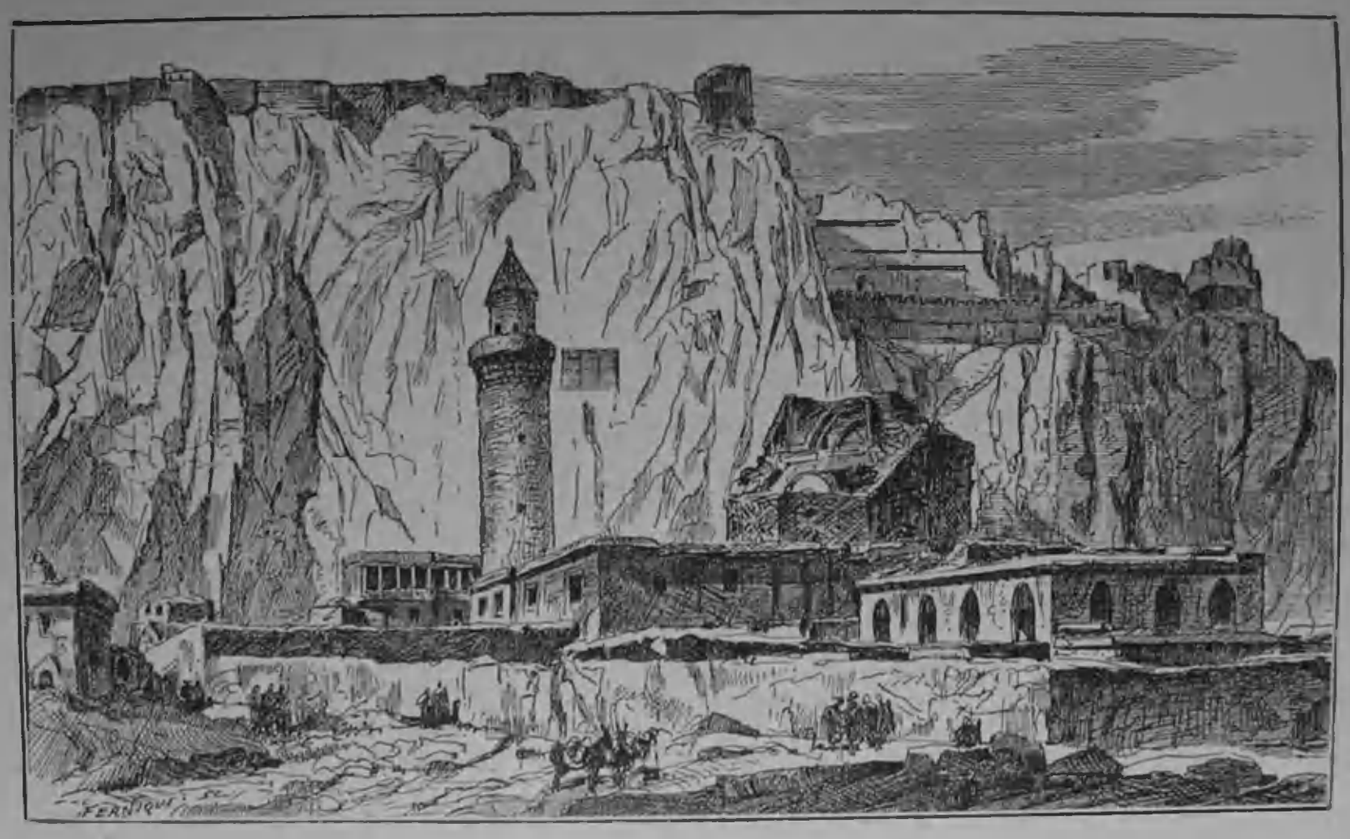
Урарту и алароды.—Новое царство Ванъ.

17.—Рамман-Нирари III царствовалъ двадцать-девять лѣтъ (811—782), и при немъ начинается уже восьмой вѣкъ до Р. Х. Послѣдовавшіе за нимъ три царя, въ совокупности занявшіе сорокъ лѣтъ съ небольшимъ, ничего не прибавили къ блеску своей державы, скорѣе допустили его опять померкнуть. Правда, мы не читаемъ ничего о возстаніяхъ на западѣ, вѣроятно потому, что сирійскія земли были слишкомъ истощены, чтобы такъ скоро набрать опять нужныя войска и средства; земли Наири тоже ничѣмъ особенно себя не заявляютъ; но дальній сѣверо-востокъ, Урарту, — т. е. самая Арменія, горная страна, окружающая озера Ванъ и Урмія, — становится источникомъ постоянныхъ тревогъ и не на шутку угрожаетъ покою государства. Сынъ Рамман-Нирари III, Салманассаръ III, царствовавшій всего десять лѣтъ, однако успѣлъ снарядить до шести экспедицій въ Урарту, далеко не съ блестящимъ успѣхомъ. Дѣло въ томъ, что въ тѣхъ краяхъ именно около этого времени образовалось довольно обширное и сильное царство, вѣроятно изъ многихъ родственныхъ, но дотолѣ плохо сплоченныхъ племенъ, сознавшихъ необходимость объединенія ради общей независимости, обороны, а, можетъ-быть, и съ наступательными вожделѣніями. Царство это извѣстно подъ названіемъ

Ванъ, такъ какъ имя «Арменія»—гораздо позднѣйшаго происхожденія. Имя же «Урарту», данное ему ассиріцами, должно-быть, самое древнее изо всѣхъ, судя по созвучію его съ именемъ горы Араратъ, самаго высокаго армянскаго хребта. Обитателей этого трудно доступнаго гористаго края, предѣлы котораго въ ту или другую сторону почти невозможно опредѣлить, позднѣйшіе греческіе землеописатели называютъ АЛАРОДАМИ, — очевидно, извращеніе того же имени, Урарту, ничуть не хуже любой передѣлки собственныхъ именъ, оставленной намъ греками, которые были изъ рукъ вонъ плохіе лингвисты, потому что никогда не могли уловить ухомъ звуковъ чужого языка; и этой ихъ особенности мы обязаны множествомъ историческихъ и географическихъ загадокъ, надъ которыми ученые до сихъ поръ ломаютъ головы. Столицей новаго царства былъ городъ Ванъ. Отъ него осталось нѣсколько памятниковъ съ надписями клинописью, также нѣсколько изваяній, на мраморныхъ плитахъ и столбахъ, или на удобныхъ, гладко обтесанныхъ скалахъ; изъ всего этого видно, что новая нація заимствовала у Ассиріи культуру и художественныя формы, хотя безостановочно вела съ нею войну.

Культуру и письмо царство Ванъ заимствуетъ у Ассиріи.

18.—Урарту сначала является лишь въ числѣ прочихъ земель, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Наири. Весьма вѣроятно, что это была значительнѣйшая и самая неприступная изъ этихъ земель, которая, постепенно развиваясь, наконецъ присвоила себѣ первенство, такъ какъ го-



Крѣпость Ванъ на озерѣ того же имени.
(Въ настоящее время).

судари, столицей которыхъ былъ городъ Ванъ, величали себя «царями земель Наири», и повѣствуютъ о своихъ столкновеніяхъ съ хаттами (разумѣя хетовъ, живущихъ на югъ отъ Аманосскихъ горъ), и о нѣсколькихъ побѣдахъ надъ ассиріицами, — обстоятельство, о которомъ, конечно, умалчиваютъ преемники Рамман-Нирари III. Эти надписи,—въ которыхъ знакомый клиновидный знакъ является въ новыхъ, любопытныхъ комбинаціяхъ, примѣняясь къ новому и неудобному для стараго письма языку,—долго оставались непонятными и впервые уступили терпѣнію и находчивости англичанина, неутомимаго профессора А. Г. Сэйса, знаменитаго піонера въ этой области, безъ котораго это древнѣйшее армянское царство съ его могущественною родною династіей легко могло бы остаться навсегда неизвѣстнымъ ученому міру. Народъ этотъ, алародовъ. Сэйсъ преимущественно называетъ ПРОТО-АРМЯНСКИМЪ (отъ греческаго слова *протосъ*,—«первый», ранній), въ отличіе отъ позднѣйшихъ армянъ, которые были чужими пришлецами, принадлежали къ совсѣмъ иному племени и имѣли совсѣмъ другую культуру. О томъ, къ какому именно племени причислить ихъ, идутъ споры и до сихъ поръ. Вѣрно одно, что это не были ни семиты, ни туранцы. Замѣчательно, что горцы всего обширнаго края, именуемаго на надписяхъ «Наири», до сихъ поръ носятъ тѣ самые высокіе мѣховые сапоги, съ острыми завороченными вверхъ носками, и препоясанный кафтанъ, въ которыхъ хеттеяне изображены на своихъ изваяніяхъ.

Вторичное затмѣніе Ассиріи.—Восшествіе Тиглат-Фелассара II.

19.—Изъ трехъ преемниковъ Рамман-Нирари III первый, Салманассаръ III, могъ бы прославить свое имя, если бы ему дана была болѣе долгая жизнь; другіе двое, повидимому, впали понемногу въ бездѣйствіе и восточную нѣгу. Это можно заключить отчасти изъ того, что въ канонѣ эпонимовъ все чаще попадается замѣтка: «Въ своей землѣ». Это означаетъ, что въ данный годъ царь никуда не ходилъ походомъ. Полагаютъ даже, что такое бездѣйствіе могло послужить поводомъ къ неудовольствію арміи, привыкшей къ ежегоднымъ кампаніямъ, которыя, чѣмъ бы ни кончались, во всякомъ случаѣ не обходились безъ грабежа и добычи. Этимъ дѣйствительно объяснялись бы возстанія, вспыхнувшія въ разныхъ городахъ, даже въ Ашурѣ и Калахѣ, и кончившіяся государственнымъ переворотомъ и возвышеніемъ на престолъ узурпатора. Это событіе положило конецъ владычеству ряда царей, который, — если только правильно истолковано одно весьма положительное заявленіе, находящееся въ одной изъ надписей царя Рамман-Нирари III,— велъ свое начало отъ самого основателя ассирійской державы, стало-быть продержался на престолѣ около тысячи лѣтъ. О томъ, какъ совершился этотъ переворотъ, мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, никакихъ свѣдѣній. Въ царскихъ лѣтописяхъ домашнимъ событіямъ отводится вообще мало мѣста, такъ какъ эти документы завѣдомо составлялись ради прославленія царствующихъ монарховъ, и потому, понятное дѣло, обходили молчаніемъ все, что могло быть имъ не-

пріятно или не къ чести ихъ. Итакъ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, дозволяющихъ разобрать, былъ ли узурпаторъ просто выскочка, честолюбивый и дерзкій воевода въ родѣ Амврія, Іпуя и Азаила, и почти всѣхъ основателей новыхъ династій на Востокѣ, или хотя побочный отпрыскъ древняго царскаго рода. Правда, онъ постоянно говоритъ о «царяхъ, отцахъ своихъ», но ни разу не упоминаетъ родного отца своего или дѣда, и потому весьма возможно, что онъ это выраженіе употребляетъ въ иносказательномъ, восточномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ «старшихъ» или предшественниковъ, и въ такомъ случаѣ онъ былъ бы сыномъ древнихъ ассирійскихъ царей такъ же, какъ всѣ израильскіе цари очутились «сыновьями Хумри». Какъ бы тамъ ни было, одно вѣрно, и это для насъ самое важное, — а именно, что въ лицѣ его мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ величайшихъ полководцевъ и завоевателей, о какихъ повѣствуетъ древняя исторія.

Фулъ и Тиглат-Фелассаръ — одно и то же лицо.

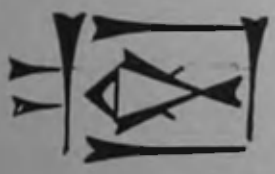
20.—Царствовалъ онъ подъ именемъ Тиглат-Фелассара II, хорошо знакомымъ намъ изъ библейской исторіи іудейскихъ и израильскихъ царей. Неизвѣстно, было ли это имя, столь славное въ исторіи перваго ассирійскаго царства, въ самомъ дѣлѣ его собственное, или онъ присвоилъ его себѣ, вступая на престолъ, ради добраго предзнаменованія и какъ бы тѣмъ заявляя, какому славному образцу онъ намѣревался подражать; во всякомъ случаѣ онъ сдѣлалъ ему честь. Замѣчательно, что о настоящемъ имени этого государя ученые нѣсколько лѣтъ спорили, повп-

димому, безъ надежды на соглашеніе расходящихся мнѣній. Смятеніе это произошло оттого, что въ Библіи (4-я Кн. Царствъ, XV, 19) упоминается царь ассирійскій по имени Фулъ, а въ той же главѣ, десятью стихами ниже, говорится о Тиглат-Фелассарѣ. Между тѣмъ, благодаря канону эпонимовъ, мы имѣемъ полный и несомнѣнно достовѣрный списокъ ассирійскихъ царей за весь этотъ періодъ, и Фула тамъ никакого не значится. Съ другой стороны, Берозъ за это самое время называетъ въ своемъ спискѣ Фула, *царя вавилонскаго*, и это имя повторяется греческимъ писателемъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ—Порось. Наконецъ, хронологическими исчисленіями и разными побочными обстоятельствами положительно доказано, что подъ этими двумя именами кроется одно и то же лицо. Тиглат-Фелассаръ дѣйствительно покорилъ Вавилонъ и присвоилъ себѣ полный титулъ вавилонскихъ монарховъ. Почему онъ тамъ попалъ въ списокъ царей подъ другимъ именемъ, нежели то, подъ которымъ онъ правилъ Ассиріею, такъ и не разъяснено до сихъ поръ. Между прочими предположеніями заслуживаетъ вниманія то, что его настоящее имя было именно Фулъ, другое же онъ присвоилъ при своемъ воцареніи.

Пророкъ Іона. Молчаніе о немъ памятниковъ.

21.—Если дошедшія до насъ библейскія историческія книги умалчиваютъ о цѣломъ рядѣ событій, касающихся израильскаго народа, какъ-то—о первой сирійской коалиціи, о битвѣ при Каркарѣ и приношеніи дани ассирійскому царю,—зато есть и такое событіе, касающееся Ассиріи,

которое подробно описано въ Ветхомъ Завѣтѣ и вовсе не поминается на памятникахъ, а именно.—поѣздка пророка Іоны въ Ниневію и его тамъ проповѣдничество. Между тѣмъ, весь этотъ эпизодъ—крайне замѣчательный. Самый поступокъ какъ-то несвойственъ іудею. Вѣдь извѣстно, что іудеи никогда не занимались проповѣдничествомъ, не считая себя обязанными заботиться о духовномъ благѣ другихъ народовъ. Съ другой стороны, Іона жилъ около 800 г. до Р. Х., а это какъ разъ совпадаетъ съ бѣдственнымъ періодомъ слабосилія и усобицъ, предшествовавшихъ воцаренію Тиглат-Фелассара, когда ассирійской державѣ, повидимому, грозило полное разложеніе. А въ тяжкія годины общественныхъ невзгодъ и опасности и у ассиріицевъ, и у вавилонянъ существовалъ обычай провозглашать всенародный постъ съ покаяніемъ и моленіями, и именно въ такихъ случаяхъ въ храмахъ пѣлись извѣстные намъ «покаянные псалмы». Обычай этотъ существовалъ также у іудеевъ и у другихъ семитскихъ народовъ. Притомъ у ассиріицевъ были и пророки, которые на ихъ языкѣ, какъ и на еврейскомъ, назывались *наби*, и которымъ они очень вѣрили. Наконецъ, самый разсказъ о китѣ становится совершенно понятнымъ, когда мы узнаемъ, что имя «великаго города», Нинуа, происходитъ отъ слова Нунуу—«Рыба», что подтверждается древнѣйшимъ письменнымъ знакомъ этого имени: онъ состоитъ изъ сочетанія чертъ, ясно изображающихъ *рыбу въ садкѣ*, а именно:



Все это должно быть въ связи съ семитскимъ и ханаанскимъ рыбнымъ миѳомъ и, слѣдовательно, съ символической святостью рыбы. Стало-быть, чудище, рыба-китъ, проглотившее Іону, было не что́ иное, какъ самъ городъ Ниневія, гдѣ пророка ужъ конечно окружало столько опасностей, что отчаянная мольба объ избавленіи совершенно естественно должна была вырваться изъ его груди. Весь разсказъ такимъ образомъ представляется намъ въ надлежащемъ свѣтѣ,—восточной притчи, съ нѣкоторыми прикрасами и прибавленіями, которыя легко объясняются недоумѣніемъ переписчика, не знавшаго о миѳической подкладкѣ притчи. Какъ могъ пророкъ попасть въ чрево кита? Вотъ и плаваніе въ кораблѣ! Мы уже видѣли, что мѣстное преданіе прикрѣпило имя и память пророка къ одному изъ кургановъ, содержащихъ развалины ниневійскихъ дворцовъ и храмовъ, назвавъ этотъ курганъ «Іоновымъ»,—Небби-Юнусъ. Впрочемъ, это преданіе могло пойти и отъ арабовъ и турокъ, такъ какъ мусульмане знаютъ и почитаютъ библейскихъ пророковъ.

Основаніе Карѳагена.

22.—Прежде чѣмъ мы перейдемъ ко второму и болѣе трагическому періоду борьбы между Ашуромъ и Израилемъ,—борьбы, въ которую на этотъ разъ были вовлечены и приморскіе финикійскіе города,—упомянемъ событіи, не имѣвшемъ, повидимому, большой непосредственной важности, но крайне достопамятномъ по дальнѣйшимъ его послѣдствіямъ, а именно, — объ основаніи одного города на сѣверномъ берегу

Африки выходцами изъ Тира, въ 814 г. до Р. Х., на десятомъ году царствованія Шамши-Раммана, преемника Салманассара II. Въ Тирѣ только-что произошелъ переворотъ. Совмѣстными наслѣдниками престола остались двое дѣтей, Пигмаліонъ и сестра его Элисса, управлялъ же въ сущности верховный жрецъ Баала-Мелькарта, дядя ихъ, которому Элисса была сосватана отцомъ. Пигмаліонъ, возмужавъ, возсталъ противъ опекуна и, имѣя на своей сторонѣ народъ, умертвилъ его и провозгласилъ себя единственнымъ, полноправнымъ царемъ. Тогда Элисса рѣшилась покинуть родной городъ и захватила нѣсколько судовъ, стоявшихъ на якорѣ въ гавани, оснащенныхъ и готовыхъ выйти въ море. Она отплыла въ сопровожденіи многихъ знатныхъ гражданъ, сторонниковъ убитаго правителя, и причалила къ африканскому берегу, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ были уже финикійскія поселенія, и процвѣтающія, и уже заброшенныя. На помѣщеніи одного изъ послѣднихъ она основала городъ, который назвала просто «Новымъ Городомъ»,—Картъ-Хадшатъ. Подъ этимъ названіемъ трудно узнать будущій Карѳагенъ; но греки, какъ замѣчено уже не разъ, были большіе мастера извращать имена, да и факты тоже. Такъ, вся эта исторія, извѣстная намъ изъ греческихъ источниковъ, хотя вѣрна въ общихъ чертахъ, далеко не вѣрна въ частностяхъ. Имена, по формѣ — греческія, не семитскія, и весь разсказъ столько разъ переработанъ западными стихотворцами, что Элисса наконецъ получаетъ совсѣмъ новое имя и является

уже не Элиссой, а Дидоной. Историческими же можно признать слѣдующіе факты: въ Тирѣ дѣйствительно произошелъ переворотъ, вслѣдствіе котораго выселилась небольшая колонія и основала въ Африкѣ городъ, оказавшійся послѣднимъ, но славнѣйшимъ отпрыскомъ финикійской метрополіи. Что же касается имени основательницы, то весьма возможно, что это было лишь эпонимное названіе всѣхъ земель, населенныхъ выходцами изъ Финикіи и называемыхъ въ Библіи общимъ именемъ Элисса, вѣроятно включавшимъ, кромѣ греческихъ земель и побережій, и не очень отдаленныя поселенія на сѣверномъ берегу Африки.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ VI.

Столбъ Меши, царя моавитскаго.

Судьбы Моава, какъ и всѣхъ мелкихъ княжествъ, входившихъ въ палестинскую группу, лежатъ слишкомъ внѣ ассирійскаго кругозора, чтобы можно было отвести имъ отдѣльное или сколько-нибудь пространное мѣсто въ великой драмѣ, въ которой главная роль принадлежитъ именно Ассиріи. Въ этой драмѣ они имѣютъ право на мѣсто лишь настолько, насколько они приходятъ въ соприкосновеніе или столкновеніе съ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. То же самое примѣнялось бы и къ іудейскимъ государствамъ, если бы судьбы ихъ не представляли намъ особый, исключительный интересъ, вслѣдствіе чего мы придаемъ имъ необыкновенную важность въ событіяхъ, въ которыхъ, на равнодушный глазъ, они играли роль въ сущности второстепенную. Выдающееся мѣсто, которое Іуда и Израиль въ нашемъ сознаніи занимаютъ среди судебъ Ассиріи, подобаетъ имъ лишь вслѣдствіе особыхъ, не политическихъ соображеній.

Плита моавскаго царя Меши.

Моавъ такихъ правъ предъявить не можетъ. Однако, существуетъ одинъ моавитскій памятникъ, достойный особеннаго вниманія. Это—каменный столбъ въ видѣ покрытой длинной надписью стоячей плиты,—(*стела*),—которую поставилъ, должно-быть, царь Меша (въ Библіи «Меса»), въ память избавленія его народа отъ владычества царства израильскаго, которому онъ былъ подвластенъ и платилъ дань лѣтъ сорокъ подъ рядъ. Моавъ, подобно Эдому и нѣсколькимъ другимъ палестинскимъ народамъ, былъ настолько близокъ къ іудеямъ по племенному родству, что говорилъ на одномъ съ ними языкѣ; поэтому надпись составлена на моавитскомъ нарѣчіи, очень похожемъ на языкъ Библіи. Письмена тѣ же, что и древне-еврейскія, такъ-называемыя самарянскія или финикійскія. Это не только древнѣйшій памятникъ еврейской письменности, но еще и древнѣйшій существующій образецъ алфавитнаго письма. Столбъ нашли наполовину зарытымъ въ землю, у подножія холма близъ Дибона, древней моавитской столицы, и, на бѣду, рабочіе, выкапывая его, разломали, такъ что пришлось собирать его изъ двадцати трехъ кусковъ, и поверхность при этомъ была такъ повреждена, что половина надписи пропала бы безвозвратно, если бы нашедшій не имѣлъ предусмотрительность сдѣлать съ нея бумажный снимокъ, прежде чѣмъ тронуть камень съ мѣста. Это дало возможность палеографамъ Лувра, гдѣ этотъ памятникъ теперь находится, дополнить текстъ воспроизведеніемъ пропавшихъ частей его на слоѣ гипса,

разлитаго на поврежденныя мѣста. Разница обозначается очень рѣзко.

Но какъ ни важно это открытіе съ филологической точки зрѣнія, въ историческомъ отношеніи оно никакъ не менѣе интересно. Надпись относится къ эпохѣ и къ событіямъ, столь хорошо знакомымъ намъ изъ ветхозавѣтной исторіи, что всякому должна броситься въ глаза связь ея съ трагической исторіей, разсказанной въ 4-ой Кн. Царствъ (см. стр. 143). Тамъ (III, 4—5), сказано, что «Меша, царь моавитскій, былъ богатъ скотомъ и присылалъ царю израильскому по сто тысячъ овецъ и по сто тысячъ неостриженныхъ барановъ. Но когда умеръ Ахавъ, царь моавитскій отложился отъ царя израильскаго». Затѣмъ слѣдуетъ живой разсказъ о томъ, какъ цари израильскій и іудейскій соединили силы свои противъ Моава и жестоко притѣснили землю моавитскую, и какъ Меша, въ припадкѣ отчаянія, наконецъ обратился къ ужасному, послѣднему средству, которому научала его хананская религія, и принесъ первенца-сына своего, на городской стѣнѣ, въ жертву Хемошу, богу моавитянъ (въ Библіи, впрочемъ, онъ не названъ), и какъ израильтянъ при этомъ видѣ объялъ такой ужасъ, что они сняли осаду и ушли къ себѣ. Это-то избавленіе Меша и празднуетъ въ своей надписи, умалчивая, однако, о томъ, какой цѣной онъ купилъ его. Вотъ самая надпись:

«Я—Меша, сынъ Хемошгада, Дибонита. Отецъ мой тридцать лѣтъ правилъ Моавомъ, и я сталъ править послѣ отца

моего. и воздвигъ сіе святилище Хемошу въ Харха *). За то, что онъ помогалъ мнѣ противъ всѣхъ враговъ моихъ и позволялъ мнѣ услаждать глаза мои видомъ всѣхъ, ненавидѣвшихъ меня.—*Амврій, царь израильскій, долгое время притѣснялъ Моава, ибо Хемошъ гнѣвался на свою землю.* И сынъ его послѣдовалъ за нимъ, и тоже сказалъ: буду притѣснять Моава. Въ мое время онъ такъ говорилъ, и я насытилъ сердце мое имъ и его домомъ. И Амврій захватилъ землю Медеба и пребывалъ тамъ... въ дни сына его, сорокъ лѣтъ. *И Хемошъ возвратилъ Моаву землю ту въ мое время.* И мужи Гада съ давнихъ дней проживали въ землѣ Атаротъ. И царь израильскій построилъ для себя Олтароть. И я сражался противъ этого города, и взялъ его, и всѣхъ избилъ... порадовалъ глаза Хемоша и Моава... И Хемошъ сказалъ мнѣ: *Иди, отними Небо у Израиля. И я пошелъ* ночью, и сражался съ восхожденія утренней зари до полудня, и взялъ городъ и всѣхъ избилъ, 7000 человѣкъ... женщинъ и дѣвъ я посвятилъ Хемошу, Ашторетѣ, и взялъ оттуда сосуды, посвященные Іеговѣ, и приволокъ ихъ передъ лицо Хемоша...

И я построилъ Харха... воздвигъ ворота и башни. И построилъ царскій дворецъ... И не было ни одного водоема въ городѣ Харха. Тогда я сказалъ всему народу: Сдѣлайте водоемы каждый въ своемъ домѣ»...

Слѣдуютъ еще разныя постройки. Надпись обрывается на тридцать четвертой строкѣ.

Сходство этой надписи съ ассирійскими, по слогу и по духу, сразу поражаетъ. Но она никакъ

---

*) Ученый Клермонъ-Ганно́, нашедшій столбъ, полагаетъ, что «Харха, гора и городъ,—святыня при Дибонѣ, такъ же, какъ Сіонъ былъ святынею при Іерусалимѣ: стало-быть, это былъ царскій городъ Меши, содержавшій въ себѣ храмъ и крѣпость. Не могу яснѣе,—говоритъ онъ,—выразить мою мысль, какъ сравнивая Дибонъ съ Римомъ, Харха съ Капитоліемъ, а святилище Хемоша съ храмомъ Юпитера Капитолійскаго».

не менѣе сильно напоминаетъ безчисленныя мѣста Ветхаго Завѣта: стоитъ только, въ мѣстахъ, напечатанныхъ курсивомъ, поставить «Господа» вмѣсто «Хемошъ», а имя Израиля замѣнить именемъ Аммона, или Эдома, или любого врага Израиля. Точно также ассиріецъ говоритъ объ Ашурѣ. Такое отношеніе къ божеству характеризуетъ семитовъ.

VII.

Вторая Имперія.—Осада и взятіе Самаріи.

«...Наведетъ на него Господь воды рѣки бурныя и большія—царя ассирійскаго со всею славою его; и поднимется она во всѣхъ протокахъ своихъ и выступитъ изъ всѣхъ береговъ своихъ; и пойдетъ по Іудеѣ, наводнитъ ее, и высоко поднимется,—дойдетъ до шеи; и распростертіе крыльевъ ея будетъ во всю широту земли твоей...» (Исаія, VIII, 7—8).

Величіе Ассиріи при Тиглат-Феласарѣ II.

1.—Пророкъ Исаія, когда онъ чертилъ такое великолѣпно поэтическое описаніе ассирійскаго завоевателя, приравнивая поприще его расходившемуся Евфрату въ пору половодія, описывалъ то, что онъ печальными очами самъ созерцалъ почти каждый годъ. И не къ одному царю могла бы отнестись его рѣчь, а къ четыремъ царямъ, его современникамъ, и всѣ они были грозные завоеватели, ибо Ассирія именно въ это время достигала полудня своей славы,—той высшей точки величія, на которой смертнаго человѣка настигаетъ головокруженіе и съ которой онъ, продержавшись на ней недолго, чаще слетаетъ стремглавъ, чѣмъ спускается постепенно. Этой точки Ассирія безспорно достигла при второмъ Тиглат-Феласарѣ, который, оставаясь тѣмъ же грабите-

лемъ, какъ и его предшественники, однако больше ихъ обладалъ качествами государственнаго человѣка и значительно измѣнилъ характеръ ассирійской державы.

Политика Второго Царства.

2.—«Воцареніемъ Тиглат-Фелассара»,—пишетъ одинъ изъ наиболѣе выдающихся новѣйшихъ историковъ древняго міра *),—«отмѣчается поворотный пунктъ въ исторіи Западной Азіи. Первой его задачей было—опять занять то положеніе, которое занимали его предшественники, но которое съ тѣхъ поръ сильно пошатнулось, въ особенности отъ сопротивленія алародовъ; но онъ пошелъ гораздо дальше того. Тогда какъ, до него, ассирійскіе цари въ сущности довольствовались владычествомъ надъ Месопотаміей и землями Наири, болѣе же отдаленныя земли, каковы Вавилонія и Сирія, только при случаѣ грабили или взимали съ нихъ дань, новый правитель началъ систематически созидать великую политическую державу».

«Второе Царство»,—заимствуемъ слова другого ученаго ассиріолога, проф. Сэйса,—«существенно разнилось отъ перваго. Узурпаторъ былъ не только завоевателемъ, но и администраторомъ, и старался,—впервые въ исторіи западной Азіи,—объединить покоренныя земли и придать своимъ завоеваніямъ характеръ прочности. Покоренныя области уже не связывались съ центральной властью однимъ обязательствомъ платить дань, въ которой отказывали, какъ только ассирійскія войска удалялись;

*) Эдуардъ Мейеръ, «Древняя Исторія», т. I, § 365.

и самыя предпринимаемыя кампаніи уже не были простыми разбойничьими набѣгами, ради военной славы и добычи, а предпринимались съ данной цѣлью, согласно твердо намѣченному политическому плану, и то, что̀ пріобрѣталось, цѣпко удерживалось. Покоренныя земли обращались въ государственныя области, которыми управляли, вездѣ, гдѣ это было возможно, намѣстники ассирійцы, а буйныя населенія переводились въ отдаленныя мѣста имперіи. Каждая область со своей столицей платила въ государственную казну вполнѣ опредѣленную дань, и непрочныя отношенія между взаимно враждебными городами и землями... замѣнились строгой централизаціей. Вторая ассирійская имперія была преимущественно торговая. Она была основана и содержалась съ цѣлью привлечь торговлю и богатство западной Азіи въ ассирійскія руки...»

Присоединенія и переселенія.

3.—Все вышесказанное вполнѣ подтверждается двумя особенностями надписей второго Тиглат-Фелассара. О новомъ завоеваніи заявляется уже не старинной формулой: «Землю такую-то я ограбилъ, опустошилъ всю», а новою: «Къ предѣламъ ашуровымъ я присоединилъ...» Уже Ашуриазирпалъ отчасти пошелъ по этому направленію и упоминаетъ иногда о назначеніи намѣстника въ томъ или другомъ городѣ или области. Разница въ томъ, что то, что̀ встарину дѣлалось случайно, нынѣ стало дѣлаться систематично, постоянно. Опять-таки, тотъ же царь иногда переселялъ часть покореннаго, но строптиваго населенія въ Ассирію; но Тиглат-Фелассаръ воз-

велъ такія переселенія въ систему, производилъ ихъ въ громадныхъ размѣрахъ. Среднимъ числомъ одна четверть каждаго покореннаго народа отправлялась либо въ самую Ассирію, либо въ отдаленныя, подвластныя ей земли, между тѣмъ какъ мѣста выселенцевъ занимались ассирійскими семьями, или, по крайней мѣрѣ, поселенцами изъ

Уводъ, по спискамъ, скота и плѣнныхъ женщинъ.

земель дружественныхъ или покорныхъ. Цѣлью такихъ массовыхъ переселеній было, конечно, сліяніе разноплеменныхъ элементовъ, въ надеждѣ со временемъ составить населеніе изъ равномѣрно послушныхъ и довольныхъ своей судьбой подданныхъ. Это видно и изъ того, что особенный вѣсъ придается переселенію многихъ тысячъ жен-

шинъ, которыя очевидно только для того могли посылаться въ глубь Ассиріи, чтобы тамъ обзавестись семьями и хозяйствомъ и воспитать поколѣніе, свободное отъ слишкомъ опасныхъ патріотическихъ вожделѣній, скорѣе даже привязанное къ той землѣ, на которой оно родилось. Такія переселенія были мѣрою политическою, а не карательной, и потому предпринимались, когда бунтовавшая область уже получила полную мѣру наказанія, и не сопровождались жестокостями и поруганіями. На изваяніяхъ этой эпохи часто изображаются отдѣльныя сцены изъ этой своеобразной бытовой картины; тутъ мы видимъ женщинъ съ дѣтьми и домашнимъ скарбомъ, мирно ѣдущихъ на ослахъ и на повозкахъ, запряженныхъ, вѣроятно, ихъ же собственными плуговыми волами; мужчины идутъ пѣшкомъ, но рѣдко въ кандалахъ; стада и возы съ кладью слѣдуютъ за ними, конечно подъ конвоемъ и надзоромъ ассирійскихъ воиновъ. Совсѣмъ другое дѣло — шествія плѣнныхъ, приводимыхъ передъ царя послѣ битвы или взятія города, съ кандалами на ногахъ, съ руками, скрученными за спиною у локтей, между тѣмъ какъ ихъ сзади погоняютъ солдаты поднятыми палками или древками копій.

Царскіе воеводы.

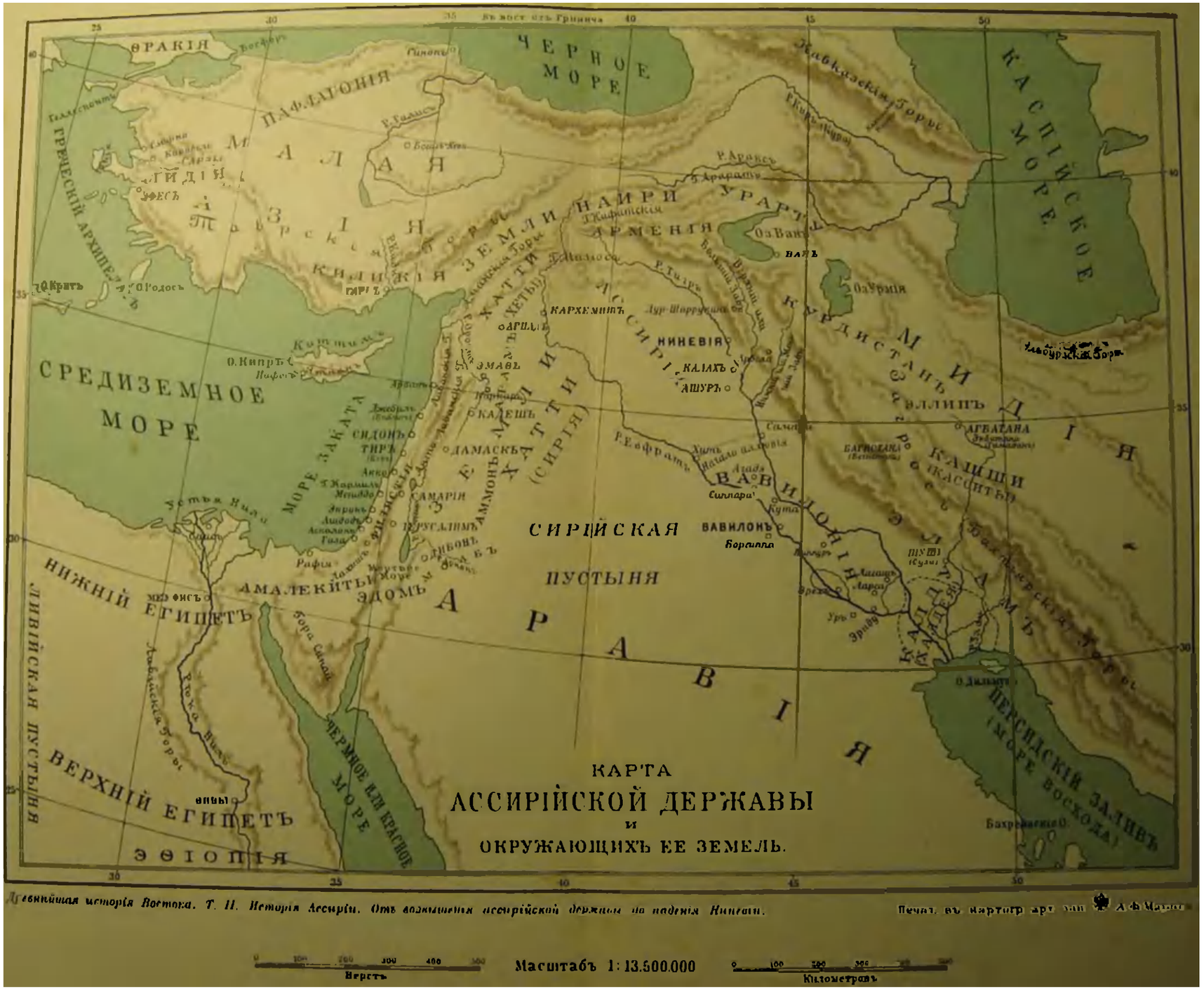
4.—Другая черта новой политики заключается въ томъ, что цари все чаще ввѣряютъ задуманные походы опытнымъ воеводамъ, вѣроятно своимъ испытаннымъ товарищамъ по оружію, искусившимся во всѣхъ высшихъ отрасляхъ военной практики. Правда, и Салманассаръ II въ послѣдніе семь

Ассирійскіе воины съ добычей и плѣнными.

лѣтъ своего правленія рѣдко выходилъ въ поле самъ, а посылалъ военачальника, имя котораго онъ часто упоминаетъ съ похвалой и благодарностью. Но старый воинъ только послѣ тридцатилѣтнихъ безустанныхъ военныхъ трудовъ наконецъ рѣшился передать другому жезлъ главнокомандующаго, чтобы самому отдохнуть у себя въ Калахѣ и заняться своими надписями и строеніями. Теперь же *тартанъ* (главнокомандующій) появляется уже въ началѣ каждаго царствованія и все чаще выступаетъ на сцену. По мѣрѣ того, какъ предѣлы царства расширялись, окраины его становились болѣе ненадежными, и наступательная война противъ сопредѣльныхъ государствъ была скорѣе дѣломъ самообороны, такъ какъ все чаще представлялся выборъ: наступать или терпѣть нападеніе, а въ такихъ случаяхъ наступленіе было и безопаснѣе, и болѣе достойно славнаго прошлаго. Поэтому приходилось неустанно и энергично направлять атаку противъ столькихъ пунктовъ одновременно, что о присутствіи государя не могло быть и рѣчи, и онъ былъ вынужденъ сосредоточить свою личную дѣятельность въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ признавалъ свое присутствіе наиболѣе необходимымъ для осуществленія своихъ плановъ.

Общій планъ операцій на Западѣ.

5.—Въ этихъ планахъ далеко важнѣйшей статьею было полное покореніе Запада, т. е. обширнаго пространства между Евфратомъ и Средземнымъ моремъ, ограниченнаго съ сѣвера горными цѣпями Тавра и Аманоса, а на югѣ терявшагося въ пескахъ, за которыми начинаются Аравія и



КАРТА
АССИРІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ
и
ОКРУЖАЮЩИХЪ ЕЕ ЗЕМЕЛЬ.

Древнѣйшая исторія Востока. Т. II. Исторія Ассиріи. Отъ возникновенія ассирійской державы до паденія Ниневіи.

Печат. въ картогр. арт. зав. А. Ф. Маркса

Египетъ. Къ непосредственному, грубо матерьяльному побужденію: прибрать къ рукамъ, въ видѣ добычи и дани, неизмѣримыя богатства того комплекта древнихъ, высоко культурныхъ государствъ, которое мы, въ общемъ составѣ, называемъ Сиріей, Финикіей и Палестиной, присоединялось и политически дальновидный замыселъ: держать подъ своимъ верховнымъ контролемъ столь часто уже упоминаемый торговый международный путь, а за нимъ Египетъ открывалъ заманчивую перспективу дальнѣйшаго обогащенія и владычества,—быть можетъ, вирочемъ, еще не ясно сознанную объ эту пору. Зато самъ Египетъ уже чуялъ опасность, и явно враждебными выходками, несовмѣстными съ его быстро падающимъ значеніемъ, раздражалъ рослаго сѣвернаго льва и, вѣроятно, ускорилъ тотъ самый конецъ, который онъ слабосильно старался отвратить.

Первыя кампаніи: въ Халдею, Загрошъ и Наири.

6.—Подобно Салманассару II, Тиглат-Феласаръ II предварительно очистилъ себѣ дорогу въ Сирію, обезпечивъ себя отъ нападеній съ тыла и съ боковъ, и съ этой цѣлью такъ жестоко расправился съ непокорными сосѣдями въ Урарту, Загрошѣ и Халдеѣ, что могъ вполнѣ надѣяться на нѣсколько лѣтъ спокойствія съ этой стороны. Вавилонъ очутился безправнымъ вассаломъ, и ассирійскій царь, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ Тукулти Нинибъ мимолетно занялъ южную столицу, могъ присвоить себѣ древніе титулы: «Царь Шумира и Аккада» и «Царь Кардуніаша», которые преемники его сохранили до самаго конца сѣверной державы. Халдеи-

скіе князья (Калду) тоже были усмирены на время быстрымъ и успѣшнымъ набѣгомъ и казнью одного изъ нихъ передъ воротами его собственнаго города. Нѣсколько арамейскихъ племенъ, которыя, поселившись не такъ давно вдоль Евфрата въ южной части Вавилоніи, вздумали было бунтовать, тоже были усмирены твердою рукой и частью переселены. На востокѣ горцы Загроша присмирѣли на нѣсколько лѣтъ вслѣдствіе энергической, направленной противъ нихъ, экспедиціи, которая проникла дальше всѣхъ прежнихъ и даже чуть ли не пробралась черезъ всѣ семь грядъ Загроша до живущихъ за ними мидійскихъ племенъ. Ассирійскія войска въ эту кампанію дошли до подножія большой горы, называемой на памятникахъ Бикни; но какая это гора, до сихъ поръ неизвѣстно. Экспедиціей вначалѣ командовалъ самъ царь, но онъ вскорѣ передалъ армію тартану, потому что его собственное присутствіе было нужнѣе на сѣверѣ, гдѣ новое царство Ванъ достигло до такого опаснаго вліянія и политическаго значенія, что успѣло составить коалицію изъ горныхъ князей, столь часто упоминаемыхъ подъ коллективнымъ названіемъ «царей земель Наири», и даже, повидимому, заручилось содѣйствіемъ нѣсколькихъ государей сѣверной Сиріи, въ особенности могущественнаго и богатаго княжества Арпадъ, со столицей того же имени. Эта армянская кампанія отчасти увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ войска Урарту должны были отступить, причемъ преслѣдовавшая ихъ армія проникла дальше всѣхъ прежнихъ и такъ

напугала мелкихъ князей, что они послушно вернулись подъ ярмо, и вся коалиція распалась. Но столица у озера Ванъ не была взята, такъ какъ осада была бы очень трудная и потребовала бы слишкомъ много времени. На этотъ разъ ассиріянамъ пришлось довольствоваться тѣмъ, что они воздвигли «образъ царскаго величія» въ виду городскихъ воротъ,—для памяти и острастки.

Сирійская кампанія 738 г. до Р. Х.—Менаимъ, царь израильскій, платитъ дань.

7.—На эти предварительныя операціи ушло три года. Успѣхъ же нельзя назвать блестящимъ, такъ какъ рѣшительнаго результата нигдѣ не было достигнуто. Слѣдующіе годы царь посвятилъ исключительно походу на западъ, который потребовалъ большого упорства и терпѣнія, такъ какъ одинъ городъ Арпадъ задержалъ его цѣлыхъ три года. Справившись съ этой осадой, онъ повелъ дѣло быстрѣе, но все же лишь на пятый годъ удалось ему присоединить къ своей державѣ сѣверную часть Сиріи, т. е. всю долину Оронта съ побережьемъ, причемъ толпы обывателей были переведены въ оставшіяся вѣрными земли Наири, а на ихъ мѣсто были приведены колонисты изъ Вавилоніи. Въ томъ же году другіе сирійскіе князья, для которыхъ роковой часъ еще не пробилъ, прислали дань и сами явились съ поклономъ. Въ спискѣ названы цари дамасскій, кархемишскій, эмаѳскій, тирскій, джебальскій, царица аравійская,—вѣроятно изъ сѣверной части Аравіи, прилежащей къ Сирійской пустынѣ; наконецъ, тутъ же встрѣчается хорошо знакомое намъ имя: Минихимми пръ Самирина, т. е. Менаимъ изъ города Самаріи, тогдашній царь израиль-

скій, который только что овладѣлъ престоломъ, умертвивъ своего предшественника, и потому, чувствуя себя не слишкомъ прочно въ новомъ званіи, догадался заискивать у грознаго завоевателя и поднесъ ему тысячу талантовъ серебра, «чтобы руки его были за него и чтобы утвердить царство въ рукѣ своей. И разложилъ Менаимъ это серебро на израильтянъ, на всѣхъ людей богатыхъ по пятидесяти сиклей серебра, на каждаго человѣка, чтобы отдать царю ассирійскому. И пошелъ назадъ царь ассирійскій и не остался тамъ въ землѣ», (4-ая Кн. Царствъ, XV, 19—20. Въ этомъ мѣстѣ Тиглат-Фелассаръ названъ Фуломъ. См. стр. 230—231).

Союзъ Израиля и Сиріи противъ Іуды.

8.—Отъ того памятнаго дня, когда Іуй, убійца Амврія и его внуковъ, поклонился въ ноги Салманассару II, до появленія въ лагерѣ Тиглат-Фелассара другого узурпатора, Менаима, прошло сто лѣтъ,—вѣкъ упадка для обоихъ іудейскихъ царствъ. Первымъ пострадало царство израильское. «Въ тѣ дни»,—сжато и вѣско повѣствуетъ ветхозавѣтный лѣтописецъ (4-ая Кн. Царствъ, X, 32),—«началъ Господь отрѣзать части отъ израильтянъ». Моавъ, послѣ избавленія, купленнаго Мешею такой дорогой цѣной (см. стр. 143), опять сталъ буйнымъ и опаснымъ сосѣдомъ и докучалъ Израилю съ юго-запада; но самымъ беззавѣтнымъ врагомъ оставался все же Дамаскъ. Азаилъ и сынъ его, Венададъ III, постепенно овладѣли почти всей страной на востокъ отъ Іордана, богатою лѣсами и пастбищами. Отъ бывшаго могущества, когда Ахаву можно было выставить въ поле такое значительное вой-

ско (см. стр. 198), осталось всего 50 всадниковъ, 10 боевыхъ колесницъ да 10.000 пѣхотинцевъ: «оттого что истребилъ ихъ царь сирійскій и обратилъ въ прахъ на попраніе» (4-ая кн. Царствъ, XIII, 7). Та же участь постигла бы и іудейское царство, но царь откупился отъ Азаила, когда тотъ уже собирался идти противъ Іерусалима: онъ «взялъ все, что пожертвовали храму отцы его, цари іудейскіе, и что онъ самъ пожертвовалъ, и все золото, найденное въ сокровищницахъ дома Господня и дома царскаго, и послалъ Азаилу, царю сирійскому; и онъ отступилъ отъ Іерусалима» (4-ая Кн. Царствъ, XII, 18). Но невзгоду, отъ которой іудейскій царь спасъ святой градъ столь тяжкою цѣной, онъ самъ на себя навлекъ съ другой стороны, неосторожно и безъ всякой нужды вызвавъ царя израильскаго на войну, кончившуюся бѣдственно для царства іудейскаго: «И разбиты были іудеи израильтянами и разбѣжались по шатрамъ своимъ». Самъ царь былъ взятъ въ плѣнъ, и царь израильскій вступилъ въ Іерусалимъ черезъ проломъ, нарочно пробитый въ стѣнѣ, «и взялъ все золото и серебро и всѣ сосуды, какіе нашлись въ домѣ Господнемъ и въ сокровищницахъ царскаго дома, и заложниковъ, и возвратился въ Самарію» (4-ая Кн. Царствъ, XIV, 12—14). Невольно дивишься, какъ могло найтись столько драгоцѣнностей, послѣ того,—какъ только что сказано было, — что и изъ храма, и изъ царской сокровищницы было взято *все* на выкупъ Азаилу. Это показываетъ, какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ восточному слогу и какъ не должно принимать безу-

словно въ особенности цифры и количественныя данныя.

Близная гибель Израиля. Ахазъ, царь іудейскій, посылаетъ просить помощи у Тиглаѳ-Фелассара

9.—Мрачное, тяжелое настало время для обоихъ іудейскихъ государствъ. Мало того, что у нихъ непрерывно шли войны со всѣми сосѣдями,—постоянно возраставшая взаимная ревность и ненависть никакъ не давали имъ жить въ мирѣ другъ съ другомъ. Но іудейское царство, за исключеніемъ рѣдкой семейной трагедіи или дворцоваго заговора, по крайней мѣрѣ пользовалось до извѣстной степени внутреннимъ спокойствіемъ подъ неизмѣннымъ владычествомъ дома Давида, тогда какъ царство израильское, основанное смѣлымъ выскочкой, и впослѣдствіи доставалось всякому, у кого хватало дерзости протянуть руку за вѣнцомъ; въ настоящее же время оно дошло до такой степени распущенности и безправія, что вѣчнымъ усобицамъ могъ быть лишь одинъ конецъ: скорая, безславная погибель. И дѣйствительно, едва Менаимъ, послѣ своей позорной поѣздки на поклонъ къ ассирійскому царю, успѣлъ возвратиться и умереть, какъ послѣдовавшаго за нимъ на престолѣ сына его, Факію, умертвилъ его же сановникъ, нѣкто Ѳакей, сынъ Ремаліи, овладѣлъ престоломъ и тотчасъ же заключилъ союзъ съ новымъ царемъ сирійскимъ, Рецином, чтобы вмѣстѣ съ нимъ напасть на царя іудейскаго, Ахаза, очень молодого и лишь недавно восшедшаго на престолъ. Вѣроятно, именно его неопытность соблазнила враговъ, которые, къ тому же, имѣли поводъ подозрѣвать, что онъ не въ милости у ассирійскаго правителя, такъ какъ

его не было въ числѣ государей, ѣздившихъ къ нему на поклонъ въ 738 г. Однако дѣдъ Ахаза, Азарія (его зовутъ также Озія), упоминается въ одной надписи, въ которой значится, что онъ платилъ дань во время продолжительной осады Арпада. Тѣмъ болѣе отсутствіе его преемника на памятномъ съѣздѣ должно было быть замѣчено и истолковано въ смыслѣ непокорства, согласно объясненному выше ассирійскому воззрѣнію. Отсутствіе это должно было казаться особенно знаменательнымъ въ виду того, что не явились и ближайшіе сосѣди Іуды,—Эдомъ, Моавъ и Аммонъ. Это какъ бы указываетъ на слабую попытку Іуды устроить нѣчто въ родѣ оборонительнаго союза со своими исконными врагами. Такая попытка въ такое время, подъ самыми, такъ сказать, распростертыми крыльями ассирійскаго льва, «тѣнью своею покрывавшими всѣ земли», было чистымъ безумiемъ. Юный царь іудейскій понялъ это, «и всколебалось сердце его и сердце народа его, какъ колеблются отъ вѣтра деревья въ лѣсу». Но пророкъ Исаія утѣшалъ его отъ имени Господня: «Будь спокоенъ; не страшись, и да не унываетъ сердце твое отъ разгорѣвшагося гнѣва Рецина и сиріянъ и сына Ремаліи... они замышляютъ зло противъ тебя, говоря: Пойдемъ на Іудею, и возмутимъ ее, и овладѣемъ ею... Но Господь Богъ такъ говоритъ: это не состоится и не сбудется» (Исаія, VII, 2—7). «Ибо прежде, нежели дитя (новорожденное) будетъ умѣть выговорить: «отецъ мой, мать моя», богатства Дамаска и добычи Самаріи понесутъ

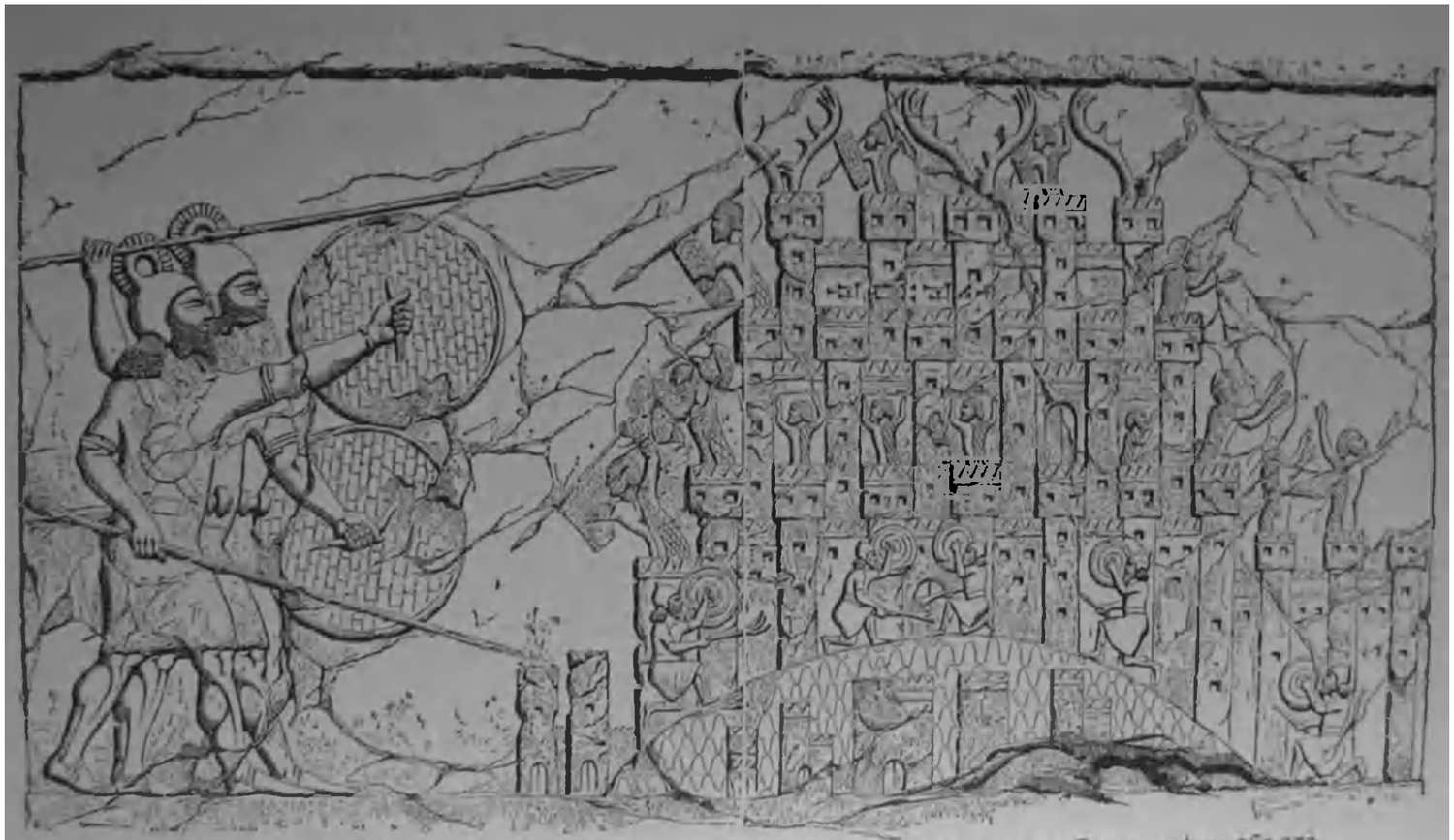
предъ царемъ ассирійскимъ» (Исаія, VIII, 4). «И отсѣчетъ Господь у Израиля голову и хвостъ, пальму и трость, въ одинъ день» (Исаія, IX, 14). Ахазъ пріободрился и, изъ многихъ грозившихъ золъ, избралъ меньшее: онъ хотя временно отвратилъ самую неминуемую опасность, обратясь къ ассиріицу съ мольбой о помощи и жалобой, что сосѣди тѣснятъ царство его со всѣхъ сторонъ,—не только Израиль и Сирія съ сѣвера, но эдомиты и филистимляне съ юга. (См. 2-ю кн. Паралипоменонъ, XXVIII, 17—18). «И послалъ Ахазъ пословъ къ Ѳеглаофелласару *), царю ассиріискому, сказать: рабъ твой и сынъ твой я; приди и защити меня отъ руки царя сиріискаго и царя израильскаго, возставшихъ на меня». Такому посланію необходимо было придать осязательный вѣсъ, иначе это были бы брошенныя на вѣтеръ слова; поэтому «взялъ Ахазъ серебро и золото, какое нашлось въ домѣ Господнемъ и въ сокровищницахъ дома царскаго, и послалъ царю ассиріискому въ даръ. И послушалъ его царь ассиріискій, и пошелъ въ Дамаскъ, и взялъ его, и переселилъ жителей его въ Киръ а Рецина умертвилъ» (4-ая кн. Царствъ, XVI, 7—9).

Сирійская кампанія 734-го г. до Р. Хр.

10.—Не сказано, гдѣ посланцы Ахаза застали Тиглат-Фелассара. Послѣдніе два года онъ ходилъ на сѣверъ и на востокъ, гдѣ смуты, вспыхнувшія въ Урарту и въ Загрошѣ, настоятельно требовали его личнаго присутствія. Оставшись, по обыкновенію, побѣдителемъ, онъ могъ опять обратить

*) Такъ пишется въ Библіи имя Тиглат-Фелассара.

все свое вниманіе на западъ, гдѣ дѣла принимали оборотъ, весьма для него благопріятный. Эту кампанію, которая чуть не нанесла Израилю долго ожидаемаго смертельнаго удара, канонъ эпонимовъ называетъ просто «*Въ Филистію*», вѣроятно потому, что царь прошелъ черезъ іудейскія земли въ земли филистимлянъ. Мы бы сказали: «Въ Палестину». Израиль пробовалъ сопротивляться, но былъ сразу же разбитъ. Θакей былъ умерщвленъ, можетъ-быть за то, что вовлекъ царство въ безвыходную, неравную борьбу, а можетъ-быть за то, что не захотѣлъ покориться и тѣмъ спасти его. Какъ бы то ни было, замѣстившій его узурпаторъ, Осія, торжественно призналъ себя данникомъ Ассиріи. Этотъ переворотъ навѣрно совершился самостоятельно, и только по совершеніи о немъ доложено было царю ассирійскому, съ просьбой о его одобреніи и поддержкѣ; но онъ въ своихъ надписяхъ приписываетъ его всецѣло себѣ самому: «Θакея, царя ихъ, *я умертвилъ*; Аузи (Осію) *я поставилъ* надъ ними». Съ такимъ же самохвальствомъ онъ преувеличиваетъ свою побѣду: «Далекую землю Битъ-Хумри... *Всѣхъ ея жителей*, съ ихъ добромъ, я увезъ въ Ассирію». Въ Ветхомъ Завѣтѣ (4-я Кн. Царствъ, XV, 29) данъ точный списокъ городовъ и областей, составлявшихъ около половины израильскаго царства, и о нихъ замѣчено совершенно согласно съ надписями: «и онъ переселилъ ихъ въ Ассирію». Существуетъ еще списокъ даней за этотъ же годъ (734), включающій всѣхъ правителей, за четыре года передъ тѣмъ



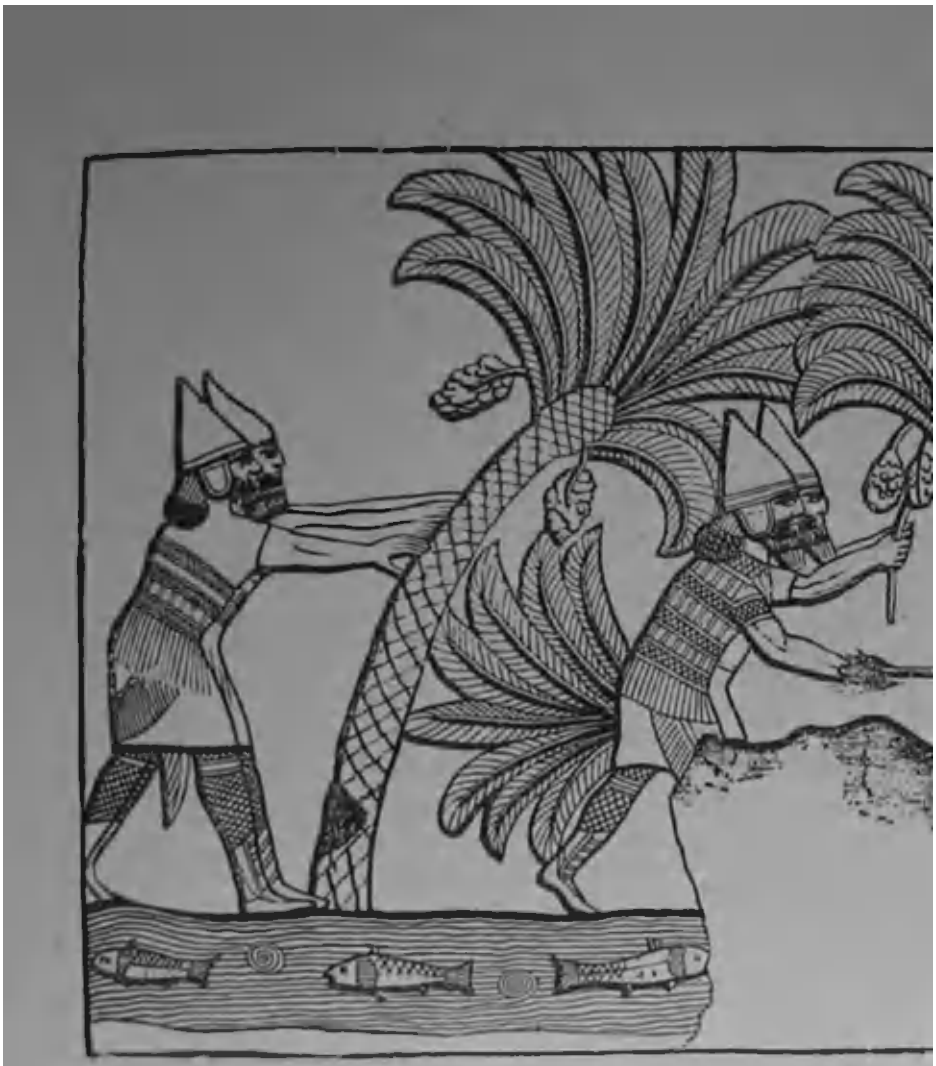
Взятіе крѣпости приступомъ. Ассирійскіе воины подкапываютъ стѣны снизу. Верхъ стѣны объятъ пламенемъ. Защитники съ одной стороны еще сражаются, съ другой сдаются, бросивъ оружіе.

отличившихся своимъ отсутствіемъ: «Іахухази матъ Іаудаи» (Ахаза Іудейскаго) и царей аммонскаго, моавскаго, эдомскаго: документъ говоритъ за себя. Въ томъ же спискѣ встрѣчаются имена Арвада, Аскалона и Газы; Тиръ въ него пока еще не попалъ; почему—мы скоро увидимъ *).

Взятіе Дамаска.

11.—Избавивъ Ахаза отъ одного врага и оставивъ его благополучно править въ Іерусалимѣ, въ качествѣ своего «сына и раба», т. е. смиреннаго данника, Тиглат-Фелассаръ, какъ мы видѣли, обратилъ всѣ свои силы противъ другого,—Рецина, царя сирійскаго. Надпись, въ которой описана осада Дамаска, длившаяся два года, и взятіе его, къ сожалѣнію, такъ страшно повреждена, что разобрать можно весьма мало цѣлыхъ фразъ. Все-таки, изъ того, что осталось, ясно, что сирійская армія была разбита на голову,

*) Въ этомъ мѣстѣ библейская хронологія расходится съ памятниками и канономъ эпонимовъ. Въ Книгахъ Царствъ сказано, что Θакей царствовалъ двадцать лѣтъ. Изъ ассирійскихъ же источниковъ видно, что Менаимъ былъ еще живъ въ 738-мъ г., а умерщвленіе Θакея и воцареніе Осіи послѣдовало въ 734-мъ г. Эти даты положительно неоспоримы (См. «Клинообразныя надписи и Ветхій Завѣтъ»,—«*Keilinschriften und das Alte Testament*», — Эбергарда Шрадера, изд. 1883 г., стр. 251—258 и 475). Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ въ самихъ ветхозавѣтныхъ книгахъ параллельныя даты въ исторіи обоихъ царствъ, іудейскаго и израильскаго, часто расходятся. Притомъ и памятники, и канонъ, и ветхозавѣтныя книги вполнѣ согласны насчетъ года капитальнаго событія — взятія Самаріи; стало-быть, устанавливается для всѣхъ общая почва, и совпаденіе и взаимное подтвержденіе различныхъ источниковъ должно признать, въ цѣломъ, вполнѣ удовлетворительными.



Ассирійскіе воины срубаютъ

рощи вокругъ Дамасна.

что колесницы, конница и пѣхота разбѣжались, и что самъ Рецинъ, «чтобы спасти свою жизнь, бѣжалъ одинъ и вошелъ въ свою столицу черезъ главныя ворота»; что Тиглат-Фелассаръ захватилъ нѣсколькихъ его воеводъ и посадилъ ихъ на колъ, его же самого «заперъ, какъ птицу, въ клѣтку», разорилъ великолѣпныя насажденія «неисчислимыхъ деревьевъ», окружавшія столицу, «не оставивъ цѣлымъ ни единаго даже дерева». Все это дополняетъ приведенное уже простое заявленіе въ 4-й Книгѣ Царствъ (XVI, 9), что царь ассирійскій пошелъ въ Дамаскъ и взялъ его и переселилъ жителей его въ Киръ (какой это городъ, — неизвѣстно), а Рецина умертвилъ. «И пошелъ царь Ахазъ въ Дамаскъ, навстрѣчу Тиглат-Фелассару»,—далѣе повѣствуетъ та же лѣтопись. Если бы нашлось болѣе полное и неповрежденное собраніе надписей этого царя, вѣроятно оказалось бы, что іудейскій царь не одинъ поѣхалъ «встрѣчать» лицомъ къ лицу своего грознаго союзника и повелителя, потому что тѣмъ временемъ вошло въ обычай, чтобы дружескіе и подданные государи не только посылали свои дани и дары туда, гдѣ царь въ данную минуту находился, хотя бы посреди непріятельской земли, но непремѣнно сами съѣзжались въ какую-нибудь болѣе значительную мѣстность, гдѣ ему предстояло прожить нѣсколько времени, чтобы лично поклониться ему и завѣрить его въ своей преданности *). Такіе

*) Какъ мало измѣняются традиціонные обычаи, особенно

съѣзды вѣроятно бывали и по царскому приглашенію или назначенію,—т. е., вѣрнѣе, приказанію, такъ что неявка на нихъ конечно считалась смертельной обидой и нарушеніемъ вѣрноподданническаго долга, и виновный долженъ былъ ожидать соразмѣрнаго наказанія. Какъ жаль, что не сохранилось описанія этихъ съѣздовъ! Должно полагать, что они чествовались съ большою пышностью и блескомъ, и что грозный хозяинъ, хотя бы только изъ тщеславія и политики, угощалъ своихъ не всегда добровольныхъ гостей съ царскимъ великолѣпіемъ и даже дарилъ ихъ милостивыми улыбками, подъ которыми, однако, чувствовались хищническіе клыки и жестокіе когти. Само собой разумѣется, что и гости, со своей стороны, не отставали отъ хозяина въ лицемѣріи и ублажали его подобострастіемъ. Хорошимъ примѣромъ тому служитъ льстивый восторгъ Ахаза, царя іудейскаго, надъ передвижнымъ жертвенникомъ, передъ которымъ Тиглат-Фелассаръ въ его присутствіи священнодѣйствовалъ въ Дамаскѣ, и которымъ Ахазъ такъ восхищался, что послалъ первосвященнику въ Іерусалимъ «изображеніе жертвенника и чертежъ всего устройства его», съ приказаніемъ заказать такой же точно и поставить въ храмѣ Господнемъ къ его возвращенію, на мѣсто стариннаго мѣднаго жертвенника, поставленнаго Соломономъ, послѣдній же

на Востокѣ! Не совершенно ли такъ наши русскіе князья съѣзжались къ татарскимъ ханамъ на поклонъ и за полученіемъ *ярлыка* на княженіе, по мѣсяцамъ тащась за кочующей ордою?

отодвинуть въ сторону, для менѣе торжественныхъ служебъ. И когда онъ вернулся въ Іерусалимъ и увидѣлъ, что все исполнено по его приказу, онъ до того увлекся подражаніемъ ассирійскимъ обычаямъ, что «подошелъ къ жертвеннику и принесъ на немъ жертву, и сожегъ всесожженіе свое и хлѣбное приношеніе и совершилъ возліяніе свое и окропилъ кровью жирной жертвы своей жертвенникъ» (4-я Кн. Царствъ, XVI, 10—16), хотя у іудеевъ не принято было, чтобы царь самъ священнодѣйствовалъ.

Халдейская кампанія.

12.—Неявка къ царю на поклонъ представителя города Тира, конечно, не прошла незамѣченной и не простилась городу, но присутствіе царя было необходимо въ другихъ мѣстахъ, притомъ западъ былъ настолько ослабленъ, что не могъ внушать серьезныхъ опасеній. Поэтому царь предоставилъ тартану расправиться съ непокорнымъ городомъ, наложивъ на него громадную пеню, самъ же снова обратился къ югу, гдѣ халдейскіе князья усиленно напирали на Вавилонію съ цѣлью основать тамъ національную халдейскую державу, и не вовсе безъ надежды на успѣхъ, такъ какъ нѣкій князь Укинзиръ (котораго греки назвали Хинзиросомъ) даже успѣлъ провозгласить себя царемъ въ самомъ Вавилонѣ. Тиглат-Фелассаръ былъ встрѣченъ и столицей, и другими вавилонскими городами, какъ избавитель; его походъ черезъ всю землю былъ тріумфальнымъ шествіемъ, во время котораго онъ останавливался въ каждомъ древнемъ храмѣ и, по исконному обычаю, приносилъ жертвы богамъ стародавнихъ предковъ.

Кампанія противъ князей поморья была, въ цѣломъ, удачная и, ужъ во всякомъ случаѣ, энергичная. Одного изъ непокорныхъ князей онъ посадилъ на колъ передъ воротами его роднаго города, который затѣмъ былъ срытъ до земли. Княжество Укинзира тоже было опустошено, но столицу его, городъ Сапію, ассиріицы силою взять не могли, а вступили въ него нѣсколько погодя по взаимному соглашенію; Укинзиръ же продолжалъ царствовать въ Вавилонѣ, но уже совмѣстно съ Тиглат-Фелассаромъ, по крайней мѣрѣ номинально; на дѣлѣ онъ вѣроятно былъ его покорнымъ слугою. Порядокъ этотъ продержался четыре года, до смерти Тиглат-Фелассара. Въ Сапіѣ состоялся еще одинъ изъ описанныхъ уже съѣздовъ и царскихъ пріемовъ, дававшихъ царямъ возможность провѣрить число своихъ слугъ и приверженцевъ и оцѣнять ихъ преданность первобытнѣйшимъ и самымъ обманчивымъ мѣриломъ: богатствомъ приносимыхъ даровъ.

Мародахъ Баладанъ, князь бит-якинскій, на поклонѣ у ассиріискаго царя.

15.—На этотъ съѣздъ добровольно явился съ поклономъ родовитый и могущественный Мардукъ-хабал-иддинъ (въ Ветхомъ Завѣтѣ имя это пишется Мародахъ-Баладанъ), владѣлецъ княжества Бит-Якинъ, обширнѣйшаго и богатѣйшаго изо всѣхъ халдейскихъ княжествъ, обладавшаго такимъ большимъ пространствомъ земли вдоль Персидскаго залива, и слѣдовательно такими торговыми удобствами, что сынамъ «Дома Якина» давалось лестное прозвище «Морскихъ Царей». Какую важность ассиріецъ придавалъ этому при-

рашенію къ числу своихъ данниковъ, видно изъ того, съ какимъ удовольствіемъ и какъ подробно онъ о немъ распространяется: «Мардукъ-хабал-иддинъ, сынъ Якина, морского царя, изъ рода которыхъ никто доселѣ не приходилъ къ царямъ, отцамъ моимъ, лобызать ихъ ноги,—ужасный страхъ Ашура, господина моего, обуялъ его, и онъ пришелъ въ Сапію, лобызалъ мои ноги; золото,—пыль его земли,—въ изобиліи, чаши золотыя, орудія изъ золота, производства морскія, цѣнныя одежды, камедь, воловъ и овецъ—въ дань отъ него я получилъ». Тиглат-Феласcаръ дѣйствительно, со своей точки зрѣнія, имѣлъ полный поводъ радоваться. Но если бросить на тотъ же инцидентъ свѣтъ послѣдующихъ событій, то станетъ ясно, что честолюбивый, хитрый князь затѣмъ только рѣшился согнуть гордую выю до унизительнаго земного поклона, чтобы выиграть время для назрѣванія своихъ далеко захватывающихъ замысловъ. Изо всѣхъ злополучныхъ государей, по принужденію или слабосилію съѣхавшихся засвидѣтельствовать свое вѣрноподданство, ужъ конечно ни одинъ не былъ менѣе искрененъ. Хотя всѣ они въ душѣ были горькими врагами Ассиріи, онъ одинъ представлялъ для нея серьезную опасность, и надменный побѣдитель, который, можетъ статься, едва удержался, чтобы не толкнуть ногою именитаго вассала, склоненнаго въ прахѣ передъ нимъ, въ притворномъ самоуничиженіи, вѣроятно содрогнулся бы на своемъ высокомъ престолѣ, если бы пророческой молніею промелькнуло въ немъ

сознаніе, что передъ нимъ человѣкъ, долженствующій въ теченіе слѣдующаго полувѣка быть злымъ геніемъ Ашура и даже одною изъ косвенныхъ причинъ его паденія: дѣйствительно, именно ему предстояло расшатать и сдвинуть съ мѣста нѣкоторые изъ тѣхъ камней, которые должны были обрушиться на голову колосса и размозжить ее. Но въ эту минуту, вѣроятно, никакое предостереженіе не могло бы поколебать «надменное сердце царя ассирійскаго». «Онъ говоритъ: силою руки моей и моей мудростью я сдѣлалъ это, потому что я уменъ: я переставляю предѣлы народовъ, и расхищаю сокровища ихъ, и низвергаю съ престоловъ, какъ исполинъ, и рука моя захватила богатства народовъ, какъ гнѣзда; и какъ забираютъ оставленныя въ нихъ яйца, такъ забралъ я всю землю, и никто не пошевелилъ крыломъ и не открылъ рта, и не пискнулъ» (Исаія, X. 12—14).

Конецъ царствованія Тиглат-Фелассара II.

14.—Этимъ кончается политическое и военное поприще второго Тиглат-Фелассара. Годъ 730-й отмѣченъ въ канонѣ: «*Дома*»; значитъ, царь оставался въ Ассиріи. Слѣдующіе два года онъ, повидимому, ходилъ опять въ Вавилонію, но по мирнымъ и даже религіознымъ дѣламъ. Въ каноне подъ этими двумя годами находимъ довольно темное примѣчаніе: «Царь беретъ за руки Бэла». Полагаютъ, что это относится къ какимъ-нибудь особенно торжественнымъ и праздничнымъ обрядамъ и жертвоприношеніямъ, во время которыхъ царь принималъ наивысшее посвященіе. Было бы крайне интересно узнать истинный смыслъ этой фразы, но весьма сомнительно, чтобы нашлись

къ тому данныя. Въ 727-мъ г. Тиглат-Феласcаръ скончался. Послѣдніе три года его царствованія прошли, повидимому, мирно, но къ самому концу вспыхнуло возстаніе.

Салманассаръ IV.

15.—Преемникомъ его былъ Салманассаръ IV. Какимъ образомъ, на какомъ основаніи, по какому праву—ничего не извѣстно. Былъ ли онъ сыномъ его, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, или наслѣдникомъ по побочной линіи, или даже просто узурпаторомъ—нѣтъ никакихъ средствъ дознаться. Въ спискѣ вавилонскихъ правителей за это время значится нѣкто Илулаи, и если основательно предположеніе, высказанное однимъ изъ ученѣйшихъ ассиріологовъ (К. П. Тиле), что онъ и Салманассаръ—одно и то же лицо, такъ же, какъ Фулъ и Тиглат-Феласcаръ, тогда вѣроятіе сильно клонится въ пользу того, что послѣдній былъ сыномъ своего предшественника и, въ подражаніе отцу, къ своему имени прибавилъ другое, которымъ назывался въ Вавилонѣ. Но все это, въ сущности, одни предположенія. Любопытно то, что мы вообще не имѣемъ свѣдѣній объ этомъ царѣ, кромѣ того, что канонъ эпонимовъ свидѣтельствуетъ о его существованіи и о томъ, что онъ царствовалъ всего пять лѣтъ. Онъ не оставилъ памятниковъ,—или таковыхъ еще не найдено, и то, что мы о немъ знаемъ, мы черпаемъ изъ другихъ источниковъ: Ветхаго Завѣта, да позднаго историка, уроженца Тира. Достовѣрно можно, кажется, сказать, что онъ велъ только двѣ войны: одну противъ Тира, другую противъ Самаріи.

Новыя надежды и возстанія на западѣ.

16.—Можетъ показаться страннымъ, что понадобились еще походы противъ все тѣхъ же странъ, которымъ такой полководецъ, какимъ былъ второй Тиглат-Фелассаръ, наносилъ столько, казалось бы, смертельныхъ ударовъ. Но средства ихъ еще далеко не были истощены, и если бы только была возможность сохранить и еще расширить коалицію временъ Ахава и Салманассара II, онѣ могли бы отстоять себя. Но этому мѣшала слишкомъ вкоренившаяся между ними взаимная зависть и вражда, а возможность пользоваться чужими силами, чтобы погубить соперника, была слишкомъ заманчива для народовъ, видѣвшихъ въ политикѣ лишь средство проводить личные и мѣстные интересы, при узкомъ кругозорѣ, ограниченномъ сегодняшнимъ днемъ, и полномъ отсутствіи настоящаго патріотизма. Только когда грозила общая, немедленная погибель, устраивались кратковременные союзы между непримиримыми врагами. Всѣ эти маленькія государства можно было бы сравнить съ пучкомъ палочекъ, которыя, если распадутся, легко по одиночкѣ переломать, тогда какъ весь пучокъ устоялъ бы противъ какой угодно силы. Но въ настоящее время на сценѣ появилось новое дѣйствующее лицо и внесло приливъ энергіи, правда обманчивой и мимолетной, однако достаточной, чтобы отсрочить еще на время окончательную катастрофу.

Возрожденіе Египта.

17.—То былъ Египетъ, столь долго бездѣйствовавшій и державшійся въ сторонѣ,—Египетъ, доживавшій свой долгій вѣкъ, которому не су-

жлено было болѣе никогда стоять на почетномъ мѣстѣ, впереди свободныхъ и стремящихся къ прогрессу народовъ. Долгій рядъ его завоеваній въ Азіи, которыми онъ отомстилъ за неволю, претерпѣнную подъ гнетомъ азіатскихъ притѣснителей, былъ прерванъ внутренними усобицами и неурядицей. Сплоченная встарину изъ многихъ маленькихъ княжествъ, объединенная своей див-

Городъ съ дворцами. Воины съ добычей.

ной рѣкой—Ниломъ, египетская держава постепенно опять распалась на свои составныя части; возникло столько же мелкихъ правителей, сколько было большихъ городовъ, съ ихъ древними храмами и принадлежавшей каждому городу небольшой территоріей. Эти князьки большей частью ссорились и воевали между собою, и потому, точно такъ же, какъ города и царьки Сиріи, Палестины, Финикіи, и по тѣмъ же при-

чинамъ, представляли соблазнительную добычу любому честолюбивому или жадному сосѣду. Но опасность на этотъ разъ грозила не со стороны Азіи, гдѣ и у народовъ, и у правителей было довольно своего дѣла на рукахъ. Гораздо ближе находились страна и цѣлое племя, которымъ тоже нужно было отомстить за многовѣковыя притѣсненія и обидное презрѣніе. Эѳіопія,—«Подлая Кушъ», какъ Египетъ величалъ ее въ дни собственной славы и могущества,—воспользовалась случаемъ. Подобно тому, какъ алароды,—жители Урарту и земель Наири,—заимствовали культуру своихъ самыхъ закоренѣлыхъ враговъ, ассирійцевъ, такъ и кушиты, жители Эѳіопіи, усвоили культуру своихъ глубоко ненавистныхъ повелителей и, наконецъ, поровнялись съ ними, относительно не только матерьяльной силы, но и умственнаго развитія и политическаго смысла. Подъ предводительствомъ способныхъ и честолюбивыхъ вождей, они, хотя и медленно двигались впередъ, однако кончили тѣмъ, что подчинили себѣ всѣ египетскія княжества, такъ что наконецъ царь эѳіопскій, Шабака, могъ, безъ хвастовства, назваться и царемъ египетскимъ. Онъ оказался государемъ мудрымъ и умѣреннымъ, правилъ рукою сильной и твердой, но и мягкой. Онъ оставилъ большинство князьковъ на ихъ мѣстахъ, только держа ихъ въ должномъ подчиненіи, и Египетъ при немъ могъ насладиться не только новой порой матерьяльнаго благоденствія, но и, до извѣстной степени, обновленіемъ своего политическаго значенія.

Готовность Египта поддерживать азіатскія государства; его безсиліе.

18.—Едва этотъ царь (который въ Библіи названъ Со или Сохъ) успѣлъ потверже усѣсться на своемъ двойномъ престолѣ, онъ оцѣнилъ, какою опасностью грозитъ надвигающаяся со стороны Ассиріи грозовая туча. Нельзя было предполагать, чтобы, собравъ всѣ междулежащія земли, какъ оставленныя насѣдками яйца, она оставила безъ вниманія такое богатое гнѣздо, какъ Египетъ; междулежащихъ же земель, послѣ того какъ были покорены аравитяне, служившіе подвижнымъ, но крѣпкимъ оплотомъ, осталось очень мало: два іудейскихъ царства, да приморскіе города; но и тѣ наполовину разбитые, особенно израильское царство. Поэтому Шабака сразу заявилъ о своей готовности поддержать любое государство, еще не утратившее окончательно жизненную силу и способность къ сопротивленію. Но онъ въ этомъ случаѣ слишкомъ высоко оцѣнилъ собственныя силы. Съ Ассиріей, достигшей зенита своего величія, никакой противникъ не могъ бы состязаться одинъ, и еще не пришло время желѣзному колоссу съ глиняными ногами рухнуть отъ собственной тяжести. Понятно, что всѣ, еще питавшіе кое-какія надежды и слабо шевелившіеся подъ львиными лапами, ухватились за эту неожиданную помощь, подоспѣвшую, какъ они ошибочно воображали, еще своевременно. Но подъ этими обольстительными фантазіями лишь скрывалась новая опасность. «Горе тѣмъ, которые идутъ въ Египетъ за помощью, надѣются на коней и полагаются на колесницы, потому что ихъ много»,—увѣщеваетъ

пророкъ Исаія, совѣтникъ царя іудейскаго,—«и на всадниковъ, потому что они весьма сильны.—Египтяне люди, а не Богъ, и кони ихъ—плоть, а не духъ» (Кн. пр. Исаіи, XXXI, 1—3).

Возстаніе и осада Тира.

19.—Въ такомъ-то положеніи находились дѣла при смерти Тиглат-Фелассара. Шабака за годъ до того овладѣлъ египетскимъ вѣнцомъ. Случай къ возстанію долженъ былъ показаться самымъ благопріятнымъ. Кѣмъ былъ сдѣланъ первый шагъ—неизвѣстно. Но вотъ—Тиръ отказываетъ въ дани и готовится къ оборонѣ. Одного, однако, гордая царица морей не ожидала, а именно—что другіе приморскіе города соединятся не на помощь ей, а противъ нея. Изъ малодушнаго ли страха за себя, или изъ злорадной зависти, только всѣ финикійскіе города ополчились подъ предводительствомъ Ассиріи и цѣлымъ флотомъ поплыли противъ Тира: они поставили 60 судовъ и 8.000 гребцовъ. Тиръ же въ это время располагалъ лишь двѣнадцатью кораблями и съ такими-то незначительными силами выдержалъ пятилѣтнюю блокаду на своихъ скалистыхъ островахъ, между тѣмъ какъ ассирійцы разставили сторожевыя команды вдоль берега, у устья рѣкъ и у всѣхъ водопроводовъ, чтобы предупредить отчаянныя вылазки за водою. Къ счастью, осаждаемымъ удалось добыть воду на самихъ островахъ, копая водоемы и просверливая колодцы.

Возстаніе Израиля. Осада Самаріи.

20.—Какія великія и всеобщія надежды возбудила смерть Тиглат-Фелассара, видно изъ предостереженій, съ которыми пророкъ Исаія обращался поочередно ко всѣмъ сирійскимъ наро-

дамъ: «Не радуися, земля филистимлянъ, потому что сокрушенъ жезлъ, который поражалъ тебя; ибо изъ корня змѣинаго выйдетъ аспидъ, и плодомъ его будетъ летучій драконъ... Рыдайте, ворота! Вопи голосомъ, городъ! Распадешься ты вся, земля филистимская; ибо отъ сѣвера дымъ идетъ, и нѣтъ отсталыхъ въ полчищахъ ихъ» (XIV, 29—31). Царь израильскій тоже некстати возрадовался и сталъ замышлять козни. Когда Салманассаръ выступилъ противъ Осіи,—по словамъ 4-й Книги Царствъ,—послѣдній «сдѣлался ему подвластнымъ и сталъ платить ему дань». Но вскорѣ послѣ того царь ассирійскій «замѣтилъ въ Осіи измѣну, такъ какъ онъ посылалъ пословъ къ царю египетскому и не доставлялъ дани царю ассирійскому каждый годъ, и взялъ его царь ассирійскій подъ стражу, и заключилъ его въ домъ темничный». Это—послѣднее свѣдѣніе о послѣднемъ независимомъ царѣ израильскомъ; умеръ ли онъ въ темницѣ своей естественною смертью, или былъ убитъ, или долго жилъ въ заточеніи—неизвѣстно. «И пошелъ царь ассирійскій на всю землю, и приступилъ къ Самаріи, а держалъ ее въ осадѣ три года»... (4-я Кн. Царствъ, XVII, 3—5).

VIII.

Гордость Ашура.—Саргонъ.

Паденіе Самаріи и выселеніе израильтянъ.

1.—«Въ девятый годъ Осіи взялъ царь ассирійскій Самарію...»

Эти слова немедленно слѣдуютъ за тѣми, которыми кончается предыдущая глава. Однако ихъ надо было перенести къ началу новой главы, потому что между тѣми и другими приходится начало новаго царствованія, такъ какъ Самарію взялъ не тотъ царь, который «пошелъ противъ» столицы Израиля. Осаду началъ Салманассаръ IV, и поддерживалъ ее три года,—самъ ли или черезъ воеводъ, нигдѣ не сказано,—окончилъ же ее Саргонъ. Одна изъ первыхъ записей въ лѣтописяхъ Саргона гласитъ: «Въ началѣ моего царствованія я осаждалъ и взялъ, при помощи бога Шамаша, даруюшаго мнѣ побѣду надъ моими врагами, городъ Самарію *(ир-Самирина)*. 27.280 обывателей его я увелъ. Я взялъ пятьдесятъ колесницъ на мою царскую долю. Я увелъ ихъ (плѣнныхъ) въ Ассирію и на ихъ мѣста посадилъ людей, моею дланью побѣжденныхъ. Я поставилъ надъ ними моихъ чиновниковъ и на-

мѣстниковъ и обложилъ ихъ такою же данью, какую платятъ ассирійцы» *). Въ какія именно

Саргонъ Ассирійскій.

*) Въ другой надписи сказано: «какою обложилъ ихъ прежній царь».

мѣста ассирійской имперіи плѣнные были переселены—не сказано; но 4-я Книга Царствъ отчасти пополняетъ этотъ пробѣлъ. Мы тамъ читаемъ, что побѣдитель переселилъ израильтянъ въ Ассирію и «поселилъ ихъ въ Халахѣ и въ Хаворѣ, при рѣкѣ Гозанъ, и въ городахъ мидійскихъ». Хаворъ, это—рѣка Хабуръ, а Гозанъ—орошаемая ею область. Халахъ нѣкоторыми принимается за городъ Калахъ, другими—за какую-нибудь восточную область, а какую—неясно. Относительно же «городовъ мидійскихъ» не можетъ быть сомнѣнія. Та же Книга Царствъ хотя отчасти опредѣляетъ, какихъ «людей» перевели въ города самарійскіе. То были, во-первыхъ, люди изъ Вавилона, Куты, Сиппары, затѣмъ изъ Эмаѳа и Аввы (какой это городъ—неизвѣстно). Въ томъ же мѣстѣ (XVII, 24—33) мы читаемъ, что новоприбывшіе очень испугались львовъ, которые повидимому сильно расплодились за послѣднее бѣдственное время, и когда львы съѣли у нихъ нѣсколько человѣкъ, они усмотрѣли въ этомъ несчастіи гнѣвъ бога той земли и положили служить ему такъ же, какъ и своимъ богамъ, чтобы примирить его съ собою, и по этому поводу обратились съ прошеніемъ къ царю. «И повелѣлъ царь ассирійскій, и сказалъ: Отправьте туда одного изъ священниковъ, которыхъ вы выселили оттуда; пусть пойдетъ и живетъ тамъ, и научитъ ихъ закону бога той земли». Такъ и было исполнено, и какая вышла изъ этого пестрая религія, можно судить изъ простого заявленія: «Господа они чтили, и своимъ богамъ они служили, по обычаю

Штандартъ царя Саргона
(съ изображеніемъ бога Ашура).

народовъ, изъ которыхъ выселили ихъ» (4-я Кн. Царствъ, XVII, 24—33). Чужихъ народностей, попавшихъ такимъ образомъ въ землю израильскую, было гораздо больше, чѣмъ названо въ Книгѣ Царствъ, но списокъ можно дополнить съ современныхъ ассирійскихъ памятниковъ. Саргонъ въ своей лѣтописи говоритъ, что, на седьмомъ году своего царствованія, онъ «подчинилъ себѣ нѣсколько отдаленныхъ аравійскихъ племенъ, «проживавшихъ въ землѣ, о которой не знали ни мудрецы, ни посылатели пословъ, — землѣ, никогда не платившей дани царямъ, отцамъ его, *и остатокъ этихъ племенъ онъ увелъ и поселилъ въ городѣ Самаріи*». Неудивительно послѣ этого, если впослѣдствіи іерусалимскіе іудеи, кичившіеся чистотой своей крови и обрядности, относились къ этой странной смѣси народностей и боговъ съ презрѣніемъ и отвращеніемъ, за что Христосъ корилъ ихъ словомъ и дѣломъ во имя человѣчности и любви къ ближнимъ.

Царь Саргонъ—рода неизвѣстнаго.

2.—Кто былъ Саргонъ? Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что это былъ воевода, руководившій осадой Самаріи, подъ начальствомъ Салманассара IV или въ его отсутствіи, и сумѣвшій такъ привязать къ себѣ войска, что, по смерти его, могъ провозгласить себя царемъ, твердо полагаясь на ихъ преданность и поддержку. Нѣтъ никакихъ доказательствъ противнаго. Что же касается его званія и происхожденія, — то онъ, положимъ, говоритъ о «царяхъ, отцахъ своихъ», но вѣдь и Тиглат-Фелассаръ II употреблялъ то же выраженіе; однако это не считается доста-

точно вѣрнымъ указаніемъ, потому что онъ не называетъ своихъ родныхъ отца и дѣда,—какъ это неизмѣнно дѣлали всѣ цари. Мы замѣчаемъ тотъ же пробѣлъ во всѣхъ документахъ Саргона. Имя его не даетъ никакого указанія. Онъ легко могъ принять его вмѣстѣ съ властью, въ память древняго Саргона Аккадскаго. Въ своей первобытной, семитической формѣ, Шарру-Кэну, имя это означаетъ: «утвержденный царь» или «правдивый, вѣрный царь». Самъ онъ очевидно придавалъ ему нравственное значеніе, потому что онъ неоднократно играетъ словомъ *кэну* въ своихъ надписяхъ, называя себя «вѣрнымъ (*кэну*) пастыремъ» и вообще выказывая больше сознанія своихъ нравственныхъ обязательствъ по отношенію къ своему народу, нежели проявляли его предшественники.

Энергическая политика новаго царя.

3.—При этомъ царѣ Ассирія удерживается на вершинѣ наружнаго олеска, на которую ее подняли послѣдніе два государя, и еще далѣе расширяетъ свое владычество. Замѣтна, впрочемъ, одна разница: войны ведутся все болѣе одновременно на всѣхъ границахъ и, за исключеніемъ востока, гдѣ ассирійское оружіе проникаетъ далеко за Загрошскую цѣпь, все болѣе принимаютъ характеръ скорѣе оборонительный и карательный, нежели наступательный. Политика Ассиріи заключается въ томъ крайне централизованномъ деспотизмѣ, который составляетъ характеристику второй имперіи: непокорные города и области, послѣ наказанія, уже не оставляются подъ управленіемъ своихъ родныхъ князей или царей, съ единствен-

нымъ условіемъ, чтобы они исправно платили дань, а подчиняются ассирійскимъ намѣстникамъ, которые, въ свою очередь, строго контролируются и наставляются свыше, и только болѣе отдаленнымъ областямъ дозволяется сохранить нѣкоторую долю независимости, подъ своими родными правителями, которыхъ утверждаетъ или назначаетъ далекій, но какъ бы вездѣсущій и вѣчно бдительный «Великій Царь», «Царь народовъ». Переписка между намѣстниками и центральной властью ведется оживленная, подробная до мелочей. Въ Ниневіи, въ царскомъ архивѣ, найдено много такихъ «отношеній» отъ намѣстниковъ, адресованныхъ прямо на имя «Царя, господина моего». Но ни совершенство этого сложнаго государственнаго механизма, ни страхъ неминуемой и безпощадной кары,—смерти, заточенія, истязаній,—ни массовыя переселенія, принимавшія все бо́льшіе размѣры, — ничто не въ силахъ было удержать покоренныя области въ повиновеніи. Постоянно составлялись коалиціи, болѣе и болѣе обширныя, болѣе и болѣе отчаянныя, и легко себѣ представить, сколько приключеній, опасностей и всякихъ треволненій должно было разнообразить повседневную жизнь вслѣдствіе всей этой подпольной агитаціи, обмѣна и тайными, и явными посланіями и посольствами, подъ разными предлогами. Всѣ эти земли, съ виду покорныя ассирійскому владычеству, только и жили надеждою свергнуть съ себя ненавистное ярмо. Но пора для того еще не настала; цѣлое столѣтіе еще должно было пройти до того, и всѣ эти попытки кончались

пока еще бѣдственно; но упорство, съ которымъ онѣ возобновлялись при такихъ устрашающихъ условіяхъ и такой явной безнадежности, было многозначительнымъ знаменіемъ времени, — особенно же тотъ фактъ, что общее недовольство стало проявляться въ неизвѣстной дотолѣ формѣ народныхъ возстаній: въ саргоновскихъ надписяхъ неоднократно говорится, что поднялся *народъ* того или другого города, низвергъ, или убилъ, или «связалъ» тирана, «ставленника царева», и «поставилъ» себѣ правителя собственнаго выбора, который не платилъ дани, а сталъ, нимало не медля, готовиться къ войнѣ. Положимъ, что такихъ выскочекъ обыкновенно настигалъ быстрый и плачевный конецъ, а возстаніе усмирялось огнемъ и мечомъ; но этимъ, въ сущности, мало достигалось, потому что народы были доведены отчаяніемъ до того настроенія, когда человѣкъ не внемлетъ болѣе голосу ни страха, ни благоразумія, а кидается на угнетателя зря, со слѣпымъ ожесточеніемъ, и добивается или полной погибели, или полной, блестящей побѣды.

Недовольство на западѣ и тайныя сношенія съ Египтомъ.

4.—Нигдѣ это движеніе не было такое повсемѣстное, неудержимое, нигдѣ надежда не держалась такъ упорно, несокрушимо, какъ на западѣ. Тамъ Египетъ былъ душою и тайной пружиной сопротивленія, котораго не могли сломить самыя варварскія кары, а народныхъ взрывовъ,—никакіе доводы здраваго смысла не могли остановить. Шабака,—по словамъ одного историка,—былъ для сирійскихъ народовъ какимъ-то мессіей, вѣчно сулившимъ помощь, вѣчно ожидаемымъ, и никогда

не являющимся, потому что силы его не отвѣчали волѣ. Одинъ Езекія, царь іудейскій, не участвовалъ въ заговорахъ и коалиціяхъ противъ царя ассирійскаго, а хранилъ строгій нейтралитетъ и, вѣроятно, ублажалъ его добровольными дарами, если не прямо данью, слѣдуя увѣщаніямъ пророка Исаіи, который не переставалъ выставлять на видъ безсиліе Египта и безуміе тѣхъ, кто полагался на его помощь. Самъ ассирійскій царь былъ совершенно того же мнѣнія, и съ презрѣніемъ, даже какъ будто сострадательно, отзывался о «посольствахъ», то и дѣло отправляемыхъ сирійскими правителями къ царю египетскому и эѳіопскому, который не былъ въ силахъ спасти ихъ. Надо замѣтить, что, на языкѣ памятниковъ въ это смутное время, выраженіе «посылать посольства» равносильно выраженію «чинить заговоры».

Неудачное возстаніе въ Сиріи.

5.—Подъ вліяніемъ этихъ обольстительныхъ, но обманчивыхъ надеждъ, Сирія почти поголовно возстала на другой же годъ по воцареніи Саргона. Опять пошли тѣ же походы, тѣ же сраженія, опять выступаютъ передъ нами давно знакомыя имена: Дамаскъ, Арпадъ, Эмаѳъ, и даже Самарія, потому что вѣдь израильтяне не всѣ же были убиты или переселены, а нетронутаго остатка было достаточно, чтобы поддержать все еще не потухавшій патріотическій духъ. Говоря живописными, горькими словами пророка Амоса (Кн. прор. Амоса, III, 12):—«Какъ иногда пастухъ исторгаетъ изъ пасти львиной двѣ голени или часть уха, такъ спасены будутъ сыны израилевы, сидящіе въ Самаріи...» и далѣе (V, 3): «Городъ, выступавшій тысячею,

Царь Саргонъ выналывает у плѣнниковъ глаза.
(Изъ Хорсабадскомъ дворцѣ, въ такъ-называемой „залѣ каменей".

останется только съ сотнею, и выступавшій сотнею останется съ десяткомъ». Исаія же, самый поэтическій изъ пророковъ, говоритъ по тому же поводу: «И остатокъ деревъ лѣса его такъ будетъ малочисленъ, что дитя будетъ въ состояніи сдѣлать имъ опись...» (X, 19). «И останутся у него, какъ бываетъ при сбиваніи маслинъ, двѣ-три ягоды на самой вершинѣ, или четыре-пять на плодоносныхъ вѣтвяхъ» (XVIII, 6). Главнымъ центромъ заговоровъ въ это время, повидимому, былъ Эмаѳъ. Нѣкто Іаубидъ или Илубидъ,—должно-быть смѣлый выскочка,—завладѣлъ престоломъ и подстрекалъ сосѣдей къ возстанію, занявъ крѣпкій городъ Каркаръ,—тотъ самый, близъ котораго происходила большая битва между первой сирійской коалиціею и Салманассаромъ III (см. стр. 200). Но городъ былъ взятъ послѣ непродолжительной осады, Іаубидъ попалъ въ плѣнъ, и съ него живого была содрана кожа по приказу Саргона, который велѣлъ изобразить эту казнь со всѣми подробностями на стѣнѣ одной изъ залъ своего собственнаго дворца. Чтобы удержать эту неукротимую область въ повиновеніи, въ ней были поселены 63.000 ассирійцевъ, конечно, на мѣсто убитыхъ и выселенныхъ обывателей. Послѣ этого расправа была недолга, и армія пошла къ югу, къ египетской границѣ, чтобы встрѣтиться съ «султаномъ египетскимъ» (*сильтанну музри*) на его собственной землѣ, прежде чѣмъ онъ поспѣетъ на помощь къ своимъ злополучнымъ союзникамъ и проспителямъ. Состояніе, въ которомъ была оставлена сирійская земля, невозможно опи-

сать живѣе и вѣрнѣе, нежели это сдѣлалъ пророкъ Іоиль (I, 4—6; II, 3): «Оставшееся отъ гусеницы ѣла саранча; оставшееся отъ саранчи—ѣли черви, а оставшееся отъ червей—доѣли жуки... Ибо пришелъ на землю мою народъ сильный и безчисленный; зубы у него—львиные, и челюсти у него, какъ у львицы... Передъ нимъ земля—какъ садъ эдемскій, а позади его—опустошенная степь...»

Битва при Рафіи.

6.—Двѣ величайшія державы древняго міра впервые очутились лицомъ къ лицу, врагами, въ 720-мъ г. до Р. Х., передъ городомъ Рафія, у морского берега, на югъ отъ города Газа, князь которой примкнулъ къ царю египетскому. То былъ день достопамятный и знаменательный, но для старшей державы несчастливый. Величіе Египта уже давно клонилось къ закату, тогда какъ младшій непріятель стоялъ на самой вершинѣ своего могущества, и внутренніе пороки, уже готовившіе ему быстрое паденіе, хотя ясно видные съ нашей отдаленной и возвышенной точки зрѣнія, еще не настолько подточили его силы, чтобы это могли замѣтить современники или онъ самъ. Борьба слѣдовательно была неравная и кончилась скорымъ и полнымъ пораженіемъ Египта. Самъ Шабака долженъ былъ бѣжать съ поля битвы въ сопровожденіи одного пастуха. Саргонъ, однако, не послалъ за нимъ погони, такъ какъ у него въ то время на рукахъ было слишкомъ много дѣла, и потому пророчество Исаіи о полномъ разореніи Египта исполнилось лишь много лѣтъ спустя.

Покореніе Тира.

7.—Должно-быть, около того же времени кончилась осада Тира, начавшаяся одновременно съ осадой Самаріи. Не видно, чтобы городъ былъ взятъ. Въ надписяхъ только сказано, что онъ былъ «усмиренъ»; вѣроятнѣе всего, что осаждающимъ сильно наскучила продолжительная и однообразная операція; къ тому же понадобилось имъ отправиться въ другое мѣсто, и они предложили городу сдаться на условіяхъ, безъ сомнѣнія, тяжелыхъ, но все же далекихъ отъ полнаго разоренія; однимъ словомъ, Тиръ откупился,—какъ оказалось, лишь на короткое время.

Возстаніе въ Наири. Меродахъ-Баладанъ—царь вавилонскій.

8.—Слѣдующія десять лѣтъ Саргонъ былъ занятъ не покладая рукъ. На сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, съ силой и стремительностью долго тлѣвшаго пожара, вспыхиулъ обширный, зрѣло обдуманный и искусно подготовленный заговоръ, въ которомъ участвовали всѣ земли, включаемыя подъ названіемъ Наири, и нѣсколько сосѣднихъ земель, подъ предводительствомъ царя Урарту, Урзы. Это задало Саргону и его воеводамъ столько дѣла, что онъ никакъ не могъ найти досуга для кампаніи, сильно заботившей его, а именно—въ Бит-Якинъ, противъ халдейскаго князя Меродахъ-Баладана, вслѣдствіе чего хитрый и честолюбивый политикъ, отведя Тиглат-Фелассару глаза, какъ мы видѣли выше (см. стр. 265), и тѣмъ обезпечивъ себѣ надолго миръ и безопасность, съ большой пользой для себя провелъ слѣдующее десятилѣтіе. Какъ именно онъ подготовилъ исполненіе своихъ смѣлыхъ и обширныхъ замысловъ, намъ не видно, но ужъ конечно у него дѣло не стало ни за по-

дарками, ни за интригами и дипломатическимъ пронырствомъ, ибо въ самый годъ воцаренія Саргона онъ достигъ своей главной цѣли—престола вавилонскаго, и могъ положиться хотя на одного могущественнаго союзника, Хумбанигаша, царя эламскаго. Изъ послѣдующихъ событій можно заключить, что онъ былъ встрѣченъ вавилонянами не особенно восторженно, во всякомъ случаѣ не единодушно. Саргонъ называетъ его «врагомъ, коварнымъ, противно волѣ великихъ боговъ засѣвшимъ въ Вавилонѣ», и нѣтъ сомнѣнія, что древняя столица раздѣлилась на двѣ партіи—халдейскую и ассирійскую. Въ первый же годъ Саргону удалось наскоро сходить на границу Элама и чувствительно наказать союзника халдейскаго князя. Но онъ такъ спѣшилъ на западъ, гдѣ необходимо было остановить наступленіе египетскаго царя, что не могъ, какъ слѣдовало, воспользоваться этой первой побѣдой, и то, что онъ теперь упустилъ, онъ имѣлъ возможность наверстать лишь одиннадцать лѣтъ спустя; Меродахъ-Баладанъ же все это время мирно царствовалъ въ Вавилонѣ, никѣмъ не тронутый и никого не трогая.

Повсемѣстные заговоры.—Взятіе Кархемиша.—Конецъ хеттейской національности.

9.—Возстаніе на сѣверѣ вспыхнуло какъ разъ послѣ битвы при Рафіи. Это была не простая мѣстная вспышка, имѣвшая цѣлью лишь освобожденіе отъ ассирійскаго владычества и отъ дани, а могущественная коалиція, къ которой многіе князья, дотолѣ вѣрные Ассиріи, должны были примкнуть изъ страха, послѣ того, какъ одного изъ нихъ убили его подданные. Дѣло непре-

мѣнно кончилось бы нашествіемъ на Ассирію если бы Саргонъ не подоспѣлъ такъ быстро, усмиряя, наказывая, а иногда и уговаривая добромъ. Однако, хотя онъ, по обыкновенію, остался побѣдителемъ, навелъ ужасъ на отложившихся горцевъ и цѣлыя толпы ихъ отослалъ въ Эмаѳъ и другія сирійскія земли,—онъ не добился прочнаго усмиренія, и заговоръ продолжалъ расширяться и набирать силы, какъ только онъ ушелъ опять на югъ. Нитей было такъ много, и такъ онѣ были искусно сотканы, что онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ никакъ не могъ окончательно справиться съ возстаніемъ, или пробраться далеко въ Армянскія горы, потому что въ самую критическую минуту какой-нибудь отдаленный членъ коалиціи отвлекалъ его отъ главнаго центра возстанія, — царства Урарту и непосредственно прилежащихъ къ нему земель. Однажды возсталъ Кархемишъ,—событіе совсѣмъ неожиданное, такъ какъ правителемъ тамъ былъ старецъ, который цѣлыхъ тридцать лѣтъ умѣлъ сохранять хорошія отношенія со своимъ страшнымъ сосѣдомъ, и имя котораго въ оба предыдущія царствованія постоянно значится въ спискахъ царей, лично пріѣзжавшихъ на поклонъ съ дарами. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы онъ не могъ въ то же время тайно участвовать въ подпольныхъ козняхъ, которыми занимались всѣ сирійскіе дворы, выжидая, подобно столькимъ другимъ, удобнаго времени. И все-таки онъ выбралъ время неудачно,—только раздразнилъ разсвирѣпѣвшаго льва и былъ, такъ сказать, мгно-

венно проглоченъ имъ. Онъ былъ уведенъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ большей частью обывателей его столицы, а дворецъ его и самый городъ, этотъ центръ міровой торговли, вѣковое хранилище несмѣтныхъ драгоцѣнностей, обогатили ниневійскую казну такою добычей, которая показалась баснословною даже въ тотъ вѣкъ оптоваго, безсовѣстнаго грабительства. Намѣстникомъ, конечно, былъ назначенъ ассиріецъ. Это былъ послѣдній ударъ, нанесенный хеттейской народности, которая, даже послѣ паденія Дамаска, все еще слабо билась въ столицѣ, укрывавшей національное святилище и послѣднихъ національныхъ царей; такъ кровь уходитъ въ сердце и до послѣдней минуты бьется въ этой основной твердынѣ жизни.

Возстаніе горцевъ Загроша.

10.—Въ одинъ изъ послѣдующихъ годовъ разныя мидійскія мѣстности, въ самыхъ Загрошскихъ горахъ и на восточномъ склонѣ цѣпи, никогда не бывшія очень смирными и покорными, несмотря на то, что на многихъ выдающихся пунктахъ были настроены ассирійскія крѣпостцы и снабжены сильными гарнизонами, вдругъ поднялись съ такимъ единодушіемъ, какое возможно только вслѣдствіе предварительнаго взаимнаго соглашенія, и на усмиреніе ихъ потребовалась немедленная экспедиція. Мѣрамъ, принятымъ Саргономъ, если онѣ и отличались обычною лютостью, нельзя отказать въ цѣлесообразности и разумности, и онѣ должны были произвести впечатлѣніе не мимолетное. Разрушивъ города и выселивъ изъ нихъ обитателей въ Ассирію, онъ построилъ на ихъ мѣстахъ новые

и населилъ ихъ ассиріицами, а для обороны снабдилъ ихъ фортами, такимъ образомъ создавъ на этой опасной окраинѣ ассирійскій охранный кордонъ, крѣпостямъ же далъ характерныя ассирійскія названія: Кар-Шаррукинъ, Кар-Нинибъ и пр. (Кар—«крѣпость»). Нѣкоторыхъ изъ возставшихъ князей онъ казнилъ обычными безчеловѣчными казнями (въ моду съ нѣкоторыхъ поръ вошло сдираніе кожи, вмѣсто сажанія на колъ); другихъ помиловалъ и утвердилъ на княжество, даже отдавая имъ въ придачу города, добровольно покорившіеся, а таковыхъ было немало. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о двадцати двухъ «городскихъ старшинахъ», добровольно сдавшихся, въ другомъ о двадцати восьми, а въ третьемъ даже о тридцати двухъ. Было вполнѣ доказано, что эти возстанія состояли въ прямой связи съ обширнымъ заговоромъ, нити котораго держалъ въ своихъ рукахъ Урза, царь земли Урарту, и Саргонъ, творя судъ и расправу надъ возставшими князьями, естественно соразмѣрялъ свою строгость или милость со степенью ихъ виновности или закоснѣлости.

Кампанія противъ Урарту.

11.—Не ранѣе пятаго года послѣ перваго сѣвернаго возстанія и только послѣ нѣсколькихъ поспѣшныхъ и потому не совсѣмъ удачныхъ экспедицій въ тѣ края, Саргонъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ и обезпеченнымъ съ тыла, чтобы исполнить задуманное рѣшительное нашествіе не только на знакомыя земли гористаго Наири, но и на болѣе отдаленныя и гораздо болѣе неприступныя твердыни Урарту. Объ

эту пору Урза уже очутился почти что одинъ, такъ какъ его союзники постепенно отшатнулись отъ него или погибли въ борьбѣ, отсѣченные, словно вѣтви дерева, обреченнаго на срубъ. Одинъ, однако, еще остался другъ, надежный и вѣрный, готовый раздѣлить его неминуемую участь. То былъ ближайшій сосѣдъ его, Урзана; княжество его, Музазиръ, до сихъ поръ еще не узнано навѣрно и потому не отмѣчено на картахъ, но полагаютъ, что оно прилегало къ Урарту съ запада, на сѣверъ отъ озера Ванъ. Музазиръ, насколько можно судить, былъ, какъ и самъ Урарту, коренною алародской землей, и въ столицѣ его, городѣ Музазирѣ, находилось главное алародское святилище, храмъ бога Халди, «великаго бога» алародовъ, отца и повелителя многочисленныхъ меньшихъ боговъ и богинь, которые, подобно ихъ хеттейскимъ и хананейскимъ родичамъ, вѣроятно были не что иное, какъ мѣстные виды и названія одного и того же божества, чтимаго въ разныхъ соплеменныхъ городахъ и земляхъ. Даже послѣ того, какъ Саргонъ «избилъ неисчислимое множество людей Урзы и 250 человѣкъ изъ его царскаго рода» и забралъ въ плѣнъ всю его конницу,—послѣ того, какъ самъ Урза бѣжалъ въ горы, полагаясь на быстроту своей любимой кобылы, для спасенія своей жизни, Урзана все еще отказывался принять «покровительство Ашура». Онъ, можетъ-быть, надѣялся на неприступность своихъ родныхъ ущелій и дебрей, считая ихъ достаточной защитой отъ непріятеля, уже утомленнаго и от-

части пресыщеннаго кровью и добычей. Самъ Саргонъ называетъ эту мѣстность «краемъ непроходимыхъ для коней, неприступныхъ горъ», и говоритъ, что онъ «поручилъ себя милости боговъ, своихъ пособниковъ», отправляясь съ отборнымъ отрядомъ въ этотъ отчаянный походъ. Когда Урзана убѣдился, что Саргонъ въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ за нимъ по пятамъ и нагоняетъ его, онъ вдругъ палъ духомъ, «улетѣлъ, подобно птицѣ, въ высочайшія горы», т. е. въ ущелья и пещеры, гдѣ никакая погоня не могла настичь его, и никакой слѣдъ, никакая тропинка не могли выдать его притоновъ. Саргонъ, не встрѣчая больше сопротивленія, «взялъ городъ Музазиръ», захватилъ все, что принадлежало бѣглому царю, «его женъ, сыновей, рабовъ, скотъ и всякаго рода казну», и наконецъ «увезъ съ собою бога Халди съ другими богами, и священныхъ сосудовъ ихъ великое множество». Урза, между тѣмъ, голодный, всѣми покинутый, пять мѣсяцевъ скитался одинъ въ горахъ, переходя съ вершинъ въ долины, изъ долинъ опять на вершины, страстно высматривая, выжидая вѣстей. А когда вѣсти, наконецъ, пришли, онъ не снесъ удара. Это такая трагедія, что сухой, дѣловой тонъ ассирійской официальной лѣтописи еще болѣе придастъ ей величія и трогательной простоты:— «Урза услыхалъ о паденіи своей столицы, Музазира, о плѣненіи своего бога Халди. Онъ впалъ въ отчаяніе, узнавъ о побѣдахъ Ашура, и собственной рукой пресѣкъ свою жизнь»... Тутъ, казалось бы, и конецъ царствамъ Урарту и Наири.

Но ничто не сравнится съ жизненной силой всѣхъ этихъ древнихъ народовъ. Всего нѣсколько лѣтъ спустя, въ Урарту уже опять новый царь строитъ козни и мутитъ сосѣдей, и когда преемникъ Саргона падаетъ отъ руки предателей, послѣдніе бѣгутъ въ Урарту, увѣренные, что найдутъ тамъ пріютъ и покровительство.

Экспедиція въ Мидію.

12.—Слѣдующіе затѣмъ три года прошли въ мелкихъ войнахъ: то надо было наказать бывшихъ союзниковъ Урзы,—а нѣкоторыхъ изъ нихъ приходилось искать на очень отдаленныхъ окраинахъ, какъ, напримѣръ, въ Киликіи; то требовалось рѣшить семейный споръ въ какой-нибудь подвластной землѣ, гдѣ два претендента обращались къ посредничеству царя, — или одинъ изъ двухъ просилъ вооруженной помощи, что́ случалось все чаще и чаще въ это и въ слѣдующее царствованіе *); или, наконецъ, приходилось спасать союзнаго государя, котораго собственный народъ хотѣлъ низвергнуть и лишить жизни за подобострастную преданность ассирійскимъ интересамъ, или же отомстить за него, если народъ уже успѣлъ совершить надъ нимъ свой судъ. Эти народныя возстанія, какъ уже замѣчено, представляли грозное знаменіе времени. По такому дѣлу Саргонъ однажды ходилъ въ Мидію, на этотъ разъ не въ извѣстныя, дикія, горныя мѣста, а въ плодородную, цвѣтущую область, гдѣ чередовались холмы, долины и пастбища,—часть того края, который впо-

*) Какъ все это напоминаетъ нашу татарщину!..

слѣдствіи греки называли «настоящей Мидіей»; на памятникахъ же она зовется Эллипъ. Престарѣлый князь этой области, по имени Далта, какъ-то одно время позволилъ себя уговорить присоединиться къ отложившимся мидійскимъ областямъ, но весьма скоро благоразумно вышелъ изъ опасной игры и пріобрѣлъ искреннее расположеніе Саргона твердостью, съ которой онъ держалъ его сторону. «Далта, князь эллипскій»,—пишетъ онъ,—«былъ покоренъ мнѣ и преданъ богу Ашуру. Пятеро изъ его городовъ возстали и отреклись отъ его владычества. Я пришелъ къ нему на помощь, осаждалъ и взялъ тѣ города, переселилъ людей въ Ассирію, съ добромъ ихъ и безчисленными конями». «Я порадовалъ сердце Далты»,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—«и возстановилъ спокойствіе въ его землѣ». При этомъ случаѣ Саргонъ усмирилъ еще нѣсколько областей, или уже возставшихъ, или заразившихся духомъ независимости отъ кочующихъ мидійскихъ племенъ восточныхъ степей, и принялъ присягу не менѣе сорока пяти мидійскихъ «городскихъ старшинъ», пославшихъ ему въ даръ нѣсколько тысячъ лошадей, да «ословъ и овецъ неисчислимое множество».

Народное возстаніе въ Ашдодѣ.

13.—Почти такой же случай отозвалъ Саргона въ послѣдній разъ къ средиземному прибрежью. Въ филистимскомъ городѣ Ашдодѣ народъ возсталъ, умертвилъ князя, ставленника ассирійскаго царя, и поставилъ на его мѣсто собственнаго избранника, нѣкоего Ямана или Явана, «не наслѣдника престола». Жители приготовились къ

оборонѣ, укрѣпили городъ, обведенный глубокимъ рвомъ, провели туда воду изъ горныхъ ключей. Филистимляне, іудеи, эдомиты, моавитяне «держали измѣнническія рѣчи. Народы и безбожные вожди ихъ, чтобы бороться противъ меня (Саргона), носили дары къ фараону, царю египетскому, который спасти ихъ не былъ въ состояніи, и умоляли его о союзѣ». Но при всѣхъ этихъ приготовленіяхъ, военныхъ и дипломатическихъ, ужасъ, въ то время внушаемый однимъ ассиріискимъ именемъ, былъ еще настолько великъ, что, при одномъ слухѣ о приближеніи рати, выскочка-князь бѣжалъ къ предѣламъ Эѳіопіи, «и слѣда его не видать было», «оставивъ своихъ боговъ, жену и сыновей. все свое имущество и всѣ свои драгоцѣнности, находившіяся во дворцѣ, вмѣстѣ съ обитателями земли, на плѣнъ и неволю». Но Саргонъ, слѣдуя своему неизмѣнному правилу, построилъ новые города на мѣстѣ разоренныхъ и населилъ ихъ плѣнными съ востока, которыхъ онъ, по собственному его довольно неуклюжему выраженію, «сдѣлалъ все равно что ассиріицами». А помоши изъ Египта такъ и не пришло никакой; не дождалась ея и Самарія. Мало того, царь эѳіопскій (онъ же и египетскій) просилъ ассиріица о помилованіи, заковалъ Ямана въ желѣзныя цѣпи и выдалъ его головой. Этой низкой измѣной, этимъ нарушеніемъ законовъ чести и гостепріимства, онъ доставилъ Египту еще краткую отсрочку.

Воевода замѣщаетъ царя въ походахъ.

14.—Этой экспедиціей царь, какъ видно, не командовалъ лично. хотя въ надписяхъ своихъ и говоритъ въ первомъ лицѣ. Пророкъ Исаія

такъ и повѣствуетъ: «Тартанъ пришелъ къ Азоту (Ашдоду), бывъ присланъ отъ Саргона, царя ассирійскаго, и воевалъ противъ Азота, и взялъ его» (XX, 1). Трудно разобрать по памятникамъ, когда цари посылали вмѣсто себя воеводъ, потому что они большей частью разсказываютъ ходъ кампаніи все-таки отъ своего лица и себѣ присваиваютъ честь побѣдъ. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что Саргонъ проводилъ не мало времени въ собственномъ царствѣ, такъ какъ онъ былъ государь мудрый и очень заботился о домашнихъ дѣлахъ; да кромѣ того, у него было одно любимое дѣло, которымъ онъ занимался лично,—объ этомъ рѣчь еще впереди.

Мародахъ-Баладанъ готовится къ войнѣ.

15.—Теперь ничто уже не мѣшало разыграться великой драмѣ, которою должно было заключиться это изумительное царствованіе, а именно—борьбѣ изъ-за Вавилона. Двѣнадцать лѣтъ халдейскій князь возсѣдалъ на престолѣ южной столицы, словно на-смѣхъ Саргону, который, мимоходомъ наказавъ его союзника, царя эламскаго, былъ принужденъ обстоятельствами оставить его самого въ покоѣ и даже нѣкоторымъ образомъ признать его право на престолъ, такъ какъ онъ неоднократно называетъ его «царемъ вавилонскимъ». Понятно, что удача дерзкаго честолюбца была для него постоянной занозой, и что, чѣмъ долѣе обстоятельства заставляли его откладывать свое мщеніе, тѣмъ страшнѣе оно должно было разразиться, когда онъ удосужился наконецъ посвятить себя нераздѣльно войнѣ, которую онъ твердо рѣшилъ довести до горькаго, убійственнаго

конца. Объ одной важной статьѣ онъ нашелъ возможность позаботиться даже среди многочисленныхъ занятій и заботъ, которыми онъ былъ заваленъ во всѣ эти двѣнадцать лѣтъ: онъ обезпечилъ себѣ самыя лучшія отношенія съ жрецами Вавилона и прочихъ городовъ, имѣвшихъ знаменитые храмы: зная, что это могущественное, богатое сословіе стоитъ во главѣ недовольныхъ, онъ сумѣлъ, частыми и щедрыми дарами, аккуратно исчисленными въ его надписяхъ, поддавать еще больше жара ихъ любви къ Ассиріи и ненависти къ халдейскому узурпатору. Меродахъ-Баладанъ, со своей стороны, зналъ очень хорошо, что день расправы долженъ наступить, и готовился къ нему всѣми средствами, какими онъ располагалъ, причемъ проявлялъ большую предусмотрительность и неутомимую дѣятельность. Да и наконецъ— не онъ ли «морской царь», «основавшій обитель свою среди самыхъ водъ моря Восхода? онъ надѣялся на море и на притоны среди тростниковъ». Эти слова намекаютъ на его родовое княжество Бит-Якинъ и болотистую полосу между устьями двухъ великихъ рѣкъ (въ то время еще далеко отстоявшими одно отъ другого), которая простиралась до самаго Элама и представляла ему большія удобства для тайныхъ спошеній съ сосѣдомъ, а въ крайнемъ случаѣ и для бѣгства. Но болѣе всего онъ полагался на союзы съ иностранными государями и на дипломатическія интриги. Онъ сознавалъ, что, для его цѣлей, мало близкихъ отношеній съ однимъ царемъ эламскимъ Сутрук-Наихунди (преемникомъ его прежняго дру-

га, Хумбанигаша), и Саргонъ сѣтуетъ, что, «противно волѣ боговъ Вавилона, города Бэла, судьи боговъ», Меродахъ-Баладанъ, «обманщикъ и лиходѣй», возмутилъ противъ него «всѣхъ кочевниковъ степей», также какъ и всѣ земли Шумира и Аккада, и цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ «разсылалъ посольства». Какое же значеніе имѣли эти «посольства», намъ хорошо извѣстно.

Посольство къ Езекіи, царю іудейскому.

16.—Подробное и живое описаніе одного такого посольства мы находимъ въ Библіи, въ 4-й Книгѣ Царствъ. Меродахъ-Баладанъ, зная, что Езекія, царь іудейскій, соблюдалъ строгій нейтралитетъ и не нарушилъ его, даже когда царство израильское погибло у него на глазахъ, разсудилъ, что полезно было бы заручиться такимъ союзникомъ, потому что онъ, въ долгіе мирные годы, долженъ былъ накопить значительныя сбереженія, и если бы удалось уговорить его и оставшихся немногихъ независимыхъ государей еще разъ соединить свои силы и дѣйствовать дружно, то они могли бы надѣлать Саргону не мало хлопотъ, пока онъ застрянетъ въ болотахъ у Персидскаго залива. Случилось такъ, что Езекія около этого времени занемогъ и чуть не умеръ. Онъ и домъ свой уже привелъ въ порядокъ, и выздоровленіе его было великимъ чудомъ, слава о которомъ пронеслась по всѣмъ окрестнымъ землямъ, вмѣстѣ съ молвою о его богатствѣ и благоденствіи. Во 2-й Книгѣ Паралипоменонъ (XXXII, 27—29) мы про этого царя читаемъ слѣдующее: «И было у Езекіи богатства и славы весьма много, и хранилище онъ сдѣлалъ у себя для серебра и золота, и кам-

пей драгоцѣнныхъ, и для ароматовъ, и щитовъ, и для всякихъ драгоцѣнныхъ сосудовъ; и кладовыя для произведеній земли, для хлѣба, вина и масла, и стойла для всякаго рода скота, и дворы для стадъ. И города построилъ себѣ. И стадъ мелкаго и крупнаго скота было у него множество, потому что далъ ему Богъ весьма большое имущество». Подобными слухами не могъ не соблазняться человѣкъ, такъ сильно нуждающійся въ казнѣ и поддержкѣ, какъ Мародахъ-Баладанъ, и онъ рѣшился развѣдать, насколько они справедливы. Болѣзнь и чудесное исцѣленіе Езекіи подали ему прекрасный случай и предлогъ для «посольства». Не нужно было и скрываться: почему не послать открыто поздравленіе дружественному государю? Итакъ, онъ отправилъ пословъ съ подаркомъ.

Езекія впадаетъ въ ловушку.

17.—Легко можно себѣ представить оказанный посламъ пышный пріемъ и церемонную восточную вѣжливость, съ которой они справили явную часть своего порученія. Что разговоръ скоро коснулся иныхъ предметовъ и что хитрые халдеи стали выпытывать у іудейскаго царя все, что имъ нужно было знать, искусно льстя его тщеславію,— о томъ не трудно догадаться изъ слѣдующаго разсказа пророка Исаіи (Кн. Пр. Исаіи, XXXIX): «И обрадовался посланнымъ Езекія, и показалъ имъ домъ сокровищъ своихъ, серебро и золото, и ароматы, и драгоцѣнныя масти, весь оружейный свой домъ, и все, что находилось въ сокровищницахъ его,— ничего не осталось, чего не

показалъ бы имъ Езекія въ домѣ своемъ и во всемъ владѣніи своемъ». Послы очевидно нѣсколько вскружили голову доброму царю, и онъ послѣдовалъ порыву своему, не испросивъ совѣта и даже безъ вѣдома своего мудраго наставника, который затѣмъ повѣствуетъ: «И пришелъ пророкъ Исаія къ царю Езекіи, и сказалъ ему: «что говорили эти люди? и откуда они приходили къ тебѣ?» Езекія сказалъ: «изъ далекой земли приходили они ко мнѣ, изъ Вавилона.» Этотъ краткій и явно уклончивый отвѣтъ еще болѣе возбудилъ, или, вѣрнѣе, подтвердилъ подозрѣнія пророка-министра, и онъ спросилъ царя: «Что̀ видѣли они въ домѣ твоемъ?» На такой прямой вопросъ Езекія признался: «видѣли все, что̀ есть въ домѣ моемъ; ничего не осталось въ сокровищницахъ моихъ, чего бы я не показалъ имъ». Тогда Исаія сильно прогнѣвался, понимая, что сдѣлана непоправимая ошибка, такъ какъ у царя ассирійскаго при всѣхъ дворахъ были соглядатаи и доносчики, и до него непремѣнно должна была дойти вѣсть и о посольствѣ, и о тайныхъ совѣщаніяхъ, и о сокровищахъ. И пророкъ объявилъ царю, не щадя его самолюбія, какія послѣдствія его непростительная неосторожность повлечетъ за собою въ весьма недалекомъ будущемъ: «Выслушай же слово Господа Саваоа: вотъ, придутъ дни, и все, что̀ есть въ домѣ твоемъ, и что̀ собрали отцы твои до сего дня, будетъ унесено въ Вавилонъ»! И еще онъ объявилъ, что даже сыновья царевы будутъ уведены въ неволю и сдѣлаются рабами во дворцѣ

царя вавилонскаго. Езекія тѣмъ временемъ успѣлъ одуматься и сознать свою ошибку, но возраженіе его пророку дышало скорѣе упорствомъ, чѣмъ раскаяніемъ: «Благо»,—сказалъ онъ,—«благо слово Господне, которое ты изрекъ, потому что миръ и благосостояніе пребудутъ во дни мои». Этимъ онъ давалъ понять, въ сердцахъ, что ему дѣла нѣтъ до того, что̀ будетъ послѣ его смерти, лишь бы благополучія хватило на *его* вѣкъ. Если Іудея въ самомъ дѣлѣ была замѣшана въ возстаніи Ашдода вмѣстѣ съ Моавомъ и Эдомомъ, какъ на то есть намекъ, то это было вѣроятно вслѣдствіе этого самаго посольства. Особенно бѣдственныхъ послѣдствій, впрочемъ, дѣйствительно не произошло до слѣдующаго царствованія.

Саргонъ идетъ на Халдею.

18.—Съ той минуты, какъ у Саргона со всѣхъ сторонъ были развязаны руки, Меродахъ-Баладанъ зналъ, что пробилъ его часъ, и смѣло самъ вызвалъ грознаго противника на открытіе военныхъ дѣйствій, отказавъ въ дани. Саргонъ, во всю эту кампанію выдерживая роль борца за вавилонскихъ великихъ боговъ и освободителя южной столицы и древнихъ, храмовыхъ городовъ, предпосылаетъ своему повѣствованію торжественное заявленіе, что самъ Мардукъ—(слѣдуетъ замѣтить, что при этомъ случаѣ нѣтъ рѣчи ни объ Ашурѣ, ни о другихъ спеціально ассирійскихъ богахъ),—что самъ Мардукъ избралъ его изо всѣхъ царей своимъ отомстителемъ, «возвысилъ главу его въ земляхъ Шумира и Аккада и усугубилъ его силы, дабы онъ могъ преодолѣть халдейцевъ, народъ мятежный и злостный»? Царь вполнѣ созна-

валъ, что имѣлъ дѣло съ недюжиннымъ врагомъ. И однако, въ начавшейся теперь борьбѣ халдейцамъ съ самаго начала не повезло. Саргонъ показалъ себя отмѣннымъ тактикомъ, раздѣливъ армію на два корпуса, однимъ изъ которыхъ командовалъ самъ. Крѣпости, защищавшія Вавилонъ съ сѣвера, сдались ему, а кочующія арамейскія племена съ нѣсколькими вавилонскими передовыми отрядами, посланными на сѣверъ для отпора первому непріятельскому натиску, съ цѣлью задержать его подольше, были разбиты и сразу разбѣжались. Другой корпусъ въ то же время дѣйствовалъ на востокѣ отъ Тигра, не давая вздохнуть Эламу, отбирая тамъ крѣпость за крѣпостью и занимая цѣлыя области, не говоря уже о плѣнныхъ, скотѣ и всякой добычѣ, и препятствуя соединенію эламитскихъ и халдейскихъ войскъ. Такимъ образомъ Саргонъ, осторожно, но неуклонно подвигаясь впередъ, перешелъ Евфратъ и расположился главною квартирой въ одномъ изъ халдейскихъ городовъ.

Меродахъ-Баладанъ бѣжитъ въ Эламъ.

19.—Меродахъ-Баладанъ не сталъ дожидаться Саргона въ Вавилонѣ. И теперь еще, въ послѣднюю минуту, надѣясь получить подкрѣпленія изъ Элама, если онъ пойдетъ за ними самъ, онъ скрылся изъ своей столицы ночью, «подобно филину», и пробрался въ Эламъ ему одному извѣстными дорогами. Сутрукъ-Нанхунди, тѣмъ временемъ бѣжавшій въ далекія горы, «ради спасенія жизни своей», не выказалъ никакой охоты затягиваться еще глубже въ такую рискованную борьбу. Тщетно Меродахъ-Баладанъ со-

блазнялъ его разными драгоцѣнностями, предлагая подарить ему свой тронъ, скипетръ, парадный зонтъ, весь изъ чистаго серебра, «вѣса немалаго»,—эламитъ оставался глухъ и къ доводамъ, и къ посуламъ. Тогда халдеецъ, выведенный изъ терпѣнія, взялъ силой и угналъ столько скота, сколько попалось ему подъ руку, и возвратился тѣми же секретными путями, но уже не въ Вавилонъ, а въ свою родовую приморскую столицу, Дур-Якинъ, и тамъ сталъ готовиться къ послѣдней, рѣшительной борьбѣ.

Саргонъ вступаетъ въ Вавилонъ «по приглашенію».

20.—Дѣло въ томъ, что въ Вавилонъ ему уже нельзя было вернуться. Какъ только онъ ушелъ оттуда тайкомъ, къ Саргону, въ его главную квартиру, отправилось торжественное посольство отъ самой столицы и главнаго предмѣстья ея, Борсиппы,—все родовитые сановники и «ученые книжники»,—съ изображеніями боговъ-хранителей обоихъ городовъ, Бэл-Мардука и Набу съ ихъ супругами,—умолять его вступить въ осиротѣлую столицу. Онъ конечно не заставилъ себя просить и не только принесъ искупительныя жертвы, но, въ послѣдовавшій мирный промежутокъ, совершилъ тотъ священный и таинственный обрядъ, который называется: «брать руки Бэла». Этимъ кончилась кампанія перваго года.

Взятіе Дур-Якина.

21.—Меродахъ-Баладанъ, между тѣмъ, оставался въ своемъ княжествѣ, и укрѣплялъ столицу свою, Дур-Якинъ, куда онъ перевезъ «боговъ пребывавшихъ и въ другихъ городахъ», чтобы спасти ихъ отъ плѣна. Затѣмъ онъ потребовалъ воен-

ную контрибуцію отъ Ура, Ларсы и другихъ вавилонскихъ городовъ, и чуть ли не увезъ и у нихъ боговъ, только не съ дружелюбнымъ намѣреніемъ, а скорѣе въ видѣ заложниковъ. Свой городъ онъ окружилъ глубокимъ, широкимъ рвомъ, въ который вода проводилась прямо изъ Евфрата, нарочно для того вырытыми каналами съ шлюзами. Онъ ничего не забылъ. И несмотря на это, Дур-Якинъ палъ отъ перваго приступа: такъ тонка была тактика Саргона, такъ велика слава его имени, храбрость и дрессировка его войскъ. Меродахъ-Баладанъ укрылся въ крѣпости, предоставивъ побѣдителю свою роскошно убранную походную ставку. Городъ былъ взятъ, дворецъ разграбленъ до-чиста: ассирійцы изъ него унесли «все золото и серебро, и все имущество, съ великою добычею изъ города». Одна надпись гласитъ, что не только жена халдейскаго князя, его сыновья и дочери попали въ плѣнъ, но и онъ самъ былъ взятъ. Въ другой надписи просто сказано: «И сей самый Меродахъ-Баладанъ, сознавая свое слабосиліе, убоялся; великій страхъ передъ моимъ царскимъ гнѣвомъ обуялъ его; онъ бросилъ свой жезлъ и престолъ; въ присутствіи моего посла онъ лобызалъ землю; онъ покинулъ свои замки, бѣжалъ, и слѣдъ его пропалъ». Изъ этихъ двухъ разсказовъ, вѣренъ, должно-быть, послѣдній; или же плѣнника ужъ очень плохо сторожили, потому что онъ дѣйствительно бѣжалъ и на время исчезъ; но онъ и не думалъ отказываться отъ борьбы, какъ мы сейчасъ увидимъ.

22.—Самъ городъ Дур-Якинъ былъ срытъ до основанія, или, говоря реалистическимъ языкомъ надписей, былъ «обращенъ въ груды». Въ немъ находилось немало людей изъ Сиппары, Ниппура и Вавилона, переселенныхъ туда, вѣроятно, насильно. Ихъ Саргонъ отпустилъ въ ихъ родные города, съ миромъ и честью, и «заботился о нихъ», и кромѣ того городамъ этимъ возвратилъ нѣкоторыя земли, отнятыя у нихъ много лѣтъ назадъ какими-то кочевниками, теперь примкнувшими къ Меродахъ-Баладану. Онъ также возвратилъ городамъ увезенныхъ у нихъ боговъ, и снова ввелъ въ силу разные законы и обычаи, полузабытые за послѣдніе годы, и вообще старался пріобрѣсть расположеніе обывателей, по возможности удовлетворяя ихъ жалобы и прошенія. Умиротворивъ такимъ образомъ на время Халдею, онъ вернулся въ Вавилонъ, гдѣ былъ принятъ восторженно и порадовалъ сердца жрецовъ щедрыми дарами и взносами въ казну великихъ храмовъ.

Примирительная политика Саргона.

23.—Самое имя Саргона имѣло какую-то чудодѣйственную силу. Это видно изъ того, съ какою легкостью онъ превозмогалъ величайшія препятствія; изъ того, какое слабое сопротивленіе онъ встрѣчалъ тамъ, гдѣ были сдѣланы приготовленія къ самой отчаянной борьбѣ, и особенно изъ того, какой ужасъ слава его наводила на отдаленныя земли и сколько народовъ добровольно подчинялись ему. Особенно польстило его тщеславію посольство, явившееся къ нему отъ семи князей, управлявшихъ небольшими княжествами

Посольства отъ семи князей острова Кипра.

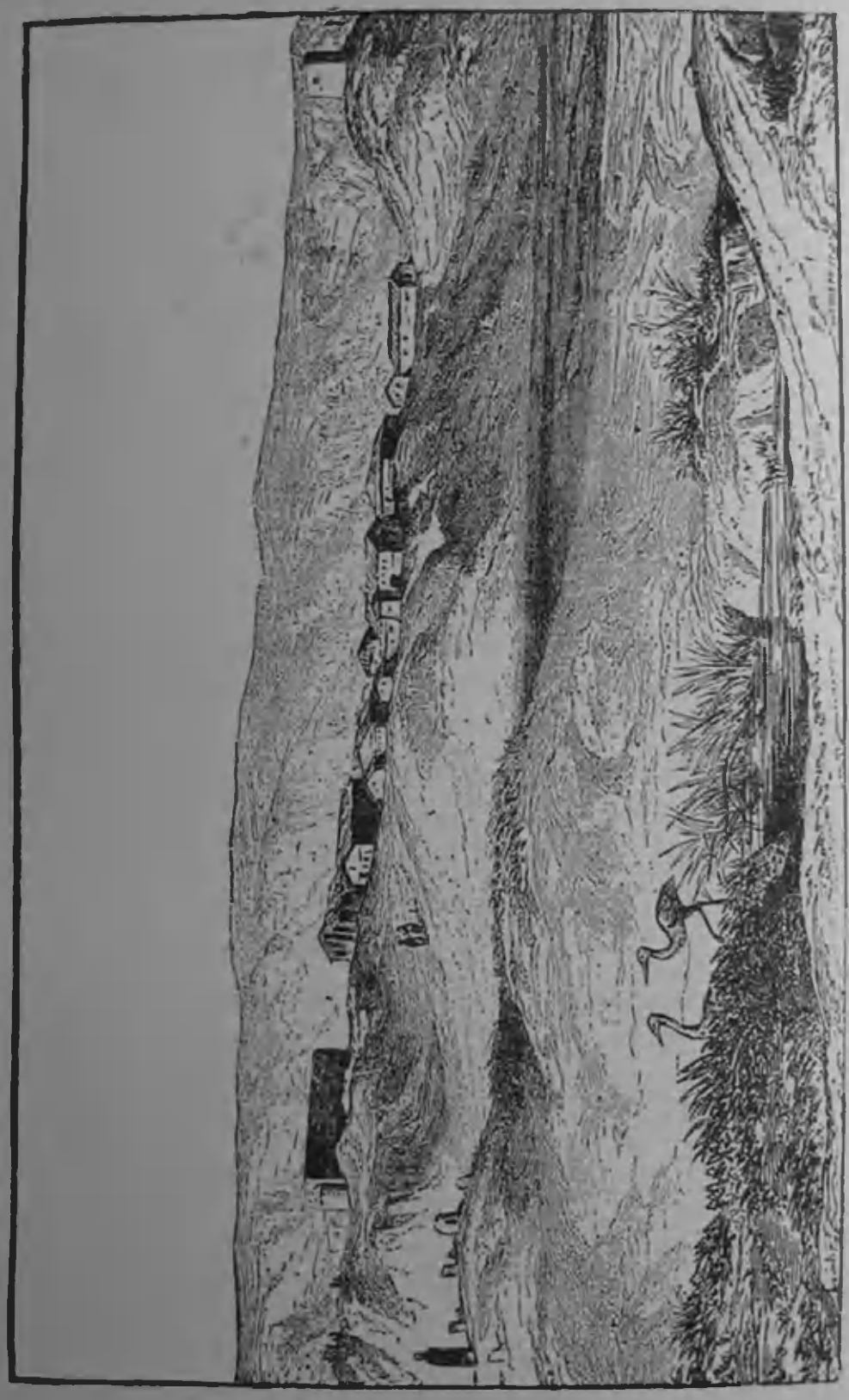
на островѣ Кипрѣ. Островъ этотъ онъ называетъ Ятнанъ и говоритъ, что онъ находится «на разстояніи семи дней плаванія, посреди Моря Заката»,—явное преувеличеніе. Однако, такъ какъ онъ тутъ же говоритъ, «что имена этихъ земель не были извѣстны царямъ, отцамъ его, съ отдаленнѣйшихъ временъ», то эту ошибку можно, пожалуй, приписать простительному невѣдѣнію скорѣе, чѣмъ хвастовству. Какъ бы то ни было, онъ съ очевиднымъ удовольствіемъ разсказываетъ, какъ эти семь князей, прослышавъ о его великихъ подвигахъ въ Сиріи и объ «униженіи царя халдейскаго», «побороли свою гордость и смирились», «явились къ нему въ Вавилонъ (въ лицѣ пословъ своихъ) и привезли (т. е. прислали) золота, серебра, чернаго дерева, сандала, разныя орудія и издѣлія ихъ родной земли, и облобызали его ноги». Должно полагать, что онъ милостиво принялъ эти любезности; посламъ же, взамѣнъ привезенныхъ даровъ, онъ далъ плиту *(стелу)* со своимъ изваяннымъ изображеніемъ во весь ростъ, съ краткой надписью, излагающей главные его подвиги. Плита эта съ достодолжнымъ почтеніемъ была поставлена на площади, въ одномъ изъ городовъ острова Кипра, гдѣ и была найдена недавно въ отлично сохраненномъ видѣ. Теперь она составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній берлинскаго музея.

Послѣдніе подвиги Саргона.

24.—Незадолго передъ тѣмъ Саргонъ принималъ такимъ же порядкомъ подарки и поклоны отъ нѣкоего князя съ острова Дильмуна, въ то время находившагося въ Персидскомъ заливѣ,

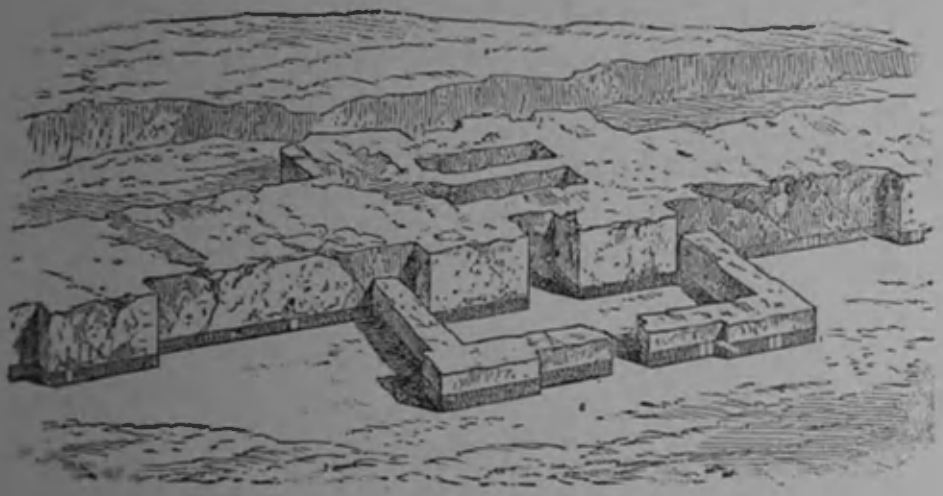
нынѣ же захваченнаго низкимъ береговымъ аллювіемъ, а также отъ нѣкоторыхъ союзниковъ Урзы, царя Урарту, проживавшихъ въ горахъ сѣверо-запада и долгое время не дававшихъ покоя ассирійскимъ намѣстникамъ, пока наконецъ, отчаявшись въ успѣхѣ, они не отправили пословъ въ царскій лагерь, заявить о своей покорности. Этимъ, въ сущности, оканчивается военная дѣятельность Саргона. Правда, миръ былъ нарушенъ еще два раза въ его царствованіе: однажды—незначительнымъ движеніемъ въ Урарту, гдѣ слегка мутилъ преемникъ Урзы, да еще краткой войною съ Эламомъ; но оба раза царь посылалъ воеводъ, самъ же оставался въ Ассиріи. Столкновеніе съ Эламомъ вышло изъ-за престолонаслѣдія. Далта, царь эллипскій, всю жизнь оставался преданнымъ Ассиріи; но «нашли на него старческія немощи, и онъ пошелъ по стезѣ смерти». Тогда каждый изъ его двухъ сыновей (отъ разныхъ матерей), сталъ «домогаться царскаго престола, владычества надъ землею и взиманія податей». Одинъ обратился къ Сутрук-Нанхунди, царю эламскому, прося его поддержки и предлагая залоги въ своей вѣрности. Другой братъ молилъ Саргона принять въ немъ участіе, обѣщая быть ему покорнымъ. На помощь ему было выслано цѣлыхъ семь воеводъ, и эламитскій царь съ его претендентомъ, конечно, былъ разбитъ.

25.—Наконецъ-то Саргонъ удосужился заняться исключительно мирною и художественной задачею, къ которой онъ уже много лѣтъ готовился, Основаніе города Дур-Шаррукинъ.



Хорсабадскій курганъ съ селомъ.

но за исполненіемъ которой могъ лично наблюдать лишь изрѣдка, въ немногіе свободные дни, перепадавшіе среди неустанныхъ военныхъ трудовъ. Задача эта была — построеніе новаго царскаго дворца и цѣлаго города, совершенно отдѣльнаго отъ прежнихъ столицъ. Ниневія давно была заброшена такъ какъ Калахъ сдѣлался любимымъ мѣстопребываніемъ царей съ тѣхъ поръ, какъ Ашурназирпалъ перестроилъ его. Теперь же



Стѣна и ворота Дур-Шаррукина
(очищенныя раскопками).

возникли новый городъ и дворецъ—Дур-Шаррукинъ (т. е. «Саргоновъ городъ»). Это—тотъ самый дворецъ, который Ботта раскопалъ въ 1842 г. въ Хорсабадѣ *). Исторія построенія его крайне интересна, особенно если передать ее собственными словами Саргона, который пространно разсказываетъ ее въ двухъ длинныхъ надписяхъ; изъ нихъ одна — на крылатыхъ быкахъ, другая—на большомъ цилиндрѣ, заложен-

*) См. «Исторію Халдеи», стр. 22—25.

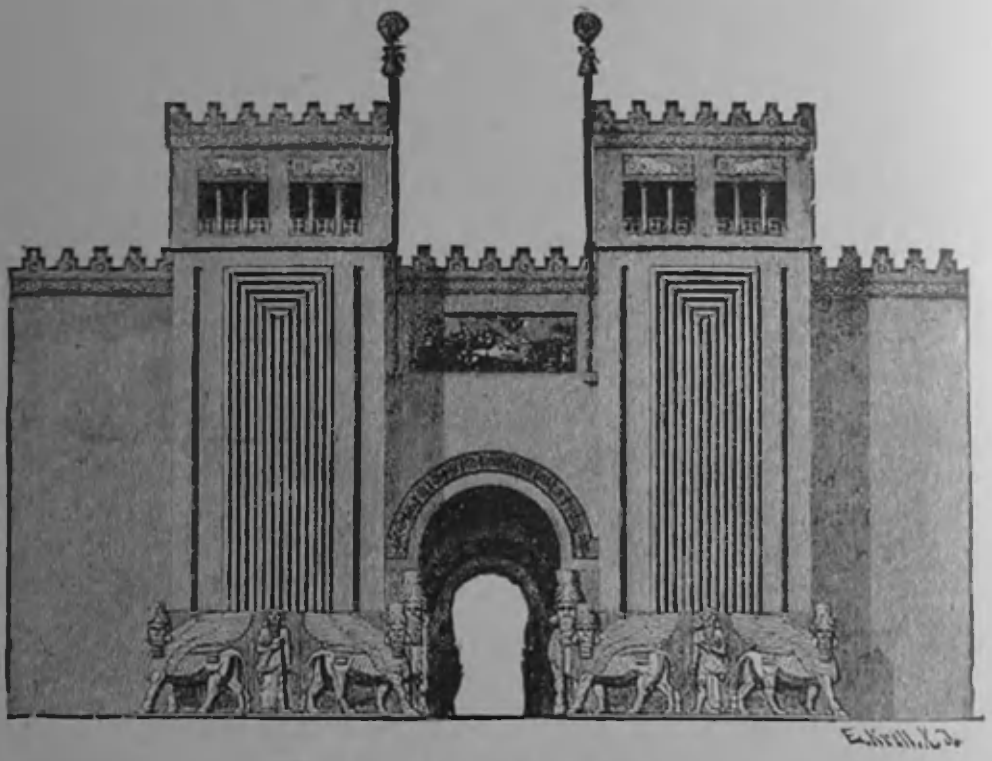
номъ въ фундаментѣ. И еще повторяется тотъ же разсказъ, такъ же торжественно, но въ сокращенномъ видѣ, въ двухъ длинныхъ историческихъ надписяхъ того же царя. Въ самомъ дѣлѣ, лѣтописные памятники этой эпохи настолько превосходятъ, въ литературномъ отношеніи, документы болѣе ранняго періода, что пріятно приводить изъ нихъ отрывки, и исторія всего послѣдняго столѣтія существованія Ассиріи значительно выигрываетъ, если излагать ее собственнымъ живымъ, характернымъ и часто картиннымъ языкомъ подлинныхъ текстовъ.

Приготовленія къ работамъ.

26.—«Денно и нощно»,—говоритъ Саргонъ,—«имѣлъ я въ помышленіяхъ воздвигнуть обители для великихъ боговъ и дворцы для пребыванія моего царскаго величія, и я приказалъ приступить къ работамъ». Мѣсто было выбрано нѣсколько повыше Ниневіи, тамъ, гдѣ нѣкогда стоялъ чрезвычайно старинный городъ Музри, отъ котораго остались однѣ развалины, да высохшій, засоренный каналъ. Работы начались, должно-быть, въ 712-мъ году, и весьма вѣроятно, что Саргонъ ввѣрилъ экспедицію противъ Ашлода своему тартану именно для того, чтобы самому наблюдать за ними на мѣстѣ. Онъ началъ съ того, что насадилъ кругомъ будущаго города обширный паркъ, въ подражаніе лѣснымъ ландшафтамъ горной цѣпи Аманоса: «всякаго рода лѣсъ, какой растетъ въ землѣ Хатти, и всякіе виды лѣсныхъ злаковъ». Онъ рѣшилъ не пятнать насиліемъ и беззаконіемъ начала новаго города, изъ боязни навлечь на него гнѣвъ великихъ боговъ, которыхъ

Дворецъ Саргона въ Хорсабадѣ.
(Реставрація Пласа)

онъ намѣревался пригласить поселиться въ немъ. И потому, подобно Давиду и Аврію, онъ купилъ за хорошую цѣну выбранный имъ холмъ. Намекая на одно изъ значеній своего имени (см. стр. 279), Саргонъ заявляетъ: «Согласно значенію имени моего, даннаго мнѣ богами, дабы я былъ хранителемъ правды и правосудія, руководилъ безсиль-



Ворота Дур Шаррукина.
(Реставрація).

ными и щадилъ слабыхъ, я заплатилъ надлежащую цѣну за землю подъ городъ мой, оцѣнивъ ее по закону, владѣльцамъ оной; и для того, чтобы никакъ не обидѣть ихъ, я далъ тѣмъ, которые не пожелали брать денегъ за свою землю, другіе участки, одинаковой цѣнности, по ихъ выбору...» «Святымъ пророкамъ, учителямъ моимъ,

Изваянія по обѣимъ сторонамъ воротъ Дур-Шаррукина.
(См. слѣдующіе два рисунка).

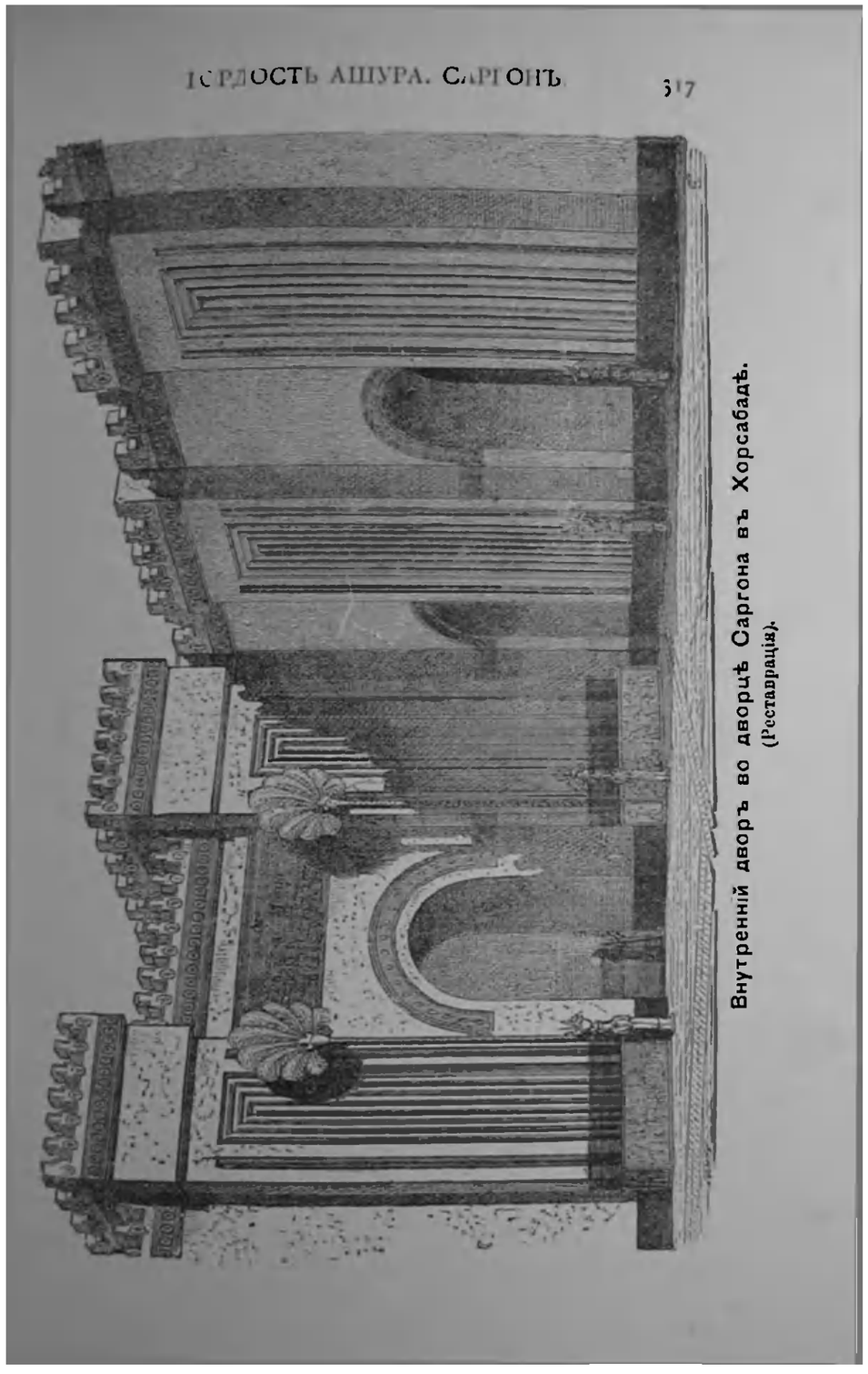
Крылатый быкъ внутри воротъ.

Гильгамешъ, душащій льва.
(Съ фасада хорсабадскаго дворца).

благоугодно было благословить благочестивое изреченіе устъ моихъ, и они разрѣшили строить городъ и рыть каналъ». Не только закладка, но даже изготовленіе кирпичей и сооруженіе насыпи, — все происходило съ молитвами, жертвоприношеніями, воздѣваніемъ рукъ и возліяніями, въ особенно праздничные и «легкіе» дни, въ мѣсяцы, посвященные благопріятнымъ божествамъ. Все это мѣсто кишитъ миѳологическими выраженіями, намеками на религіозные обряды и обычаи, которые было бы крайне интересно вполнѣ разъяснить, но, къ сожалѣнію, еще не имѣется вполнѣ достаточнаго для этого матерьяла.

Великолѣпіе новаго города.

27.—Первыми воздвиглись храмы почти что всѣмъ «великимъ богамъ». Затѣмъ слѣдовалъ дворецъ, изъ слоновой кости, изъ пальмоваго, кедроваго, кипарисоваго дерева и прочаго драгоцѣннаго лѣса; «съ преддверіемъ, по образцу хеттейскихъ дворцовъ»; съ дверями изъ пальмоваго и кипарисоваго дерева, обшитаго блестящей бронзой (вѣроятно, въ родѣ Балаватскихъ воротъ). Городъ, отъ котораго не найдено ничего, кромѣ прекрасно мощеныхъ улицъ, имѣлъ восемь воротъ, названныхъ по главнымъ богамъ: двое на востокъ, посвященныхъ Шамашу и Рамману; двое на сѣверъ, посвященныхъ Бэлу и Бэлтѣ; двое на западъ, посвященныхъ Ану и богинѣ Иштаръ; двое на югъ, посвященныхъ богу Эа и «Царицѣ боговъ». Стѣны были названы въ честь Ашура, а валы — въ честь Нинива. Ворота эти, должно-быть, были величественны и великолѣпны, съ ихъ парами

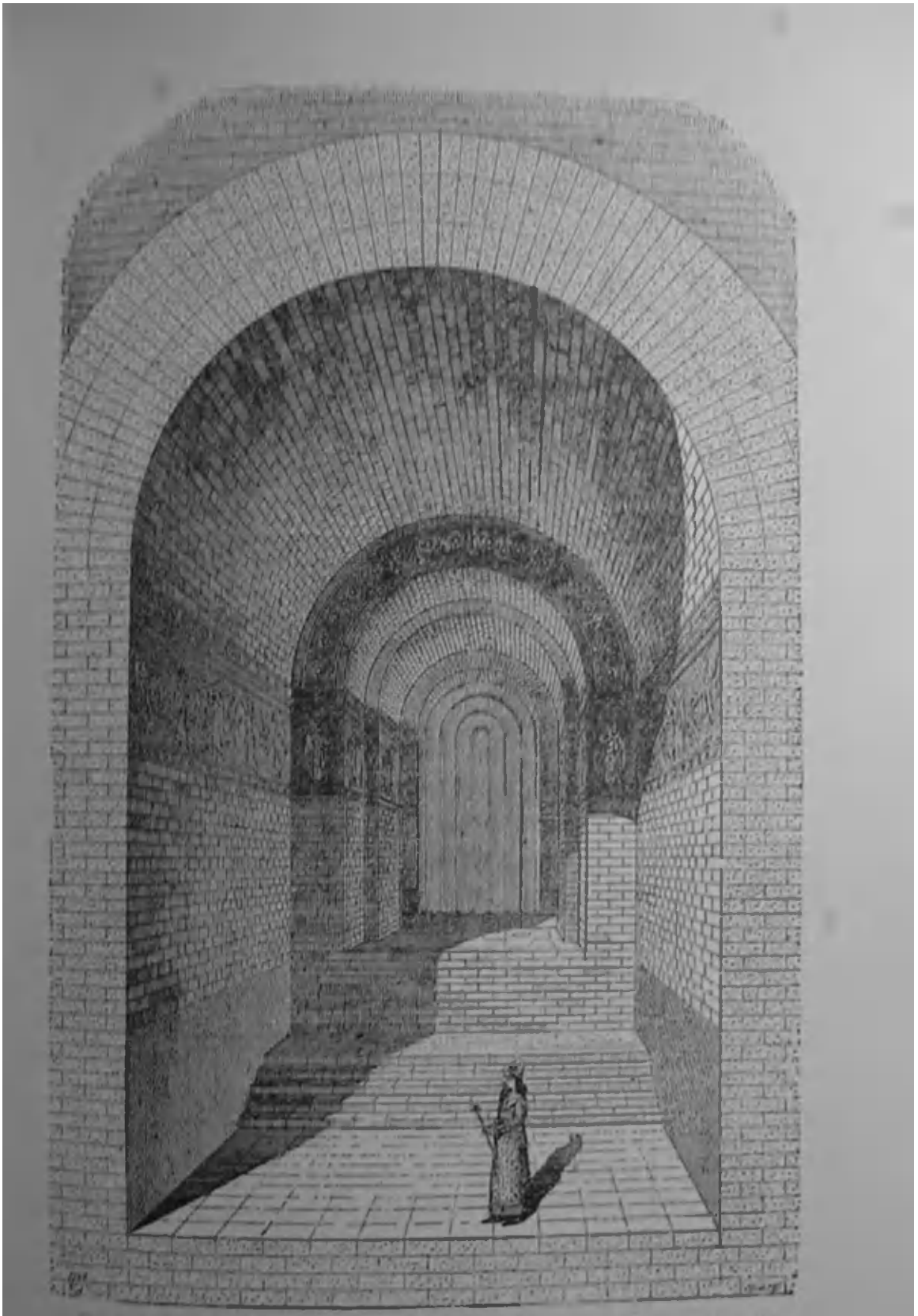


Внутренній дворъ во дворцѣ Саргона въ Хорсабадѣ.
(Реставрація).

колоссальныхъ крылатыхъ быковъ, спокойныхъ и величавыхъ, симметрически разставленныхъ внутри воротъ и, въ профиль, вдоль стѣны, по обѣ стороны исполинскаго изображенія Гильгамеша, душашаго льва. На этихъ стражей призывается особое благословеніе: «Ашуръ да благословитъ городъ сей, и дворецъ сей! Да облечетъ онъ сіи строенія вѣчнымъ блескомъ! Да сподобитъ онъ ихъ быть обитаемыми до самыхъ дальнихъ дней! Изваянный быкъ, духъ хранитель, да будетъ стоять вѣчно передъ лицомъ его! Да сторожитъ онъ денно и нощно, и ноги его да не сдвинутся никогда съ сего порога!»

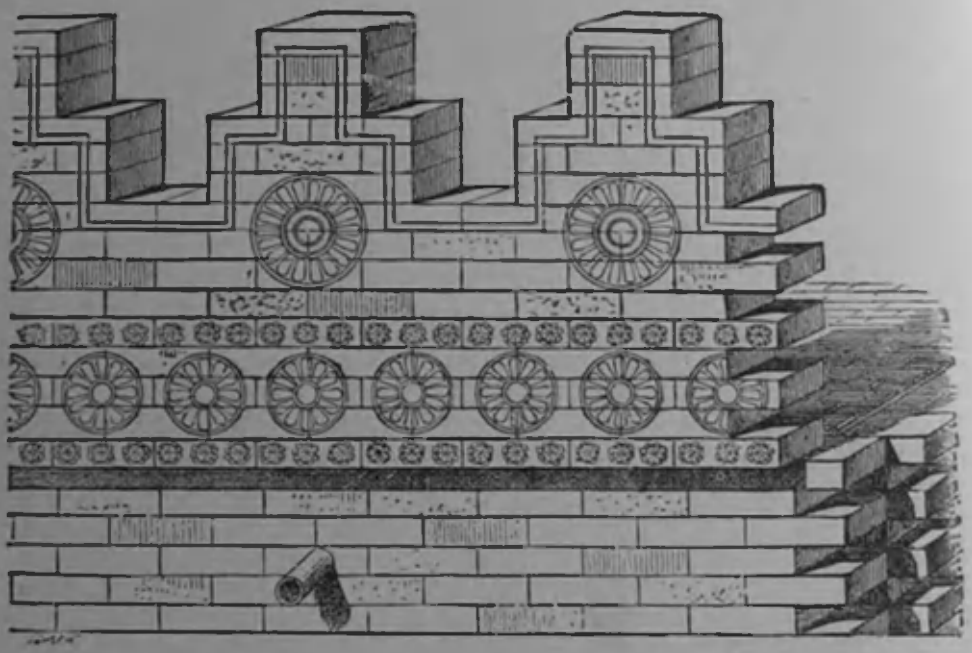
Обиліе изваяній во дворцѣ Саргона.

28. — Понадобилась бы цѣлая длинная глава для того, чтобы сколько-нибудь достойно описать всѣ красоты этого дивнаго зданія,—дворца Саргона, изученнаго и описаннаго основательнѣе всѣхъ прочихъ, потому что онъ оказался наилучше сохранившимся изо всѣхъ ассирійскихъ дворцовъ. Въ немъ нѣтъ ни одной детали, которая не восхищала бы рѣдкой тонкостью отдѣлки; но по недостатку мѣста мы должны ограничиться немногими образчиками. А изваянія! Какая роскошь, какое обиліе, какое разнообразіе! Каждый шагъ въ жизни царственнаго строителя предстаетъ передъ нами въ безчисленныхъ иллюстраціяхъ, каждая особенность земель, въ которыхъ онъ воевалъ, подмѣчена и тщательно передана. Наконецъ, изваянія эти поражаютъ подавляющимъ количествомъ, помимо художественной цѣны. Двадцать четыре пары колоссальныхъ крылатыхъ быковъ высокимъ рельефомъ по наруж-



Входъ въ гаремъ, во дворцѣ Саргона въ Хорсабадѣ.
(Реставрація).

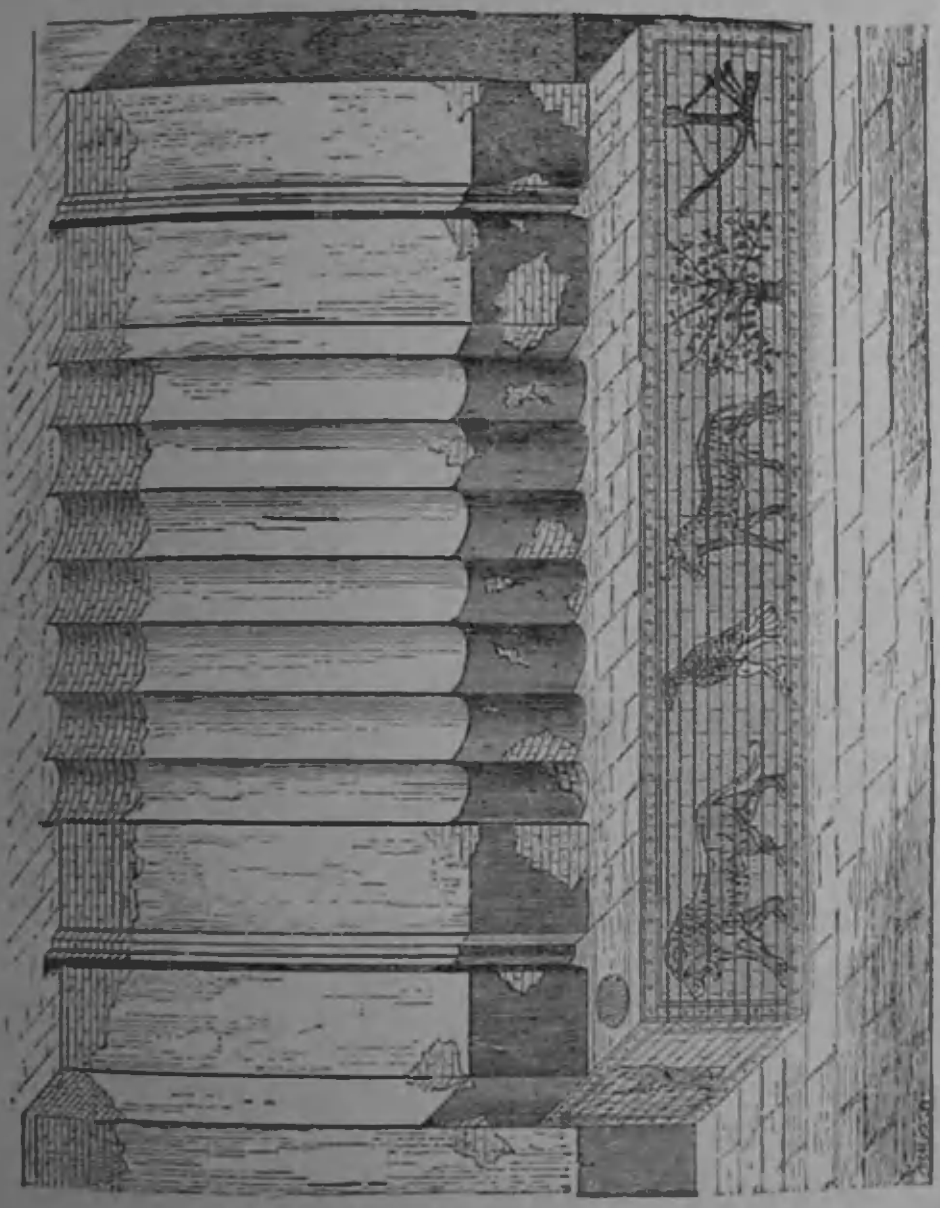
нымъ стѣнамъ, а внутри зданія, вдоль стѣнъ залъ, изваянія на протяженіи болѣе трехъ верстъ! «Я понимаю»,—замѣчаетъ Викторъ Пласъ, одинъ изъ главныхъ изслѣдователей дур-шаррукинскаго дворца,—«какою странною должна казаться оцѣнка художественныхъ произведеній по вѣсу и мѣрѣ; но я этимъ не имѣю въ виду дать понятіе о



Зубчатая стѣна терассы, на которой построенъ дворецъ Саргона въ Дур-Шаррукинѣ, съ дренажной трубой.
(Реставрація по найденнымъ на мѣстѣ изразцамъ и кирпичамъ).

художественномъ достоинствѣ изваяній, а только о массѣ труда, потраченнаго на нихъ». Когда же мы себѣ представимъ, что *весь* работы, отъ сооруженія насыпи платформы до изукрашенія стѣнъ плитами, которыя, какъ намъ извѣстно, были изваяны на своихъ мѣстахъ, а не въ мастерскихъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ готовыми везти и собирать,—когда, повторяемъ, мы себѣ пред-

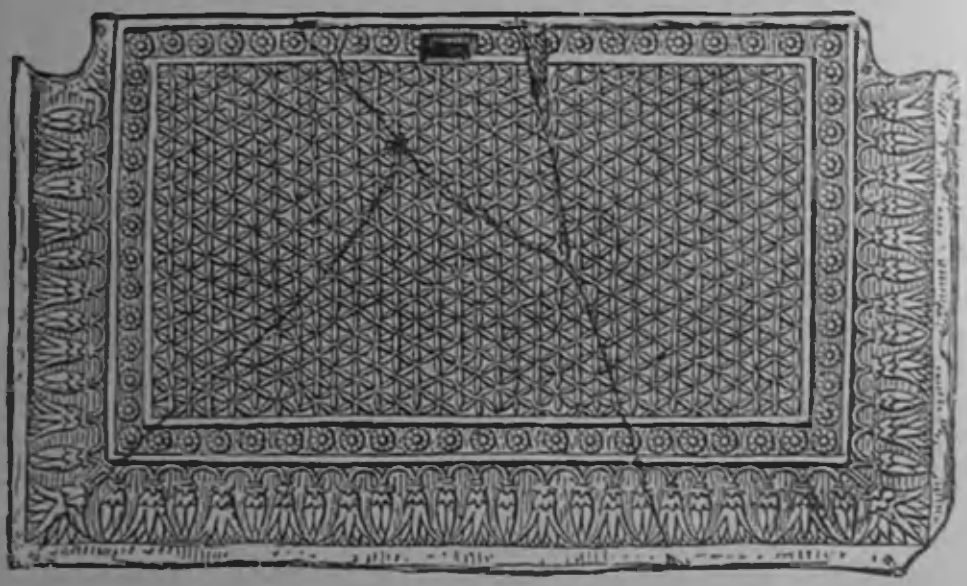
ставимъ, что всѣ эти работы были исполнены въ теченіе всего *пяти лѣтъ*, мы уже не столько удивляемся, сколько ужасаемся. Между тѣмъ,



Украшеніе воротъ гарема, изъ глазированныхъ разноцвѣтныхъ изразцовъ.

это—фактъ; фактъ несомнѣнный. Закладка была въ 712-мъ году, а Саргонъ поселился во дворцѣ уже въ 707-мъ году.» «Для того, чтобы такую ра-

боту окончить въ такой короткій срокъ»,—далѣе говоритъ Викторъ Пласъ,—«непремѣнно должно было работать одновременно цѣлое полчище художниковъ,—искусныхъ зодчихъ и ваятелей,—принадлежащихъ одной школѣ искусства. Обладая неограниченной властью, ассирійскіе монархи въ любой моментъ могли созвать безчисленныхъ чернорабочихъ для изготовленія кирпичей, для постройки стѣнъ и террасъ. Но никакая ма-



Порогъ изъ одной плиты во дворцѣ Саргона.

терьяльная власть не въ состояніи создать художниковъ; для этого требуется такой общественный строй, въ которомъ искусство давно уже имѣетъ свое намѣченное мѣсто».

Странный способъ созданія городского населенія.

29. — Въ 706-мъ году послѣдовало освященіе городскихъ стѣнъ. Весьма вѣроятно, что будущимъ обывателямъ тогда же было разрѣшено поселиться въ городѣ. Невольно спрашиваешь себя, какимъ волшебствомъ цѣлое городское населеніе

могло создаться мгновенно, по заказу. Это вѣдь нѣчто въ родѣ сказочной скатерти-самобранки, неожиданно появляющейся съ готовыми яствами. Но ассирійскаго царя такая малость не затрудняла. Саргонъ самъ разсказываетъ, какъ это дѣлалось: дѣло, выходитъ, самое простое: «Людямъ со всѣхъ четырехъ концовъ свѣта, разноязычнымъ, проживавшимъ въ горахъ и долинахъ... которыхъ я, именемъ Ашура, Господа

Вѣсовая гиря; одна изъ нѣсколькихъ, найденныхъ во дворцѣ Саргона.

моего, и силою десницы моей, увелъ въ неволю, я приказалъ говорить на одномъ языкѣ (конечно, ассирійскомъ) и поселилъ ихъ тутъ. Сыновъ Ашуровыхъ, во всякомъ дѣлѣ разумныхъ и искушенныхъ, я поставилъ надъ ними, наблюдать за ними; ученымъ книжникамъ и писцамъ я поручилъ обучать ихъ страху божью и цареву».

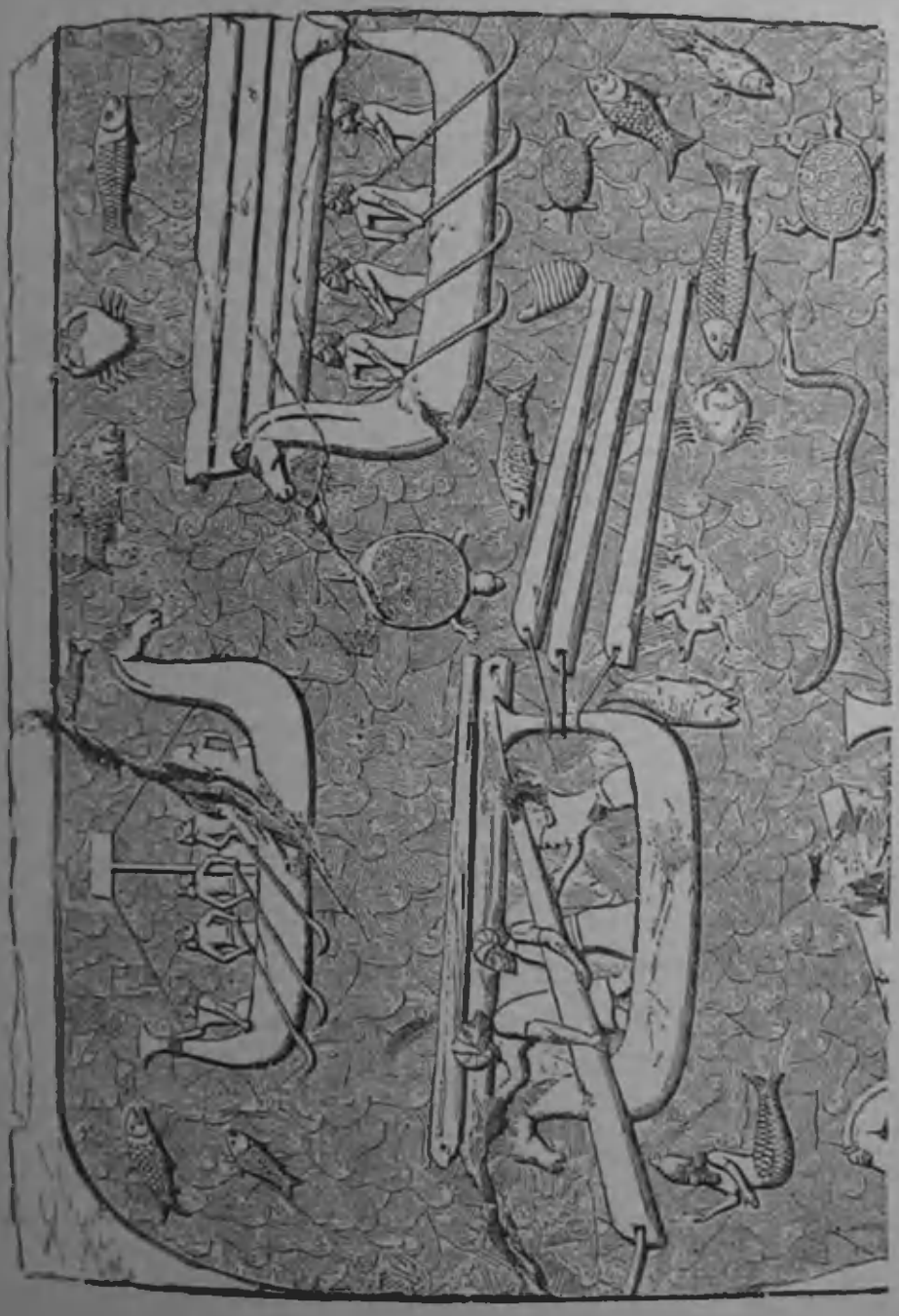
Саргонъ—мудрый администраторъ.

30.—Участь не особенно тяжкая для военноплѣнныхъ! Дѣйствительно, Саргонъ-правитель былъ совсѣмъ не то, что Саргонъ-завоеватель. Разъ онъ какой-нибудь народъ «сдѣлалъ все

равно что ассиріицами», онъ уже смотрѣлъ на него, какъ на своихъ прирожденныхъ подданныхъ и такъ же о нихъ заботился. А понятія объ обязанностяхъ правителя по отношенію къ народу у него были весьма строгія, и онъ обязанности эти излагаетъ въ большой подробности. Онъ самъ про себя говоритъ, что онъ

«Царь, во все вникающій, съ устъ котораго текутъ милостивыя рѣчи, который обратилъ мысли свои къ тому, чтобы воскресить селенія, пришедшія въ упадокъ, и обрабатывать сосѣднія къ нимъ земли, и сдѣлать, чтобы каменистыя возвышенности, вовѣки вѣчные не производившія растительности, приносили жатвы; который поставилъ себѣ задачей: заставить многія пустынныя мѣста, при царяхъ, отцахъ его, не знавшія оросительнаго канала, производить хлѣбъ и оглашаться веселыми криками; расчистить засоренныя русла рѣчекъ, открыть шлюзы и снабжать ихъ сверху и снизу водами обильными, что морской приливъ; царь съ отверстымъ умомъ, окомъ, разумѣющимъ всякія дѣла... возросшій въ совѣтѣ, и мудрости, и разсудительности, дабы переполнить закрома широкой Ашуровой земли хлѣбомъ и всяческими запасами, какъ подобаетъ царю... дабы не давать елею, живительному и цѣлительному, дорожать въ моей землѣ, и устанавливать цѣны на пшеницу и на сесамъ».

Эта послѣдняя подробность свидѣтельствуетъ о заботливости царя, до мелочи пекущагося о благѣ своего народа, такъ какъ сесамъ воздѣлывается на всемъ Востокѣ ради масла, въ большомъ количествѣ добываемаго изъ его зерна. Читая эти строки, невольно жалѣешь, что не нашлось многихъ въ томъ же родѣ, дающихъ возможность заглянуть поглубже въ мирный домашній обиходъ гражданскаго быта того времени. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, было же что-нибудь и



Транспортъ лѣса для дворца Саргона.
(Богъ Эа сопровождаетъ охотящуюся судно).

человѣчное въ этихъ лютыхъ, жестокосердыхъ царяхъ, и было же въ жизни этого свирѣпаго, алчнаго народа еще что-нибудь, кромѣ сраженій и грабежа. Но любопытство наше никогда не будетъ удовлетворено, потому что понятія ассиріискихъ царей объ исторіи не сходятся съ нашими, и они не позаботились оставить намъ матерьялъ для бытовыхъ картинъ.

Молитва Саргона о благополучіи и долгоденствіи.

31.—Двоякій характеръ царствованія Саргона,—и, вѣроятно, до извѣстной степени, царствованія всѣхъ ассиріискихъ царей,—прекрасно сказывается въ одномъ мѣстѣ воззванія, которымъ заканчиваются два повѣствованія о построеніи города и дворца. Въ одномъ царь молитъ, съ беззастѣнчивой откровенностью: «Да накоплю я во дворцѣ семъ несмѣтныя сокровища, добычу со всѣхъ земель, произведенія горъ и долинъ!» Въ другомъ онъ говоритъ: «Съ областными начальниками, съ мудрыми мужами, звѣздочетами, высокими сановниками, намѣстниками и правителями земли, я возсѣдалъ во дворцѣ и творилъ судъ». «И да булу я»,—въ заключеніе молитъ царь,—«да буду я, Шарру-Кэну, обитающій въ семъ дворцѣ, хранимъ судьбою многія лѣта, на долгую жизнь, на благополучіе тѣла моего и услажденіе сердца моего...»

Убіеніе Саргона.

32. — Но желанію этому не суждено было сбыться. Всего пятнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ освященія городскихъ стѣнъ, Саргонъ палъ отъ руки неизвѣстнаго убійцы, — въ чемъ, пожалуй, нѣтъ ничего особенно удивительнаго, если припомнить, изъ какихъ элементовъ состояло населеніе его любимаго города.

И этотъ-то царь, какою-то непостижимой игрой судьбы, безслѣдно исчезъ изъ исторіи; самое имя его было извѣстно единственно изъ нѣсколькихъ строкъ пророка Исаіи о войнѣ съ Ашдодомъ, пока дворецъ его, первый изо всѣхъ ассирійскихъ строеній, не былъ раскрытъ консуломъ Боттою, и онъ самъ занялъ мѣсто, подобающее ему въ исторіи, — единственно благодаря трудамъ ассиріологовъ.

IX.

Саргониды.—Сеннахерибъ (Син-аккхи-рибъ).

Имя Сеннахериба извѣстно давно изъ Библіи.

1.—Изо всѣхъ ассирійскихъ царей, Сеннахерибъ единственный, чье имя намъ сызмала извѣстно, личность котораго всегда выдѣлялась яркою и живою среди тѣхъ фантастическихъ бассенъ, наименованныхъ «исторіей Ассиріи», которымъ учили насъ, людей старшаго поколѣнія, и нашихъ отцовъ и дѣдовъ до насъ. Этимъ однимъ проблескомъ исторической правды посреди массы небылицъ и заблужденій мы обязаны Библіи, сохранившей, въ трехъ различныхъ книгахъ, повѣствованіе о походѣ этого царя противъ сирійскихъ государствъ, въ томъ числѣ противъ Іерусалима. Позднѣйшія библейскія книги (4-я Кн. Царствъ, 2-я Кн. Паралипоменонъ и Книги Пророковъ) изобилуютъ мѣстами, изображающими ассирійскую націю съ вѣрностью художественнаго портрета, съ изумительнымъ реализмомъ и живописностью; но одинъ этотъ царь выдвигается драматически, какъ живое лицо. Нынѣ же, когда открыто такое множество клинописныхъ текстовъ, касающихся именно этой эпохи, и мы

Сеннахерибъ на престолѣ въ парадномъ костюмѣ.
(Куюнджикъ.—См. рис. на стр. 20).

узнали столько интересныхъ фактовъ и подробностей изъ царствованія Сеннахериба, оказывается, что извѣстный намъ эпизодъ дѣйствительно одинъ изъ самыхъ выдающихся въ его военномъ поприщѣ,—особенно притомъ интересный потому, что имъ заканчивается первая завѣдомо бѣдственная кампанія въ лѣтописяхъ ассирійскаго царства. Это положительно вѣрно, несмотря на молчаніе ассирійскихъ памятниковъ, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Общій характеръ царствованія.

2.—Сеннахерибъ не менѣе отца своего, Саргона, любилъ войну, однако, повидимому, провелъ у себя дома бо́льшую часть своего двадцатипятилѣтняго царствованія. Во всякомъ случаѣ, изъ открытыхъ до сихъ поръ документовъ не вывести болѣе восьми или девяти кампаній съ его личнымъ участіемъ; воевалъ же онъ цѣлыхъ девятнадцать лѣтъ изъ двадцати. А дома у него было занятіе такое же, какъ у Саргона, и столько же имъ излюбленное: онъ строилъ дворцы, перестраивалъ давно заброшенную столицу Ниневію, съ еще бо́льшимъ противъ прежняго великолѣпіемъ. Тамъ онъ и поселился, а о Дур-Шаррукинѣ въ его надписяхъ не упоминается ни разу. Не мудрено, что новый городъ ему опротивѣлъ послѣ того, какъ тамъ погибъ его отецъ.

Главная военная черта царствованія—борьба съ Вавилономъ.

3.—Главными чертами военнаго поприща Сеннахериба, кромѣ его сирійской кампаніи, направленной главнымъ образомъ противъ Египта, были его войны съ союзными войсками Элама и Вавилона. Священный градъ Мардука не остался вѣрнымъ другомъ и вассаломъ ассирійскаго мо-

Одинъ изъ добрыхъ геніевъ, изображенныхъ
на вышитой каймѣ царскаго платья.

нарха, а перешелъ, повидимому, всей душой на сторону возстанія и независимости, и среди смутъ, послѣдовавшихъ за трагической смертью Саргона, Мередахъ-Баладанъ снова появился на сценѣ, и, послѣ двухлѣтней борьбы, ему удалось снова провозгласить себя царемъ. Онъ, по обыкновенію, возлагалъ надежды на поддержку Элама, но не видно, чтобъ у него были другіе союзники, кромѣ тѣхъ арамейскихъ и халдейскихъ племенъ, которыя въ предыдущую войну оказались далеко не надежною опорой. Однако, многіе историки сюда относятъ «посольство», отправленное къ Езекіѣ іудейскому, которое, по мнѣнію другихъ, состоялось десятью годами раньше. Если не найдется какой-нибудь текстъ, положительно рѣшающій вопросъ этотъ въ ту или другую сторону, придется признать его спорнымъ, — что, впрочемъ, большой важности не имѣетъ, въ виду того, что самый фактъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Военныя дѣйствія въ Халдеѣ.

4 — «Въ мою первую кампанію», — повѣствуетъ Сеннахерибъ, — «я нанесъ пораженіе Мередахъ-Баладану, царю кардуніашскому, и войску царя эламскаго, его союзника, передъ городомъ Кишъ. Въ сраженіи томъ онъ покинулъ свой лагерь и бѣжалъ одинъ, спасая жизнь свою. Колесницы, коней, повозки съ кладью, ословъ, брошенныхъ ими въ смятеніи битвы, я завладѣлъ. Во дворецъ его въ Вавилонѣ я радостно вступилъ и раскрылъ его сокровищницу».

Слѣдуетъ списокъ добычи и плѣнныхъ, съ прибавленіемъ 75-ти укрѣпленныхъ халдейскихъ городовъ и 420-ти городовъ менѣе значительныхъ. Что же касается несчастныхъ «племенъ», то многія сдались, тѣ же, которыя упорствовали,

Одинъ изъ добрыхъ геніевъ, изображенныхъ на вышитой наймѣ царскаго платья.

были «безотлагательно покорены». Изъ списка отобранной у нихъ добычи ясно, что они вели пастушескую и, вѣроятно, полукочевую жизнь: «208.000 человѣкъ, взрослыхъ и малыхъ, мужескаго и женскаго пола; 7.200 лошадей и муловъ; 11.173 осла; 5.230 верблюдовъ; 80.100 воловъ; 800.600 овецъ; всю эту богатую добычу я увелъ въ Ассирію».

Бѣгство Меродахъ-Баладана.

5. — Меродахъ-Баладанъ царствовалъ не болѣе полугода, когда онъ опять долженъ былъ искать спасенія въ единственномъ убѣжищѣ, гдѣ онъ могъ надѣяться укрыться отъ преслѣдованія, а именно въ своихъ родныхъ болотахъ въ Бит-Якинѣ. Поиски за нимъ хотя и были, но скоро прекратились, и Сеннахерибъ, въ знакъ ли презрѣнія, или съ цѣлью воспитать себѣ послушное орудіе, посадилъ на вавилонскій престолъ вавилонскаго уроженца Белибуша, сына ученаго книжника, юношу, «вскормленнаго», по его словамъ, «въ его дворцѣ; подобно собаченкѣ» (*мирану*) *). Замѣчательно, что имя этого царскаго

*) Это забавное выраженіе, къ сожалѣнію, не всѣми признается. Вотъ что́ пишетъ по этому поводу извѣстный американскій ассиріологъ Д. Г. Лайонъ въ частномъ письмѣ: «*Мирану*, несомнѣнно, означаетъ животное, и многіе ученые переводятъ это слово: «собачка, собаченка». Но я не вполнѣ увѣренъ, что рѣчь идетъ именно о собакѣ». Во всякомъ случаѣ, общій смыслъ ясенъ: тутъ презрительный намекъ на то, что молодой вавилонецъ выросъ въ холѣ, домашнимъ любимцемъ; весьма вѣроятно, что онъ воспитывался въ числѣ дворцовыхъ пажей. Это чуть ли не единственный проблескъ въ ассирійской литературѣ того качества, которое мы называемъ *юморомъ*,—хотя съ оттѣнкомъ свирѣпости; впрочемъ, это совершенно въ ассирійскомъ духѣ.

ставленника ни разу больше не упоминается. Изъ этого молчанія можно заключить, что выборъ оказался неудачнымъ.

Кампанія противъ касситовъ и Эллипа.

6.—Вторая кампанія была направлена противъ воинственнаго и буйнаго горнаго племени Кашши (касситовъ). Описаніе этой кампаніи интересно по подробнымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ о самой неприступной части Загрошскихъ горъ. Надписи гласятъ, что эти племена «еще никогда не склонялись передъ ассирійскими царями». Походъ въ эти дикія, неизвѣданныя мѣста, очевидно, представлялъ необыкновенныя трудности и опасности, потому что царь особенно напираетъ на то, что «Ашуръ, владыка его, внушилъ ему мужество» предпринять его. «Черезъ лѣса изъ высокихъ деревьевъ, по трудно проходимымъ мѣстамъ, я ѣхалъ верхомъ; носилки мои надо было тащить на веревкахъ. На слишкомъ неприступныя крутизны я взбирался на своихъ ногахъ». Кампанія велась по обычной программѣ и окончилась успѣшно. «Большой городъ» горцевъ былъ разграбленъ и срытъ. Потомъ на томъ же мѣстѣ былъ построенъ новый городъ съ крѣпостью и заселенъ плѣнными изъ другихъ земель; въ срединѣ города была воздвигнута каменная плита съ краткимъ описаніемъ кампаніи. Этимъ, впрочемъ, она еще не окончилась. Ассирійская армія прошла сквозь всю Загрошскую цѣпь въ Эллипъ и опустошила землю эту «по всѣмъ направленіямъ». Царь,—тотъ самый, котораго Саргонъ поддержалъ противъ брата и посадилъ на престолъ (см. стр. 307),—«бѣжалъ далеко,

покинувъ свои укрѣпленные города и сокровища свои». Его столица была сожжена, вмѣстѣ со многими другими городами, большими и малыми, и столицею былъ сдѣланъ другой городъ, получившій названіе Дур-Син-аккн-прибъ, т.-е. «крѣпость Сеннахериба». Въ чемъ провинился этотъ царь,—не сказано; вѣроятно, былъ замѣшанъ въ какомъ-нибудь возстаніи мидійскихъ племенъ. Постигшее его строгое наказаніе запугало даже наиболѣе отдаленныя племена, дотолѣ не носившія ярма, и они поспѣшили добровольно покориться; такъ, по крайней мѣрѣ, всего легче объясняется непосредственно слѣдующій параграфъ, которымъ царь заключаетъ описаніе этой второй кампаніи: «На моемъ обратномъ пути я принялъ тяжелую дань изъ земли дальнихъ мидянъ, имени которыхъ никто не слыхалъ во дни царей, отцовъ моихъ. Они покорились моему владычеству». Не предчувствовалъ царь, самодовольно заявлявшій объ этомъ торжествѣ своего оружія, что эти самые «дальніе мидяне», всего черезъ сто лѣтъ, займутъ мѣсто надменныхъ ассирійцевъ, которыхъ они теперь ублажали лестью и дарами!

Приготовленія къ кампаніи противъ Запада и Египта.

7.—Западъ тѣмъ временемъ долго находился въ опасномъ броженіи,—тѣмъ болѣе опасномъ, что на этотъ разъ оно сдерживалось до поры до времени. Прошло пять лѣтъ новаго царствованія безъ открытой вспышки, могущей вызвать нашествіе со стороны грозной державы. Цари и князья западныхъ земель выжидали случая, и особенно рѣшенія египетскаго царя Тахарка

Сеннахерибъ принимаетъ покорившагося князя.

(по-ассирійски Тарку), третьяго царя эѳіопской династіи. Его появленіе въ Палестинѣ должно было служить знакомъ къ общему возстанію. Приготовленія, однако, не могли происходить настолько тайно, чтобы не дойти до ассирійскаго царя, который немедленно быстро пошелъ съ войскомъ къ морскому побережью. Въ этой быстротѣ движеній и яростномъ первомъ напорѣ и заключалась тайна неизмѣннаго успѣха ассирійской тактики.

«И вотъ»,—говоритъ пророкъ.—«онъ легко и быстро придетъ. Не будетъ у него ни усталаго, ни изнемогающаго; ни одинъ не задремлетъ и не заснетъ, и не снимется поясъ съ чресълъ его, и не разорвется ремень у обуви его. Стрѣлы его заострены, и всѣ луки его натянуты, копыта коней его подобны кремню, и колеса его—какъ вихрь. Ревъ его—какъ ревъ львицы: онъ рыкаетъ подобно скимнамъ, и зареветъ, и схватитъ добычу, и унесетъ, и никто не отниметъ» *) (Кн. пр. Исаіи. V. 26—29).

И пришли они, «областеначальники и градоправители, все красивые юноши, всадники, ѣздившіе на лошадяхъ» (Іезекіилъ). Никогда ни одинъ царь съ болѣе легкимъ сердцемъ не выступалъ въ походъ, чѣмъ выступилъ Сеннахерибъ въ этотъ «третій походъ, въ земли Хатти».

Возстаніе Езекіи, царя іудейскаго.

6. — Царь іудейскій Езекія былъ уже не тѣмъ пылкимъ юношей, который такъ легкомыс-

*) Бернгардъ Стаде, въ своей «Исторіи израильскаго народа», справедливо замѣчаетъ, что «нѣтъ ни одного современнаго описанія, которое живѣе и ярче передавало бы впечатлѣніе, производимое появленіемъ въ Палестинѣ ассирійской арміи. И какъ удивительно описаніе это подтверждается и дополняется изваянными изображеніями этихъ армій и всего, что онѣ дѣлали!

лено выдалъ государственную тайну посламъ халдейскаго князя; однако онъ поддался опрометчивымъ совѣтамъ партіи войны, вопреки мудрымъ увѣщаніямъ пророка-министра, неутомимо твердившаго, что «помощь Египта будетъ тщетна и напрасна», что «сила фараона будетъ для іудеевъ стыдомъ, и убѣжище подъ тѣнью Египта—безчестіемъ». Сбросивъ всякую осторожность, Езекія не только отказался платить ассирійцу дань, но позволилъ себѣ разныя неумѣстныя враждебныя выходки. Случилось, что первосвященники, знатные люди и простой народъ города Экрона заковали въ цѣпи своего князя, Падіи, соблюдавшаго договоры и присягу свою въ вѣрности царю ассирійскому, и выдали его Езекіи, царю іудейскому. Онъ же «злодѣйски заключилъ его въ темницу». Послѣ такого вѣроломства оставалось одно—спѣшить съ приготовленіями къ оборонѣ. Первымъ шагомъ было—отрѣзать воду ожидаемому непріятелю. «И собралось множество народа, и засыпали всѣ источники и потокъ, протекавшій по странѣ, говоря: да не найдетъ царь ассирійскій, пришедши сюда, много воды». (2-я Кн. Паралипоменонъ, XXXII, 4). И стѣну городскую поправили вездѣ, гдѣ она была поломана, укрѣпили цитадель, изготовили оружія и щитовъ великое множество, и царь «поставилъ военачальниковъ надъ народомъ, и собралъ ихъ къ себѣ на площадь у городскихъ воротъ, и говорилъ къ сердцу ихъ»... (Тамъ же, XXXII, 6).

Осада Лахиша.—Езекія смиряется.

9.—Къ счастью для Іерусалима, Сеннахерибъ почему-то замѣшкался на пути къ морю. Онъ

простоялъ нѣкоторое время въ Сидонѣ, такъ какъ тамошній царь бѣжалъ въ Кипръ, и надо было устроить дѣла города, лично принять присягу и дань отъ другихъ финикійскихъ князей, а также отъ князей аммонскихъ, моавскихъ и эдомскихъ. Въ числѣ многихъ именъ встрѣчается слѣдующее: «Менахемъ, царь *Самсимуруна*». Если это названіе тоже, что *Самирина* (Самарія), то выходитъ, какъ будто Израилю все еще предоставлялся нѣкій блѣдный призракъ царской власти. Затѣмъ надо было усмирить Аскалонъ обычнымъ порядкомъ: выкупъ, переселеніе, назначеніе новаго князя. Только справившись со всѣми этими дѣлами, Сеннахерибъ послалъ отрядъ—наказать провинившихся іудеевъ, между тѣмъ какъ самъ, съ главнымъ корпусомъ арміи, пошелъ по юго-восточному направленію—осаждать городъ Лахишъ, такъ какъ было бы непростительнымъ промахомъ предоставить египтянамъ занять его. Затѣмъ дѣло пошло обычнымъ ходомъ: «Пошелъ Сеннахерибъ противъ всѣхъ укрѣпленныхъ городовъ Іудеи и взялъ ихъ» (Кн. Исаіи, XXXVI, 1). Самъ царь пишетъ подробнѣе:—«Сорокъ шесть его укрѣпленныхъ городовъ, замки его и малые города съ ихъ землями безъ счета, приступомъ и штурмомъ огнемъ и топоромъ, я съ военными машинами взялъ. 200.150 человѣкъ, малыхъ и взрослыхъ, лошадей, ословъ, воловъ и овецъ несмѣтное множество изъ среды ихъ я увелъ въ счетъ добычи. Самого его, какъ птицу въ клѣткѣ, я заперъ въ Іерусалимѣ, его царскомъ столичномъ градѣ. Я воздвигъ высокій валъ противъ его

ствиѣ и загородилъ ему выходъ изо всѣхъ воротъ». А египтяне все не шли. Тогда Езекія одумался и рѣшился принести повинную. «И послалъ Езекія къ царю ассирійскому въ Лахишъ, сказать: виновенъ я, отойди отъ меня; что наложишь на меня, я снесу» (4-я Кн. Царствъ, XVIII, 14). Наложилъ же на него царь пеню, равняющуюся приблизительно двумъ милліонамъ рублей золотомъ и одному милліону серебромъ. Чтобы собрать такую сумму, послѣ всѣхъ расходовъ на оборону города, Езекія долженъ былъ не только взять послѣднее изъ своей и храмовой казны, но еще снять съ дверей и пилястръ храма золотую облицовку, имъ же пожертвованную въ дни своего благополучія. Всѣ эти драгоцѣнности онъ съ тяжелымъ сердцемъ отправилъ въ Лахишъ, вмѣстѣ съ низвергнутымъ княземъ города Экрона, Падіи, котораго Сеннахерибъ немедленно водворилъ опять въ прежнемъ санѣ. Земли же, занятыя имъ у Іудеи, онъ раздѣлилъ между тѣмъ же Падіи и оставшимися вѣрными князьями Ашдода и Газы, не преминувъ, впрочемъ, и дань съ нихъ увеличить соотвѣтственно этому приращенію земли.

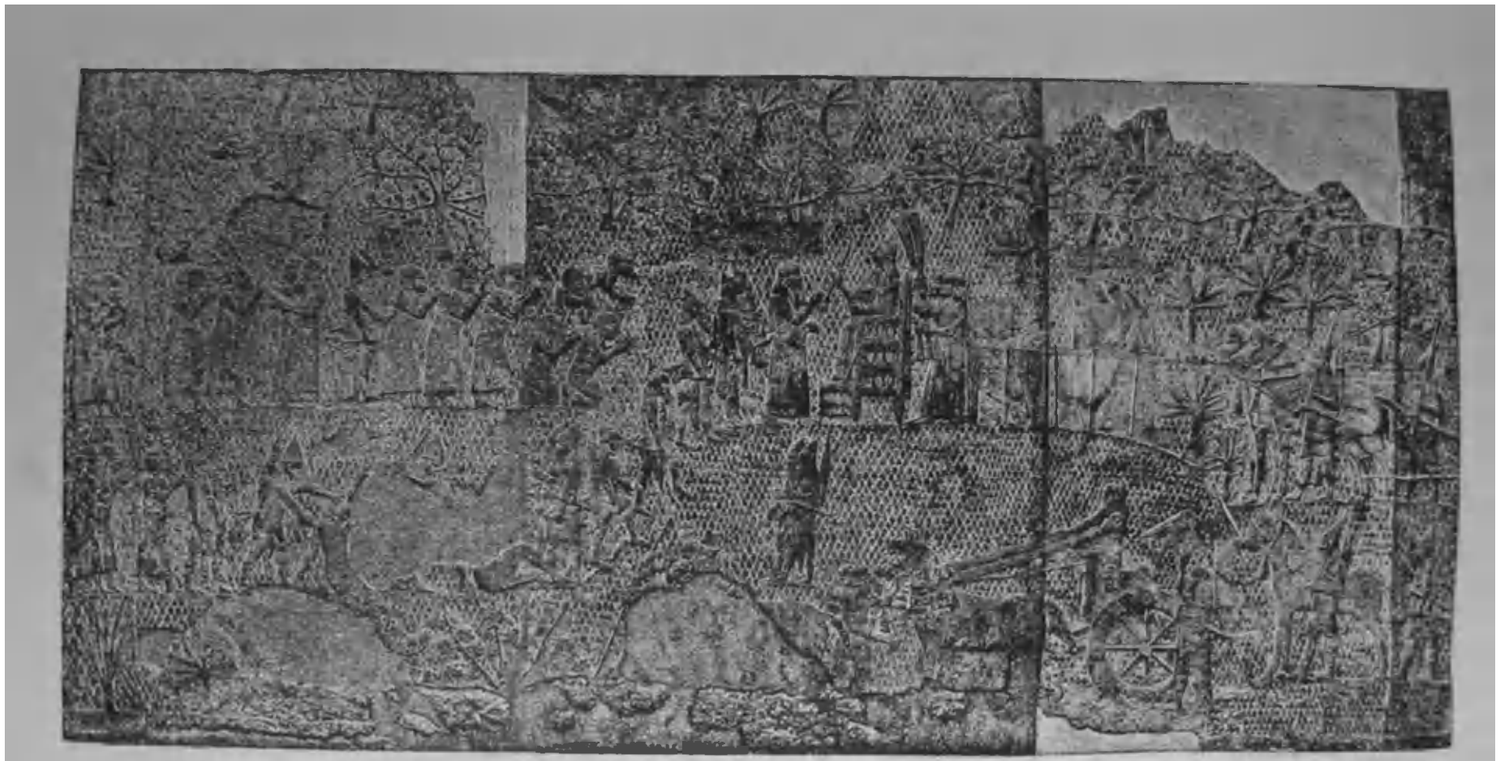
Сеннахерибъ передъ Лахишемъ.

10.—Лахишъ, тѣмъ временемъ, былъ взятъ. Эта осада не упомянута въ надписяхъ, но она изображена съ величайшими подробностями на одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ стѣнныхъ барельефовъ, занимающемъ цѣлый рядъ плитъ въ одной изъ залъ Сеннахерибова дворца, раскопаннаго Лэйардомъ въ Куюнджикѣ. Наша иллюстрація изображаетъ послѣднюю сцену осады: На высо-

комъ тронѣ, спинка котораго увѣшана драгоцѣнной тканью, и позади котораго стоятъ слуги съ огромными опахалами отъ мухъ, Сеннахерибъ возсѣдаетъ передъ своей ставкой, на небольшой возвышенности, среди фруктовыхъ деревьевъ и виноградныхъ лозъ, отягченныхъ кистями винограда. Пониже ожидаетъ царская колесница съ возницей; у головы лошадей стоятъ конюхи, у одного колеса слуга съ царскимъ зонтомъ, а сзади, подальше—воинъ держитъ подъ уздцы царскаго боевого коня. Бой еще не прекратился, но передъ царемъ стоитъ одинъ изъ воеводъ и представляетъ ему плѣнныхъ, цѣлый рядъ которыхъ стоитъ подъ конвоемъ немного поодаль; одни кланяются въ землю, другіе простираютъ съ мольбою руки. Надъ головами тянется надпись слѣдующаго содержанія: «*Син-акхи-ирибъ, царь народовъ, царь ассирійскій, возсѣдая на высокомъ престолѣ, принимаетъ добычу города Лахиша.*»

Посольство отъ Сеннахериба къ Езекіи.

11. — Лахишъ, по положенію своему, могъ считаться оплотомъ Палестины, и взятіе его пришлось какъ разъ во-время, чтобы не дать ему попасть въ руки египтянъ, которые, такъ долго промедливъ, теперь вдругъ подошли неожиданно быстро, такъ что Сеннахерибъ едва поспѣлъ имъ навстрѣчу по сосѣдству Экрона. Для него было крайне неудобно оставлять у себя въ тылѣ хорошо укрѣпленный столичный городъ, занятый ненадежнымъ союзникомъ, и онъ послалъ къ Езекіи, требовать сдачи Іерусалима. Чтобы требованіе вышло какъ можно болѣе



„Сеннахерибъ, царь ассирійскій, возсѣдая на высономъ престолѣ, принимаетъ добычу города Лахиша.“

внушительнымъ, онъ отправилъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ: *тартана* (главнокомандующаго), *рабсака* (военоду, *не* кравчаго), и еще сановника царскаго двора. Описаніе этого посольства въ библейскихъ книгахъ полно несравненнаго реализма и мѣстнаго колорита и живо

Развалины города Лахиша.
(Курганъ „Телл-эль-Хези").

изображаетъ, какъ велись подобныя полувоенныя, полудипломатическія дѣла.

Переговоры съ Іерусалимомъ.

12.—Послы подошли близко къ Іерусалиму и стали подъ стѣнами. Они вызывали царя, но вышли къ нимъ три придворныхъ должностныхъ лица. *Рабсакъ* говорилъ отъ имени ассирійскаго царя: онъ увѣщевалъ царя іудейскаго не опираться на Египетъ, «на эту трость надломанную,

которая, если кто опрется на нее, войдетъ ему въ руку и проколетъ ее». Онъ также коварно совѣтовалъ ему не уповать и на Господа Бога своего, говоря: «Развѣ я безъ воли Господней пошелъ на мѣсто сіе, чтобы разорить его? Господь сказалъ мнѣ: пойди на землю сію и разори ее». Это было ловко придумано и могло бѣдственно повліять на народъ, внимательно все слушавшій и за всѣмъ слѣдившій съ высоты стѣнъ. Поэтому рѣчь *рабсака* поспѣшно прервали и просили его «говорить по-арамейски, а не по-іудейски, въ слухъ народа, который на стѣнѣ». Это равнялось признанію въ своемъ безсиліи; ассиріецъ понялъ свою выгоду и конечно не отказался отъ нея. Онъ объявилъ, что посланъ не столько къ царю, сколько именно къ народу, къ которому тутъ же и обратился, на его языкѣ:

«Слушайте слово царя великаго, царя ассирійскаго! Такъ говоритъ царь: пусть не обольщаетъ васъ Езекія, ибо онъ не можетъ спасти васъ отъ руки моей; и пусть не обнадеживаетъ васъ Езекія Господомъ, говоря: спасетъ васъ Господь, и не будетъ городъ сей отданъ въ руки царя ассирійскаго. Не слушайте Езекіи; ибо такъ говоритъ царь ассирійскій: примиритесь со мною и выйдите ко мнѣ, и пусть каждый пьетъ воду изъ своего колодезя, пока я не приду и не возьму васъ въ землю такую же, какъ и ваша земля, въ землю хлѣба и вина, въ землю плодовъ и виноградниковъ, въ землю масличныхъ деревьевъ и меда, и будете жить, и не умрете. Не слушайте же Езекіи, который обольщаетъ васъ, говоря: Господь спасетъ насъ. Спасли ли боги народовъ, каждый свою землю, отъ руки царя ассирійскаго? Гдѣ боги Емаѳа и Арпада? ....Такъ неужели Господь спасетъ Іерусалимъ отъ руки моей»? И молчалъ народъ, и не отвѣчали ему ни слова; потому что было приказаніе царя: не отвѣчайте имъ».

Пророкъ Исаія утѣшаетъ Езекію.

13.—Ассирійскіе послы,—по одному разсказу,—вручили царю іудейскому грамоту отъ своего царя, получивъ которую, Езекія «разодралъ одежды свои и покрылся вретищемъ, и пошелъ въ домъ Господень»; также послалъ онъ къ пророку Исаіѣ, въ горькой нуждѣ своей. Письмо же, прочитавъ его, онъ «развернулъ передъ лицомъ Господнимъ», и громко молился: «Приклони, Господи, ухо твое и услышь меня; открой, Господи, очи твои, и воззри, и услышь слова Сеннахериба, который послалъ поносить Бога живаго»... Но Исаія прислалъ царю поощрительныя слова. Теперь уже настало время не укорять, а помогать, и пророкъ, со всѣмъ жгучимъ негодованіемъ святителя и патріота, изрекъ отъ имени Господа громоносное пророчество противъ нечестиваго врага, кончая словами: «...За твою дерзость противъ меня, и за то, что твое надменіе дошло до ушей моихъ, я вложу кольцо мое въ ноздри твои и удила мои въ роть твой *), и возвращу тебя назадъ тою же дорогою, которою пришелъ ты». Царь послѣ этого успокоился духомъ, несмотря на то, что сильный отрядъ ассирійской арміи пришелъ и сталъ лагеремъ подъ самыми стѣнами Іерусалима.

Битва при Алтаку.

14.—Египетскія и ассирійскія войска, между тѣмъ, во второй разъ стояли лицомъ къ лицу **). Произошло большое сраженіе близъ города Элтекэ (по-ассирійски Алтаку), и Сеннахе-

*) Это, повидимому, было обычнымъ наказаніемъ. См. иллюстрацію противъ стр. 282.

**) См. стр. 285, битва подъ Рафіей.

рибъ считаетъ побѣду за собою, но разсказъ его кратокъ, неясенъ и какъ-то несмѣлъ. Онъ говоритъ, что взялъ Алтаку и еще какой-то городъ, но не вдается въ обычныя подробности о плѣнныхъ, добычѣ и пр.; нѣтъ рѣчи ни о принесеніи дани и покорности, ни о дальнѣйшемъ походѣ въ непріятельскую землю. Напротивъ, онъ какъ-то поспѣшно переходитъ къ іудейскимъ дѣламъ, говоритъ, что Езекія собралъ много всякихъ драгоцѣнностей и, вмѣстѣ со своими родными дочерьми и многими женщинами изъ своего дворца, «отправилъ ихъ вслѣдъ за нимъ въ Ниневію». О томъ же, какими судьбами онъ вдругъ очутился опять въ Ниневіи,—ни слова.

Чума заставляетъ Сеннахериба отступить.

15.—Дѣло въ томъ, что кампанія этого года была прервана независящимъ отъ людей обстоятельствомъ: объявилась чума, и смертность въ арміи была такъ велика, что Сеннахерибъ поспѣшилъ отозвать войска отъ осады Іерусалима. Катастрофа эта описана въ Библіи въ короткихъ словахъ, восточнымъ поэтическимъ слогомъ: «И случилось въ ту ночь: пошелъ ангелъ Господень и поразилъ въ станѣ ассирійскомъ сто восемьдесятъ пять тысячъ. И встали поутру, и вотъ все тѣла мертвыя». Объ этомъ же событіи сохранилось въ Египтѣ любопытное преданіе. Греческому путешественнику и историку, Геродоту, тамъ разсказывали, 250 лѣтъ спустя, что когда Сеннахерибъ, царь аравитянъ и ассиріицевъ, пошелъ на Египетъ и стоялъ уже невдалекѣ отъ границы, благочестивый царь египетскій молилъ боговъ о помощи, и что въ ту же ночь боги

наслали къ нему въ лагерь великое множество мышей, которыя разгрызли кожаные колчаны, ремни у щитовъ и тетивы у луковъ, такъ что ассирійцы очутились безоружными и были избиты врагами. Геродоту показали и статую Сеннахериба съ мышью въ рукѣ и надписью. Это преданіе объясняется тѣмъ, что въ древности мышь считалась эмблемой чумы, или даже въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, чумнаго желвака *). Съ другой стороны въ Священномъ Писаніи есть и еще примѣры того, что «ангелъ Господень» приносилъ чуму **).

Вторая халдейская кампанія.—Меродахъ-Баладанъ сходитъ со сцены

16.—Въ теченіе слѣдующаго года разыгралась еще сцена вавилонской драмы. Старый борецъ, Меродахъ-Баладанъ, не рѣшился снова явиться кандидатомъ на престолъ. Онъ предоставилъ это младшему сопернику своему, Сузубу, тоже халдейскому князю, «обитающему въ болотахъ».

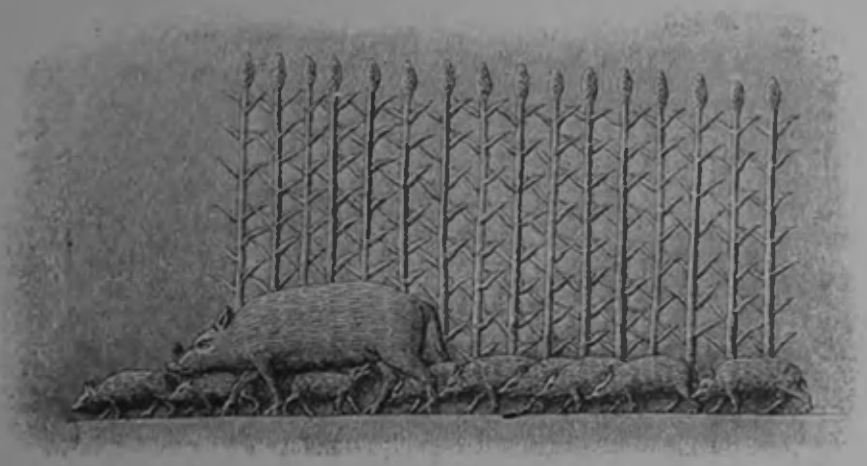
---

*) Въ Первой Книгѣ Царствъ, въ гл. V и VI, мы читаемъ, что филистимляне, будучи наказаны чумой за то, что удержали у себя ковчегъ завѣта Господня, возвратили его съ искупительными дарами, повинуясь приказу своихъ жрецовъ и заклинателей: «...Пять паростовъ золотыхъ и пять мышей золотыхъ... сдѣлайте изваянія паростовъ вашихъ и изваянія мышей вашихъ, опустошающихъ землю...» Что мыши заносятъ чуму,—это современною наукою доказано положительно: не любопытно ли, что уже древность открыла связь между мышью и эпидеміей.

**) См. Вторую Книгу Царствъ, XXIV, 15—17, гдѣ чума насылается на израильтянъ и умираетъ 70.000 человѣкъ: «...*И простеръ ангелъ руку свою* на Іерусалимъ, чтобы опустошить его; но Господь пожалѣлъ о бѣдствіи, и сказалъ ангелу, поражавшему народъ: довольно; теперь отпусти руку твою...»

Большой цилиндръ Тэлора даетъ результатъ этой кампаніи, начиная съ пораженія, понесеннаго Сузубомъ.

«Самъ онъ упалъ духомъ и, подобно птицѣ, улетѣлъ одинъ, и слѣдъ его пропалъ. Я повернулъ назадъ и пошелъ по дорогѣ въ Бит-Якинъ. Меродахъ-Баладанъ, котораго я въ первую кампанію разбилъ и силу котораго я сломилъ, теперь избѣгалъ встрѣчи со мною въ лютой сѣчи. Боговъ,



Халдейское болото. Дикая свинья съ поросятами.

покровителей земли своей, онъ собралъ въ ковчегахъ и на корабляхъ увезъ ихъ, и въ городъ Нагиту, что посреди моря, подобно птицѣ, улетѣлъ».

Городъ этотъ, повидимому, былъ построенъ на маленькихъ островкахъ,—въ родѣ того, какъ Венеція построена на лагунахъ,—у противоположнаго, эламитскаго, берега залива, у устья рѣки Улаи (у грековъ Евлай), которая въ то время впадала въ заливъ на значительномъ разстояніи отъ Тигра и Евфрата, тогда какъ нынѣ она соединяется съ Шат-Эль-Арабомъ, далеко

отъ береговой черты. Сеннахерибъ заключаетъ разсказъ свои слѣдующими словами:

«Братьевъ его, сѣмя дома отца его, брошенныхъ имъ на берегу, и остальной народъ владѣній его, изъ Бит-Якина, заросшаго камышами и тростникомъ, я увелъ, въ счетъ добычи. Снова разорилъ я его города, срылъ и сравнялъ ихъ съ землей. На союзника его, царя эламскаго, я излилъ потокъ моей рати. По возвращеніи моемъ, я старшаго моего сына, Ашур-надин-сума, посадилъ на престолъ его; всю землю Шумиръ и Аккадъ я сдѣлалъ ему, сыну моему, подвластною».

Это—послѣдняя вѣсть о Меродахъ-Баладанѣ. О смерти его ничего неизвѣстно. И истощивъ всѣ жизненныя силы свои въ тридцатилѣтней слишкомъ борьбѣ, онъ наконецъ исчезъ безслѣдно, доживать скорбный вѣкъ свои изгнанникомъ, окончательно отчаявшись въ возможности возрожденія независимаго халдейскаго царства, которому онъ посвятилъ всего себя и родъ свой. Но за дѣло это взялись другія руки, и ему суждено было восторжествовать, но только въ другомъ вѣкѣ, такъ какъ исчезновеніемъ стараго «морского царя» кончаются записи за 700-й годъ, и начинается седьмой вѣкъ до Р. Хр. Ассирійской державѣ не суждено было увидѣть конецъ его.

Кампанія въ Наири.

17.—Начало новаго вѣка не ознаменовалось ничѣмъ особенно замѣчательнымъ. Кампанію, которой онъ начался,—въ Ниппурскія горы, отрогъ цѣпи Наири,—можно бы обойти молчаніемъ, но очень интересно описаніе ея, имѣющееся на большомъ цилиндрѣ; оно замѣчательно въ литературномъ отношеніи необыкновенной живостью и яркостью разсказа. Приводимъ отрывокъ изъ него:

«Въ мою пятую кампанію, народы... (слѣдуетъ длинный списокъ ихъ), которые, подобно орламъ въ своихъ гнѣздахъ, свили себѣ обитель на высочайшихъ хребтахъ и самыхъ дикихъ скалахъ Нипурскихъ горъ, отказались склонить шею подъ мое ярмо. У подножія Нипурскихъ горъ я разбилъ свой станъ. Съ моими ратниками, славными во всемъ мірѣ, съ моими неумолимыми воинами, я, подобно быстроногой сернѣ, двинулся впередъ. Черезъ ущелья, черезъ стремительные потоки, горными тропами, меня кое-какъ пронесли въ носилкахъ, но по стремнинамъ, слишкомъ крутымъ для носилокъ, я взбирался на своихъ ногахъ. Колѣни мои служили мнѣ мѣстомъ отдохновенія; на скалахъ я садился, и воду для утоленія жажды пилъ изъ горнаго ключа. До самыхъ вершинъ лѣсистыхъ хребтовъ я преслѣдовалъ ихъ и разбилъ ихъ въ прахъ, города ихъ взялъ: имущество ихъ унесъ, селенія ихъ опустошалъ, разорялъ, жегъ огнемъ».

Морская экспедиція въ Эламъ.

18.—Вѣроятно во время пребыванія Сеннахериба на сѣверѣ, «Сузубъ вавилонянинъ», какъ его теперь называетъ лѣтопись, скрывавшійся послѣ своего пораженія, опять выступилъ на сцену, и снова присвоилъ себѣ царскую власть и титулъ. Но ассиріецъ, прежде чѣмъ нагрянуть на него, рѣшился раздавить и окончательно разнести гнѣздо заговоровъ и бунта, свитое выходцами изъ Бит-Якина на эламскомъ побережьи, и возымѣлъ смѣлую и новую мысль—напасть на него съ моря. Онъ приказалъ плѣнымъ судостроителямъ «изъ земли Хатти» (очевидно финикіянамъ) построить въ самой Ниневіи «высокобортные корабли, какіе строятся на ихъ родинѣ», посадилъ на нихъ моряковъ изъ Тира и Сидона и спустилъ ихъ на нѣкоторое разстояніе внизъ по Тигру; а тамъ суда переволокли сушей «съ помощью деревянныхъ»... (тутъ надпись къ со-

жалѣнію попорчена, вѣроятно написано было «полозьевъ и валиковъ»), — до большого канала Арахту, одного изъ главныхъ вавилонскихъ путей сообщенія и оросителей. Тутъ на суда были посажены войска, и флотъ поплылъ внизъ по каналу въ Евфратъ, гдѣ къ нему примкнуло еще нѣсколько судовъ, построенныхъ въ нѣкоемъ городѣ на верхнемъ Евфратѣ, и всѣ вмѣстѣ послѣдовали далѣе, до залива. Царскій станъ былъ разбитъ такъ близко отъ берега, что воды залива во время прилива затопили его, царь со своими приближенными долженъ былъ покинуть наводненные шатры и цѣлыхъ пять дней и ночей просидѣлъ на корабляхъ. Наконецъ флотъ со всѣмъ войскомъ пробрался черезъ лагуны и вышелъ въ заливъ устьемъ Евфрата. Морская экспедиція была большой диковиной для ассиріецевъ, которые отнеслись къ этому случаю съ необыкновенною торжественностью. Приносились жертвы, маленькія золотыя рыбки и модели судовъ погружались въ море въ видѣ приношенія богу Эа, владыкѣ морей, и маленькія золотыя изображенія самого бога. Экспедиція увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ; о результатѣ ея надписи сообщаютъ слѣдующее:

«Обывателей Бит-Якина, и ихъ боговъ, и мужей элампскихъ (послѣ того, какъ нѣсколько мѣстностей было опустошено и взято нѣсколько городовъ) я увелъ; ни одного изъ злоумышленниковъ я не оставилъ. На корабли я посадилъ ихъ, перевезъ ихъ на другую сторону и направилъ по дорогѣ въ Ассирію... По возвращеніи моемъ, Сузуба вавилонянина, который снова сдѣлался владыкою Шумира и Аккада, я разбилъ въ большой битвѣ; я взялъ

его живого собственной рукою, заковалъ его въ желѣзныя цѣпи и увезъ въ Ассирію. Царя эламскаго, его пособника, я разбилъ; я сокрушилъ его могущество и уничтожилъ его рать».

Неудачная экспедиція въ Загрошъ.

19.—За побѣдою послѣдовало вторженіе въ Эламъ. Дымъ отъ пылающихъ городовъ, «разгоняемый сильнымъ, бурнымъ вѣтромъ, затемнялъ широкій ликъ небесъ», и Худур-Нанхунди уже бѣжалъ въ горы, покинувъ свою столицу, когда Сеннахерибу, во второй разъ въ жизни, пришлось отступить передъ силою, болѣе неотразимою, чѣмъ людское оружіе. Въ пылу увлеченія успѣхомъ, онъ позабылъ о времени года; былъ же декабрь, мѣсяцъ всегда крайне неблагопріятный для военныхъ дѣйствій въ горахъ. А въ этомъ году, вдобавокъ, стихіи разбушевались сильнѣе обыкновеннаго. Было землетрясеніе, и «съ небесъ лили дожди безостановочно»; затѣмъ выпалъ снѣгъ, отъ чего въ потокахъ еще болѣе прибыла вода. Итакъ, онъ «повернулъ назадъ и пошелъ по дорогѣ къ Ниневіи», какъ онъ самъ разсказываетъ съ полнымъ простодушіемъ.

Третья вавилонская кампанія.

20.—Случилось около того же времени, что Худур-Нанхунди, царь эламскій, кончилъ жизнь, а преемника его, Умман-Минана, лѣтописецъ называетъ «мужемъ неразумнымъ и недальновиднымъ», за его готовность во всякое время участвовать въ заговорахъ и возстаніяхъ, не помня того, сколько разъ предшественники его бывали жестоко проучаемы. Искушеніе, по правдѣ сказать, было большое. Сеннахерибъ долѣе обыкновеннаго замѣшкался у себя дома,

вѣроятно занятыи своими постройками и перестройками: это можно заключить изъ долгаго промежутка,—цѣлыхъ шесть лѣтъ,—между его седьмой кампаней и восьмой. Въ этотъ-то промежутокъ неугомонный Сузубъ и появился опять въ Вавилонѣ, бѣжавъ, должно быть, изъ плѣна, хотя объ этомъ нигдѣ ничего не сказано. Онъ сначала, повидимому, велъ дикую жизнь бандита, полную приключений и опасностей, такъ какъ о немъ говорится, что «онъ набралъ ватагу отчаянныхъ бѣглецовъ, кровожадныхъ головорѣзовъ, съ которыми скрывался въ болотныхъ камышахъ, потомъ прошелъ въ Эламъ, тамъ набралъ еще такихъ же бродягъ и, быстро вернувшись вспять, вступилъ въ Вавилонъ, гдѣ народъ посадилъ его, недостойнаго, на престолъ и поднесъ ему вѣнецъ Шумира и Аккада». Его первой заботой было—приискать себѣ союзниковъ. Но союзы даромъ не давались, а царская казна была истощена. Итакъ, заручившись согласіемъ вавилонянъ, онъ запустилъ руку въ храмовыя сокровищницы и все, сколько тамъ нашлось серебра и золота, взялъ и послалъ въ Эламъ, Умман-Минану, съ просьбою: «Собери рать! Сними лагерь! Спѣши въ Вавилонъ! Постой за насъ!» «Тогда», пишетъ Сеннахерибъ, который, какъ замѣтно изъ тона всего разсказа, былъ окончательно выведенъ изъ терпѣнія,—

«Тогда онъ, эламитъ, города кого я побралъ и поровнялъ съ землею, оказалъ свое великое неразуміе: онъ все это забылъ. Онъ собралъ рать; набралъ колесницъ и повозокъ, запрягъ въ нихъ коней и ословъ... Великую рать союзниковъ

онъ повелъ съ собою... и по пути къ Вавилону они пошли... Вавилоняне, злые черти, крѣпко заградили ворота своего города и ожесточили сердца свои, готовясь къ сопротивленію».

Войска Элама и Вавилона безпрепятственно соединились, и, не дожидаясь ассирійцевъ, смѣло пошли къ нимъ навстрѣчу. Послѣдовала ожесточенная битва, описаніе которой сохранилось почти въ цѣлости на извѣстномъ уже большомъ цилиндрѣ. Это—положительно наилучшій образецъ ассирійской исторической литературы, дошедшій до насъ. Описаніе такъ полно жизни, движенія, картинныхъ подробностей, что ничего не потеряло бы отъ сравненія съ самыми лучшими описаніями сраженій въ любой литературѣ, не исключая самого Гомера. Было бы непростительно сокращать его или довольствоваться цитатами. Вотъ оно, цѣликомъ:

Битва при Халули.

21.—«Подобно тому, какъ налетаетъ саранча, они спѣшили ко мнѣ навстрѣчу — сразиться со мною. Пыль отъ ногъ ихъ поднималась передо мной: такъ могучая буря застилаетъ широкій ликъ небесъ чреватыми дождемъ тучами. Близъ города Халули, на берегу Тигра, они выстроились въ боевомъ порядкѣ и сдѣлали перекличку своимъ войскамъ. Я же молился Ашуру, Сину, Шамашу, Бэлу, Набу и Нергалу, Иштарѣ Ниневійской и Иштарѣ Арбельской, моимъ небеснымъ хранителямъ, да даруютъ они мнѣ побѣду надъ сильнымъ врагомъ. Въ добрый часъ они вняли моимъ мольбамъ и пришли мнѣ на помощь. Подобный разъяренному льву, я облекся въ броню; шлемомъ — боевымъ украшеніемъ я покрылъ свою голову. На мою высокую колесницу, сметающую съ пути моего враговъ, я поспѣшно вскочилъ въ пылу гнѣва сердца моего. Могучій лукъ схватилъ я, данный мнѣ Ашуромъ, и палицу мою грозную, всесокрушающую. Я устремился противъ всѣхъ бунтовщиковъ, словно буйный левъ; я гремѣлъ подобно Рамману. По велѣ-

нію Ашура, великаго владыки, Господа моего, я поспѣлъ противъ врага изъ конца въ конецъ поля, подобно шумному грозовому ливню. Оружіемъ, даннымъ мнѣ Ашуромъ, Господомъ моимъ, и страшнымъ моимъ напоромъ я вселилъ ужасъ въ сердца враговъ и нагналъ на нихъ страхъ великій. Палицей моей и стрѣлами я рѣдилъ ихъ строй, и трупы ихъ, словно снопы, ложились передо мною по землѣ. Хумбанундаша, воеводу царя эламскаго, главную опору его, мужа высокаго званія и рѣдкаго разума, вмѣстѣ со многими знатными вождями,—у всѣхъ за поясомъ золотые кинжалы, а на рукахъ запястья изъ чистаго золота,—я увелъ, какъ связанныхъ дюжихъ быковъ, и пресѣкъ ихъ жизнь: перерѣзалъ имъ горло, какъ ягнятамъ... Подобно свирѣпой бурѣ, я раскидалъ по полю ихъ стяги и шатры, изорванными въ лоскутья. Ослы *), запряженные въ мою колесницу, шагали по лужамъ крови... дышло и колеса моей боевой колесницы были забрызганы кровью, и передъ нею сторонились и исчезали всякія преграды. Равнина вмѣсто травы покрылась трупами враговъ... Въ видѣ побѣдныхъ доспѣховъ я отрѣзалъ у нихъ руки и снималъ съ нихъ запястья изъ блестящаго золота и серебра; палицей я разбилъ ихъ вооруженіе; золотые и серебряные кинжалы я вырывалъ изъ-за поясовъ ихъ. Остальные вельможи, а также родной сынъ Мередахъ-Баладана, Небосумискунъ, убоявшись моего оружія и собравъ свои войска для отступленія, были захвачены живыми, среди битвы, моей собственной рукою. Много колесницъ я забралъ на полѣ боя; сражавшіеся съ нихъ воины попадали съ нихъ; возницы тоже исчезли, и кони мчались наудачу. Я снарядилъ погоню и приказалъ рѣзать бѣглецовъ на протяженіи двухъ *казоу* **). Самого Умман-Минана, царя эламскаго, вмѣстѣ съ царемъ вавилонскимъ и его союзниками изъ земли Калдѵ, яростный напоръ моихъ войскъ разбилъ въ конецъ. Они покинули свои шатры и, спасая жизнь,

---

*) Можетъ-быть «мулы». Какъ будто даже вѣроятнѣе. Однако въ переводѣ Гёрнунга, считающемся наиболѣе авторитетнымъ, сказано «ослы».

**) *Казоу*—двойной часъ, 120 минутъ.

Большой цилиндръ Сеннахериба.

бѣжали: они топтали трупы собственныхъ воиновъ, метались боязливо и быстро, какъ молодыя ласточки, спугнутыя съ гнѣзда... Я гнался за ними въ колесницѣ, за мною скакала конница. Бѣглецовъ же, которые разбрелись во всѣ стороны, закалывали копьями, гдѣ бы ни настигли ихъ».

Въ египетской стѣнной литературѣ есть страница, похожая на эту, но гораздо древнѣе: поэма, описывающая битву при Кадешѣ и храбрые подвиги царя Рамзеса II, написанная его придворнымъ поэтомъ, ученымъ книжникомъ Пентауромъ. Разсказъ такой же живой, но болѣе цвѣтистый, и подробностей въ немъ еще больше; такъ, напримѣръ, даны даже имена царскихъ коней. Поэма славилась по всему Египту, и на стѣнахъ многихъ храмовъ находились копіи съ нея.

Надпись на скалѣ въ Бавіанѣ.

22.—Окончаніе этой блестящей кампаніи описано не на цилиндрѣ Тэлора, а на памятникѣ, высѣченномъ въ живой скалѣ въ дикой и живописной мѣстности по имени Бавіанъ, находящейся въ горахъ, немного на сѣверо-востокъ отъ Хорсабада. Стало-быть, этотъ памятникъ, вокругъ котораго на разныхъ скалахъ найдено еще нѣсколько изваяній, болѣе или менѣе поврежденныхъ, принадлежитъ къ нѣсколько позднѣйшему времени, чѣмъ цилиндръ. На немъ кратко упоминается о кампаніи, окончившейся побѣдой при Халули, и въ заключеніе говорится, что эламиты были до того запуганы этимъ пораженіемъ и впали въ такое уныніе, что они ушли въ свои горы, «словно орлы», и долго не предпринимали никакихъ экспедицій, а сторонились отъ всякихъ военныхъ дѣйствій.

Взятіе Вавилона.

23.—Но Вавилонъ не отдѣлался такой дешевой цѣной. Опустошивъ наиболѣе доступныя части Элама, Сеннахерибъ вернулся вспять, твердо рѣшившись разъ навсегда затоптать этотъ вѣчный очагъ возстанія и раскидать на вѣтеръ пепелъ и послѣдніе отъ него угольки. «Когда я во второй разъ пошелъ походомъ на Вавилонъ»,—пишетъ онъ,—«чтобы взять городъ, я окончательно сокрушилъ его могущество». Его вѣроятно побуждало къ тому убѣжденіе, что Ассирія, въ лицѣ своей южной сосѣдки, имѣла дѣло не съ простыми бунтовщиками, а съ грозною политической соперницей, которая, въ конецъ пробужденная долгими происками халдейскихъ князей и ихъ геройской борьбой, уже не ограничится обороной, не удовлетворится даже заявленіемъ своей независимости, а будетъ добиваться не болѣе, не менѣе, какъ возстановленія древней державы во всей ея славѣ, и захочетъ вновь стать къ своей прежней колоніи въ отношеніе метрополіи и владычицы.

Разореніе Вавилона.

24.—Этой политической дальнозоркостью объясняется страшная месть, которою онъ разразился надъ злополучной южной столицей,—месть такая безжалостная, всесокрушающая, что даже съ ассирійской точки зрѣнія должна была показаться чудовищною, тѣмъ болѣе, что дѣло опустошенія было совершено не сгоряча, въ упоеніи боя, а хладнокровно, съ расчетомъ, систематично, спустя нѣсколько недѣль, можетъ-быть и мѣсяцевъ, послѣ сраженія. Онъ отдалъ городъ своимъ войскамъ на разграбленіе и увезъ трофеи, когда-то

взятые у ассирійскихъ царей: печатный перстень Тукульти-Нинипа (см. стр. 45), статуи бога Раммана и супруги его, утраченныя Тиглат-Фелассаромъ I (см. стр. 71),—а затѣмъ приказалъ все ломать и разрушать: — «Городъ и дома въ немъ, съ основанія до верхнихъ покоевъ, я срылъ, разрушилъ, сжегъ огнемъ». Крѣпость и наружная стѣна, храмы боговъ, зиккуратъ—были срыты, и весь строительный матерьялъ и мусоръ свалены въ каналъ Арахту. Царь повелѣлъ разграбить даже храмы, прежде чѣмъ разрушить ихъ, а статуи боговъ разбить вдребезги, и кончилъ тѣмъ, что велѣлъ рыть новые каналы и провести ихъ черезъ самый городъ:—«Дабы въ грядущія времена никто не могъ найти даже мѣста этого города, я залилъ его водою». Такая безпримѣрная суровость по отношенію къ древнему и священному городу, чтимому равно обѣими націями, была прямымъ святотатствомъ и представляла разительный контрастъ съ неизмѣннымъ, благочестивымъ почтеніемъ, какое оказывали ему всѣ предшественники Сеннахериба. И цѣли своей онъ въ концѣ концовъ все же не достигъ. Когда назрѣютъ событія и настанетъ имъ положенный срокъ, тогда уже не во власти человѣка задержать ходъ ихъ, ни хитростью, ни силой.

Послѣднія вѣсти о военной дѣятельности Сеннахериба.

25.—О политической и военной дѣятельности Сеннахериба немного остается повѣдать. Послѣднія десять лѣтъ своей жизни онъ, повидимому, безвыѣздно «пребывалъ въ Ниневіи», за весьма немногими исключеніями. Были при немъ еще войны, но о нихъ остались одни отрывочныя

свѣдѣнія, а о нѣкоторыхъ—ничего кромѣ недостовѣрныхъ греческихъ преданій. Одно вѣрно: онъ никогда болѣе не покушался идти въ «земли Хатти». Отъ одной надписи сохранился отрывокъ, въ которомъ говорится о войнѣ противъ какой-то аравійской царицы. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ его раннихъ надписей упоминается о неоднократномъ усмиреніи киликійцевъ, и о томъ, какъ онъ у нихъ, въ Аманскихъ горахъ, рубилъ лѣсъ, и какъ онъ ставилъ на работу по своимъ постройкамъ партіи плѣнныхъ киликійцевъ вмѣстѣ съ халдеями, арамейцами и другими. Нѣтъ, поэтому, ничего неправдоподобнаго въ преданіи, которое мы находимъ у греческихъ писателей позднѣйшаго времени, будто однажды на берегъ Киликіи высадилось греческое войско и было отражено Сеннахерибомъ, который тогда же, будто бы, заложилъ городъ Тарсъ, на небольшой, но быстрой рѣкѣ Кидиѣ.

Сеннахерибъ убитъ двумя сыновьями.

26.—Сеннахерибъ окончилъ жизнь самымъ трагическимъ образомъ: онъ былъ убитъ, въ храмѣ, на молитвѣ, двумя родными сыновьями, которые немедленно бѣжали въ Урарту, гдѣ они могли навѣрно расчитывать найти не только дружескій пріемъ, но и довольно охотниковъ пойти съ ними на Ниневію и помочь имъ завладѣть престоломъ. Старшаго брата ихъ, одно время бывшаго намѣстникомъ въ Вавилонѣ, должно-быть уже не было въ живыхъ, потому что послѣ смерти Сеннахериба воцарился четвертый его сынъ и тотчасъ же собрался мстить за отца. Это былъ Асархаддонъ, любимый сынъ Сеннахериба, тотъ самый,

для котораго онъ оставилъ какія-то вещи на храненіе у жрецовъ бога Набу, съ документомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ его «завѣщанія» *).

Возстановленіе столицы. Ниневіи.

27.—Если Сеннахерибу внушила отвращеніе къ городу и дворцу Дур-Шаррукинъ участь, постигшая тамъ отца его Саргона, то немного же ему помогло переселеніе въ Ниневію. Зато сама Ниневія много отъ этого выиграла. Древняя столица вновь расцвѣла у него пышнѣе прежняго. Онъ не только ломалъ и перестраивалъ старинные храмы и дворцы, и не только воздвигалъ новые, но обновилъ весь городъ, его стѣны и укрѣпленія, и вообще изощрялся въ разумныхъ попеченіяхъ и о самомъ городѣ, и объ окрестностяхъ его. И дѣлалъ онъ это способами, до того похожими на наши современные пріемы, что дивишься, читая: — «Въ Ниневіи, царскомъ градѣ моемъ, я сдѣлалъ жилища много просторнѣе противъ прежняго. Я обновилъ старинныя улицы и узкія улицы расширилъ. Я сдѣлалъ городъ блестящимъ, словно солнце...» Что болѣе могъ бы сдѣлать современный градостроитель, какъ измѣнить русла рѣкъ ради блага и удобства населенія? «Городъ терпѣлъ недостатокъ въ водѣ. Къ небу возносился отъ народа ропотъ. Онъ не находилъ воды для питья и смотрѣлъ на сводъ небесный, ожидая оттуда дождей». О своихъ предшественникахъ царь отзывается съ укоризною, говоря, что «ни одинъ не позаботился о здравіи города, не привелъ въ него рѣкъ; ни у одного сердце

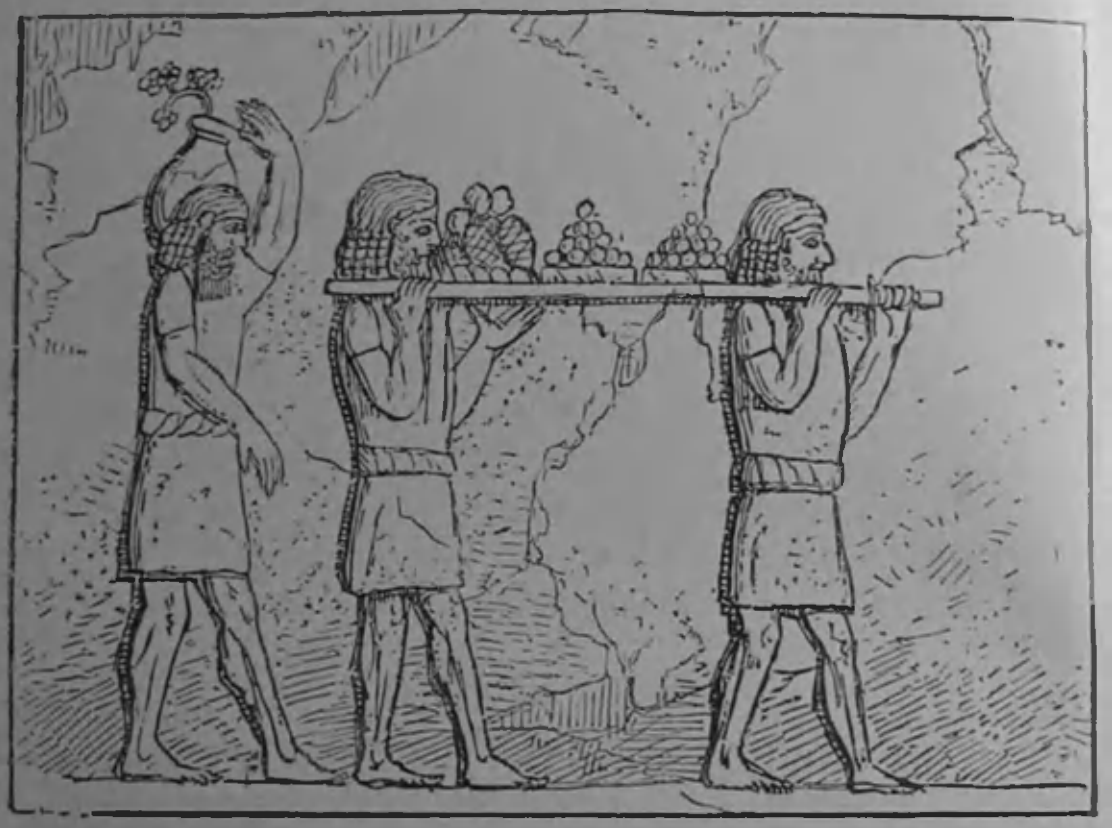
*) См. «Исторію Халдеи», стр. 120.

къ тому не лежало. Но я, Сеннахерибъ, царь ассирійскій, по велѣнію боговъ, рѣшился совершить это дѣло и обратилъ къ тому мои мысли». Дѣйствительно, по его приказу было вырыто не менѣе шестнадцати каналовъ; онъ ихъ снабдилъ красивыми набережными и наполнилъ ихъ водою отъ сосѣдней рѣчки, Хузура, которую нарочно перевелъ въ другое русло. Это та самая рѣчка, хотя и маленькая, но очень бурная въ дождливый періодъ, которая теперь зовется Хосръ или Хаузеръ и протекаетъ между курганами Куюнджикъ и Небби-Юнусъ, — сѣверной и южной частями древней Ниневіи. Тигръ, съ другой стороны, самъ свернулъ въ сторону и подмылъ насыпь, на которой прежними царями были построены дворцы, нынѣ развалившіеся, такъ что его пришлось насильно вернуть въ прежнее русло посредствомъ нарочно вырытаго наклоннаго протока, прежде чѣмъ можно было приступить къ построенію новаго дворца, задуманнаго Сеннахерибомъ.

Дворецъ Сеннахериба въ Ниневіи.

28.—Дворецъ этотъ считается самымъ совершеннымъ и величественнымъ произведеніемъ своеобразнаго ассирійскаго зодчества. Говоря словами Джорджа Раулинсона, «онъ превзошелъ размѣрами и великолѣпіемъ всѣ прежнія строенія того же рода, и ничѣмъ не уступаетъ позднѣйшимъ, за исключеніемъ одного.» Дворецъ Ашурбанипала, построенный на той же платформѣ внукомъ Сеннахериба, надо признаться, достигаетъ еще большаго совершенства орнаментаціи; но даже это зданіе не сравнится съ дворцомъ Сеннахериба

по числу покосвъ и величественности размѣровъ. «Дворецъ этотъ покрывалъ до трехъ десятинъ, и въ немъ было не менѣе семидесяти или восьмидесяти комнатъ и залъ. Парадные покои, по обыкновенію, были сплошь покрыты, вдоль всѣхъ стѣнъ, изваяніями на алебастровыхъ плитахъ,

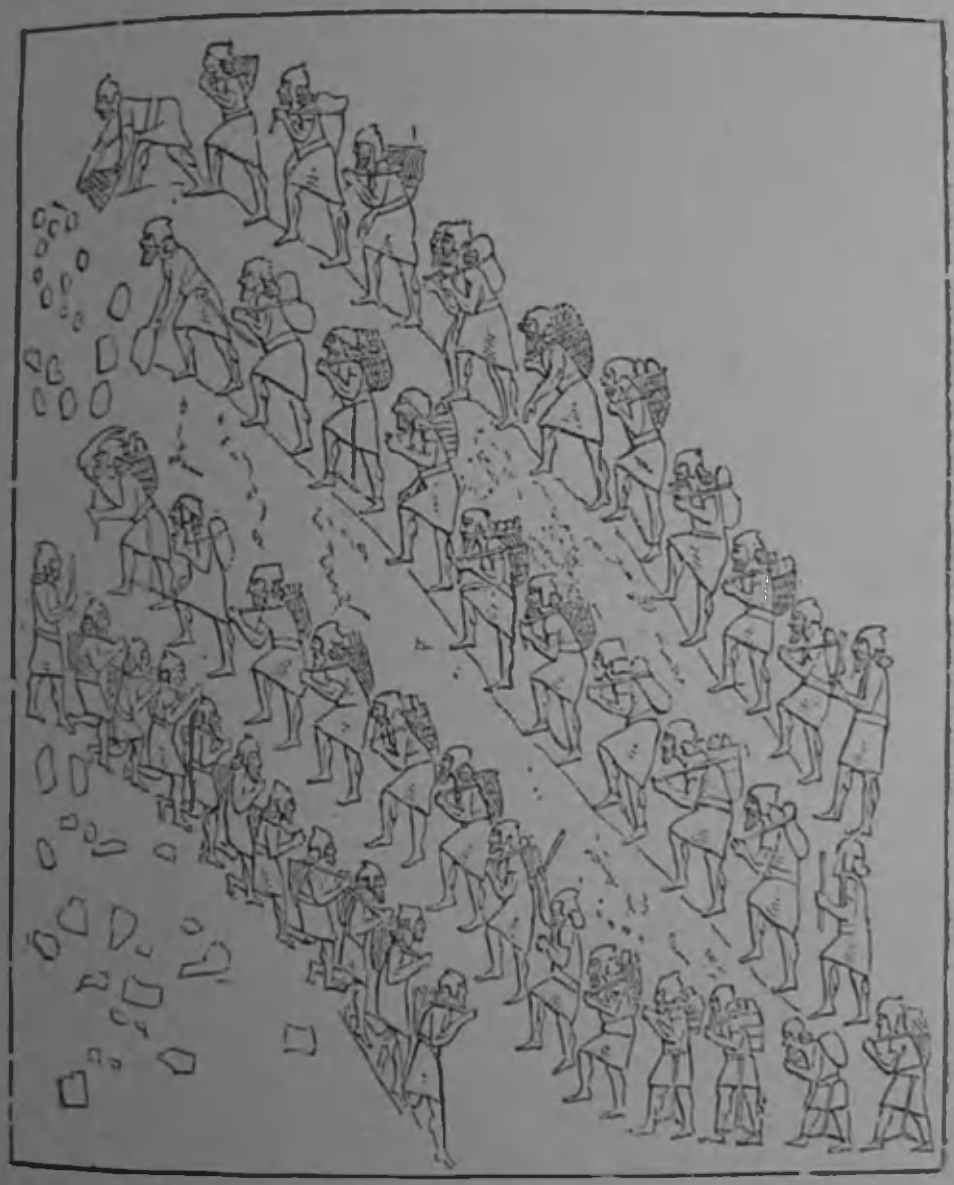


Слуги несутъ десертъ въ столовую залу.
(На стѣнахъ коридора во дворцѣ Сеннахериба въ Куюнджикѣ).

изображающими главные моменты и сцены изъ жизни монарха, домашней и походной, въ военное и мирное время. Въ видѣ дополненія къ немногимъ иллюстраціямъ, которыми намъ приходится довольствоваться, приводимъ страницу изъ

всегда оживленныхъ и занимательныхъ описаній Джорджа Раулинсона:

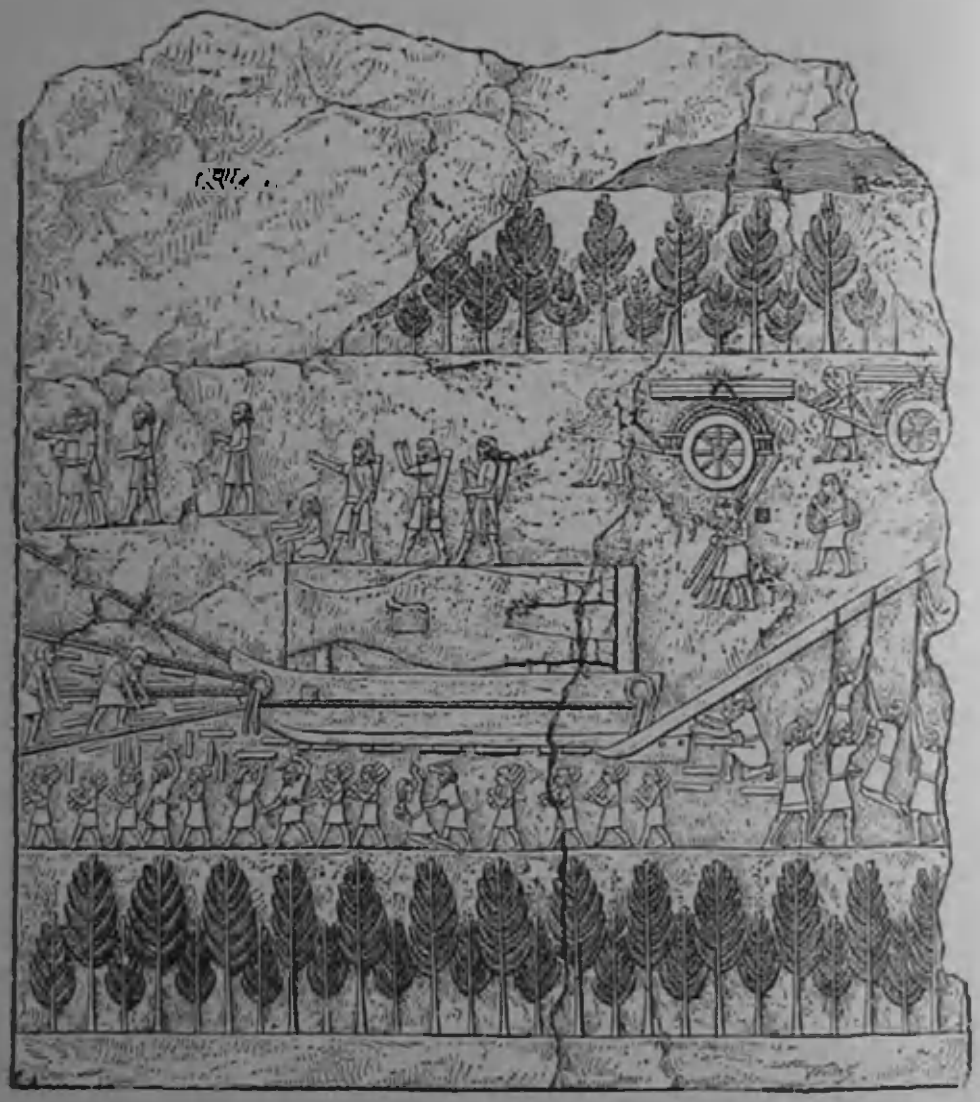
«Самая поразительная и характерная черта орнаментаціи



Плѣнные сооружаютъ насыпь для дворца.

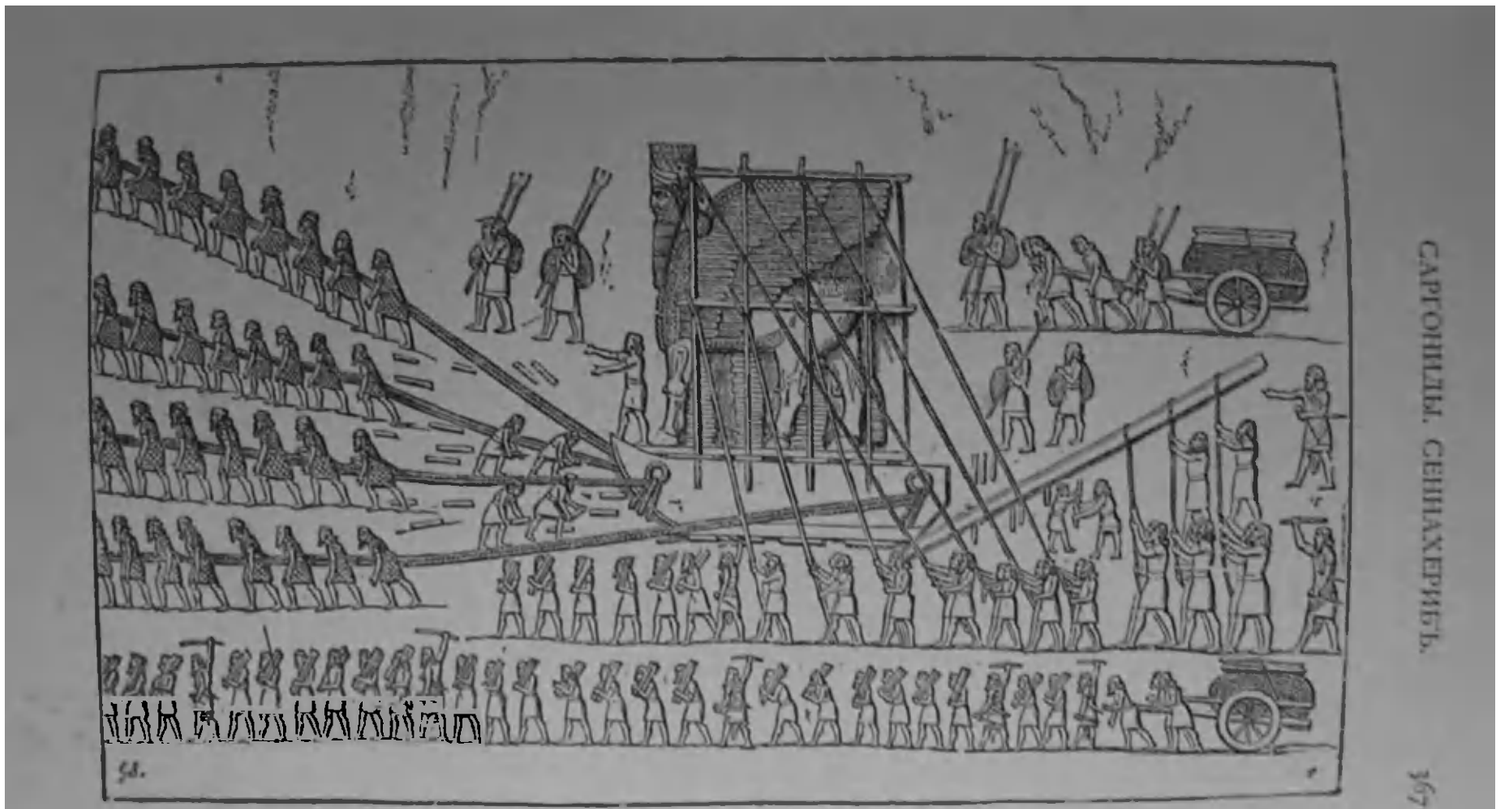
эпохи Сеннахериба — яркій реализмъ... Вездѣ изображены горы, скалы, деревья, дороги, рѣки, озера, притомъ съ явнымъ стараніемъ передать отличительныя черты каждой данной

мѣстности настолько правдиво, насколько дозволяли искусство художника и матерьялъ, надъ которымъ онъ работалъ... Указанъ родъ деревьевъ... сады, нивы, пруды, тростникъ тщательно изображены; попадаются дикія животныя: олени,



Будущаго крылатаго быка везутъ на саннахъ и смазанныхъ жиромъ деревянныхъ валинахъ. Надсмотрщики погоняютъ рабочихъ.

антилопы, кабаны; птицы летаютъ съ дерева на дерево, или стоятъ надъ гнѣздами и кормятъ птенцовъ, которые къ нимъ тянутся; рыбы рѣзвятся въ водѣ; рыбаки занимаются своимъ промысломъ, поселяне—полевыми работами; каждая сцена,



Готоваго крылатаго быка тащатъ на насыпь. Телѣжки съ запасными канатами.

такъ сказать, снята фотографически, во всѣхъ подробностяхъ *).

Съ такимъ же реализмомъ Сеннахерибъ избиралъ въ предметы художественнаго воспроизведенія самыя обыденныя бытовыя сцены. Шествія слугъ, ежедневно приходившихъ во дворецъ съ дичью и саранчей для царскаго стола, съ печеніями и плодами для десерта, появляются на стѣнахъ коридоровъ и лѣстницъ, точно такъ же, какъ тянулись черезъ дворцовые дворы, неся ему его любимыя лакомства. А то онъ воспроизводитъ передъ нами весь процессъ ваянія и перевозки колоссальнаго крылатаго быка, отъ момента вывоза еще еле грубо обтесанной глыбы изъ каменоломни до момента окончательной постановки его на платформѣ у главныхъ дворцовыхъ воротъ. Мы видимъ, какъ партіи бурлаковъ тащатъ чудовищный монолитъ по рѣкѣ на плоскодонной лодкѣ... причемъ каждая партія отличается особымъ костюмомъ, вѣроятно означающимъ народность рабочихъ... подъ надзоромъ надсмотрщиковъ съ поднятыми палками... Вся сцена должна быть изображена въ точности. поэтому бурлаки всѣ на лицо, числомъ до трехсотъ, и каждый исполненъ такъ же тщательно, какъ будто онъ не точное повтореніе двухсотъ девяноста девяти другихъ. Затѣмъ глыба переносится на сушу, грубо обтесывается, принимаетъ нѣкое подобіе быка, и въ этомъ видѣ ставится на нѣчто въ родѣ санокъ и везется новыми партіями рабочихъ, почти въ томъ же порядкѣ, до подножія насыпи. Сооруженіе платформы изобра-

*) Можетъ-быть художники такимъ образомъ заявляли свою личность и извлекали нѣкоторое удовольствіе изъ задачи, въ сущности очень монотонной и убійственной для воображенія, вслѣдствіе условной однообразности въ изображеніи безчисленныхъ человѣческихъ фигуръ. Чѣмъ иначе объяснить такія, напримѣръ, выходки и забавные эпизоды, каково изображеніе въ рѣкѣ, уносящей трупы людей и коней или тяжело нагруженныя суда, — большой рыбы, глотающей маленькую, одинъ хвостикъ которой торчитъ изо рта большой, или краба, охватившаго рыбку своими клешнями?

кено во всей подробности. У подножія ея рабочіе вынимаютъ кирпичи изъ формъ, между тѣмъ какъ другіе несутъ въ корзинахъ, за спинами, землю, кирпичъ, камень, всякій хламъ, съ трудомъ поднимаясь по крутому склону полуоконченной насыпи, и наверху сваливаютъ свою ношу. Быка, все еще на санкахъ, волочатъ вверхъ четыре партіи рабочихъ, въ присутствіи царя и его приближенныхъ. Затѣмъ ваятель доканчиваетъ свою работу, и колосса, уже въ стоячемъ положеніи, довозятъ по ровной поверхности платформы до того мѣста, которое онъ долженъ окончательно занять» *).

Интересно припомнить, что, когда Лэйардъ увозилъ быковъ, чтобы отправить ихъ внизъ по Тигру онъ въ точности повторилъ процессъ, изображенный на изваянныхъ плитахъ, съ тою разницей, что тащили добровольно нанявшіеся арабы вмѣсто плѣнныхъ **) рабочихъ.

*) Своего рода кинематографъ.

**) См. въ «Исторіи Халдеи» иллюстраціи на стр. 34 и 35.

X.

Саргониды: Асархаддонъ (Ашуръ-акхи-иддинъ).

Скудость памятниковъ этого царствованія.

1.—Почему-то о царствованіи этого монарха мы не имѣемъ такого обилія—почти, можно сказать, пзбытка—вѣстей, какъ о царствованіяхъ его отца и дѣда. Сохранилась всего одна длинная, послѣдовательная надпись, въ двухъ экземплярахъ, мѣстами слегка расходящихся и сильно поврежденныхъ, да и то не доходящая до самаго главнаго его подвига—похода въ Египетъ. Одна причина такой скудости документовъ, необычайной для этого поздняго періода, заключается, быть можетъ, въ томъ обстоятельствѣ, что изъ трехъ дворцовъ, построенныхъ этимъ царемъ, одинъ, въ Вавилонѣ, еще не найденъ вовсе, другой, въ Калахѣ, остался недоконченнымъ, а тѣ изваянія, какія въ немъ оказались, сильно пострадали отъ большого пожара; третій же, въ Ниневіи, заключенъ въ Іоновомъ Курганѣ (Небби-Юнусъ), который, какъ извѣстно, считается у мусульманъ священнымъ мѣстомъ, почему до сихъ поръ не

удалось добиться у турецкихъ властей разрѣшенія дѣлать въ немъ раскопки *).

2.—Въ довершеніе бѣды, цѣлая половина перваго столбца одной изъ сохранившихся надписей до такой степени попорчена, что нѣтъ никакой

„Посланія" богини Иштаръ Арбельской.

Изображеніе Асархаддона на скалѣ у устья рѣки Нар-Эль-Кельбъ.

возможности разобрать текстъ, а тутъ какъ разъ, должно быть, разсказывалось убіеніе Сеннахериба. Тамъ, гдѣ письмо поясняетъ, видно, что Асархаддонъ собирается мстить за отца: «Я былъ гнѣвенъ, какъ левъ, и душа бушевала во мнѣ»,—гово-

*) См. «Исторія Халдеи», стр. 18.

ритъ онъ:—«я воздѣлъ руки къ великимъ богамъ», «и клялся принять на себя владычество, родовое наслѣдіе отца моего». Его повидимому не было въ то время въ Ниневіи, а воевалъ онъ гдѣ-то въ западной части земель Наири. Стоялъ январь; бушевали мятели, и войско, застрявшее въ дикихъ горныхъ дебряхъ, подвергалось большимъ опасностямъ. Однако онъ не отступилъ и, не задумываясь, собрался въ зимній походъ. Въ отвѣтъ на молитвенное «воздѣваніе рукъ его», великіе боги соблаговолили послать ему знаменіе:—«Имъ угодна была моя молитва. Они милостиво изрекли мнѣ такое слово: Иди, не страшись! Мы шествуемъ съ тобою! Мы сокрушимъ твоихъ враговъ». Любимая богиня его, Иштаръ Арбельская, изъ своего храма прислала ему такія же поощрительныя слова. Это—такъ-называемыя «посланія», записанныя на особыхъ плиткахъ, съ именами жрецовъ и жрицъ, устами которыхъ они передавались. Одна такая плитка сохранилась, и текстъ, весьма мало поврежденный, даетъ понятіе объ этомъ родѣ религіозной поэзіи, мѣстами истинно величественной: «Я — Иштаръ Арбельская»,—говоритъ богиня:—«я иду съ тобою; не страшись... Врагъ твой, подобный зрѣлой жатвѣ въ мѣсяцѣ Шиванъ (май — іюнь), выстроенъ передъ ногами твоими, готовый вступить въ бой. Я—владычица. Врага твоего я сокрушу и предамъ тебѣ... Не страшись, о, Асархаддонъ... я облегчу твое сердце... Ты почиталъ меня, какъ мать. Каждый изъ шестидесяти великихъ боговъ, моихъ сильныхъ братьевъ, будетъ тобою руково-

дить; Синъ будетъ у твоей правой руки, Шамашъ у лѣвой... Не довѣряйся людямъ; держи взоры свои обращенными на меня, довѣряйся мнѣ. Я— Иштаръ Арбельская!»

Краткая война между братьями.

3.—Въ далекихъ, горныхъ верховьяхъ Евфрата (въ Каппадокіи) братья сошлись на смертный бой. Сначала тучею посыпались стрѣлы. Не совсѣмъ ясно: кончилось ли сраженіе побѣдой Асархаддона, или войска братьевъ-отцеубицъ въ послѣднюю минуту отказались сражаться за нихъ противъ численно превосходящаго ихъ непріятеля. «Страхъ великихъ боговъ, владыкъ моихъ, обуялъ ихъ; Иштаръ, владычица войны, пребывала при мнѣ. Она сломила ихъ луки, пробила плотный боевой строй ихъ, и въ ихъ рати вдругъ раздался кличъ: Вотъ этотъ — нашъ царь!» — Какъ бы то ни было, Асархаддонъ овладѣлъ полемъ битвы, и никто уже не оспаривалъ у него престола. Не видно, погибли ли злодѣи, братья его. Много вѣковъ спустя въ Арменіи еще существовало преданіе, будто ихъ потомки долго владѣли тамъ обширными землями.

Смуты въ Бит-Якинѣ.

4.—Царствованіе Асархаддона никакъ нельзя назвать безславнымъ или неинтереснымъ. Но подвиги ассирійскихъ царей отличаются такимъ однообразіемъ, что перечень ихъ утомляетъ. Впрочемъ, въ борьбѣ съ Халдеей и неукротимыми бит-якинскими князьями всегда есть драматическій элементъ. На этотъ разъ главою движенія является сынъ Меродахъ-Баладана. Онъ воспользовался смутами, послѣдовавшими за внезапной кончиной

Сеннахериба, неожиданно напалъ на ассирійскаго намѣстника города Уръ и завладѣлъ городомъ. Даже когда новый царь окончательно утвердился на престолѣ, халдейскій князь не мѣнялъ своего враждебнаго отношенія къ нему:—«Онъ не оказалъ мнѣ уваженія», — гласитъ надпись: — «братскихъ даровъ не поднесъ, на присягу не явился, посла ко мнѣ не присылалъ, не освѣдомлялся, мирно ли все въ моей державѣ». Все это были непростительныя упущенія, нарушенія международнаго этикета, а со стороны вассала равнялось прямо бунту. «О злыхъ дѣяніяхъ его я услыхалъ въ Ниневіи, моей столицѣ»,—продолжаетъ царь:—«и сердце мое застонало, и печень моя заныла. Наскоро отправилъ я противъ него моихъ воеводъ и пограничную стражу. Онъ же, мятежникъ, провѣдавъ о посланномъ на него войскѣ, бѣжалъ въ Эламъ, какъ лисица». Есть темный намекъ на то, что онъ тамъ былъ убитъ, что боги, завѣтъ которыхъ онъ нарушилъ, наслали на него разныя бѣды: что онъ «ввѣрился Эламу,, но тѣмъ не спасъ свою жизнь». Братъ его, Нахид-Мардукъ, поспѣшилъ въ Ниневію, заявить о своей покорности, и былъ утвержденъ княземъ «надъ всей приморской областью, наслѣдіемъ отъ брата сго», взамѣнъ ежегодной дани, которую онъ сталъ возить въ Ниневію самъ, съ прибавленіемъ цѣнныхъ, добровольныхъ даровъ.

Возстановленіе Вавилона.

5.—Асархаддонъ намѣтилъ себѣ политику, какъ разъ противуположную отцовской. Душу его сильно удручала мысль о святотатственномъ мщеніи, которымъ Сеннахерибъ поразилъ священный

городъ. и онъ поставилъ себѣ задачею искупить его грѣхъ своими благодѣяніями. Онъ прежде всего старался пріобрѣсти расположеніе жителей Вавилона и Борсиппы возвращеніемъ имъ отнятыхъ у нихъ земель. Затѣмъ, онъ принялся перестраивать Вавилонъ и разоренные храмы. Въ своемъ повѣствованіи объ этомъ гигантскомъ предпріятіи, онъ называетъ себя «поклонникомъ боговъ Набу и Мардука», и въ своихъ воззваніяхъ обходитъ боговъ, предпочтительно почитаемыхъ въ Ассиріи, однако съ большимъ тактомъ и деликатностью избѣгаетъ всего, что могло бы набросить тѣнь на память отца. Разореніе Вавилона онъ приписываетъ гнѣву бога Мардука, но въ темныхъ, неопредѣленныхъ выраженіяхъ. «Нѣкто бывшій до него»,—говоритъ онъ, намекая на Сузуба:—«въ царствованіе нѣкоего его предшественника» (по имени онъ Сеннахериба не называетъ), «наложилъ руки на великій храмъ Мардука, въ Вавилонѣ, и отдалъ всѣ бывшія въ немъ сокровища, согласно нѣкоей заключенной имъ сдѣлкѣ. Это разгнѣвало Мардука, владыку боговъ, и онъ рѣшилъ подвергнуть городъ великой карѣ и истребить всѣхъ жителей». Все, что затѣмъ послѣдовало, представляется прямымъ дѣйствіемъ воли бога: это онъ потопилъ городъ водами канала Арахту,—онъ же срылъ его до основанія, сровнявъ съ землею,—онъ разрушилъ храмы, такъ что обитавшіе въ нихъ боги и богини улетѣли на небо; и выходитъ, что Сеннахерибъ (имя котораго, впрочемъ, ни разу не упоминается) чистъ и ни въ чемъ

неповинен, будучи просто орудіемъ, исполнявшимъ высокій приговоръ. Въ заключеніе Асархаддонъ называетъ и себя избраннымъ орудіемъ бога, «назначившаго его изъ среды братьевъ его, — возстановить городъ и его святыни». Онъ горячо возлюбилъ столицу, которую, можно сказать, воскресилъ изъ мертвыхъ, и почти исключительно въ ней проживалъ. И никогда, до конца жизни, онъ не встрѣчалъ съ стороны строптивости или непокорности.

Экспедиціи противъ „дальнихъ мидянъ" и противъ киммерійцевъ.

6.—Можно обойти молчаніемъ девять походовъ, имѣвшихъ цѣлью лишь обезопасить границы отъ возстаній и сосѣдскихъ вторженій, тѣмъ болѣе, что царь вѣроятно самъ въ нихъ не участвовалъ. Исключеніе слѣдуетъ сдѣлать въ пользу экспедиціи въ землю «дальнихъ мидянъ», въ которую онъ проникъ, будто бы, далѣе всѣхъ царей, ходившихъ туда до него, и дошелъ до мѣста, которое онъ называетъ Бикни, «гдѣ находятся алебастровыя горы»; тамъ онъ взялъ въ плѣнъ нѣсколькихъ непокорныхъ князьковъ, простилъ и утвердилъ другихъ, а еще трое, княжившіе «въ отдаленныхъ городахъ Мидіи», сами привели ему въ Ниневію въ даръ чудныхъ коней. Нельзя оставить безъ вниманія и другой инцидентъ пограничной войны, а именно отраженіе и усмиреніе нѣкоего кочевника, именуемаго Тугдамме Гимирраи, родина котораго была гдѣ-то очень далеко. Онъ и его войско были «истреблены мечомъ» въ какой-то мѣстности, еще не узнанной, но несомнѣнно лежавшей на сѣверъ отъ Киликіи, въ горахъ Напри, въ области, впо-

слѣдствіи получившей названіе Каппадокіи. Этимъ именемъ,—«Гимирраи»,—ассирійцы называли кочевниковъ, обыкновенно именуемыхъ киммерійцами, принадлежавшихъ, подобно мидянамъ, къ совершенно другой расѣ, чѣмъ всѣ доселѣ встрѣчаемые нами народы. Такъ какъ раса эта — та самая, къ которой и мы принадлежимъ, и такъ какъ, въ достигнутый нами періодъ, она начинаетъ быстро выдвигаться на видъ, то скоро необходимо будетъ прервать нить разсказа и посвятить особую главу ея развитію и странствованіямъ.

Аравійскій походъ.

7.—Съ Эламомъ отношенія у Асархаддона повидимому оставались мирными до конца. Съ Аравіей—наоборотъ. Сохранилось крайне замѣчательное описаніе похода въ аравійскую область Базу. Какая это часть Аравіи, до сихъ поръ не дознано, но она, должно-быть, отдѣлялась отъ ассиріискихъ владѣній широкой полосой пустыни. Нѣкоторые полагаютъ, что это былъ — Іеменъ. Описывается дорога, пролегающая сперва черезъ распаленную, безводную пустыню,—«землю жажды»,—усѣянную большими камнями, въ которой водятся змѣи и скорпіоны, что саранча,—затѣмъ черезъ высокія обнаженныя горы. Это описаніе напоминаетъ «пустыню великую и страшную» во Второзаконіи, VIII, 15, гдѣ водились «змѣи, василиски, скорпіоны и мѣста сухія, на которыхъ нѣтъ воды». Нѣтъ повода сомнѣваться въ истинѣ словъ Асархаддона, когда онъ говоритъ, что ни одинъ царь до него не ходилъ въ этотъ край. Въ этотъ походъ убито было восемь аравійскихъ князей, въ томъ числѣ двѣ

женщины; сокровища ихъ, конечно, были увезены. Одинъ изъ оставшихся въ живыхъ князей, по имени Лаиліэ, сначала бѣжалъ отъ непріятельскаго вторженія, но, услыхавъ о похищеніи «своихъ боговъ», совершилъ невѣроятный подвигъ: онъ пошелъ слѣдомъ за царемъ, до самой Ниневіи, съ тѣмъ, чтобы вымолить ихъ у побѣдителя, цѣной своего подданства. Асархаддонъ, отъ природы склонный къ мягкости, «пожалѣлъ его и предложилъ ему братское свое расположеніе». Онъ возвратилъ ему похищенныхъ боговъ, приказавъ, однако, высѣчь на нихъ надпись о взятіи ихъ въ плѣнъ, съ восхваленіемъ «мощи Ашура, Господа своего». Не довольствуясь этой милостью, царь одарилъ своего новаго вассала всѣмъ только-что завоеваннымъ княжествомъ Базу, конечно потребовавъ съ него присягу и дань. Это не единственный случай такого рода. Царь и въ другой разъ поступилъ точно такъ же, не забывъ упомянуть въ надписи, что онъ приказалъ «сперва исправить понесенныя богами повреждения, а потомъ уже высѣчь на нихъ свое собственное имя и прославленіе «Ашура, Господа своего».

Усмиреніе возстанія въ Сидонѣ.

8.—Лѣтъ двадцать Западъ не видалъ ассирійскихъ войскъ, а именно—съ безславнаго отступленія Сеннахериба. Такъ какъ въ царскихъ надписяхъ никогда не упоминаются земли куда въ данномъ году не ходили ассирійскія войска, то мы не знаемъ, что происходило въ земляхъ Хатти и на побережьѣ въ этотъ долгій, мирный промежутокъ. Вѣроятно, тамъ собирались съ силами для новаго возстанія, дѣйствительно вспыхнув-

шаго въ Финикіи, въ городѣ Сидонѣ, который, повидимому, какъ-нибудь отдѣлался отъ царя, навязаннаго ему Сеннахерибомъ, и поднялся ранѣе всѣхъ сосѣдей, съ помощью лишь нѣсколькихъ племенъ ливанскихъ горцевъ. Вѣроятно, и другіе примкнули бы къ этому движенію, но Асархаддонъ опередилъ ихъ и осадилъ городъ, прежде чѣмъ могла подоспѣть откуда-либо помощь. Взявъ его, онъ «срылъ крѣпость, разнесъ дома и побросалъ ихъ въ море», затѣмъ построилъ новый городъ и далъ ему свое имя. Бывшаго царя, бѣжавшаго на какой-то островъ, онъ «поймалъ, какъ ловятъ рыбу изъ моря, и отсѣкъ ему голову». Такъ же было поступлено съ ливанскимъ шейхомъ, котораго ассирійцы «изловили въ горахъ, какъ птицу», и обѣ головы были отправлены въ Ниневію, вмѣстѣ съ плѣнными и добычею.

Двадцать два царя являются на поклонъ къ Асархаддону.

9.—По возвращеніи въ Ассирію, Асархаддонъ созвалъ къ себѣ «царей земель Хатти и заморскихъ народовъ». Явились они въ Ниневію, цѣлыхъ двадцать два человѣка,—десять съ острова Кипра, двѣнадцать изъ главныхъ сирійскихъ государствъ; послѣдніе вѣроятно втайнѣ радовались, что не успѣли безвозвратно погубить себя, открыто примкнувъ къ недавнему возстанію. Во главѣ списка—Баалъ, царь тирскій, и Манассей, царь іудейскій (сынъ Езекіи). Затѣмъ слѣдуютъ цари слѣдующихъ земель и городовъ: Эдома, Моаба, Газы, Аскалона, Джебаля, Арвада, Аммона, Ашдода, и еще двое: «всего двадцать два царя земель Хатти и побережья, и съ острововъ, и я сдѣ-

лалъ имъ смотръ». Не съ пустыми, конечно, руками явились они. Асархаддонъ въ то время былъ занятъ многочисленными постройками, и приношенія ихъ, добровольныя или вынужденныя, сообразовались съ этимъ обстоятельствомъ. Они состояли изъ «большихъ бревенъ и брусьевъ чернаго дерева, кедра и кипариса», съ Ливана и другихъ горъ,—изъ алебастровыхъ плитъ и камней, которые, «изъ каменоломенъ въ горахъ, мѣсторожденія ихъ, для украшенія дворца, они съ великимъ трудомъ привезли съ собою въ Ниневію».

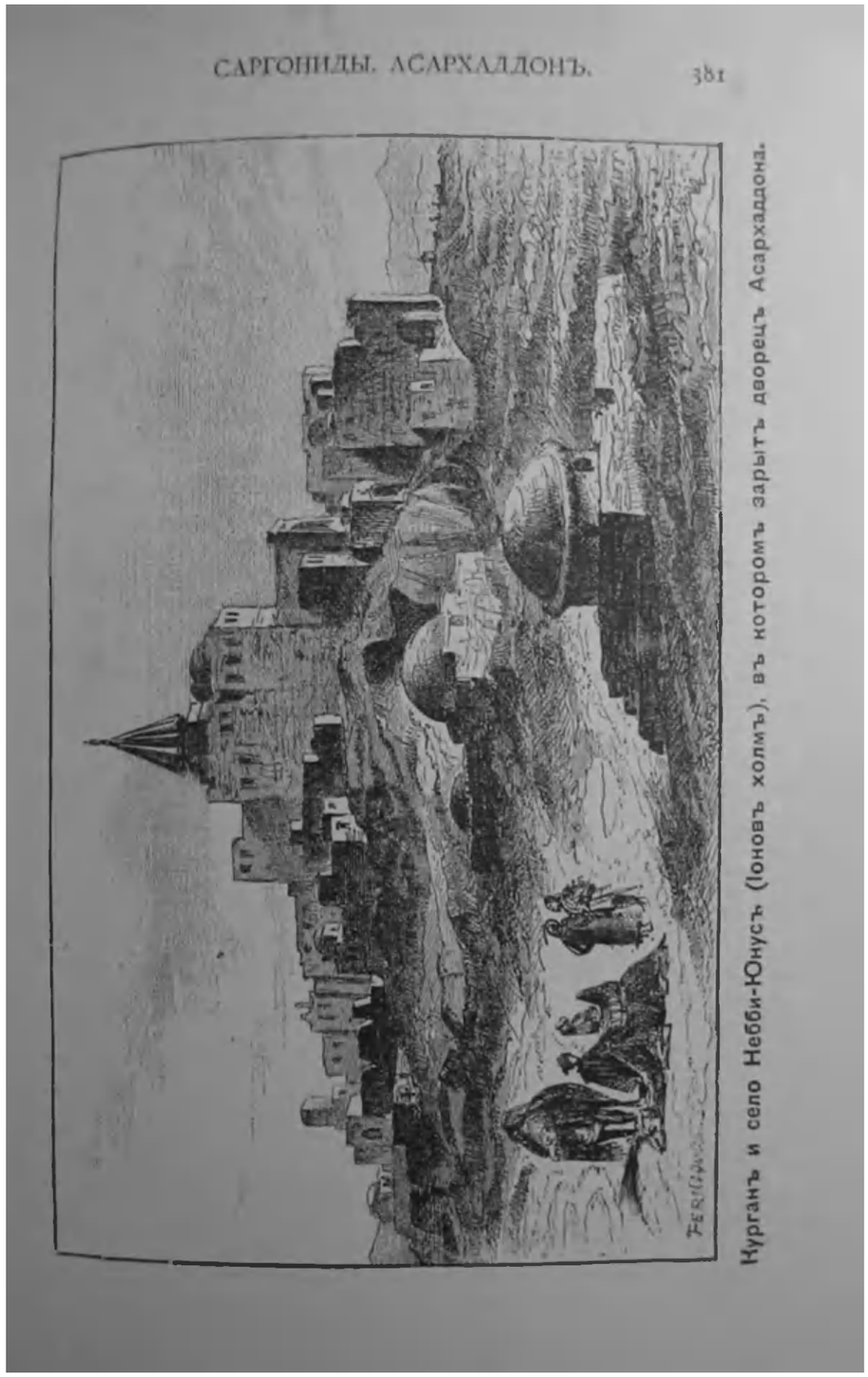
Построеніе и освященіе новаго дворца въ Ниневіи.

10.—Дворецъ, для котораго свозился со всѣхъ сторонъ этотъ драгоцѣнный матерьялъ, — тотъ самый, который до сихъ поръ все еще таится въ неизслѣдованныхъ нѣдрахъ холма Небби-Юнусъ. Будемъ надѣяться, что когда-нибудь и до него доберутся ученые, потому что, судя по подробному описанію, найденному на одномъ изъ цилиндровъ Асархаддона, это было истинное чудо великолѣпія и художественной отдѣлки. Торжество освященія было отпраздновано съ неслыханной пышностью и расточительностью:

«Ашура, Иштаръ Ниневійскую и боговъ Ассиріи я чествовалъ во дворцѣ пирами; жертвы заклалъ я для нихъ, прекрасныхъ и цѣнныхъ, и принесъ имъ дары. Великое собраніе со всей моей державы, царей и народъ, раздѣливъ ихъ по городамъ и племенамъ, я усадилъ на высокихъ сидѣніяхъ, и веселилъ души ихъ. Виноградным виномъ я снабдилъ столы ихъ, и, по моему приказанію, военная музыка тѣшила уши ихъ».

Смуты въ Сиріи.

11.—Неизвѣстно, что̀ именно подало поводъ къ походу противъ Египта (десятому походу



Курганъ и село Небби-Юнусъ (Іоновъ холмъ), въ которомъ зарытъ дворецъ Асархаддона.

Асархаддона), потому что повѣствованіе на цилиндрѣ какъ разъ на этомъ обрывается, и о послѣднихъ годахъ его сохранились одни отрывки, при помощи которыхъ, однако, руководясь прежними событіями, возможно приблизительно догадываться, какъ дѣло произошло. Безъ сомнѣнія, сирійскіе государи, по старой привычкѣ, обратились къ Египту за помощью. Въ одномъ изъ отрывковъ прямо сказано, что «Баалъ, царь тирскій, возлагая надежду на Тарку, царя кушскаго, сбросилъ ассирійское иго». Между тѣмъ, имя этого самаго Баала стоитъ во главѣ списка царей, ѣздившихъ на поклонъ въ Ниневію. Стало-быть онъ, возвратившись во-свояси, не медлилъ долго рѣшеніемъ. Нельзя полагать, чтобы онъ отважился на такое дѣло одинъ, и въ библейскихъ книгахъ есть одно мѣсто, изъ котораго можно заключить, что во всякомъ случаѣ царь іудейскій былъ съ нимъ заодно. Во второй книгѣ Паралипоменонъ (XXXIII, 11—13) сказано, что «военачальники царя ассирійскаго заковали Манассію въ кандалы и оковали его цѣпями, и отвели его въ Вавилонъ»; но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ сказано, что онъ вскорѣ былъ прощенъ и отпущенъ обратно въ Іерусалимъ. Это совершенно согласуется съ тѣмъ, что намъ извѣстно о нравѣ Асархаддона, который былъ далеко не такъ жестокъ, какъ его предшественники, и нерѣдко поступалъ милостиво съ побѣжденными. Должно полагать, что освобожденіе Манассіи послѣдовало по окончаніи войны съ Египтомъ, такъ какъ его едва ли бы отпустили, пока она

продолжалась. Вѣрнѣе, что онъ за это время содержался заложникомъ въ Вавилонѣ *).

Усмиреніе возстанія въ Тирѣ.

12.—Въ другомъ отрывкѣ мы читаемъ, что Асархаддонъ послалъ войска «противъ Тарку, царя кушскаго, противъ египтянъ и противъ союзниковъ Тира». Это слово: «союзники», вѣроятно, включаетъ и царя іудейскаго. Тахарка,—далѣе сказано,—бѣжалъ. Но Тиръ, такъ же, какъ при Салманассарѣ и Саргонѣ, долго держался на своей, опоясанной моремъ, неприступной скалѣ. Асархаддонъ, самъ спѣшившій на югъ, вдоль морского берега, оставилъ сильный отрядъ, съ приказомъ морить городъ голодомъ и жаждой. И все же онъ не сдался до тѣхъ поръ, пока война не окончилась неблагопріятно для Египта. Царь Баалъ получилъ прощеніе и былъ утвержденъ на престолѣ, и его имя опять встрѣчается, вмѣстѣ съ именемъ Манассіи іудейскаго, въ спискѣ царей, ѣздившихъ на поклонъ къ преемнику Асархаддона, Ашурбанипалу.

Египетскій походъ.

13.—Походъ отъ города Рафіи до Египта былъ крайне утомителенъ и едва ли бы совершился благополучно, если бы одинъ богатый и могущественный бедуинскій шейхъ не поставилъ отрядъ верблюдовъ и большой запасъ воды въ бурдюкахъ. Подробныхъ свѣдѣній о самой войнѣ, къ

*) Извѣстный ассиріологъ, Эбергардъ Шрадеръ, полагаетъ, что взятіе въ плѣнъ Манассіи послѣдовало ровно двадцатью пятью годами позже, въ царствованіе Ашурбанипала. Такъ какъ царствованіе Манассіи длилось цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, то хронологической несообразности въ этомъ нѣтъ.

сожалѣнію, не имѣется, но результатъ извѣстенъ. Тахарка отступилъ на югъ, въ свою родную область Кушъ; семья его попала въ плѣнъ; Мемфисъ, столица Нижняго Египта, былъ взятъ и разграбленъ, и ассирійское владычество тяжко легло на всю землю. Побѣда, повидимому, далась довольно легко,—вѣроятно вслѣдствіе раздоровъ, существовавшихъ между самими египтянами. Многочисленные мѣстные княжескіе роды, которыхъ Шабака, основатель эѳіопской династіи, лишилъ независимости и подчинилъ сильной центральной власти, не могли упустить столь удобнаго случая снова выступить со своими притязаніями. Это-то состояніе страны мѣтко описываетъ пророкъ Исаія въ слѣдующихъ строкахъ:

«Я вооружу египтянъ противъ египтянъ,—и будутъ сражаться братъ противъ брата и другъ противъ друга, городъ съ городомъ, царство съ царствомъ... Совѣтъ мудрыхъ совѣтниковъ фараоновыхъ сталъ безсмысленнымъ... Обманулись князья мемфисскіе, и совратили Египетъ съ пути главы племенъ его... и ввели Египетъ въ заблужденіе во всѣхъ дѣлахъ его, подобно тому, какъ пьяный бродитъ...» (Исаія, XIX).

Такимъ образомъ случилось, что Асархаддонъ оставилъ Египетъ раздѣленнымъ между двадцатью князьками и нѣсколькими ассиріицами, поставленными вѣроятно на мѣсто такихъ князей, которые оставались вѣрными Тахаркѣ даже теперь, когда всякая надежда для него пропала. Нѣкто Нехо, наслѣдственный князь города Саиса (сравнительно недавно построеннаго на лѣвомъ рукавѣ Нила), чѣмъ-то такъ угодилъ побѣдителю, что былъ поставленъ главнымъ надъ всѣми прочими,

съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы онъ далъ сыну своему ассирійское имя и также переименовалъ столицу свою. Такимъ образомъ, когда Асархаддонъ, на обратномъ пути въ Ассирію, приказалъ высѣчь свое изображеніе въ скалѣ на финикійскомъ берегу, у устья рѣки, нынѣ извѣстной подъ именемъ Нар-эль-Кэльбъ, рядомъ съ изображеніемъ отца своего, онъ могъ безъ хвастовства титуловать себя на этомъ памятникѣ, въ длинной объяснительной надписи, «царемъ царей земли Муцуръ». По всей вѣроятности не безъ умысла выбралъ онъ именно эту скалу, на которой, семь столѣтій до него, Рамзесъ II, побѣдитель въ битвѣ при Кадешѣ, тоже приказалъ высѣчь свое изображеніе, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими изваяніями, въ память своего торжества въ войнѣ противъ хетовъ. Это сопоставленіе должно было уязвить патріотическое чувство египтянъ, заставивъ ихъ сравнить прежнюю славу ихъ родины съ ея нынѣшнимъ безсиліемъ. Прошло еще двадцать пять столѣтій, и вотъ, оба,—египтянинъ и ассиріецъ,—мирно глядятъ другъ на друга, и разстоянія, и вражды между ними какъ не бывало! Раздѣлявшія ихъ семь столѣтій ушли въ глубь вѣковъ, сливаются съ волшебной мглою вѣчности, сонныя волны которой лѣниво плещутъ вокругъ ихъ славныхъ именъ,—какъ плещутся волны морской лазури о скалу, съ которой они безмолвно проповѣдуютъ о померкшемъ величіи, о забытомъ соперничествѣ, о могихъ страстяхъ, угасшихъ въ прохладной сѣни смерти, въ которой все яркое

стушевывается, все бурное утихаетъ,—и остается лишь просвѣтленное видѣніе прошлаго.

Отреченіе отъ престола и смерть Асархаддона

14.—Личность Асархаддона ярко выдѣляется изъ числа всѣхъ ассирійскихъ правителей и единодушно признается единственно симпатичной. Даже конецъ его жизни озаренъ какимъ-то романическимъ отблескомъ. Утомленный, больной, онъ добровольно сложилъ съ себя вѣнецъ въ пользу сына своего, Ашурбанипала. Тщетно было бы искать объясненія этого небывалаго поступка въ ассирійскихъ лѣтописяхъ; тамъ мы находимъ одни голые факты. Но не трудно отгадать, что царь не чувствовалъ въ себѣ силъ справиться съ наступавшими тяжелыми временами. Ибо Тахарка уже начиналъ оправляться отъ пораженія, понесеннаго всего четыре года назадъ; отпавшіе было отъ него князья убѣдились въ томъ, что они мало выиграли, промѣнявъ его верховенство на ассирійскій деспотизмъ, и готовилась новая обширная коалиція, такъ что можно было ожидать немедленнаго возобновленія военныхъ дѣйствій, требовавшихъ энергіи, и, главное—быстрой рѣшимости. Въ виду такого положенія дѣлъ становится понятнымъ, что усталый царь, удрученный предчувствіемъ скорой кончины, пожелалъ избавиться отъ непосильной ноши и передать ее молодому, дѣятельному сыну, съ которымъ, вдобавокъ, онъ уже нѣсколько лѣтъ дѣлилъ царскія обязанности и заботы. Итакъ, онъ торжественно и всенародно отрекся отъ ассирійскаго престола въ пользу этого сына. Изъ лѣтописи послѣдняго извѣстенъ самый день, въ который совершилось

это событіе. 12-го апрѣля 688 г. до Р. Х.—(день былъ выбранъ, конечно, «легкій»),—«онъ созвалъ народъ Ашура, отъ мала до велика, отъ береговъ морей Верхняго и Нижняго» (Средиземнаго моря и Персидскаго залива), на посвященіе на царство сына своего, которому была принесена присяга въ присутствіи его и передъ великими богами. Съ этого дня Ашурбанипалъ «сталъ править Ашуровымъ царствомъ» и «вступилъ, съ радостью и громкимъ ликованіемъ, въ царскій дворецъ Сеннахериба, въ которомъ отецъ его, Асархаддонъ, родился, росъ и возмужалъ... и изъ котораго онъ простеръ свое владычество надъ всѣми царями и увеличилъ число своихъ подданныхъ насчетъ другихъ народовъ...»

Назначеніе Шамаш-Шумукина вавилонскимъ намѣстникомъ.

15.—Асархаддонъ оставилъ себѣ Вавилонъ, гдѣ онъ окончательно поселился, но и тамъ онъ царствовалъ лишь номинально, назначивъ своимъ намѣстникомъ младшаго сына своего, Шамаш-Шумукина. Существуетъ письмо къ нему отъ Ашурбанипала, въ которомъ молодой царь титулуетъ себя царемъ ассирійскимъ, отца же своего—«царемъ надъ землями Кардуніаша, Шумира и Аккада». Асархаддонъ мирно кончилъ жизнь въ Вавилонѣ, менѣе года спустя послѣ своего отреченія отъ ассирійскаго престола.

XI.

Собирается гроза. — Появленіе младшей изъ великихъ расъ *).

Появленіе младшей изъ великихъ расъ.

1.—Если пріостановиться, да подумать, нельзя не подивиться тому, какой, собственно говоря, незначительный клочокъ нашей земли занималъ насъ до сихъ поръ. Правда, мы мелькомъ заглянули въ Египетъ, и даже въ Аравію, а финикіяне отвлекли не надолго взоры наши на далекій западъ Европы. Но въ сущности, мы, въ продолженіе почти двухъ томовъ, вращались внутри пространства, имѣющаго видъ срѣзаннаго сверху треугольника, ограниченнаго съ трехъ сторонъ горными цѣпями,—Ливаномъ, Наири, Загрошемъ, а съ четвертой—воображаемой чертой, протянутой отъ Персидскаго залива къ Средиземному морю; самый бѣглый же взглядъ на міровую карту покажетъ, какая это ничтожная по размѣрамъ частица восточнаго полушарія. А изъ великихъ расъ, которыя исторія признаетъ «культур-

*) Эту главу слѣдуетъ прослѣдить шагъ за шагомъ по второй картѣ: «Плаванія финикіянъ».

ными», пока еще только двѣ являлись главными дѣйствующими лицами на этой непросторной сценѣ, на которой, однако, долгое время разыгрывались всѣ важнѣйшія драмы человѣческихъ судебъ: туранская или урало-алтайская и семитская. Мы видѣли, какъ первую послѣдовательно и упорно вытѣсняла и замѣщала позднѣе заявившая о себѣ, во многихъ отношеніяхъ болѣе даровитая, семитская раса. Но вотъ, наступаетъ пора, когда младшая изъ великихъ расъ быстро выдвигается впередъ, — та раса, которой предстоитъ отнынѣ занимать мѣсто вождя, которая понынѣ удержала за собою первенство, — мало того, съ каждымъ днемъ шире распространяетъ и тверже установляетъ его,—та раса, къ которой принадлежимъ и мы сами и, за малыми исключеніями, всѣ прочія европейскія народности, унаслѣдовавшія кровь и культуру классической древности.

„Сыновья Іафета".

2.—Это—та раса, нѣсколько членовъ которой названы въ гл. X Книги Бытія «сыновьями Іафета». Нѣкоторые изъ нихъ уже попадались намъ въ теченіе настоящаго разсказа; какъ-то: Іаванъ, Элиса, Киттимъ—все члены греческой семьи; Таршишъ на западѣ и на востокѣ—Мада (мидяне) и, совсѣмъ недавно, Гомеръ (Гимирраи на надписяхъ, у классиковъ — киммерійцы. См. стр. 376). Но члены Іафетова потомства, упомянутые въ библейскихъ книгахъ, представляютъ собою весьма немного отпрысковъ этой богатой вѣтви, корень которой надлежитъ искать на дальнемъ Востокѣ,—а именно, въ об-

ширномъ и досель еще не вполнѣ извѣданномъ средне-азіатскомъ плоскогорьѣ, гдѣ, по все болѣе распространяющемуся мнѣнію ученыхъ, помѣщалась колыбель человѣческаго рода.

Арійская раса.

3.—Когда произошло первое раздѣленіе племенъ,—(а сколько на это потребовалось вѣковъ?..)—въ первобытной родинѣ по всей вѣроятности на долгое время еще засидѣлся весьма значительный остатокъ, современемъ выработавшій крайне опредѣленный типъ, физическій и духовный, и рѣчь болѣе другихъ разнообразную, стройную, гибкую, болѣе способную къ совершенствованію, и ставшую родоначальницей всѣхъ европейскихъ языковъ, древнихъ и новыхъ, а также нѣкоторыхъ восточныхъ. Члены этого засидѣвшагося племени, когда и оно, повинуясь общему закону, въ свою очередь заволновалось и двинулось искать приключеній и новыхъ мѣстъ жительства, называли себя АРІЯМИ, т.-е. «благородными», «почтенными», несомнѣнно заявляя тѣмъ свое превосходство надъ туземцами, которыхъ они заставали всюду, куда они приходили, и которыхъ они непремѣнно покоряли или истребляли, относясь къ нимъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ. По этой причинѣ все это отдѣленіе человѣческаго рода, современемъ разбившееся на множество народностей, получило общее названіе АРІЙСКОЙ РАСЫ. Подъ этимъ названіемъ оно всего болѣе извѣстно, хотя есть и другое, образовавшееся при дальнѣйшемъ раздѣленіи расы.

Индо-европейцы и ихъ переселенія.

4.—Дѣло въ томъ, что, между тѣмъ, какъ одна часть ея совершала свои странствованія въ

предѣлахъ своего родного материка,—Азіи, другая, въ долгіе промежутки времени, но громадными массами, пошла въ Европу, главнымъ образомъ черезъ широкую степь, простирающуюся отъ южныхъ отроговъ Урала до Каспійскаго моря. Единственная преграда, встрѣчаемая на этомъ пути переселяющимися народами, — рѣка Уралъ, собственно даже не заслуживаетъ этого названія, потому что, тогда какъ горная гряда задержитъ переселеніе даннаго народа на сто лѣтъ, рѣка не задержитъ его и на одинъ мѣсяцъ. Происхожденіе всѣхъ европейскихъ народовъ невозможно прослѣдить до этихъ переселеній, за неимѣніемъ памятниковъ. Что же касается азіатскаго отдѣленія расы, то одна вѣтвь его,—въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ главнѣйшая вѣтвь, — спустилась на иполійскій полуостровъ — Индію; конечно, не черезъ широкій и совершенно неприступный поясъ, образуемый Гималайскими горами, самыми высокими въ мірѣ, а черезъ узкій проходъ, который рѣка Индъ пробила себѣ между западнымъ концомъ Гималайской цѣпи и цѣпью Инду-Кушской, образуя въ этомъ мѣстѣ крутой загибъ. По этой причинѣ азіатская и европейская вѣтви арійской расы соединяются подъ одно названіе: индоевропейской расы, которое весьма удачно напоминаетъ о ихъ первоначальномъ единствѣ, въ то же время указывая на нынѣшнюю раздвоенность расы. Нѣмецкіе ученые ввели другой обычай: называть всю расу индо-германскою, въ чемъ они проявляютъ отличающее ихъ народность высокомѣріе, чтобъ не сказать надменность.

Очевидно, что другое названіе гораздо правильнѣе.

Великія качества индо-европейской расы.

5.—Индо-европейская раса вступила въ исторію при весьма благопріятныхъ условіяхъ. Она не только унаслѣдовала все, что было уже сдѣлано другими по части культуры, но внесла въ свою задачу: продолжать начатое,—двѣ характеристичныя черты, которыя отмѣчаютъ ее, какъ самый благородный и совершенный видъ человѣческаго рода, и которымъ она обязана всемірнымъ владычествомъ, а именно — выносливость, умѣнье примѣняться къ какимъ угодно условіямъ жизни, и способность къ неограниченному самосовершенствованію, къ безконечному преуспѣянію въ любой отрасли знанія, мышленія, искусства и дѣятельности; вообще во всемъ, за что ни возьмется.

Ар'іана.

6.—Азіатская половина аріской расы въ свою очередь распалась на два отдѣленія. Одна, какъ уже сказано, спустилась въ Индію и осталась тамъ. Другая направилась на юго-западъ отъ своей первоначальной родины и, перейдя нѣсколько грядъ горъ, раскинулась по обширному простору нынѣшняго Афганистана, Кабула и восточной части Персіи. Пространство это въ древности раздѣлялось на множество мало извѣстныхъ странъ со странными, неудобно запоминаемыми названіями. Изъ нихъ Бактрія представляетъ довольно еще опредѣленное понятіе; но далеко большая часть этого обширнаго края собиралась подъ одно неопредѣленное, но знаменательное названіе: Ар'іана, т.-е. «территорія, за-

нимаемая аріискими народами» или, вѣрнѣе,—племенами. Весь этотъ край, за исключеніемъ Бактріи,—земли, красиво пересѣкаемой горами и долинами, далеко не безводными,—состоитъ изъ песчаныхъ пространствъ и степей, гдѣ рѣчки, пробѣжавъ черезъ какой-нибудь оазисъ, изсыхаютъ или поглощаются песками, такъ что народъ, попавшій туда, поневолѣ становился кочевымъ, потому что природа не приглашала къ осѣдлости и земледѣлію. Но тѣ отряды, которые шли далѣе на западъ и доходили до первыхъ отроговъ Загроша и эламскихъ горъ, находили всякое къ тому поощреніе, такъ какъ эти плодородные пажити и скаты давно уже обрабатывались заселившимъ ихъ древнимъ народомъ, и пришельцы находили готовые города, благоустроенное сельское хозяйство, иноплеменныхъ же туземцевъ безъ большого труда обращали въ своихъ работниковъ и плательщиковъ.

Иранъ и Туранъ.

7.—Имя «Аріана» превратилось въ Эранъ или Иранъ *), и это названіе донынѣ включаетъ всю семью аріискихъ народовъ, разсѣявшихся по этой части Азіи. Въ своихъ странствованіяхъ по иранскимъ степямъ и пустынямъ они безпрестанно сталкивались съ туранскими кочевниками; послѣдніе же, въ качествѣ старожиловъ, разумѣется, всячески отбивались отъ непрошенныхъ гостей. Притомъ, на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, въ нынѣшнемъ Туркестанѣ, водились большія орды туранскихъ племенъ, впослѣдствіи игравшихъ

*) Это, въ сущности, то же имя, что Эринъ или Ирландія, тоже возникшее отъ первообытнаго Арія.

большую роль въ исторіи того края подъ названіемъ ТУРКМЕНОВЪ, съ которыми арійцы безпрестанно сталкивались. Такимъ образомъ между обѣими расами укоренилась глубочайшая, неугасимая вражда и продержалась, въ неослабной силѣ, съ доисторическихъ временъ до самыхъ нашихъ дней. «Иранъ и Туранъ»—эти два понятія до сихъ поръ противопоставляются въ географіи, этнологіи, азіатской политикѣ; вѣчная борьба между Ираномъ и Тураномъ всегда была главнымъ содержаніемъ жизни этихъ народовъ и единственной темой ихъ родныхъ преданій, ихъ поэзіи, ихъ эпоса.

Мидяне. 8.—Первымъ изъ иранскихъ народовъ, выдвинувшимся изъ неизвѣстности и достигшимъ славы и могущества, были МИДЯНЕ, называемые МАДАИ въ главѣ X Книги Бытія и на ассирійскихъ памятникахъ. Сколько времени потребовалось имъ для того, чтобы изъ восточнаго Ирана дойти до подножія Загроша,—нельзя опредѣлить даже приблизительно. Около середины IX вѣка они должнобыть уже обладали многими долинами и склонами восточнаго Загроша, такъ какъ они въ ту пору впервые столкнулись съ ассирійскими войсками, и тогда же впервые встрѣчается имя ихъ въ надписяхъ Рамман-Нирари III (см. стр. 219). Послѣ того легко прослѣдить, какъ могущество ихъ возрастаетъ, такъ какъ они все чаще упоминаются съ каждымъ новымъ царствованіемъ, и, наконецъ, походы противъ мидянъ, сперва въ горныя твердыни Загроша, а тамъ все дальше за эту преграду, въ самыя иранскія степи, становятся

заурядною заботою ассирійскихъ царей. Они дѣлятъ мидянъ на три разряда, на «сильныхъ» или «мощныхъ», разумѣя подъ этимъ названіемъ, вѣроятно, мидянъ, засѣвшихъ въ горныхъ твердыняхъ Загроша; на «дальнихъ», или «мидянъ восхода», имѣвшихъ города и селенія вдоль южнаго склона Эльбурза и еще далѣе на востокъ; и на «кочевыхъ», вѣроятно, скитавшихся по иранскимъ степямъ. Этихъ послѣднихъ называютъ *Мадаи Арибн*, въ знакъ того, что образъ жизни ихъ тотъ же, что у арабовъ. Начиная съ Тиглат-Фелассара II, ассирійскіе цари всегда хвастаются тѣмъ, что они покорили «дальнихъ мидянъ восхода», и что владычество ихъ простиралось на востокъ до горъ Бикни. Къ сожалѣнію, не удалось еще опредѣлить, гдѣ именно находились эти горы, изобиловавшія, по словамъ лѣтописей, мраморомъ и алебастромъ.

Ихъ древнѣйшій общественный строй.

9.—Изъ этихъ указаній достаточно явствуетъ, что мидяне, даже въ такое позднее время, какъ царствованіе Асархаддона, еще не образовали цѣльнаго, плотно объединеннаго народа; но фактъ этотъ окончательно доказывается отсутствіемъ у нихъ національнаго, центральнаго правительства. Несмотря на то, что въ древности каждаго князька или шейха величали «царемъ», нигдѣ нѣтъ рѣчи о мидійскихъ «царствахъ» и «царяхъ», а только о «городахъ» и «городскихъ старшинахъ» или «головахъ», а это указываетъ на очень слабый государственный строй, на образъ правленія самый первобытный послѣ патріархальнаго. Это такой общественный строй, въ которомъ

господствуетъ родовое начало. Мидяне тѣхъ временъ даже воевали, раздѣлившись на роды: копьеносцы, стрѣльцы, конница—«сражались всѣ вмѣстѣ, сбитые въ одну пеструю кучу, какъ выводилъ ихъ въ поле каждый родовой старшина, а не отдѣльными отрядами, по оружію, какъ это водится въ правильно организованныхъ войскахъ». Этимъ свѣдѣніемъ мы обязаны Геродоту, знаменитому греческому путешественнику и историку; онъ же говоритъ, вполнѣ согласно съ тѣмъ, что мы узнаемъ изъ ассирійскихъ памятниковъ, что мидяне встарину «жили въ разбросанныхъ селеніяхъ, безъ всякой центральной власти».

Ихъ движеніе къ западу.

10.—Весьма вѣроятно, что мидяне сначала укрѣпились въ дикихъ горныхъ мѣстностяхъ, лежащихъ между главнымъ хребтомъ Загроша,—гдѣ нынѣ обитаютъ бандиты-курды, — и Каспійскимъ моремъ, потомъ стали спускаться и постепенно растянулись къ юго-востоку, занимая разныя области и мелкія государства по мѣрѣ того, какъ ассиріицы уходили изъ нихъ, опустошивъ ихъ и разграбивъ, и выбирая для этого такое время, когда эти земли оставались въ концѣ разоренными, обезсиленными, неспособными къ оборонѣ. Такъ образовалось нѣсколько княжествъ, ставшихъ ядромъ будущаго царства, и однимъ изъ первыхъ было упомянутое выше княжество Эллипъ, столь долго пребывавшее вѣрнымъ Саргону при своемъ престарѣломъ князѣ, Далтѣ (см. стр. 294). Когда Мидія, объединившись, стала могущественнымъ государствомъ, столицей ея сдѣлался городъ Экбатана или Агбатана (нынѣшній Гамаданъ,

находящійся въ той самой области, которую классическіе писатели называли «настоящей Мидіей» или «Великомидіей»).

Мидяне вытѣсняютъ туранскія племена.

11.—Очевидно, что мидяне должны были вездѣ находить очень старинныя населенія, съ давно установившимися обычаями и учрежденіями. Населенія эти большей частью принадлежали къ туранскому корню и, вѣроятно, были смѣшаны,— какъ въ Эламѣ, — съ семитскими элементами. Арійцы всегда держались въ сторонѣ отъ другихъ расъ, поэтому пришельцы образовали надменную аристократію посреди покоряемыхъ ими народовъ. Рознь поддерживалась еще двумя различіями, разлучающими людей не менѣе рѣзко, чѣмъ расовое чувство: различіемъ языка и религіи. Все же трудно было бы завоевателямъ вовсе избѣгнуть вліянія народовъ, далеко не варваровъ, имѣвшихъ, напротивъ, культуру старинную и прочно установившуюся, и въ этомъ отношеніи далеко превосходившихъ своихъ покорителей, которые только еще выходили изъ кочевого быта. Итакъ, когда мидяне окончательно сдѣлались единой націей и единымъ государствомъ, они, вслѣдствіе сліянія съ чужеродными элементами, либо усвоенными, либо покоренными ими, оказались весьма смѣшанной народностью, и въ особенности религія ихъ, въ ея окончательно установившейся формѣ, представляетъ замѣчательный продуктъ сліянія старѣйшихъ вѣръ совершенно различныхъ, иногда даже противоположныхъ типовъ. Но эти вопросы, для подобающаго имъ полнаго обсужденія, приходится

отложить до другого тома, который будетъ посвященъ главнымъ образомъ древней иранской расѣ. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ мидянами лишь настолько, насколько они представляютъ одну изъ темнѣйшихъ тучъ въ грозѣ, быстро собиравшейся надъ черезчуръ возгордившейся главой Ашура. Лишь на минуту еще пріостановимся, чтобы указать, до какой степени непохожи на настоящіе факты всѣ фантастическія измышленія, вплетенныя въ сказочную легенду о Семирамидѣ (см. стр. 219—225). Тамъ мы видимъ мидійское царство процвѣтающимъ, затѣмъ покореннымъ ассирійскимъ царемъ Нииномъ, 2.000 слишкомъ лѣтъ до Р. Х., т. е. цѣлыхъ 1.500 лѣтъ ранѣе того времени, когда о мидянахъ впервые упоминается, какъ о незначительномъ варварскомъ племени, и около 400 лѣтъ до того, какъ сама Ассирія впервые появляется отдѣльной, самостоятельной державой. Дѣло въ томъ, что греки почерпнули этотъ разсказъ изъ мидійскихъ источниковъ; мидяне же, послѣ того, какъ къ нимъ перешло отъ ассирійцевъ владычество надъ Азіей, легко могли, изъ національнаго тщеславія, распускать преувеличенныя свѣдѣнія о времени существованія и о величіи завоеванной ими державы, а также — представлять свое торжество въ видѣ отмести за пораженіе, нѣкогда понесенное ими отъ нынѣ уничтоженной соперницы.

Арійскія переселенія въ Россію и черезъ Россію.

12.—Но если мидяне съ халдейцами одни пожали плоды общаго возстанія, которое готовилось противъ Ассиріи, повидимому, находившейся на самомъ зенитѣ своего величія, изъ этого не

слѣдуетъ, чтобы они одни были виновниками катастрофы. Всѣхъ соединенныхъ усилій Запада, Востока и Юга было бы мало для того, чтобы повергнуть наземь исполина, хотя онъ, по словамъ одного историка, «исходилъ кровью отъ собственныхъ побѣдъ». Но въ медленно собиравшейся грозѣ, далеко, на сѣверѣ, была одна туча, дотолѣ незамѣченная, и туча эта росла, чернѣла, надвигалась, пока, наконецъ, соединясь съ прочими, не застлала все небо, и громъ изъ нея не возвѣстилъ судьбу Ашура. Въ странахъ, лежащихъ далеко отъ того небольшого клочка земли, судьбы котораго доселѣ занимали насъ, — въ необозримыхъ равнинахъ, простирающихся на сѣверъ отъ Чернаго моря и нынѣ извѣстныхъ подъ названіемъ Южной Россіи, въ теченіе многихъ лѣтъ,—вѣроятно, многихъ сотенъ лѣтъ, — совершались дѣла, которыя, хотя имъ суждено было навѣки пребывать во мракѣ неизвѣстности, однако, назрѣвши, должны были въ свое время дать рѣшительный толчокъ вѣсамъ, державшимъ на волоскѣ будущность не одного этого небольшого мірка. Изъ глубины таинственныхъ нѣдръ Средней Азіи аріискія толпы, слѣдуя все тому же роковому влеченію, продолжали по временамъ валиться черезъ тѣ же широкія ворота,—пространство между Ураломъ и Каспійскимъ моремъ, въ ту пору, впрочемъ, несомнѣнно менѣе широкое, чѣмъ въ наше время, потому что море это было гораздо обширнѣе. Безпредѣльны русскія равнины. Никакихъ преградъ, кромѣ рѣкъ, — правда, многихъ и широ-

кихъ. Раздолье было тутъ народамъ — бродить, расходиться, селиться. Если Среднюю Азію признать колыбелью человѣческаго рода, то эти равнины могутъ назваться колыбелью нынѣшней Европы, ибо между населяющими ее народами едва ли есть одинъ, чьи предки когда-нибудь, въ глубокую старину, не странствовали бы по какой-нибудь части нынѣшней Россіи на пути своемъ къ далекому Западу. Предки грековъ и италійцевъ прошли давнымъ-давно, потому что въ то время, о которомъ мы ведемъ рѣчь, т.-е. въ эпоху Асархаддона, умершаго въ 668 г. до Р. Х.,— Греція уже благоденствовала, достигнувъ высокой культуры, да и Риму было уже сто лѣтъ. Стало-быть, арійская раса процвѣтала и бодро шла навстрѣчу своей блестящей будущности на югѣ Европы, тогда какъ въ западной Азіи она только еще съ трудомъ выдвигалась на видное мѣсто.

Киммеріицы. 13.—Югъ Россіи, по своей необыкновенной плодородности, былъ равно заманчивъ какъ для кочевника, искавшаго жирныхъ пастбищъ, такъ и для поселянина-хлѣбопашца. Это былъ именно такой край, который могъ соблазнить кочевника поселиться и завести хозяйство, и древніе обитатели его долгое время вели образъ жизни наполовину кочевой и наполовину осѣдлый. Греки имѣли о нихъ лишь смутное понятіе и называли ихъ киммерійцами. Геродотъ говоритъ о какихъ-то «киммерійскихъ городахъ», и проливъ, соединяющій Азовское море съ Чернымъ, называетъ «Киммерійскимъ Босфоромъ». Грекамъ этотъ край представлялся крайнимъ сѣвероМъ,

послѣднимъ предѣломъ обитаемаго міра, и они разсказывали о немъ нелѣпѣйшія небылицы. Такъ, существовало общее повѣріе, что тамъ находился одинъ изъ сходовъ въ преисподній міръ, — царство умершихъ,—и что солнце тамъ никогда не свѣтило; отсюда взялось извѣстное выраженіе: «киммерійскій мракъ». Образованные люди, путешественники, конечно, имѣли болѣе правильныя понятія объ этомъ краѣ; такъ, Геродотъ, хотя самъ не посѣтилъ земель, лежащихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, однако постарался собрать о нихъ какъ можно болѣе достовѣрныхъ свѣдѣній *).

Киммерійцы, преслѣдуемые скиѳами, отступаютъ во Ѳракію.

14.—Когда-то, въ глубокой древности, новый, большой отрядъ иранскихъ кочевниковъ, уходя отъ преслѣдованій напиравшихъ на нихъ съ тыла дикихъ племенъ, проживавшихъ на востокъ отъ Каспійскаго моря, переправился черезъ рѣки: Уралъ, Ра (нынѣ Волга), Танаисъ (Донъ), и разлился по обширнымъ равнинамъ, по которымъ дотолѣ полными хозяевами скитались и селились киммерійцы. Греки называли эти орды скиѳами, азіаты—саки или сакхи. Оба названія—крайне неопредѣленны и легко вводятъ въ заблужденіе, такъ какъ ими обозначаются *всѣ* скитальческія, дикія племена минмаго крайняго сѣвера и сѣверовостока, изъ которыхъ многія, особенно послѣднія, несомнѣнно принадлежали къ туранской расѣ. Но

*) О киммерійцахъ и родственныхъ имъ народахъ читатель найдетъ особенно много свѣдѣній въ главѣ «Гомеръ», въ трудѣ Франсуа Ленормана, «*Les Origines de l'Histoire*» (т. II, ч. 2-я, стр. 332 и слѣд.).

тѣ скиѳы, которые прошли въ Европу, также несомнѣнно были аріицы. Эти позднѣе пришельцы, желая нераздѣльно владѣть открытыми ими землями, стали гнать киммеріицевъ все дальше на западъ. Однако, часть послѣднихъ, повидимому, заняла крымскій полуостровъ и укрѣпилась тамъ, построивъ плотную стѣну поперекъ узкаго перешсйка. И объ этой стѣнѣ Геродотъ зналъ, и такъ и называетъ ее: «киммеріиской стѣной». Но масса народа, послѣ отчаяннаго сопротивленія на берегахъ рѣки Тираса (Днѣстра), понеся страшное пораженіе, окончательно удалилась еще болѣе на западъ, или, вѣрнѣе, — на юго-западъ. Такимъ образомъ, киммеріицы, только-что начинавшіе свыкаться съ осѣдлымъ житьемъ, должны были на время возвратиться къ своимъ кочевымъ привычкамъ, и, перейдя черезъ рѣку Истеръ (Дунай), спустились въ дикую горную страну, называемую въ древности Ѳракіей (нынѣ Болгарія и Румелія), гдѣ уже давно сидѣлъ народъ одного съ ними племени, свирѣпый и воинственный, никогда вполнѣ не слившійся съ греками, не усвоивший ихъ культуры, ихъ умственнаго благородства и утонченныхъ нравовъ. Часть этихъ киммеріицевъ, насильно изгнанныхъ изъ облюбленныхъ ими земель, могучей волной хлынула черезъ Босфоръ въ Малую Азію, гдѣ отъ неожиданнаго вторженія произошло смятеніе въ родѣ того, когда тяжелый камень упадетъ въ прудъ.

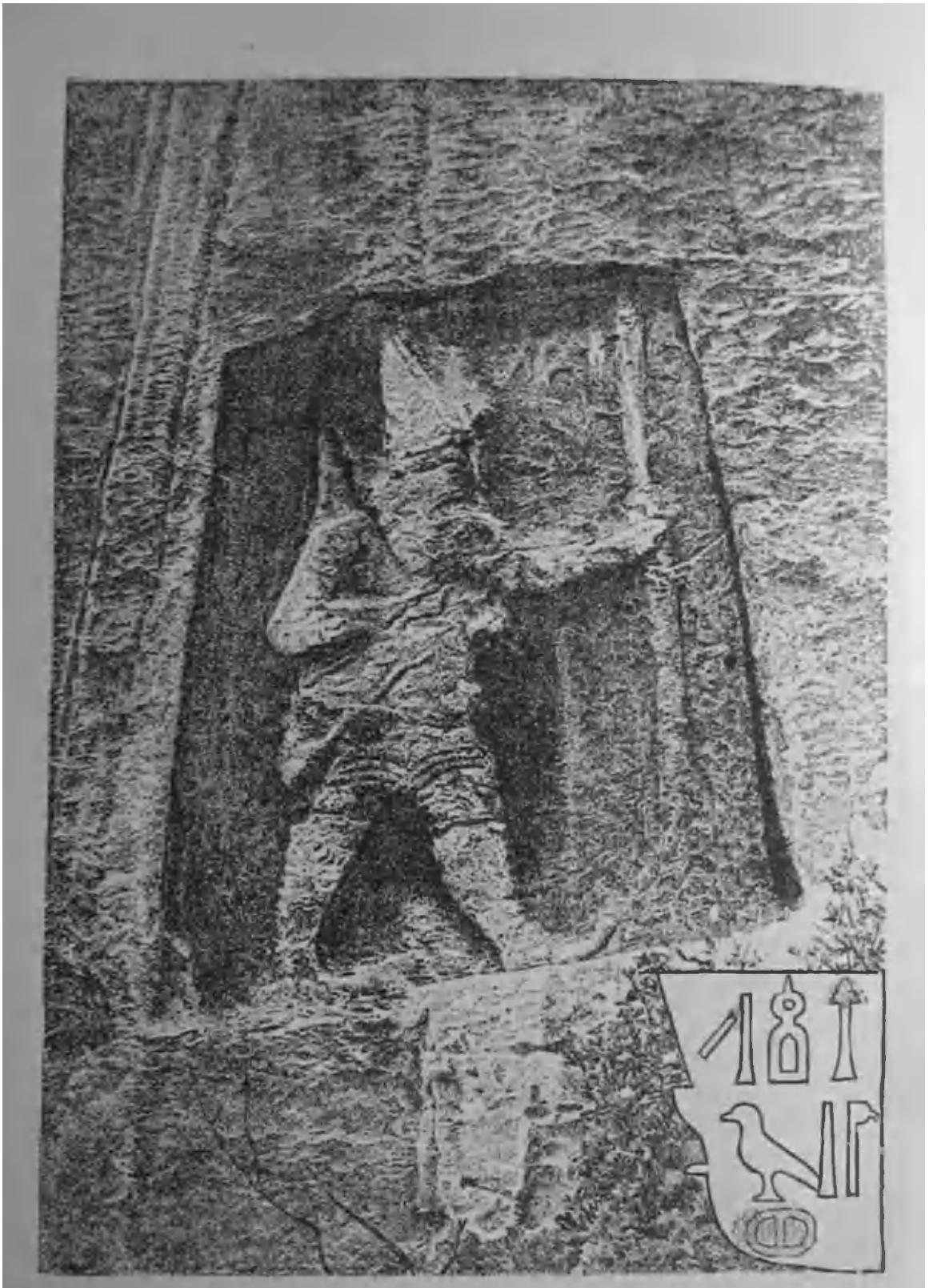
Хеты въ Малой Азіи.

15.—Для Малой Азіи исторія начинается гораздо позже, чѣмъ для семитскаго Междурѣчья и для ханаанскаго побережья. Даже начало гре-

ческихъ колоній вдоль іоническаго поморья и южнаго берега Чернаго моря теряется въ миѳической полутьмѣ и эпической легендарности, на Евфратѣ уступившихъ мѣсто достовѣрности историческихъ памятниковъ цѣлыхъ 1.000 лѣтъ до Р. Х. Что же касается населенія, культуры и политическаго распредѣленія дивнаго края, извѣстнаго подъ именемъ «Малой Азіи», то мы только недавно получили возможность составить себѣ по этимъ вопросамъ хотя и смутное, но довольно правдоподобное представленіе. Изслѣдованія, основанныя на изученіи недавно открытыхъ памятниковъ, которымъ въ особенности англійскій профессоръ А. Г. Сэйсъ посвятилъ много лѣтъ, доказали, что тутъ процвѣтала очень древняя и замѣчательно развитая культура, занесенная сюда, никакъ не позже XV вѣка до Р. Х., хеттейскими поселенцами изъ горъ Тавра и Наири (нынѣшней Арменіи), въ восточной части которыхъ, какъ извѣстно, сидѣла значительная вѣтвь этого племени — алароды, жители царства Урарту (см. стр. 225 и слѣд.).

Хеттейскія изваянія въ Лидіи.

16.—Въ самой Іоніи, на большой дорогѣ, между древними городами Эфесомъ и Сардами, столицей древняго царства Лидійскаго, верстахъ въ 15-ти отъ Смирны, есть ущелье (Карабель), черезъ гряду крутыхъ, скалистыхъ горъ, и въ этомъ ущельѣ изумленному взору путника представляется изваянное въ скалѣ изображеніе воина въ странномъ, незнакомомъ костюмѣ. Уже Геродоту показывали это изваяніе,—въ его время, конечно, бывшее въ лучшемъ видѣ, чѣмъ теперь,—и онъ



Хеттейское изваяние на скалѣ въ ущельѣ Карабель, близъ Смирны,
(ошибочно принятое греками за Рамзеса II).

Хеттейское изваяніе на скалѣ въ Киликіи близъ Ибриза, изображающее бога урожаевъ и плодовъ земныхъ.

былъ имъ сильно заинтересованъ. Онъ говоритъ, что мѣстные жители не знали, кого оно изображаетъ, но полагаетъ, что это—египетскій завоеватель Рамзесъ II (котораго греки называли Сезострисомъ), ошибочно воображая, будто владычество его простиралось за Таврскія горы. На самомъ же дѣлѣ выходитъ какъ разъ наоборотъ: изваяніе это сдѣлано въ память побѣдъ самыхъ упорныхъ и сильныхъ враговъ Египта—хетовъ.

Хеттейскія изваянія въ Киликіи.

17.—Другой крайне интересный хеттейскій памятникъ находится близъ Иориза, въ Киликіи, на сѣверо-западъ отъ Тарса. Это тоже—изваяніе, высѣченное въ скалѣ. По словамъ одного путешественника, оно «изображаетъ принесеніе благодарности богу, подателю урожаевъ и плодовъ земныхъ. Это выражено его костюмомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ костюма мѣстныхъ поселянъ, и его аттрибутами—хлѣбами и гроздьями винограда. Высокая остроконечная шапка на немъ совершенно такая же, какую и теперь носятъ нѣкоторыя курдскія племена; опять же и подпоясанный короткополый кафтанъ, башмаки съ острыми, завороченными кверху концами тоже не измѣнились и точно такъ же обматываются вокругъ ноги... Занимательно и то, что узоры на облаченіи жреца до сихъ поръ въ модѣ въ Каппадокіи между поселянами».

Хеттейскія изваянія въ Каппадокіи.

18.—Въ Каппадокіи дѣйствительно сохранились многочисленные слѣды хеттейскаго владычества: не одни только изваянія и могилы, высѣченныя въ скалахъ, но цѣлыя строенія: города, дворцы съ воротами, охраняемыми львами, по

ассирійской модѣ. Значительнѣе всѣхъ—развалины, открытыя вблизи Богазъ-Кеви. Тамъ, надъ дворцомъ возвышается плосковерхая скала, увѣнчанная двумя крѣпостцами, за которыми опять поднимаются стѣнами высокія, отвѣсныя скалы; поверхность же ихъ, слегка подскобленная для большей гладкости, покрыта изваяніями, изображающими шествіе странныхъ личностей и животныхъ. Содержаніе этихъ изображеній, очевидно, миѳологическое: другъ другу навстрѣчу шествуютъ боги и богини, но не по землѣ, а каждый стоитъ на спинѣ посвященнаго ему звѣря: льва, барса, и пр. По всей Малой Азіи разсѣяны слѣды очень древней хеттейской культуры, отчасти пережившей величіе этого замѣчательнаго народа. Такъ, когда въ городѣ Эфесѣ, въ Іоніи, поселились греческіе колонисты, они застали тамъ святилище хеттейской богини Атаргаты (соотвѣтствующей семитской Иштарѣ и ханаанской Ашторетѣ), главной святыней которой нѣкогда была національная столица, Кархемишъ. Ихъ особенно поразила одна характеристическая черта ея культа: сотни, иногда даже тысячи женщинъ, прислуживающихъ въ храмѣ,—и ихъ живое воображеніе подстроило дикую, фантастическую легенду,—о воинственныхъ женщинахъ, амазонкахъ. «Искусство самыхъ древнихъ временъ» — говоритъ профессоръ Сэйсъ:—«даетъ амазонкамъ хеттейскую одежду и вооружаетъ ихъ двукрылымъ топоромъ; пляски же ихъ, исполняемыя со щитомъ и копьемъ, въ честь богини любви и войны, подали поводъ къ миѳу о цѣломъ на-

родѣ, состоявшемъ будто бы изъ однѣхъ женщинъ-воиновъ». По греческимъ преданіямъ, не только Эфесъ, но и Смирна, и еще нѣсколько городовъ вдоль іонійскаго побережья, были осно-

Хеттейское изваяніе близъ Нархемиша, изображающее хеттейское божество.

ваны амазонками. Такое преданіе всегда указываетъ на хеттейское происхожденіе, такъ какъ оно основывается на самой характеристичной чертѣ хеттейской религіи, общей также и хананеямъ, и ассиро-вавилонянамъ. Греки, всегда

охотно воспринимавшіе чужія понятія, но примѣнявшіе ихъ къ своимъ, сохранили культъ хеттеиской богини въ Эфесѣ, но дали ей греческое названіе,—и «Артемида эфесская» (у римлянъ—«Діана») прославилась во всемъ древнемъ мірѣ. Въ ея святилище стекались отовсюду; храмъ ея былъ такъ расточительно украшенъ и одаренъ греческимъ искусствомъ и богатствомъ, что былъ признанъ однимъ изъ семи чудесъ свѣта. А между тѣмъ, ни сама богиня, ни культъ ея никогда совершенно не утратили нѣкоторыхъ азіатскихъ особенностей, нѣкоего варварскаго великолѣпія, чуждаго изяществу и благородной простотѣ, которыми отличались греческая мысль и греческій вкусъ.

Лидія, по древнѣйшимъ преданіямъ

19.—Эфесъ, Смирна и многіе другіе грекоіонійскіе города были разсѣяны вдоль побережья страны, впослѣдствіи прославившейся подъ именемъ Лидіи, и построены у устьевъ главныхъ рѣкъ ея. Когда греческіе переселенцы, выжитые изъ родины политическими усобицами, начали селиться въ плодороднѣйшихъ долинахъ этого благодатнаго края, лѣтъ около 1.000 до Р. Хр., они не встрѣтили большого сопротивленія со стороны народа, уже владѣвшаго имъ, потому что лидійцы, принадлежавшіе по большей части къ хеттейскому племени, хотя подчасъ и храбрые, были вообще права безпечнаго и любили покой и нѣгу, за что греки осмѣивали ихъ и обзывали «женоподобными». Они давно уже управлялись царями, но достовѣрныя свѣдѣнія о нихъ начинаются лишь лѣтъ триста спустя. Сохранилось,

впрочемъ, преданіе о двухъ династіяхъ, съ длинными списками царскихъ именъ, не менѣе миѳическаго свойства, чѣмъ древнѣйшія династіи у Бероза, такъ какъ оба эти рода происходили будто бы отъ верховнаго лидійскаго бога Манеса и сына его Аттиса. Послѣдній очевидно былъ «добрый богъ Солнце», весьма похожій на вавилонскаго и хананскаго Адониса Ѳаммуза. Онъ тоже юнъ и прекрасенъ, и его тоже настигаетъ трагическій конецъ: его убиваетъ клыкъ дикаго вепря. Его тоже любитъ богиня — Кивела. Обезумѣвъ отъ горя по немъ, она мечется по міру, съ плачемъ и воплями ищетъ и зоветъ его. Праздникъ его, подобно празднеству Адониса-Ѳаммуза, торжествовался ранней весной, длился три дня, и также начинался плачемъ и кончался ликованіемъ *). Праздникъ этотъ былъ принесенъ, вмѣстѣ съ именами всѣхъ трехъ божественныхъ лицъ (народное преданіе твердо запомнило это обстоятельство) изъ Фригіи, страны смежной съ Лидіей съ востока, черезъ которую хеттейскіе переселенцы естественно должны были пройти по пути на западъ, къ морю. Но имя «Фригія» — не хеттейскаго происхожденія и принадлежитъ болѣе позднему времени.

Фриго-вракійская группа.

20.—Въ широкомъ, общемъ смыслѣ, это имя означаетъ то арійское населеніе, которое, неизвѣстно въ какое время, постепенно распространилось по Малой Азіи и отчасти вытѣснило оттуда

*) См. стр. 159—160, и «Исторія Халдеи», стр, 286; 368—370.

хетовъ. Фригійцы, въ этомъ общемъ смыслѣ, сами были отраслью этой могучей арійской вѣтви, которая заселила Ѳракію, и нѣкоторые члены которой долгое время еще называли себя вригійцами (произнося *в* вмѣсто *ф*). Вслѣдствіе общепризнаннаго родства между этими народами, поселившимися по обѣ стороны Босфора и Геллеспонта, ихъ часто называютъ «европейскими» и «азіатскими ѳракійцами», а иногда они собираются подъ одно названіе «фригo-ракійскихъ» или «ѳракo-фригійскихъ» народовъ. Въ видѣ рѣдкаго исключенія изъ общаго правила, они повидимому двигались съ запада на востокъ, изъ-за Босфора къ Армянскимъ горамъ. Въ теченіе своего передвиженія они, разумѣется, разбились на нѣсколько народностей, но Фригія, судя по имени, сдѣлалась ихъ главнымъ національнымъ центромъ. Эта отрасль арійской расы со временемъ наполнила собою всѣ долины и твердыни горнаго Наири, добралась до обоихъ восточныхъ озеръ, Ванъ и Урмія, и, совершенно вытѣснивъ алародовъ изъ Урарту и сосѣднихъ горныхъ странъ, насадила будущую армянскую націю, которая, смѣшавшись еще съ разными иранскими элементами, твердо сидитъ тамъ и понынѣ. Въ ту эпоху, до которой мы дошли въ нашемъ разсказѣ, армянское отдѣленіе ѳракo-фригійской народности дошло еще не далѣе западныхъ отроговъ Армянскихъ горъ, гдѣ эти піонеры образовали небольшой еще, но уже воинственный и предпріимчивый народъ. Этотъ-то народъ упоминается въ гл. X Книги Бытія въ

числѣ потомства Іафета, подъ именемъ «Θогармы, сына Гомера», и о немъ же часто говорятъ іудейскіе пророки, называя его «Бет-Θогарма», т.-е. «Домъ Θогармы».

Киммерійцы, переправившись черезъ Босфоръ вторгаются въ Малую Азію.

21.—Древніе іудеи едва ли знали киммерійцевъ. проживавшихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря. Говоря о Гомерѣ и его сыновьяхъ, они вѣроятно имѣли въ виду θрако-фригійскіе народы къ югу отъ этого моря, къ которымъ собственно принадлежали и тѣ киммерійцы, хотя послѣдніе, переидя Босфоръ, въ своемъ бѣгствѣ передъ скиѳами, явились между ними, не какъ мирные единоплеменники, а какъ варвары, опустошающіе цвѣтущій и высоко цивилизованный край. При полномъ отсутствіи памятниковъ, весьма драгоцѣнно хронологическое указаніе, которое доставляетъ намъ одно событіе, связанное съ этимъ вторженіемъ. Около 750 г. до Р. Хр. киммерійцы разрушили греческую колонію Синопъ, основанную незадолго передъ тѣмъ на южномъ берегу Чернаго моря, въ землѣ, извѣстной впослѣдствіи подъ названіемъ Пафлагоніи. Стало-быть, они перешли Босфоръ во всякомъ случаѣ нѣсколько лѣтъ раньше того. Затѣмъ они совершили цѣлый рядъ набѣговъ по всей Малой Азіи, гдѣ они грабили и безчинствовали, держа сельское населеніе въ постоянномъ страхѣ, а иногда брали и грабили даже города. Это продолжалось около ста лѣтъ. Лидія и іоническое побережье не избѣгли общей участи, и киммерійцы наконецъ стали угрожать самой ассирійской державѣ, подъ предводительствомъ одного

отважнаго вождя по имени Тіушпа; но Асархаддонъ далъ имъ энергичный отпоръ, вѣроятно гдѣ-нибудь между горами Каппадокіи, какъ сказано выше. О нихъ еще рѣчь впереди, также какъ и о гонителяхъ ихъ, скивахъ.

Не даромъ пророкъ Іеремія говоритъ:—«Вижу поддуваемый вѣтромъ кипящій котелъ, и лице его со стороны сѣвера... Отъ сѣвера откроется бѣдствіе на всѣхъ обитателей сей земли. Ибо вотъ, я призову всѣ племена царствъ сѣверныхъ, говоритъ Господь»...

XII.

Упадокъ Ашура.—Ашурбанипалъ (Ашурбани-хабалъ).

Блестящее начало новаго царствованія

1.—Когда Ашурбанипалъ принялъ на себя нераздѣльно почести и тягости, которыя онъ уже нѣсколько лѣтъ раздѣлялъ съ отцомъ, никто,—и онъ самъ меньше всѣхъ,—не повѣрилъ бы, что ассирійскую державу раздѣляетъ отъ погибели всего полстолѣтія,—одинъ человѣческій вѣкъ. Наружное благополучіе было полное, и молодой царь не безъ самодовольства записываетъ, что «когда великіе боги твердо усадили его на родительскій престолъ, Рамманъ излилъ на землю свой дождь, хлѣбъ родился самъ-пятъ, излишка осталось двѣ трети, скотъ принесъ хорошій приплодъ; въ его время было обиліе всего, въ его годы былъ конецъ голоду». И онъ могъ, безъ хвастовства, перечислить на своихъ памятникахъ длинный рядъ побѣдъ и завоеваній; въ одномъ же отношеніи царствованіе его было даже болѣе блестящимъ, нежели царствованія всѣхъ его предшественниковъ: оно было золотымъ вѣкомъ для литературы. Ибо царь этотъ

имѣлъ умъ склонный ко всему изящному, любилъ старину; онъ принадлежалъ къ тому типу людей, которыхъ въ наше время называютъ коллекціонерами, библіофилами, и въ обычномъ, самохвальномъ вступительномъ параграфѣ къ лѣтописной надписи на одномъ изъ своихъ цилиндровъ онъ съ особеннымъ удовольствіемъ упоминаетъ, что великіе боги одарили его «внемлющими ушами, и склонили умъ его къ изученію всякихъ исписанныхъ плитокъ». Ассирійское искусство достигло при немъ своего апогея; онъ много строилъ,—это само собою разумѣется; страстно любилъ львиную охоту и держалъ гаремъ, вѣрно, не уступавшій гарему царя Соломона по разнообразію и великолѣпію, такъ какъ всѣ цари, искавшіе его дружбы или заявлявшіе о своей преданности и покорности, присылали ему, при дарахъ своихъ, знатнѣйшихъ дѣвъ въ жены,—большей частью своихъ родныхъ дочерей или племянницъ. При подобныхъ вкусахъ нельзя полагать, чтобы онъ велъ такую же жизнь, какъ неугомонные воители—Салманассаръ II или Тиглат-Феласcаръ II. На войну большей частью несомнѣнно ходили его воеводы, но кто они были,—не разобрать, вслѣдствіе привычки ассирійскихъ царей говорить всегда въ первомъ лицѣ и присвапвать себѣ всю славу успѣшныхъ походовъ.

Египетскій походъ.

2.—Мы уже не разъ могли замѣтить, что за смертью каждаго царя слѣдовали возстанія и коалиціи. Такъ и теперь, въ первые годы послѣ своего воцаренія, Ашурбанипалъ долженъ былъ обратить свое вниманіе на смуты въ Египтѣ, гдѣ

Царь Ашурбанипалъ на боевой колесницѣ.

низверженный отцомъ его эѳіопъ Тахарка принялся изгонять всѣхъ князей, поставленныхъ Асархаддономъ надъ различными областями, и успѣлъ самъ водвориться въ Мемфисѣ прежде, нежели ассирійская армія даже выступила въ походъ противъ него. Ашурбанипалъ, однако, не мѣшкалъ и быстро спустился къ границѣ Египта, не забывъ на пути обезпечить себя съ тыла: для этого онъ созвалъ къ себѣ въ лагерь и лично заставилъ присягнуть себѣ «царей поморья и изъ середины моря, числомъ двадцать два». Въ послѣдовавшей затѣмъ большой битвѣ онъ разбилъ высланную противъ него египетскую армію, и Тахарка поспѣшно бѣжалъ на югъ, въ Ѳивы, и еще дальше, къ себѣ въ Эѳіопію, предоставляя обѣ столицы въ распоряженіе непріятеля. Но побѣдитель пробылъ въ Египтѣ лишь столько времени, сколько потребовалось, чтобы воротить двадцать подданныхъ князей-намѣстниковъ, бѣжавшихъ въ пустыни, и «покрѣпче подтянуть узы», затѣмъ, «съ обильной добычей, съ миромъ вернулся въ Ниневію».

Царское опахало отъ мухъ.

3.—Видно, ассиріецъ не на шутку «подтянулъ узы», потому что, едва онъ удалился,—опять пошли заговоры. Ашурбанипалъ, любя изображать

Смуты и возстанія.

изъ себя мягкосердаго государя, благодѣтеля и милостивца, «прощающаго вины», добрая душа котораго огорчается неблагодарностью, — жалуется, что «добромъ, которое я имъ сдѣлалъ, они пренебрегли, и въ сердцахъ своихъ задумали злое дѣло. Мятежныя рѣчи повели они и между собою положили лихой совѣтъ». Они,— т.-е. князья-намѣстники,—позвали эѳіопа, обѣщая, лишь бы онъ вернулся, «не признавать другого господина». Но гонцы ихъ и посланія были перехвачены, изъ заговорщиковъ же многіе взяты и въ цѣпяхъ отправлены въ Ниневію. Эта быстрая и рѣшительная мѣра все-таки не помѣшала взрыву. Въ нѣсколькихъ большихъ городахъ происходили возстанія и изоіеніе чужестранцевъ, но всегда съ плачевнымъ исходомъ для Египта. Несмотря на это, когда виновные князья прибыли въ Ниневію, Ашурбанипалъ помиловалъ ихъ, рѣшившись испробовать примирительную политику. Въ особенности обласкалъ онъ Нехо, князя города Саиса, родомъ, умомъ и честолюбіемъ стоявшаго много выше другихъ. Онъ не только даровалъ ему свободу, но одѣлъ его въ дорогое царское платье, опоясалъ драгоцѣннымъ мечомъ въ золотыхъ ножнахъ, надѣлъ ему на руки и ноги золотыя запястья, снабдилъ его колесницами, лошадьми и мулами, и съ честью отослалъ его въ его княжество, данное ему Асархаддономъ. Правда, онъ при этомъ связалъ его болѣе противъ прежняго стѣснительными обязательствами и послалъ съ нимъ своихъ воеводъ въ видѣ пѣстуновъ. Все же это былъ безпримѣрно великодушный поступокъ,

Ашурбанипалъ переправляется черезъ рѣку.

и царю не пришлось въ немъ раскаиваться, такъ какъ князья отказались участвовать въ послѣдовавшемъ вскорѣ затѣмъ новомъ возстаніи. Самъ же Тахарка около этого времени скончался. Преемникъ его,—по нѣкоторымъ источникамъ, его племянникъ, а по другимъ—пасынокъ, сначала проявилъ большую энергію: укрѣпилъ Ѳивы, пошелъ на Мемфисъ и, послѣ непродолжительной осады, взялъ городъ и забралъ въ плѣнъ весь ассирійскій гарнизонъ. Вѣсть объ этомъ уронѣ была послана въ Ниневію съ нарочнымъ, и возмездіе послѣдовало въ невѣроятно короткое время: большое ассирійское войско такъ скоро явилось на границѣ, что между бунтовщиками произошла паника: эѳіопъ первый бѣжалъ обратно въ Ѳивы, какъ только непріятель перешелъ границу, а затѣмъ, узнавъ, что за нимъ послана погоня, окончательно отказался отъ борьбы и ушелъ въ свою родину, Эѳіопію, гдѣ вскорѣ послѣ того умеръ. Таковъ былъ безславный конецъ эѳіопской династіи.

Разграбленіе Ѳивъ.

4.—Хотя усмиреніе этого послѣдняго возстанія и не стоило большого труда, однако наказаніе послѣдовало безпримѣрно жестокое. Съ Ѳивами, этимъ священнымъ городомъ, національной сокровищницей искусствъ и всякихъ богатствъ, было поступлено почти такъ же, какъ Сеннахерибъ поступилъ съ Вавилономъ, и скорбная вѣсть пронеслась по всему міру, повсюду распространяя ужасъ. Самъ побѣдитель повѣствуетъ объ этомъ событіи лишь въ краткихъ словахъ: «Весь тотъ городъ, служа Ашуру и Иштарѣ, руки мои взяли.

Добычу безъ счета я увезъ... Два высокихъ обелиска, съ прекрасной рѣзьбой, я поставилъ у себя передъ воротами одного храма». Прошло всего пять лѣтъ послѣ того, какъ Тахарка впервые поднялъ знамя народной независимости; теперь же ассирійское владычество цѣлыхъ десять лѣтъ не встрѣчало сопротивленія въ Египтѣ.

Возстаніе и усмиреніе Тира и Арвада.

5.—И приморскіе города держались довольно спокойно за это время, за исключеніемъ новой попытки царя тирскаго, который однако долженъ былъ уступить блокадѣ, такъ какъ народу приходилось пить морскую воду. Онъ послалъ сына,—просить о пощадѣ, и вмѣстѣ съ нимъ послалъ дочь свою и дочерей своихъ братьевъ, съ роскошными придаными, для царскаго гарема. Царь арвадскій, замѣшанный въ томъ же возстаніи, пріѣхалъ въ Ниневію самъ и тоже привезъ дочь и богатые дары. Когда же онъ вскорѣ послѣ того умеръ, всѣ десять сыновей его «возстали изъ среды волнъ морскихъ и, съ премногими дарами, явились лобызать царскія ноги» и представили права свои на усмотрѣніе царя. Ашурбанипалъ назначилъ одного на царство, другихъ же отпустилъ съ почетомъ и дарами. Многіе другіе цари тѣмъ же путемъ заискивали его милости въ эту первую, счастливую пору его царствованія, но любопытнѣе всѣхъ вышелъ инцидентъ съ царемъ лидійскимъ.

Посольство отъ Гига, царя лидійскаго.

6.—Однажды, на границѣ ассирійской имперіи, гдѣ-то въ сѣверо-западной части ея, явились какіе-то люди въ странномъ одѣяніи, говорящіе на незнакомомъ языкѣ, и просили, чтобъ ихъ про-

пустили, всячески показывая дружескія чувства. «Кто ты, братъ?»—спросили ассирійскіе стражи у того, который казался между ними набольшимъ:—«изъ какихъ мѣстъ?» Но тотъ не понималъ; и такъ его повезли въ Ниневію и поставили передъ царя. Тутъ испробовали надъ нимъ «языки восхода и языки заката», но знающаго его языкъ не оказалось, рѣчи его никто не разумѣлъ. Къ сожалѣнію, сохранившійся отрывокъ разсказа объ этомъ забавномъ случаѣ сильно попорченъ и внезапно обрывается, такъ что мы не узнаемъ, какимъ способомъ наконецъ царскіе толмачи сговорились толкомъ съ незнакомцами. Видно только, что знатный иностранецъ оказался посломъ Гига, царя лидійскаго (по-ассирійски: Гугу, царь земли Люди), по словамъ Ашурбанипала: «царя страны, гдѣ люди переплываютъ море, земли отдаленной, имени которой не слыхали цари, отцы мои». Этотъ Гугу или Гига, основатель новой династіи и первый исторически засвидѣтельствованный царь лидійскій, овладѣвшій престоломъ насильственно, измѣной, не зналъ, какъ избавиться отъ киммеріицевъ, которые, спустившись изъ своихъ первыхъ становищъ на южномъ берегу Чернаго моря, наводнили всю Малую Азію, не воюя правильнымъ образомъ и нигдѣ не поселяясь, а то и дѣло совершая неожиданные набѣги на города и села, грабя и опустошая безъ толка, какъ истые кочевники. И вотъ, онъ рѣшился обратиться за помощью къ своему грозному и не совсѣмъ близкому сосѣду, побуждаемый къ этому отчаянному шагу крайней нуждой

и, вѣроятно, дошедшей до него молвой о побѣдѣ, одержанной Асархаддономъ надъ киммерійцемъ Тіушпой.

Гигъ ищетъ помощи у царя ассиріискаго.

7.—Такая просьба, по ассирійскимъ понятіямъ, вела отнюдь не къ союзу, какъ между равными, а къ подданству просителя. Не зная этого, лидійскій посолъ весьма политично объяснилъ ее вѣщимъ сновидѣніемъ, посѣтившимъ, будто бы, его повелителя. Вотъ что разсказываетъ царь:

«Величіе моего царскаго могущества было открыто ему въ сновидѣніи Ашуромъ, богомъ создателемъ моимъ: «Иго Ашурбанипала, царя ашурскаго»,—сказалъ онъ ему:—«прими на себя, и ты, произнося имя его, заполонишь твоихъ враговъ». Того же дня, послѣ того какъ было ему во снѣ это видѣніе, онъ отправилъ своего посла, просить моей дружбы. Сонъ тотъ, видѣнный имъ, онъ сообщилъ мнѣ черезъ своего посла, и тотъ мнѣ его повторилъ».

Какимъ образомъ и въ какихъ размѣрахъ была оказана испрашиваемая помощь, неизвѣстно. Дальше читаемъ лишь слѣдующее:

«Съ того дня, когда онъ принялъ на себя иго моего владычества, Гимирраи, одолѣвшіе людей его земли, отцовъ моихъ не боявшіеся и ига моего владычества не принимавшіе, были имъ взяты въ полонъ, помощью Ашура и богини Иштаръ, моихъ божественныхъ повелителей. Изъ числа вождей ихъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ, онъ двоихъ заковалъ въ крѣпкія желѣзныя цѣпи и со многими дарами прислалъ мнѣ».

Отпаденіе Гига и погибель его

8.—«Иго», добровольно, хотя, можетъ-быть, и безсознательно, принятое на себя лидійскимъ царемъ, оказалось, должно-быть, не легкимъ, потому что спустя нѣкоторое время онъ пересталъ присылать пословъ съ дарами, «увѣровалъ въ собственныя силы, ожесточилъ сердце свое», и послалъ войска на помощь Псамметику, царю египет-

скому, сбросившему ассирійское владычество. То былъ сынъ того Нехо, который умеръ вскорѣ послѣ взятія и разграбленія Ниневіи, около того же времени, какъ и послѣдній эоіонскій царь. Псамметихъ поставилъ себѣ задачею совершить то, что когда-то задумалъ его отецъ: возстановить въ Египтѣ національную династію, освободивъ страну и отъ иноземной власти, и отъ мелкихъ князей, служившихъ этой власти. Онъ, конечно, искалъ союзниковъ и, однимъ изъ первыхъ, завербовалъ Гига, царя лидійскаго. То, какъ Ашурбанипалъ принялъ непріятную вѣсть, обрисовываетъ личность этого царя, который, повидимому, былъ въ своемъ обиходѣ еще богобоязненѣе своихъ предшественниковъ и любилъ обращаться къ божеству прямо и безъ посредниковъ, хотя и прибѣгалъ къ оракуламъ и вѣщимъ людямъ. «Я»,—говоритъ онъ:—«взмолился къ Ашуру и богинѣ Иштаръ—такъ: Да будетъ трупъ его брошенъ къ ногамъ враговъ его! Да будутъ слуги его уведены въ полонъ!» Молитва царя,—далѣе повѣствуетъ онъ,—была услышана и исполнена буквально: «Къ ногамъ враговъ его трупъ его былъ брошенъ, и слуги его были уведены въ плѣнъ. Гимирраи, которыхъ онъ, славой моего имени, попралъ ногами, овладѣли всей его землей и разорили ее». Изъ этихъ словъ можно заключить, что Гигъ погибъ въ борьбѣ съ варварами; но какъ и какимъ способомъ сбылось царское проклятіе, и принялъ ли въ томъ участіе самъ Ашурбанипалъ, отказавъ въ дальнѣйшей помощи, или, чего добраго, не увѣдомилъ ли онъ такимъ киммерійцевъ,

что его войска не будутъ имъ помѣхой, — объ этомъ можно только догадываться. Какъ-нибудь да онъ былъ замѣшанъ въ бѣдствіяхъ, нагрянувшихъ на Лидію послѣ ея отпаденія; это видно изъ того, что сынъ и преемникъ Гига, Ардисъ, счелъ за лучшее идти на мировую, что было возможно единственно съ условіемъ признать владычество Ассиріи.

«Послѣ него (Гугу), сынъ его сѣлъ на престолъ».—продолжаетъ лѣтопись. «О злой участи, которую, взирая на мои воздѣтыя къ нимъ руки, боги наслали на его отца, онъ черезъ своего посла извѣстилъ меня, и припялъ на себя иго моего владычества, говоря: Ты царь, благословенный богами. Мой отецъ отпалъ отъ тебя, и въ его время совершилось злое дѣло. Я же—твой преданный слуга, и народъ мой весь творитъ угодное тебѣ».

Шаткая хронологія царствованія Ашурбанипала.

9.—Цилиндры Ашурбанипала отличаются той особенностью, что даютъ событія не въ хронологическомъ порядкѣ, а группируютъ ихъ, и, подробно занявшись одной группой, переходятъ къ другой *). Съ литературной точки зрѣнія, лѣтопись отъ этого много выигрываетъ, но хронологія выходитъ неопредѣленная. Рѣдко бываетъ возможно установить какой-нибудь годъ иначе, какъ совпаденіемъ съ датами, несомнѣнно извѣстными изъ другихъ источниковъ. Инцидентъ съ Лидіей можно хронологически обставить довольно вѣрно, такъ какъ положительно извѣстно, что

*) Открытые до сихъ поръ отрывки канона эпонимовъ съ хронологическими примѣчаніями не совсѣмъ доходятъ до взятія Самаріи въ 722 г. Сохранившаяся же часть простого списка *лимму* тоже прекращается на первыхъ годахъ Ашурбанипала.

Гигъ умеръ въ 654 или 653 г. до Р. Х. Первое посольство отъ него прибыло вѣроятно въ 665 или 664 г. до Р. Х., около конца египетской кампаніи.

Гроза надвигается съ разныхъ сторонъ.

10.—Ашурбанипалъ не упоминаетъ болѣе ни разу о киммерійцахъ. Тѣмъ не менѣе, весьма вѣроятно, что эти варвары не переставали тревожить его западную границу. Вѣрно то, что, хотя онъ съ большимъ самодовольствомъ принялъ покаяніе Ардиса, однако много помочь ему не былъ въ состояніи. Именно при Ардисѣ, который правилъ Лидіей тридцать шесть лѣтъ и пережилъ Ашурбанипала, Лидія всего больше натерпѣлась отъ киммеріицевъ, которые однажды даже взяли и разграбили самую столицу, Сарды, кромѣ цитадели, оказавшейся не по силамъ ихъ примитивному военному искусству; тамъ царь и продержался до тѣхъ поръ, пока они не были выгнаны изъ города, или же добровольно не ушли—искать новой добычи. Пора завоеваній и вообще наступательныхъ войнъ миновала для Ассиріи; ей, напротивъ, самой съ разныхъ сторонъ грозило нападеніе, и войска ея посылались туда, гдѣ опасность была всего серьезнѣе. Стало-быть, она дѣйствовала по нуждѣ, а не по доброй волѣ. И какъ бы киммеріицы ни докучали ей съ запада, другая точка настоятельнѣе требовала ея вниманія.

Скиѳы угрожаютъ съ южнаго Кавказа.

11.—Точка эта была на крайнемъ сѣверо-востокѣ, у большихъ озеръ. Царство Ванъ все еще сохраняло добрыя отношенія съ Ассиріей, но земли, прилегавшія къ нему съ востока и юго-

востока, становились въ весьма непріязненныя отношенія къ ней, въ чемъ ихъ поддерживалъ народъ еще болѣе отдаленный, но представлявшій одну изъ самыхъ черныхъ тучъ въ собиравшейся всеобщей грозѣ. Народъ этотъ,—скиѳы (на памятникахъ Саки),—занималъ тогда высокую полосу за рѣкою Арасомъ (нынѣ Аракс̀ъ), орошаемую рѣкою Киромъ (нынѣ Куръ), и простирающуюся вдоль подножія Кавказа, между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Это былъ отпрыскъ отъ той же вѣтви иранскаго ствола, которая, какъ мы видѣли, напирала на киммерійцевъ съ тыла, унесенная волной переселенія, и вытѣснила ихъ съ обширныхъ пастбищъ южной Россіи. (См. стр. 401). Геродотъ, вѣроятно передавая общепринятое преданіе, утверждаетъ, что этотъ отрядъ скиѳовъ спустился въ Азію, увлеченный именно погоней за киммерійцами, но сбился съ пути и случайно запутался въ дебряхъ южнаго Кавказа. Это объясненіе едва ли выдерживаетъ критику; но самый фактъ не подлежитъ сомнѣнію, и можно полагать, что скиѳы какъ-нибудь случайно напали на проходъ или ущелье, извѣстное въ древности подъ названіемъ «Кавказскихъ Воротъ», такъ какъ это — единственное мѣсто, гдѣ возможно пробиться сквозь такую широкую и совершенно непроходимую преграду, какъ Кавказъ. Они оставили имя свое землѣ, въ которой они поселились: на картахъ древняго міра она значится: Сакасена. Евреямъ того и позднѣйшаго времени она извѣстна подъ именемъ Магога, и ученый міръ немало было удивился, когда, благодаря

изслѣдованіямъ ассиріологовъ, «Гогъ, въ землѣ Магогъ», о которомъ говоритъ пророкъ Іезекіиль (XXXVIII и XXXIX), оказался историческимъ лицомъ, а именно — главнымъ княземъ скиѳовъ при Ашурбанипалѣ; это вѣроятно былъ воинъ настолько прославившійся, что имя его осталось въ памяти потомства, какъ воплощеніе чего-то страшнаго.

Пораженіе Гога, царя скивскаго.

12.—Имя это даже встрѣчается на одномъ изъ цилиндровъ Ашурбанипала: Гаги. Описывая сѣверо-восточную кампанію,—побѣдоносную и крайне удовлетворительную по части даней и добычи,—царь въ заключеніе замѣчаетъ, что онъ (т.-е. вѣрнѣе его воевода) взялъ живыми и привезъ въ Ниневію «двухъ сыновей Гаги, князя народа Саки», взявъ семьдесятъ пять ихъ укрѣпленныхъ городовъ, въ наказаніе за то, что они «сбросили иго его владычества». Послѣднее выраженіе, даже если оно основано болѣе на хвастовствѣ, чѣмъ на дѣйствительности, показывало бы, что скиѳы земли Магогъ прожили въ мѣстахъ, на которыхъ застаетъ ихъ исторія, никакъ не менѣе двухъ поколѣній и отчасти отстали отъ своего кочевого образа жизни, хотя, какъ мы увидимъ далѣе, они вернулись къ нему съ величайшей готовностью, какъ только соблазнила ихъ къ тому надежда на богатую добычу.

Первая война съ Эламомъ: царь Уртаки начинаетъ ее.

13.—Мы теперь приходимъ къ двумъ главнымъ чертамъ этого царствованія: войнѣ съ Эламомъ и войнѣ съ Вавилономъ. Войны эти представляютъ цѣлый рядъ событій такой важности, исполненныхъ такого драматическаго интереса, изложен-

пыхъ притомъ съ литературнымъ умѣніемъ, столь много превышающимъ лѣтописный слогъ прежнихъ вѣковъ, что повѣствованіе о второй половинѣ царствованія Ашурбанипала читается, какъ увлекательный романъ.

Эламъ съ нѣкоторыхъ поръ находился въ необыкновенно хорошихъ отношеніяхъ съ Ассиріей. Когда скончался Асархаддонъ, тамъ царствовалъ Уртаки, второй изъ трехъ братьевъ, которые всѣ по очереди вступали на престолъ. Около того времени въ Эламѣ случились засуха и голодъ, и Ашурбанипалъ выказалъ похвальное состраданіе и щедрость. Онъ послалъ хлѣба изъ собственныхъ своихъ запасовъ и пустилъ въ свои владѣнія множество бѣднаго люда изъ Элама: «они бѣжали отъ засухи и прожили въ Ассиріи, пока у нихъ на родинѣ не выпали дожди и не уродились хлѣба»; тогда они были съ миромъ отпущены восвояси. Однимъ словомъ, Ашурбанипалъ въ этомъ случаѣ поступилъ, какъ добрый сосѣдъ, и на этотъ разъ имѣлъ полное право сѣтовать на неблагодарность, когда Уртаки, съ нѣсколькими приморскими племенами, вдругъ неожиданно ворвался въ Аккадъ. Всѣмъ югомъ въ то время управлялъ младшій братъ Ашурбанипала, Шамаш-Шумукинъ, поставленный намѣстникомъ въ Вавилонѣ еще отцомъ ихъ Асархаддономъ. Онъ поспѣшилъ послать въ Ниневію — просить брата о помощи. Нашествіе совершилось такъ быстро, что посланный, отправленный въ Вавилонъ, развѣдать, въ какомъ положеніи дѣла, вернувшись въ Ниневію, донесъ царю слѣдующее: «Эламиты, подобно са-

ранчѣ, покрыли весь Аккадъ и стоятъ лагеремъ подъ Вавилономъ. Станъ ихъ правильно разставленъ и укрѣпленъ». Подоспѣвшая ассирійская армія мигомъ сняла осаду, и Уртаки долженъ былъ вернуться въ Эламъ; «ибо»,—пишетъ царь:—«боги осудили его за то, что онъ, когда я не ходилъ на него войной, пошелъ войной на меня». Въ томъ же году Уртаки умеръ. Изъ нѣсколькихъ, довольно, впрочемъ, неясныхъ строкъ, какъ будто выходитъ, что онъ самъ лишилъ себя жизни. Какъ бы то ни было, «время владычества его кончилось, и царство эламское перешло къ другому».

Вторая война съ Эламомъ.

14.—Перешло оно не къ сыну его, а къ младшему брату, Теумману,—вѣроятно путемъ насилія и вопреки законамъ престолонаслѣдія; это можно полагать потому, что Теумманъ былъ, повидимому, отъявленный злодѣй. Въ лѣтописи это сказано въ самыхъ энергичныхъ выраженіяхъ: «Теумманъ, какъ нѣкій злой духъ, сѣлъ на престолъ. Первымъ его дѣйствіемъ было покушеніе на жизнь своихъ пяти племянниковъ, сыновей его умершихъ братьевъ; тѣ, однако, вовремя узнали о грозившей имъ опасности и бѣжали въ Ассирію съ шестьюдесятью родичами и многочисленнымъ отрядомъ». Ашурбанипалъ обѣщалъ заступиться за нихъ, и когда Теумманъ имѣлъ наглость прислать двухъ «своихъ вельможъ» требовать ихъ выдачи, онъ съ негодованіемъ отказалъ: «на требованіе подлыхъ устъ его я не согласился; я не выдалъ ему бѣглецовъ». Отказъ, конечно, равнялся объявленію войны, и Теумманъ

уже готовился къ нен, когда посылалъ въ Ниневію. Война предстояла нешуточная, и царь вполнѣ сознавалъ это, хотя и былъ увѣренъ въ побѣдѣ, вслѣдствіе разныхъ знаменій и примѣтъ, сулившихъ, по увѣреніямъ гадателей, большія бѣды Эламу. Но главную свою надежду онъ возлагалъ на богиню Иштаръ Арбельскую, всегдашнюю покровительницу его и его отца. Прежде чѣмъ выступить въ этотъ многотрудный походъ, которымъ онъ собирался командовать лично, онъ съѣздилъ въ Арбелу и тамъ совершилъ торжественныя жертвоприношенія и молилъ богиню подать ему знакъ или послать ему утѣшительное слово. Это богомоліе описано съ такимъ поэтическимъ чувствомъ, что страница эта не сравнится ни съ чѣмъ въ ассирійской литературѣ, развѣ только, хотя въ другомъ родѣ, — съ описаніемъ битвы при Халули (см. стр. 355), и считается классическимъ произведеніемъ; поэтому приводимъ и эту страницу цѣликомъ.

Богиня Иштаръ посылаетъ царю видѣніе.

15.—«Въ мѣсяцѣ Абъ (іюль)... въ праздникъ великой царицы (Иштаръ)... я пребывалъ въ городѣ Арбелѣ, отрадѣ сердца ея, чтобы присутствовать на ея священномъ торжествѣ. Туда принесли мнѣ вѣсть о нашествіи эламита, шедшаго на меня вопреки волѣ боговъ: «Теумманъ торжественно объявилъ: я не совершу болѣе возліянія, пока не пойду и не сражусь съ нимъ».—Объ этой угрозѣ Теуммана я съ молитвой повѣдалъ великой Иштаръ. Я предсталъ передъ нею, склонился къ ея стопамъ, умолялъ ее, богиню, прійти и спасти меня. «О, богиня! я — Ашурбанипалъ, царь земли Ашура, созданіе рукъ твоихъ, избранный тобою и отцомъ твоимъ, возстановить храмы Ассиріи и украшать священные города Аккада. Я всегда посильно оказывалъ тебѣ почтеніе, ходилъ къ тебѣ на богомолье... О, ты, царица царицъ,

богиня войны, владычица сѣчи, царица боговъ, заступница моя передъ Ашуромъ, склоняющая ко мнѣ сердца Ашура и Мардука... се Теумманъ, царь эламскій, грѣшившій противъ Ашура, отца твоего, и противъ Мардука, брата твоего, тогда какъ я, Ашурбанипалъ, веселилъ сердца ихъ,—онъ собралъ рати свои и обнажилъ мечъ, чтобы идти на Ассирію. О ты, стрѣлица боговъ, прійди, какъ вихрь среди брани, сокрути его, разгроми его огненной стрѣлой съ небесъ!» — Иштаръ услышала молитву мою. «Не бойся!»—отвѣтила она, и сердце мое возвеселилось:—«не даромъ воздѣлъ ты руки свои ко мнѣ, очи твои порадуются на судъ боговъ. Милость моя осѣнитъ тебя».—Въ ночную пору, послѣ того какъ я молился ей, нѣкій вѣщій мужъ легъ на одръ, и было ему видѣніе. Посереди ночи богиня Иштаръ явилась ему, и онъ пересказалъ мнѣ видѣніе какъ слѣдуетъ: «Богиня Иштаръ, пребывающая въ Арбелѣ, явилась мнѣ, справа и слѣва объятая пламенемъ. держа лукъ къ рукѣ своей, въ открытой колесницѣ, словно ѣхала въ бой. И ты стоялъ передъ нею Она обратила къ тебѣ рѣчь свою, словно мать къ своему дитяти. Она улыбалась тебѣ,—она, Иштаръ, преславная между богами, и объявила тебѣ свой приказъ: «Возьми сей лукъ»,—молвила она:—«и съ нимъ иди въ бой. Гдѣ бы ни поставилъ ты станъ свой, я туда приду».—Тогда ты молвилъ ей: «О, царица богинь, куда бы ни шла ты, дозволь мнѣ идти за тобою».—Она же отвѣтила тебѣ: «Я осѣню тебя моимъ покровомъ. И пойду я съ тобою въ дни празднества бога Набу. А до тѣхъ дней, вкушай яства, пей вино, услаждай себя музыкой и прославляй меня дотолѣ, пока я приду къ тебѣ, и видѣніе сіе осуществится». *(Отсюда и до конца «вѣщій мужъ» говоритъ уже отъ своего лица):* «То, чего желаетъ сердце твое, сбудется. Ланиты твои не поблѣднѣютъ отъ страха. Ноги твои не споткнутся. Ты въ бою не понесешь даже царапины. Въ благосклонности своей, она защититъ тебя; она гнѣвается на всѣхъ твоихъ недруговъ. Передъ нею вѣетъ лютое пламя; оно пожретъ твоихъ враговъ».

Битва у рѣки Улаи и смерть Теуммана.

16.—Никогда блистательнѣе не сбывалось знаменіе. Ашурбанипалъ встрѣтился съ Теумманомъ

на берегахъ рѣки Улаи (въ классической географіи Евлай), гдѣ послѣдній укрѣпился, въ надеждѣ загородить путь въ свою столицу Шуши (Сузу) съ этой, наименѣе укрытой, стороны. Теумманъ понесъ полное пораженіе. Рѣку «запрудили трупы». Самъ Теумманъ, раненый, уступилъ настояніямъ сына, говорившаго ему: «Не продолжай боя», и оба вмѣстѣ бѣжали въ лѣса. Но колесница ихъ сломалась, и ассирійская погоня скоро настигла ихъ; послѣ краткаго сопротивленія, оба пали наземь и были обезглавлены. Въ погонѣ участвовали бѣжавшіе царевичи, и пронеслась молва, что одинъ изъ нихъ, младшій сынъ Уртаки, по имени Таммариту, собственноручно отрубилъ дядѣ голову. На стѣнахъ дворца Ашурбанипала всѣ сцены этой достопамятной битвы изображены въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ, до малѣйшихъ подробностей, съ краткими объяснительными надписями подъ главными группами. Такъ, напримѣръ надъ фигурой сдающагося раненаго человѣка находится слѣдующая надпись: «*Уртаку, родственникъ Теуммана, будучи раненъ стрѣлой, о жизни своей не заботился. Сыну Ашура онъ вельлъ отрубить ему голову, говоря: Я сдаюсь. Отруби мнѣ голову. Поставь ее передъ царемъ, господиномъ твоимъ: пусть она будетъ ему добрымъ знаменіемъ*». По неимѣнію мѣста мы можемъ представить читателямъ лишь одинъ образчикъ этихъ боевыхъ сценъ, но зато очень полный. Если разсмотрѣть потщательнѣе эту сложную композицію, въ ней найдутся почти всѣ характеристическія черты ассирійской битвы. Эта сцена,

притомъ, особенно интересна тѣмъ, что она включаетъ смерть Теуммана: раненый царь стоитъ на колѣняхъ, съ простертыми руками, между тѣмъ какъ сынъ еще защищаетъ его, стоя подлѣ него съ натянутымъ лукомъ. Надпись надъ этой группой гласитъ: «*Теуммана тяжко повелѣлъ сыну:— Натяни лукъ*». Въ другой такой же сценѣ вниманіе сосредоточивается на колесницѣ, несущейся во всю прыть, а на ней стоитъ воинъ, держитъ высоко отрубленную голову. Надпись объясняетъ, что онъ везетъ царю голову Теуммана.

Пытки и казни.

17.—Голову эту отвезли въ Ниневію, гдѣ она привлекала всеобщее вниманіе глазѣющей толпы въ царскомъ тріумфальномъ шествіи, когда, «съ добычей, взятой имъ въ Эламѣ по велѣнію Ашура, царь съ музыкой и ликованіемъ вступилъ въ Ниневію». Голова Теуммана была повѣшена на снуркѣ на шею одного изъ его ближайшихъ союзниковъ и друзей, князька изъ болотистыхъ приморскихъ областей, взятаго въ плѣнъ и теперь шедшаго съ другими узниками. Два посла, отправленные съ требованіемъ о выдачѣ бѣглыхъ царевичей и съ самыхъ тѣхъ поръ содержавшіеся въ неволѣ, впервые узнали объ участи своего повелителя изъ этого печальнаго зрѣлища. При видѣ его, они стали рвать на себѣ бороды, и одинъ изъ нихъ пронзилъ себя мечомъ въ ту минуту, какъ голову Теуммана поднимали надъ главными городскими воротами, гдѣ она осталась выставленною на поруганіе толпы. Затѣмъ пошли казни. Тѣ плѣнные, которые имѣли несчастіе принадлежать къ знатному роду и занимать высокое

положеніе, были умерщвлены въ самыхъ варварскихъ пыткахъ, одни въ Ниневіи, прочіе въ Арбелѣ. То, что въ лѣтописи бѣгло упоминается въ не-

Сцена изъ битвы на рѣкѣ Улаи; смерть царя эламскаго, Теуммана.

многихъ словахъ, слишкомъ живо изображено на дворцовыхъ стѣнахъ, съ обычными пояснительными надписями. Напримѣръ: «*У тѣхъ, кото-*

рыс противъ бога Ашура, отца моего, изрекли громкія проклятія, я вырвалъ языки, содралъ съ нихъ кожу». А подъ надписью изображена вся казнь, совершаемая надъ нѣсколькими жертвами. Бѣглые царевичи, между тѣмъ, возвратились на родину, и одинъ изъ нихъ, Умманагашъ, сынъ Уртаки, былъ утвержденъ царемъ эламскимъ; младшій же братъ его, Таммариту, сдѣланъ намѣстникомъ одной изъ богатѣйшихъ областей Элама. Все это случилось около 655 г. до Р. Х.

Возстаніе Шамаш-Шумукина

18.—Какъ ни безчеловѣчны вообще ассирійскіе цари, Ашурбанипалъ, кажется, еще превзошелъ ихъ безпощадностью и холодной жестокостью. Между тѣмъ, точно въ видѣ возмездія, если онъ кому оказывалъ благодѣянія, то непремѣнно встрѣчалъ неблагодарность. Мы уже видѣли, какъ отплатилъ ему царь эламскій за помощь, поданную во время голода. Такъ, онъ и съ младшимъ братомъ своимъ, вавилонскимъ намѣстникомъ. поступилъ, какъ добрый братъ, не только утвердивъ, но еще увеличивъ его полномочія и доходы. Однако, несмотря на это, Шамаш-Шумукинъ возсталъ противъ него, и чуть не успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Удовольствовался ли бы онъ основаніемъ независимаго вавилонскаго царства, или пошелъ бы далѣе и посягнулъ бы на самый ассирійскій престолъ,—для рѣшенія этого вопроса не имѣется вѣрныхъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ онъ приступилъ къ дѣлу съ не меньшей хитростью и дальнозоркостью, чѣмъ сдѣлалъ бы это самъ Меродахъ-Баладанъ. Коалиція, организованная имъ, не только

была не менѣе обширна, но скорѣе могла расчитывать на успѣхъ, потому что время болѣе созрѣло, и мѣра притѣсненій и ненависти съ каждымъ годомъ восполнялась. Многіе изъ участниковъ въ новой драмѣ были тѣ же, что и полвѣка назадъ: теперь, какъ и тогда, заговорщики главную свою надежду возлагали на Египетъ, гдѣ Псамметикъ выжидалъ удобнаго случая; а имя Египта одно уже подбодряло «царей земли Хатти». Какъ разъ въ это время случилось отпаденіе Гига, царя лидійскаго, на котораго Ашурбанипалъ сѣтовалъ за то, что онъ посылалъ войска на помощь царю египетскому (см. стр. 424). Наконецъ, Умманагашъ, новый царь эламскій, присоединился къ заговорщикамъ, такъ какъ благодарность его не устояла противъ надежды возстановить политическую независимость своей родины и противъ блестящихъ посуловъ Шамаш-Шумукина. Онъ даже примирился съ сыномъ Теуммана и убѣждалъ его не сидѣть въ бездѣйствіи, говоря ему: «Иди, мсти Ассиріи за убіеніе твоего отца». Шамаш-Шумукину, повидимому, не стоило большого труда склонить на свою сторону и самый Вавилонъ, и большіе города Юга, «мѣстопребываніе боговъ», хотя Ашурбанипалъ болѣе чѣмъ щедрою рукой изукрасилъ храмы ихъ золотомъ и серебромъ и ставилъ въ нихъ изображенія боговъ. Всѣ эти приготовленія должны были занять нѣсколько лѣтъ; соблюдалась величайшая осторожность и глубочайшая тайна, и передъ самымъ тѣмъ, какъ начать дѣйствовать открыто, коварный намѣстникъ, по вы-

раженію лѣтописи, «говорилъ хорошія слова, но въ сердцѣ своемъ замышлялъ злыя дѣла». Чтобы отвести брату глаза, онъ отправилъ въ Ниневію одно изъ тѣхъ посольствъ, которыми восточная политика охотно маскируетъ свое предательство. Послы были приняты съ братскимъ радушіемъ; ихъ облекли въ богатыя одежды, сажали на пирахъ за царскій столъ, и, наконецъ, отпустили, всячески обласкавъ и обдаривъ. Этотъ послѣдній ловкій отводъ далъ заговору время созрѣть, и когда, наконецъ, разразилась катастрофа, она застала Ашурбаниипала совершенно врасплохъ. Онъ, однако, не падалъ духомъ и, по обыкновенію, искалъ нравственной поддержки въ знаменіяхъ и въ видѣніяхъ облагодѣтельствованныхъ имъ жрецовъ.

«Въ тѣ дни»,—повѣствуетъ онъ:—«нѣкій вѣщій мужъ заснулъ въ началѣ ночи и впдѣлъ сонъ: «На лицѣ мѣсяца написано предсказаніе о тѣхъ, кто замышляетъ дурное противъ Ашурбаниипала, царя земли Ашура. Готовится битва. Лютую смерть я имъ предрекаю. Лезвіемъ меча, палящимъ огнемъ, голодомъ и приговоромъ Нинива я ихъ уничтожу». Вотъ что я слышалъ, и я ввѣрилъ себя волѣ Сина, господина моего. Я собралъ мое войско; противъ Шамаш-Шумукина я выступилъ въ походъ».

Новыя смуты въ Эламѣ.

19.—Несмотря на сновидѣнія и пророчанія, весьма сомнительно, хватило ли бы у Ашурбаниипала силъ выдержать эту бурю и еще на полвѣка отсрочить паденіе Ассиріи, если бы родъ царей эламскихъ не былъ внутренно раздираемъ такими распрями, что члены его заботились гораздо болѣе о томъ, какъ бы истребить другъ друга, нежели о помощи союзнику. Умманагаша, ассирійскаго

ставленника, низвергъ съ престола его младшій братъ, Таммариту, который, «истребивъ мечомъ его и часть его семьи», и желая изгладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное въ Эламѣ свирѣпостью, съ которою онъ отомстилъ дядѣ своему Теумману, всенародно объявилъ, что онъ въ смерти его неповиненъ. Ашурбанипалъ утверждаетъ, что Таммариту «говорилъ неправду относительно головы Теуммана, которую онъ отрубилъ въ присутствіи моей арміи, заявляя: «Я не рубилъ голову царю эламскому»... Когда же ему напомнили о долгѣ вѣрности бывшему благодѣтелю, онъ отвѣтилъ, что лично ни къ чему не обязывался; что «одинъ Уммапаганъ цѣловалъ землю въ присутствіи царя ассирійскаго». Поэтому онъ не возобновилъ союза съ Ассиріей, а принялъ подкупъ, предложенный ему намѣстникомъ вавилонскимъ. Все же онъ продержался на престолѣ не долго, несмотря на всѣ старанія пріобрѣсти расположеніе народа. Царскій домъ эламскій постепенно пришелъ въ такое разстройство и безсиліе, что онъ сдѣлался, такъ-сказать, законной поживой для охотниковъ до власти, какихъ всегда много бываетъ между честолюбивыми военачальниками, увѣренными въ преданности войска. Такимъ образомъ и эламскимъ престоломъ внезапно овладѣлъ воевода Индабигашъ. Таммариту кое-какъ спасъ свою жизнь и вторично бѣжалъ въ Ниневію. Съ нимъ бѣжало восемьдесятъ пять человѣкъ его родичей. Онъ припалъ къ царскимъ стопамъ, посыпалъ себѣ голову прахомъ изъ-подъ царевой ножной

скамейки и поклялся загладить свою вину, если только царь на этотъ разъ помилуетъ его. Ашурбанипалъ разсудилъ, что бѣглецы еще могутъ пригодиться ему, когда онъ удосужится опять заняться Эламомъ, и потому принялъ ихъ милостиво и помѣстилъ ихъ въ собственномъ дворцѣ, гдѣ они, конечно, находились подъ такимъ же строгимъ надзоромъ, какъ если бы были въ тюрьмѣ, хотя и содержались на положеніи гостей.

Осада Вавилона и конецъ Шамаш-Шумукина.

20.—Но ему пока было не до того: онъ долженъ былъ посвятить все свое время, обратить всѣ свои силы на усмиреніе вавилонскаго возстанія. Онъ даже на Египетъ не могъ обратить вниманія, хотя тамъ Псамметикъ не только стряхнулъ съ себя ассирійское иго, но прогналъ всѣхъ мелкихъ князей и возстановилъ единую, нераздѣльную царскую власть. Въ Малой Азіи Гигъ былъ предоставленъ на произволъ судьбы, и киммеріицы могли безпрепятственно хозяйничать и опустошать. Сирійскія государства и побережье безнаказанно составили новую коалицію. О мидянахъ даже не упоминается, и послѣдующія событія показываютъ, какъ они сумѣли воспользоваться этимъ роздыхомъ. Однимъ словомъ, Ашурбанипалъ сосредоточилъ все свое вниманіе, всѣ свои силы на одной задачѣ,—усмиреніи непокорнаго брата. Неудивительно поэтому, что успѣхъ былъ полный. Осада Вавилона длилась такъ долго, и блокада была соблюдена такъ строго, что обыватели были доведены до послѣдней крайности и дошли до того, что убивали дѣтей въ пищу. О самой развязкѣ ужасной драмы лѣтопись лишь

замѣчаетъ въ неясныхъ выраженіяхъ, что «боги ввергли Шамаш-Шумукина въ лютый, пожирающій огонь, и лишили его жизни». Изъ стѣнныхъ изображеній разныхъ осадъ видно, что ассирійцы обыкновенно бросали пылающія головни въ города во время приступа. Весьма вѣроятно, что и тутъ общій пожаръ произошелъ отъ той же причины, и что намѣстникъ въ немъ погибъ; брату же его, согласно его религіознымъ понятіямъ, неоднократно высказаннымъ, такой конецъ долженъ былъ представиться божескимъ судомъ надъ нимъ. Пошли по обыкновенію казни съ безчеловѣчнымп истязаніями: у кого вырывали языки за хуленіе имени Ашура; кого бросали въ ямы, выкопанныя между поставленными Сеннахерибомъ каменными быками и львами, то-есть, вѣроятно, передъ самыми городскими воротами, на утѣху черни; у иныхъ, наконецъ, отрубали руки и ноги и бросали ихъ собакамъ, медвѣдямъ, ястребамъ на съѣденіе; и всѣ эти ужасы царь представляетъ въ видѣ искупительныхъ жертвъ для снисканія прощенія и милости у прогнѣванныхъ боговъ: «Совершивъ все это»,— пишетъ онъ: — «и тѣмъ умиротворивъ сердца боговъ, владыкъ моихъ, я вывезъ трупы тѣхъ, которыхъ сразилъ богъ Чумы, изъ Вавилона, Куты, Сиппары, и свалилъ ихъ въ груды». Затѣмъ онъ описываетъ, какъ онъ далѣе «умилостивлялъ боговъ дарами, торжественными службами и пѣснопѣніями». Въ заключеніе, усмиривъ окончательно всѣ халдейскія племена, также арамейцевъ и весь Аккадъ, «по велѣнію Ашура и

Бэлиты, и великихъ боговъ, моихъ покровителей, я всѣхъ ихъ попралъ ногами, Ашурово иго, ими сброшенное, твердо укрѣпилъ на шеѣ ихъ и поставилъ надъ ними выбранныхъ мною правителей.

Князь бит-якинскій передается Эламу.

21.—Въ числѣ халдейскихъ князей, помогавшихъ Шамаш-Шумукину, былъ и внукъ Меродахъ-Баладана, Набубельзикри *), оставшійся вѣрнымъ родовымъ традиціямъ. Чтобы повредить какъ можно болѣе ненавистному врагу, онъ прибѣгъ къ хитрости: притворился преданнымъ Ассиріи и просилъ у царя помощи. Царь съ негодованіемъ разсказываетъ, что ему были посланы «сыны Ашура», и что они «пошли съ нимъ въ походъ, оберегая землю его, словно стѣна»; онъ же предательски схватилъ ихъ и на кораблях отправилъ въ Эламъ. Но Индабигашъ, недавно овладѣвшій тамъ престоломъ и заискивавшій у ассирійскаго царя, отпустилъ ихъ на родину съ посольствомъ и дружескими предложеніями. Но это вниманіе еще далеко не удовлетворило разъяреннаго монарха, который самъ отправилъ въ Эламъ посла, съ угрозами требуя выдачи самого Набубельзикри и его дружины. «Если этихъ людей ты не пришлешь»,—гласило царское посланіе:—«я пойду на тебя: города твои разорю, народъ твой уведу; съ твоего царскаго престола свергну тебя и другого на твое мѣсто посажу. Какъ недавно я сокрушилъ Теуммана,

*) Вѣроятно, сынъ Нахид-Мардука, младшаго сына Меродахъ-Баладана, котораго Асархаддонъ утвердилъ княземъ въ Бит-Якинѣ.

такъ сокрушу и тебя. Прими къ свѣдѣнію». Впрочемъ, послу даже не пришлось передавать словъ своего повелителя. Народъ эламскій, услыхавъ о гнѣвѣ Ашурбанипала, сильно струсилъ, возсталъ противъ Индабигаша и умертвилъ его, а на престолъ посадилъ сына другого воеводы, который и сталъ царствовать подъ именемъ Умманалдаша II.

Все еще смуты въ Эламѣ.

22.—Этотъ новый узурпаторъ держалъ себя не безъ достоинства и не захотѣлъ купить милость сильнаго сосѣда предательской выдачей гостя. Изъ нѣсколькихъ короткихъ и сильно поврежденныхъ отрывковъ видно, что завязалась переписка, и по поводу статуи богини Наны, похищенной изъ Эреха первымъ Худур-Нанхундомъ, Ашурбанипалъ требовалъ ея возвращенія, но Умманалдашъ и въ этомъ отказалъ. Этихъ двухъ отказовъ было болѣе чѣмъ достаточно, чтобы мотивировать нашествіе. Ашурбанипалъ явился самъ съ войскомъ и вихремъ пронесся по Эламу въ сопровожденіи выходца Таммариту, котораго онъ снова водворилъ на престолѣ. Какъ ни покажется невѣроятнымъ такое ослѣпленіе, но первымъ дѣломъ Таммариту было—обратиться противъ своего благодѣтеля и во второй разъ устроить возстаніе. Но онъ слишкомъ поторопился,—не дождался даже ухода Ашурбанипала съ войскомъ. Послѣдній сразу съ нимъ покончилъ, благочестиво приписывая свой успѣхъ Ашуру и богинѣ Иштаръ, которые, по словамъ его, «разбили жестокое и нечестивое сердце Таммариту, схватили его за руку, свергли его съ престола и

въ конецъ сокрушили его». Побѣдитель, однако, не лишилъ его жизни, а повезъ съ собою въ Ниневію, гдѣ его ожидала болѣе унизительная участь.

Третья эламская война и окончательное разореніе эламскаго царства.

23.—На то, чтобы окончательно разорить Эламъ, потребовался не одинъ трудный походъ, но разореніе на этотъ разъ было дѣйствительно окончательное. Городъ за городомъ, село за селомъ были разграблены, срыты, сожжены; воиновъ было избито, народа уведено безъ счета. Послѣднею пострадала столица, Шуши. Ни разу до того она не видала въ стѣнахъ своихъ непріятеля: это была поистинѣ царская добыча. Ашурбанипалъ съ наслажденіемъ распространяется о томъ, какъ онъ отворилъ сокровищницы царей эламскихъ, въ которыхъ богатства копились съ древнѣйшихъ временъ, «куда до него никогда не запускалась непріятельская рука»; какъ онъ оттуда досталъ не только все это богатство, но и все то, что въ разное время было плачено царямъ эламскимъ за помощь ихъ, встарину царями аккадскими, и теперь, недавно, Шамаш-Шумукиномъ, не говоря обо всей дворцовой утвари, вплоть даже до одра, на которомъ цари покоились, о боевыхъ колесницахъ, изукрашенныхъ бронзою и живописью, лошадяхъ и большихъ мулахъ, съ ихъ золотой и серебряной упряжью,— и какъ онъ все это увезъ къ себѣ въ Ассирію. Но Шуши была не только столицей Элама; это былъ также священный градъ, «мѣстопребываніе ихъ боговъ», и онъ подвергся всѣмъ ужасамъ не только разграбленія, но и святотатства. Главная башня (вѣроятно, зиккуратъ), нижняя часть

которой была вся облицована мраморомъ, была разрушена, и грабители забрались внутрь ея черезъ кровлю, «крытую блестящей бронзой». Священныя рощи, въ которыя никогда не ступала иноземная нога, были срублены и сожжены ассирійскими войсками. Находившіяся тамъ статуи боговъ и богинь, изъ которыхъ восемнадцать названы по имени, не считая верховнаго бога, Шушинака, были увезены «со всѣми ихъ сокровищами, священной утварью, жрецами и богомольцами». Крылатые быки и львы, «сторожившіе храмы», были или разбиты въ дребезги, или увезены; самые храмы «были срыты, такъ что слѣда ихъ не осталось». При этомъ случаѣ статуя богини Нана была, наконецъ, вывезена изъ плѣна, длившагося 1.600 лѣтъ, и снова водворена въ ея древнемъ святилищѣ, въ Эрехѣ *). Наконецъ, тридцать двѣ статуи царей,—въ томъ числѣ статуя самого Таммариту,—золотыя, серебряныя, бронзовыя и алебастровыя,—тоже были увезены въ Ассирію. Нѣкоторымъ статуямъ были нанесены увѣчья, точно живымъ людямъ. Такъ, Ашурбанипалъ хвастается, что статуѣ одного царя, воевавшаго противъ Сеннахериба, онъ «отбилъ губы, за дерзкія рѣчи, и отрубилъ руки, натягивавшія лукъ противъ Ассиріи». Онъ заканчиваетъ возмутительное повѣствованіе слѣдующими строками: «Колодцы я изсушилъ; на пространствѣ, исходить которое требуется мѣсяцъ и двадцать пять дней, я опустошилъ Эламъ, *я низвелъ на народъ гибель, рабство и засуху*... Я обратилъ въ пустыни

*) См. «Исторія Халдеи», стр. 225.

поля, гдѣ ходили люди, волы и овцы; я сжегъ питомники полезныхъ деревьевъ. Я сдѣлалъ то, что въ нихъ поселились дикіе ослы, змѣи и хищные звѣри» *). Наконецъ, перечисливъ уведенныхъ плѣнниковъ, начиная съ дочерей, женъ и домочадцевъ нѣсколькихъ бывшихъ царей, съ областныхъ правителей, воеводъ, почетныхъ гражданъ, и кончая «воискомъ, сколько его было», простымъ народомъ обоего пола, лошадьми, мулами, ослами, волами и овцами, «съ великою добычею», онъ кончаетъ слѣдующими безумно хвастливыми словами: «Самый прахъ городовъ ихъ я увезъ въ Ассирію».

Трагическая участь князя Набубельзикри.

24. — Таковъ былъ конецъ Элама. Какъ царство, какъ нація, онъ болѣе не существовалъ. Имя его исчезаетъ изъ списка народовъ. И когда наступило близкое уже время возмездія и казни надъ истребительницей столькихъ народовъ, Элама не было въ числѣ мстителей. Жалкіе остатки

*) Іудейскій пророкъ, Софоній, жившій около этого времени, въ слѣдующихъ словахъ предсказываетъ близкую гибель Ассиріи: «И простретъ Онъ (Господь) руку свою на сѣверъ, и уничтожитъ Ассура и *обратитъ Ниневію въ развалины, въ мѣсто сухое, какъ пустыня. И покоиться будутъ среди нея стада и всякаго рода животныя...* Разрушеніе обнаружится на дверныхъ столбахъ, ибо не станетъ на нихъ кедровой обшивки. Вотъ, чѣмъ будетъ городъ торжествующій, живущій безпечно, говорящій въ сердцѣ своемъ: «Я — и нѣтъ иного, кромѣ меня!» *Какъ онъ сталъ развалиною, логовищемъ для звѣрей!* Всякій, проходя мимо него, посвищетъ и махнетъ рукою». Любопытно: были ли слова, напечатанныя курсивомъ, внушены воспоминаніемъ объ ассирійскомъ документѣ, или сходство въ мысляхъ и выраженіяхъ происходитъ отъ племеннаго родства между обоими народами?

его народа переходили подъ владычество другого народа, еще слишкомъ юнаго, чтобы управлять событіями, и только молча, со стороны, наблюдали и радовались. А между тѣмъ, Ашурбанипалъ въ концѣ своей лѣтописи еще говоритъ объ Эламѣ, даже о «царѣ эламскомъ». Это объясняется тѣмъ, что Умманалдашъ успѣлъ бѣгствомъ въ горы спасти свою жизнь. Когда палачи-грабители ушли, онъ возвратился въ свои опустѣвшіе города, и «сѣлъ на свое обезчещенное мѣсто». Но Ашурбанипалъ и тутъ еще не оставилъ его въ покоѣ. У него былъ вѣрный товарищъ и спутникъ,—Набубельзикри, внукъ стараго халдейскаго героя, и пока онъ былъ живъ и на свободѣ, ассирійцу неловко сидѣлось на престолѣ. Итакъ, онъ снова послалъ къ убитому горемъ бывшему царю,—требовать выдачи его друга. Конецъ трагедіи лѣтопись повѣствуетъ съ той удивительной простотой, которая придаетъ этимъ разсказамъ такую глубокую драматичность:

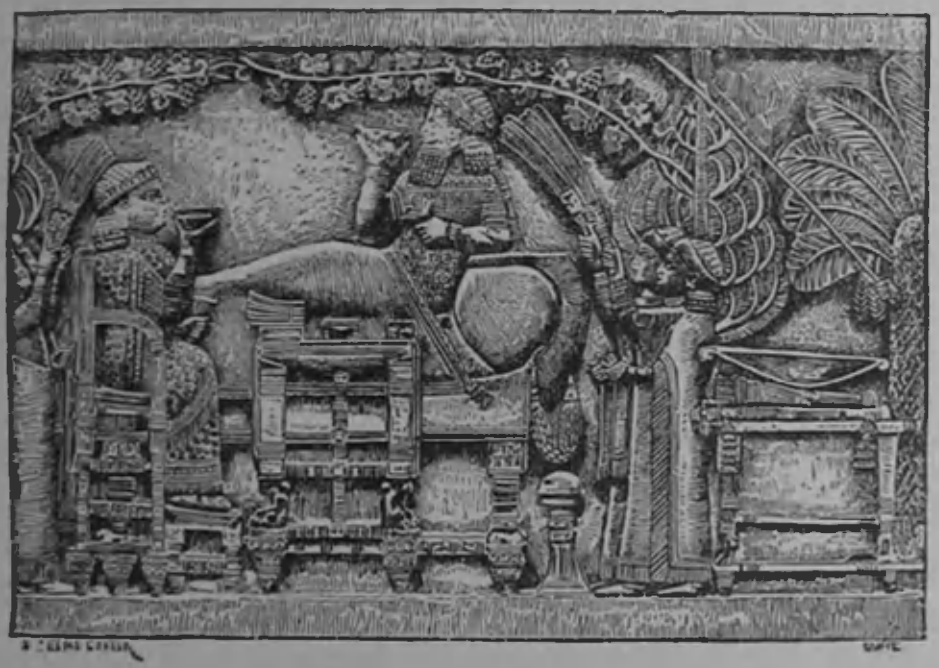
«Набубельзикри узналъ о прибытіи моего посла, и сердце его исполнилось скорбью. Онъ впалъ въ отчаяніе. Жизнь ему опостылѣла: онъ желалъ смерти. Своему оруженосцу онъ сказалъ: «Убей меня твоимъ мечомъ». Онъ и его оруженосецъ пронзили другъ друга своими мечами» *).

*) Какое поразительное сходство между этой развязкою и трагическимъ концомъ іудейскаго царя Саула! «И сказалъ Саулъ оруженосцу своему:—Обнажи твой мечъ и заколи меня имъ, чтобы не пришли эти необрѣзанные и не убили меня и не издѣвались надо мною.—Но оруженосецъ не хотѣлъ, ибо очень боялся. Тогда Саулъ взялъ мечъ свой и палъ на него. Оруженосецъ его, увидя, что Саулъ умеръ, и самъ палъ на свой мечъ и умеръ съ нимъ» (1-я Книга Царствъ, XXXI, 4—5).

Этимъ великодушнымъ поступкомъ послѣдній отпрыскъ геройскаго рода спасъ своего друга отъ совершенія позорнаго дѣла, почти что неизбѣжнаго въ его положеніи, а себя отъ участи хуже смерти. До какой степени онъ былъ правъ, принявъ такое рѣшеніе, видно изъ коротенькаго отрывка, найденнаго среди мусора въ ниневійскомъ книгохранилищѣ. Это—начало письма: «Отъ Умманалдаша, царя эламскаго, Ашурбаниналу, царю ассирійскому. — Миръ брату моему... Посылай войска. Набубельшкри я взялъ, чтобы выдать его тебѣ. Я его выдамъ»... Будемъ надѣяться, что злополучный царь своевременно оповѣстилъ своего друга и гостя о нагрянувшей бѣдѣ. Какъ бы то ни было, онъ буквально сдер-

Ашурбанипалъ пируетъ съ царицей.

жалъ свое слово: выдалъ тѣло халденца и голову оруженосца царскому послу, который повезъ печальные останки царю въ Ниневію. Ашурбанипалъ на большомъ цилиндрѣ только упоминаетъ, что онъ не предалъ тѣла погребенію, а отрубилъ ему голову и повѣсилъ ее на шею одному изъ приверженцевъ брата своего, Шамаш-Шумукина,



Ашурбанипалъ пируетъ съ царицей.

послѣдовавшему за Набубельзикри въ Эламъ. Но этотъ краткій разсказъ возмутительнымъ образомъ дополняется однимъ стѣннымъ барельефомъ въ царскомъ дворцѣ. Тамъ царь изображенъ возлежащимъ за пиромъ на высокомъ одрѣ, подъ виноградной бесѣдкой; у ногъ одра, на тронѣ, возсѣдаетъ его любимая супруга; оба подносятъ къ устамъ чашу съ виномъ; передъ ними не-

большой столикъ; на другомъ, поставленномъ нѣсколько позади одра, положены царево оружіе: лукъ, колчанъ и мечъ. Служители окружаютъ ихъ съ неизбѣжными опахалами, а еще далѣе выстроены музыканты. Птички порхаютъ въ пальмахъ и кипарисахъ. Но взоръ царя устремленъ на отвратительный предметъ, висящій въ сучьяхъ одного изъ послѣднихъ: это—голова Набубельзикри, повѣшенная въ такомъ мѣстѣ, чтобы царь могъ услаждать взоры свои видомъ ея, и тѣмъ удвоить свое наслажденіе пиромъ. Видно, въ тѣ времена умѣли какимъ-нибудь особеннымъ процессомъ сохранять человѣческія головы.

Замиреніе Бит-Якина.

25.—Стеревъ съ лица земли послѣдняго представителя древняго бит-якинскаго рода, Ашурбанипалъ, какъ умный политикъ, старался успокоить и расположить въ свою пользу его бывшихъ подданныхъ. Это видно изъ манифеста, который онъ послалъ имъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ, отправленнымъ къ нимъ въ сопровожденіи отряда войскъ. Черновая,—или копія,—этого любопытнаго документа отыскалась въ ниневійскомъ книгохранилищѣ. Она гласитъ слѣдующее:

«Воля царя объявляется жителямъ поморья и моря и сыновьямъ слугъ моихъ.—Миръ мой сердцамъ вашимъ; будьте здравы. Я бдительнымъ окомъ пекусь о васъ, и отъ вины Набубельзикри... совершенно отдѣлилъ васъ. Нынѣ посылаю вамъ слугу моего Белибни моимъ намѣстникомъ, и ставлю его надъ вами, править вами. Повелѣваю... войскъ моихъ посылаю. Соединяюсь съ вами, имѣя въ виду вашу пользу и благосостояніе».

Послѣднія смуты въ Эламѣ.

26.—Что́ касается Умманалдаша, то онъ еще годъ-другой провлачилъ свое жалкое существо-

ваніе царственнаго призрака. И все же нашелся еще безумецъ, соблазнившійся окружавшимъ его туманнымъ отблескомъ померкшаго величія: нѣкто Пахэ, безродный, безвѣстный пройдоха, возмутилъ противъ него остатки народа. Вотъ какъ Ашурбанипалъ разсказываетъ конецъ этого возстанія: «Отъ лица взбунтовавшихся противъ него мятежныхъ слугъ своихъ онъ бѣжалъ одинъ и укрылся въ горахъ. Въ горахъ же, его пристанищѣ, куда онъ бѣжалъ, я изловилъ его, какъ ворона, и живого привезъ въ Ассирію».

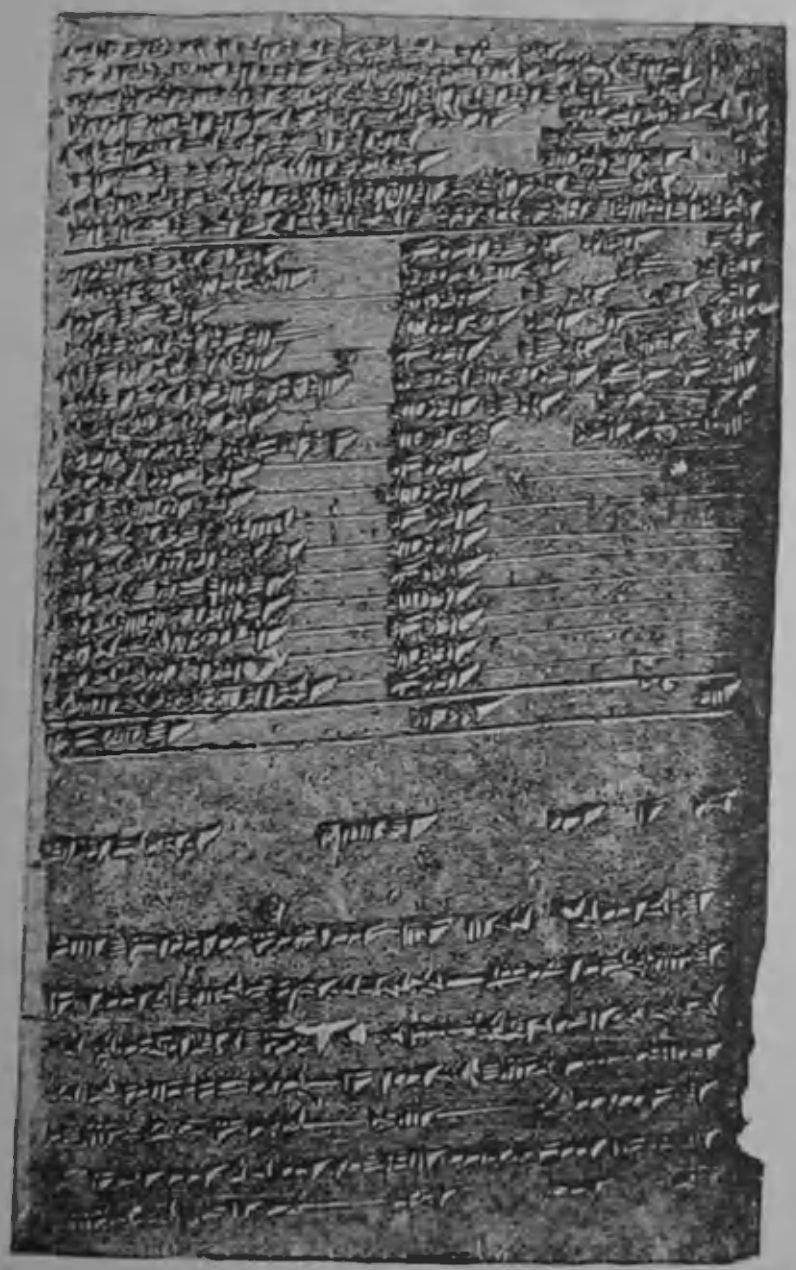
Аравійскій походъ.

27.—По наиболѣе достовѣрнымъ исчисленіямъ, возстаніе Шамаш-Шумукина произошло въ 650 г. до Р. Хр.; погибъ онъ въ 648-мъ. Слѣдуютъ затѣмъ два похода въ Эламъ, такъ что окончательный разгромъ и разореніе столицы Шуши можно считать въ 645 г. Послѣ того, находимъ еще одну экспедицію противъ нѣсколькихъ аравійскихъ шейховъ, имѣвшихъ неосторожность оказать помощь намѣстнику. Къ сожалѣнію, лишь только рѣчь заходитъ объ Аравіи, невозможно узнать описываемыя мѣста. Царь разсказываетъ, что онъ «поднимался на большую высоту, проходилъ лѣсами, бросавшими обширную тѣнь, состоявшими изъ высокихъ могучихъ деревьевъ»... и «прошелъ въ самую середину земли Васъ,—земли безводной, трудно проходимой, гдѣ встрѣчаются одни дикіе ослы, да птицы небесныя»... Описаніе это какъ будто указываетъ на довольно отдаленную часть внутренности Аравіи. Когда войска возвратились въ Ассирію изъ этой экспедиціи,—послѣдняго далекаго и побѣдоноснаго похода,—они привели

съ собою такое множество верблюдовъ и плѣнныхъ, что послѣднихъ гнали и продавали цѣлыми партіями, первыхъ же царь раздавалъ народу, а тѣ, которые были выставлены на продажу передъ городскими воротами, шли за пол-сикла серебромъ (около 16-ти копеекъ). Одинъ изъ могущественнѣйшихъ аравійскихъ шейховъ, Вайтэхъ, земля котораго граничила съ Эдомомъ, Моавомъ и Аммономъ, былъ взятъ въ плѣнъ, но Ашурбанипалъ пощадилъ его жизнь, собственноручно, однако, умертвивъ сына его передъ его глазами, конечно «по велѣнію Ашура и Бэлиты». Царь вернулся не прямымъ путемъ, а поморьемъ, и мимоходомъ «истребилъ жителей города Акко, за непокорность». Это—послѣднія, имѣющіяся у насъ, свѣдѣнія объ ассирійскихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ Сиріи.

Тріумфальный въѣздъ Ашурбанипала.

28.—Ашурбанипалъ, убѣжденный, что онъ блистательно выдержалъ опаснѣйшую бурю, когда-либо грозившую погибелью ассирійской державѣ, счелъ себя въ правѣ устроить себѣ небывалаго великолѣпія тріумфальный въѣздъ въ свою столицу. Согласно ассирійскимъ понятіямъ, торжество имѣло преимущественно религіозный характеръ и заключалось главнымъ образомъ въ жертвоприношеніяхъ и возліяніяхъ Бэлитѣ, «матери великихъ боговъ, возлюбленной супругѣ Ашура». Но самой главной чертой его было то, что, по приказанію Ашурбанипала, послѣдніе три царя эламскіе,—Таммариту, Умманалдашъ и Пахэ,—и плѣнный аравійскій шейхъ, Вайтэхъ, были запряжены въ его тріумфальную колесницу, и должны



Вполнѣ сохранившаяся плитка изъ книгохранилища Ашурбанипала.

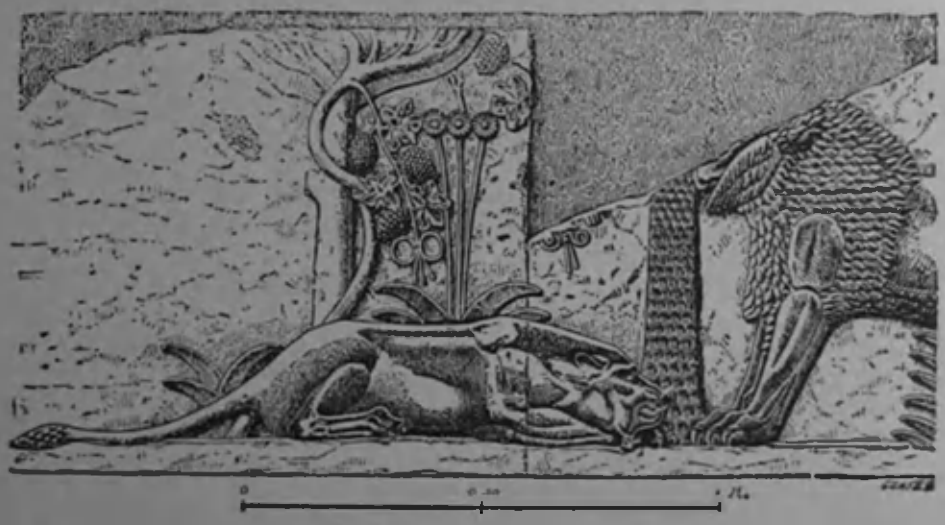
(Аккадскій гимнъ съ ассирійскимъ переводомъ, въ двухъ столбцахъ).

были на себѣ везти ее до воротъ храма. Тутъ онъ сошелъ съ колесницы, торжественно воздѣлъ руки и принесъ благодареніе богамъ въ присут-

ствіи всего войска и народа. Какая странная иронія судьбы! Общій позоръ соединилъ двухъ безвѣстныхъ узурпаторовъ съ послѣднимъ потомкомъ царскаго рода, который, весьма можетъ статься, велъ начало свое отъ самыхъ первыхъ завоевателей древняго Аккада! Еще страннѣе то, что этотъ актъ безумной гордыни—послѣдній проблескъ ассирійскаго величія, за которымъ почти немедленно слѣдуетъ полное, безвозвратное паденіе.

Дворецъ и книгохранилище Ашурбанипала.

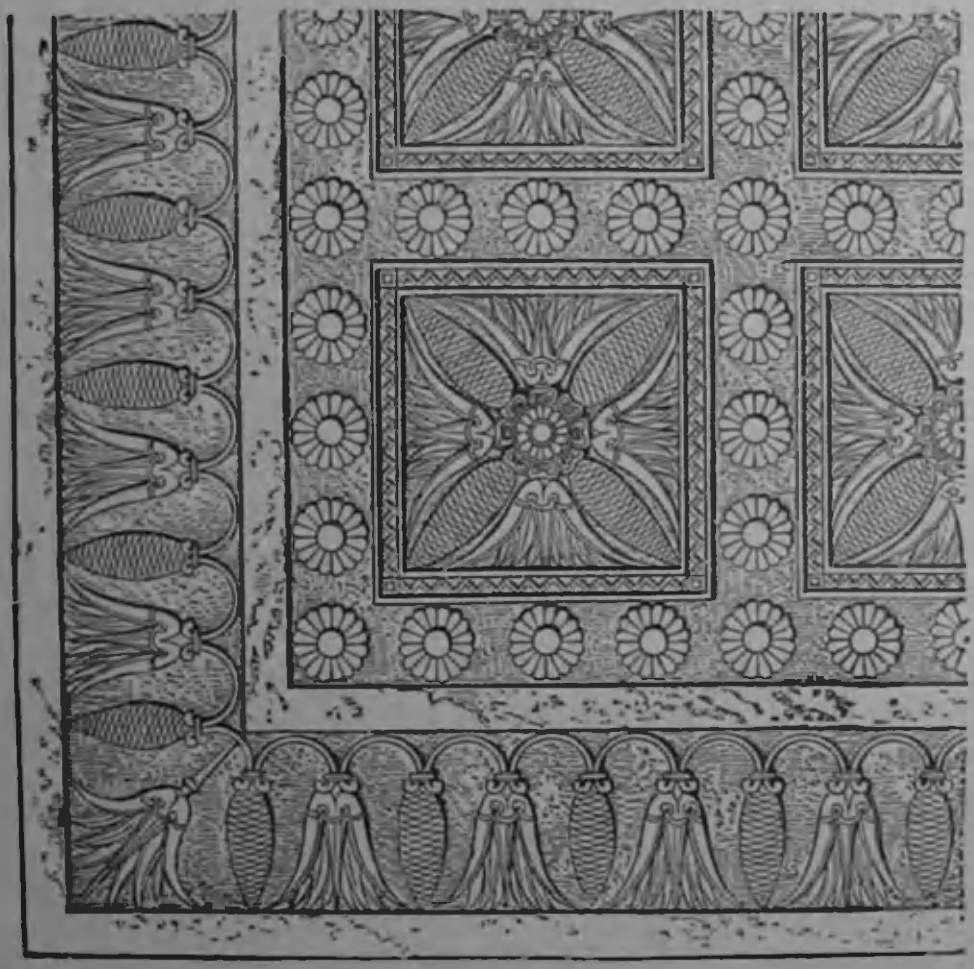
29.—На этой почти сверхъестественной высотѣ человѣческаго величія мы прощаемся съ Ашурбанипаломъ, хотя онъ жилъ и царствовалъ еще



Ручные левъ и львица на свободѣ въ царскомъ саду.

не мало лѣтъ послѣ того. Онъ умеръ не ранѣе 626 г. до Р. Хр., а лѣтопись на послѣднемъ изъ его двухъ цилиндровъ прекращается не позже 640 г. Но, вслѣдствіе полнаго отсутствія памятниковъ, эти четырнадцать лѣтъ представляютъ

пятьмъ не наполнимый пробѣлъ. Весьма вѣроятно, что послѣдній великій ассирійскій монархъ провелъ эти годы въ наслажденіи досугомъ, къ которому онъ отъ природы былъ склоненъ, по-



Порогъ изъ одной плиты во дворцѣ Ашурбанипала.
(Одна четверть плиты).

свящая все свое время своимъ артистическимъ и литературнымъ вкусамъ, отчасти же и религіознымъ обрядамъ. О его книгохранилищѣ было такъ много говорено въ предыдущемъ томѣ,—не мало и въ настоящемъ,—что остается лишь

упомянуть, что дворецъ, въ которомъ оно помѣщалось, былъ въ сущности не новое зданіе, а старинный дворецъ Сеннахериба, реставрированный и значительно расширенный пристройками. Когда шли по этому случаю работы, то на нихъ были поставлены плѣнные аравійскіе шейхи съ ихъ племенами; эти вольныя дѣти пустыни носили на себѣ тяжести и строили тѣ кирпичныя стѣны, которыя, двадцать пять вѣковъ спустя, другія аравійскія же племена, подъ присмотромъ своихъ шейховъ, въ свою очередь должны были освободить отъ вѣковаго накопленія мусора и раскрыть передъ взорами любопытныхъ чужеземцевъ. Какими странными совпаденіями изобилуетъ исторія!

Изваянія во дворцѣ Ашурбанипала.

30.—При Ашурбанипалѣ ассирійское искусство достигло высшаго своего совершенства въ исполненіи деталей. По части орнаментаціи ничто не сравнится съ искусствомъ этой эпохи—по богатству узоровъ, по тонкости исполненія. Объ историческихъ изваяніяхъ, изображающихъ битвы, осады, сцены изъ военной и мирной жизни, говорено выше. Но такія сцены, по общему интересу и художественной красотѣ, уступаютъ изображеніямъ охотничьихъ сценъ и разныхъ животныхъ. Что можетъ быть красивѣе, совершеннѣе по формѣ, позѣ, выраженію, этихъ собакъ, отправляющихся на охоту? Мы словно чувствуемъ, какъ онѣ порываются, натягивая свору, слышимъ ихъ могучій, нетерпѣливый лай. Ашурбанипалъ такъ любилъ своихъ собакъ, что заказывалъ статуэтки (изъ терракотты) особенныхъ своихъ любим-

Свора собакъ, идущая на охоту.

цевъ. Этихъ статуэтокъ найдено нѣсколько, съ именемъ собаки,—«Рви-врага» и т. п.—на ошейникѣ или вдоль спины. Царь любилъ всякую охоту: за дикимъ осломъ, за дикой козой, за антилопой; на всякихъ звѣрей устраивались облавы съ сѣтями, ловили ихъ въ одиночку арканомъ. Но всѣхъ болѣе царь любилъ самую опасную, истинно царственную изо всѣхъ охотъ,—

Одна изъ любимыхъ собанъ Ашурбанипала.
(Статуэтка изъ терракоты).

охоту на льва. Самъ Ашуриазирпалъ не могъ бы болѣе страстно предаваться ей, и нигдѣ его высокая, стройная фигура не выступаетъ такъ красиво, какъ на изваяніяхъ, изображающихъ его въ изящной, плотно облегающей станъ, охотничьей туникѣ, богато расшитой, съ короткими рукавами и высокимъ вырѣзомъ надъ колѣнами, чтобы предоставить полную свободу каждому движенію *). Такихъ охотничьихъ сценъ очень

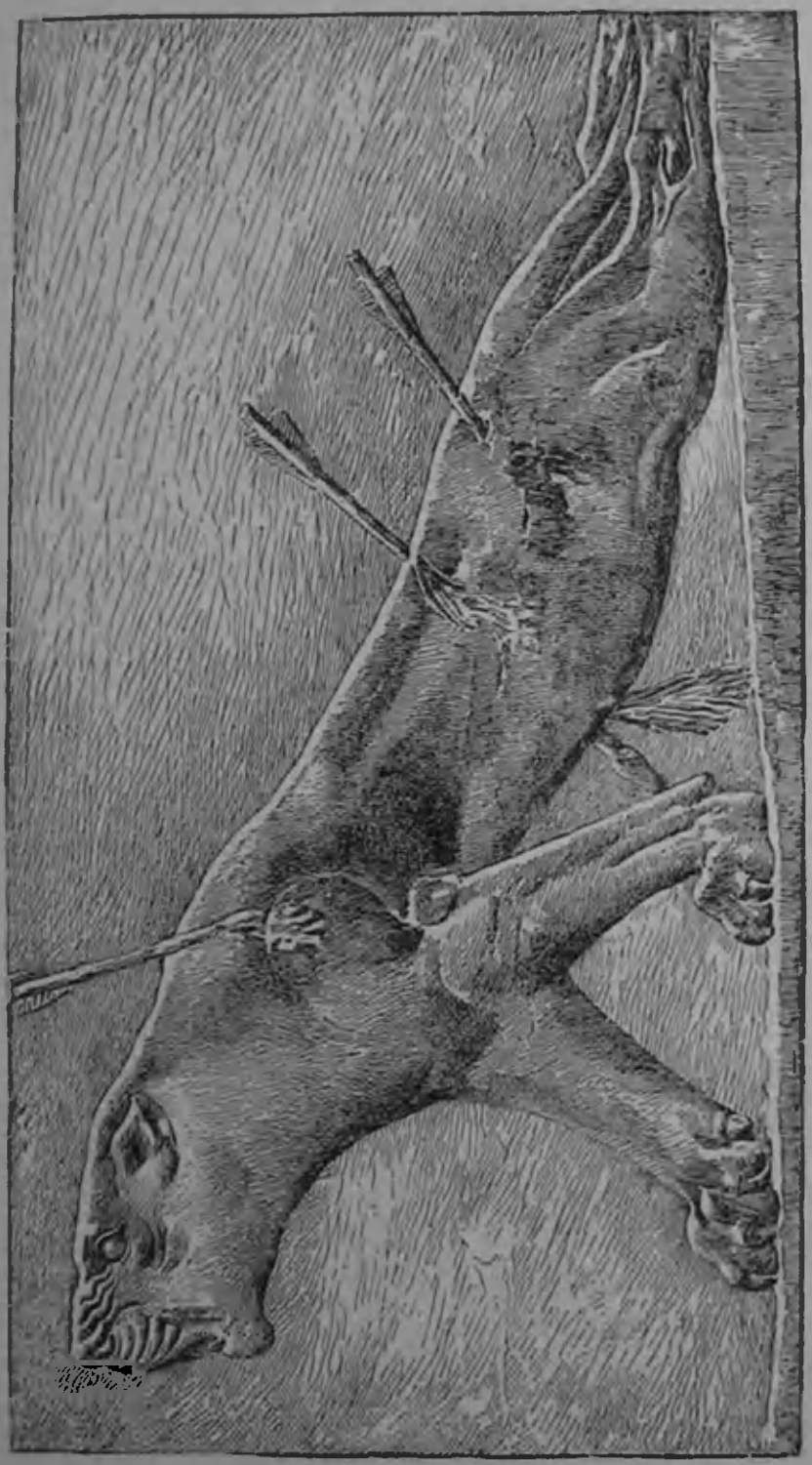
*) См. рисунокъ, помѣщенный противъ заглавной страницы.

Умирающій левъ.

много, и художники, по обыкновенію, особенно отличаются, когда изображаютъ чуднаго звѣря во всѣхъ разнообразныхъ позахъ, вызываемыхъ различными моментами охоты. Нѣкоторыя изъ произведеній ихъ по этой части признаны образцовыми, истинно классическими. Таковы левъ, въ изступленіи бѣшенства и боли кусающій колесо.

Разъяренный раненый левъ, кусающій колесо.

и въ особенности знаменитые умирающіе левъ и львица. Послѣдняя съ переломленной спиной и парализованными задними лапами, страдальчески поднимающаяся на переднихъ, испуская предсмертный ревъ гнѣва и боли,—признана образцовой художественной работой.



Умирающая львица.

Ашурбанипалъ—Сарданапалъ грековъ.

31.—Ашурбанипалъ былъ хорошо извѣстенъ грекамъ, которые передѣлали имя его на САРДАНАПАЛА. Они считали его послѣднимъ царемъ ассирійскимъ и сдѣлали изъ него какого-то изнѣженнаго, женоподобнаго тирана, проводившаго всю жизнь въ своемъ дворцѣ, среди растлѣвающей роскоши и праздности восточной гаремной жизни, пока не наступилъ послѣдній рѣшительный кризисъ, когда онъ, будто бы, наконецъ пробудился изъ своего позорнаго бездѣйствія, и, вдругъ преобразившись въ героя, цѣлыхъ два года храбро отстаивалъ престолъ свой и жизнь, но, подавленный численнымъ превосходствомъ враговъ, велѣлъ воздвигнуть громадный костеръ, на которомъ сжегъ себя со своими женами и всѣми сокровищами. Легенда эта, сообщенная по тѣмъ же источникамъ, какъ и легенда о Семирамидѣ (см. стр. 219 и слѣд.), такая же безосновательная, и далеко не всѣ греки ей вѣрили. Такъ, напримѣръ, Геродотъ имѣлъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія и говоритъ о преемникѣ Ашурбанипала.

XIII.

Паденіе Ашура.

1. — Нельзя не сожалѣть (хотя удивляться этому нечего) объ отсутствіи ассирійскихъ памятниковъ, сообщающихъ свѣдѣнія о томъ, что происходило въ краткій періодъ, послѣдовавшій немедленно за смертью Ашурбанипала, когда Ассиріи пришла пора расплатиться сполна по копившимся вѣками противъ нея кровавымъ счетамъ. Ассирійскіе лѣтописцы, какъ извѣстно, замолкали, когда не могли сказать ничего отраднаго. Притомъ, хотя конецъ пришелъ внезапно, ему предшествовали, такъ сказать, предсмертная судорога и краткій періодъ такого смятенія, при которомъ правители государства, стремившагося въ пропасть съ силой и быстротой лавины, не имѣли ни охоты, ни досуга заниматься постройками, изваяніями и сочиненіемъ надписей. Мы поэтому не имѣемъ ничего кромѣ греческихъ преданій и разсказовъ, всегда неполныхъ, рѣдко заслуживающихъ довѣрія, притомъ отрывочныхъ. При такихъ условіяхъ, почти легче было бы собрать мелко изорванное письмо изъ клочковъ,

Отсутствіе документовъ о послѣднихъ годахъ державы.

брошенныхъ въ корзину и отчасти утерянныхъ, чѣмъ возстановить эти событія въ связной формѣ и хронологическомъ порядкѣ.

Преемники Ашурбанипала.

2.—Мы даже не знаемъ навѣрное, былъ ли немедленный преемникъ Ашурбанипала послѣднимъ царемъ, или былъ послѣ него еще одинъ, а можетъ-быть и два царя. Въ одномъ углу большого нимрудскаго кургана (Калахъ) Лэнардъ раскрылъ развалины сравнительно маленькаго, плохо построеннаго, бѣдно украшеннаго зданія, на кирпичахъ котораго читаемъ имя: «Ашур-идиль-или, царь ассирійскій, сынъ Ашурбанипала, царя ассирійскаго, сына Асархаддона, царя ассирійскаго». Найдены обломки и съ другимъ еще именемъ; самый же послѣдній царь зовется у Геродота Саракомъ, что̀ легко могло быть сокращеніемъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, ассирійскаго имени, Ашур-акхи-идина, которое мы находимъ на двухъ-трехъ обломанныхъ плиткахъ съ уцѣлѣвшими отчасти надписями, очевидно относящимися къ бѣдственному времени общаго унынія и тревоги. Поэтому весьма возможно, что долгій рядъ ассирійскихъ царей окончился Асархаддономъ II-мъ.

Быстрое отпаденіе завоеванныхъ областей.

3.—Вѣрно то, что, по смерти Ашурбанипала, Ассирія устремилась въ пропасть съ головокружительной быстротой. Это началось вѣроятно еще при немъ. Одинъ греческій лѣтописецъ говоритъ, что «Сарданапалъ скончался въ преклонныхъ лѣтахъ, когда могущество Ассиріи было уже надломлено». И дѣйствительно, какъ мы видѣли выше, Египетъ, Сирія и Мидія ускользнули отъ него, пока онъ

всѣ силы свои напрягалъ противъ Элама и Вавилона. И не видно, чтобы онъ даже постарался вернуть потерянное. Долженъ же онъ былъ знать, что Псамметикъ неустанно трудится надъ тѣмъ, чтобы подчинить сирійскія государства Египту; недаромъ же онъ воевалъ въ этихъ краяхъ *двадцать девять* лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ взялъ Ашдодъ, и вѣроятно не одинъ Ашдодъ. Не такъ еще давно такой вѣсти было бы достаточно, чтобы нагрянуло ассирійское войско, но этотъ разъ ничего такого не послѣдовало. Въ Урарту, правда, уже много лѣтъ было смирно; но скиѳы и киммерійцы все еще угрожали съ сѣвера и сѣверо-запада, однако ничего не было предпринято для усмиренія ихъ, послѣ упомянутаго выше единственнаго армянскаго похода, окончившагося взятіемъ скиѳскаго князя Гога. Что касается мидянъ, ихъ не трогали съ первыхъ лѣтъ царствованія Ашурбанипала, что̀ было весьма благоразумно, такъ какъ дома было довольно самыхъ важныхъ дѣлъ. Когда же мидяне опять появляются, то они уже составляютъ не федерацію независимыхъ князей, а твердо сплоченную націю, подъ сильнымъ, централизованнымъ правленіемъ могущественнаго, всѣми признаннаго, царя.

Преданіе о мидянинѣ Дейокѣ.

4.—Какимъ образомъ и когда именно совершился этотъ переворотъ, нѣтъ возможности опредѣлить, такъ какъ не имѣется относящихся къ тому памятниковъ,—ничего, кромѣ народныхъ преданій, да и тѣ дошли до насъ черезъ грековъ. Геродотъ разсказываетъ, что основателемъ новаго мидійскаго царства былъ нѣкто Дейокъ, простой

городской старшина, настолько прославившійся умомъ своимъ, честностью и справедливостью, что не только его сограждане, но люди изъ другихъ городовъ и племенъ приходили къ нему, когда у нихъ возникали ссоры, и отдавали споръ на его судъ вмѣсто того, чтобы рѣшать его оружіемъ. Онъ такъ ловко сумѣлъ воспользоваться своимъ вліяніемъ,—разсказываетъ далѣе Геродотъ,—что, когда, заручившись небольшимъ числомъ преданныхъ приверженцевъ, онъ захотѣлъ провозгласить себя царемъ надъ всѣми мидійскими племенами и городами, онъ не встрѣтилъ сопротивленія. Онъ построилъ себѣ столицу,—городъ Хагматана (Агбатана или Экбатана), въ области Эллипъ (той самой, которую опустошилъ Сеннахерибъ), и учредилъ тамъ вполнѣ организованное центральное правленіе. По смерти его, сынъ его Фраортъ послѣдовалъ за нимъ и былъ провозглашенъ царемъ безо всякихъ затрудненій.

Правдоподобное объясненіе преданія.

5.—Имя «Дейокъ» необыкновенно вѣрно передаетъ имя Данаукку, которое встрѣчается на нѣсколькихъ ассирійскихъ памятникахъ. Такъ, Саргонъ, описывая свой походъ противъ Урзы, царя Ванскаго (715 г. до Р. Хр.), упоминаетъ о томъ, что онъ взялъ въ плѣнъ и увезъ въ Ниневію нѣкоего Дайаукку съ сыномъ. Два года спустя онъ идетъ въ область, которую называетъ Бит-Дайаукку, и которая, повидимому, граничитъ съ Эллипомъ къ сѣверу или сѣверо-западу. Если мы вспомнимъ объ именахъ «Бит-Омри», «Бит-Якинъ», то придемъ къ заключенію, что

это было княжество, основанное человѣкомъ по имени Дайаукку. Княжество это, очевидно, было не изъ маловажныхъ, если Саргонъ находитъ не лишнимъ назвать его по имени и даже опредѣлить его положеніе относительно Эллипа, вмѣсто того, чтобы включить правителя его въ число «сорока пяти городскихъ старшинъ», въ томъ году покорившихся ему. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что какой-нибудь членъ этого рода, носивший имя родоначальника, впервые собралъ разбросанныя племена въ одну націю. Весьма возможно, что онъ построилъ себѣ столицу въ Эллипѣ, плѣнившись красотой и плодородностью этой области, послѣ того какъ Сеннахерибъ опустошилъ ее и истребилъ весь княжескій родъ. Да и построилъ ли онъ новую столицу? Доказательствъ этого нѣтъ никакихъ; гораздо вѣроятнѣе, что онъ перестроилъ и расширилъ прежнюю столицу Эллипа. Откуда взялось имя «Хагмагана»—неизвѣстно.

Нашествіе мидянъ на Ассирію при Фраортѣ.

6.—Мидяне цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ наслаждались сравнительнымъ спокойствіемъ и, подъ конецъ, даже вовсе не подвергались нападеніямъ. Этого времени вполнѣ достаточно было, чтобы совершить описанный выше переворотъ, такъ какъ народъ очевидно уже созрѣлъ для него, вождь же попался умный и вполнѣ на это дѣло способный. Когда послѣ него на престолъ сѣлъ его сынъ, первый наслѣдственный царь мидійскій, юной націи хотѣлось испробовать свои силы, а противъ кого охотнѣе могла она направить свое оружіе, какъ не противъ Ассиріи, своего иско-

чалъ осаду города, какъ вдругъ громадная орда скиѳовъ, подъ предводительствомъ царя своего Мадія, сына Прототія, ворвалась въ Азію въ погоню за киммерійцами, которыхъ они передъ тѣмъ выгнали изъ Европы, и вступили въ мидійскія земли».

Нашествіе скиѳовъ.

8.—Такъ повѣствуетъ Геродотъ. Мы уже видѣли, что приведенный имъ поводъ къ великому нашествію скиѳовъ не выдерживаетъ критики, да и опоздалъ на добрыхъ сто лѣтъ, такъ какъ не менѣе того времени прошло съ тѣхъ поръ какъ скиѳы впервые явились на южномъ берегу Чернаго моря. Но самое нашествіе — фактъ неоспоримый. Варвары, такъ кстати явившіеся, чтобы доставить отсрочку ассирійской столицѣ, неожиданно заставивъ Кіаксара поспѣшить на защиту собственнаго царства, были упомянутый уже народъ Магогъ (см. стр. 427), и многіе ученые полагаютъ, что названный Геродотомъ Мадій былъ внукомъ Гога (по-ассирійски—Гаги), такъ какъ имя отца его, Прототія, необыкновенно похоже на имя одного изъ сыновей Гога, которыхъ Ашурбанипалъ взялъ въ плѣнъ; сына этого онъ называетъ Партія. Эти скиѳы были ловкіе всадники и искусные стрѣлки, питались кониной и пили кобылье молоко. Воевали они на манеръ киммерійцевъ, — набѣгами и грабежомъ. Неизвѣстно, что побудило ихъ двинуться со своихъ пастбищъ у подножія Кавказа, вдоль рѣки Кура; вѣроятнѣе всего—общее смятеніе, въ которое впалъ весь край Напри, вслѣдствіе освобожденія отъ тяжелаго гнета вѣчно присущаго

страха вторженія со стороны ассиріицевъ. Предоставленные самимъ себѣ, маленькіе горные народы очутились независимыми, но зато и беззащитными, и должны были казаться легкой добычей хищнической конницѣ.

Нашествіе скиѳовъ на Сирію.

9.—Мидія была далеко не единственной жертвой нашествія скиѳовъ. Они пронеслись по всей почти Малой Азіи, сдвинули съ мѣстъ нѣсколько народовъ, увлекая ихъ съ собою, какъ разсвирѣпѣвшій горный потокъ уноситъ оторванныя имъ съ корнемъ деревья и сломанные имъ мосты. Киммеріицевъ, которые все еще бродили по тѣмъ же землямъ, разсѣянными и малочисленными уже партіями, они поглотили безъ труда, и вся орда повалила къ югу. Варвары наводнили Сирію и Палестину прежде чѣмъ многострадальное населеніе узнало о ихъ близости, и, если вѣрить преданію, записанному Геродотомъ, прошли бы прямо въ Египетъ, да Псамметикъ догадался пойти къ нимъ навстрѣчу съ богатыми дарами и упросилъ ихъ не идти далѣе. Они повернули назадъ; но, проходя мимо города Аскалона, одинъ летучій отрядъ ихъ свернулъ туда, чтобы разграбить знаменитый храмъ, посвященный богинѣ Атаргатѣ или Деркето.

Описаніе скиѳовъ у пророка Іереміи.

10.—Такъ-то излилъ содержаніе свое «кипящій котелъ», который пророкъ Іеремія, въ это самое время жившій въ Іудеѣ, видѣлъ «со стороны сѣвера». Нѣсколько главъ его книги (IV, V, VI) посвящены нашествію скиѳовъ, и онъ неоднократно указываетъ на то, что оно—«съ сѣвера»:

«Бѣгите, не останавливайтесь, ибо я приведу отъ сѣвера

бѣдствіе и великую гибель. Выходитъ левъ изъ своей чащи и выступаетъ истребитель народовъ...» (IV, 6, 7). «Вотъ, поднимается онъ, подобно облакамъ, и колесницы его—какъ вихрь, кони его быстрѣе орловъ. Горе намъ, ибо мы будемъ разорены» (IV, 13)... «Я приведу народъ сильный, народъ древній, народъ, котораго языка ты не знаешь, и не будешь понимать, что онъ говоритъ. Колчанъ его — какъ открытый гробъ; всѣ они—люди храбрые». (V, 15, 16)... «Вотъ, идетъ народъ отъ страны сѣверной, и народъ великій поднимается отъ краевъ земли; держатъ въ рукахъ лукъ и копье; они жестоки и немилосердны; голосъ ихъ шумитъ, какъ море, и несутся на коняхъ». (VI, 22, 23).

Пророкъ Іезекіиль о скиѳахъ же.

11.—Іезекіиль еще подробнѣе описываетъ варваровъ. Онъ писалъ много лѣтъ позднѣе, когда плѣнъ, предсказанный Іереміей, уже состоялся. Но память объ этомъ бичѣ такъ еще жива у него,—а онъ, можетъ-быть, въ ранней молодости, былъ очевидцемъ скиѳскаго нашествія,—что въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ своихъ видѣній, въ которомъ онъ, въ формѣ пророчества, описываетъ ярость всѣхъ народовъ, напущенныхъ Господомъ на свой народъ, но въ концѣ концовъ обузданныхъ Имъ, онъ приводитъ самыя поразительныя черты этого нашествія. Варварскія орды онъ изображаетъ подъ именемъ «Гога въ землѣ Магогъ», съ нимъ же, по словамъ пророка, «Гомеръ со всѣми отрядами его, домъ Ѳогарма отъ предѣловъ сѣвера, со всѣми отрядами его, многіе народы съ нимъ».

«И поднимешься, какъ буря, пойдешь, какъ туча, чтобы покрыть землю,—ты и всѣ полчища твои и много народовъ съ тобою... и ты задумаешь злое предпріятіе, и скажешь: поднимусь я на землю неогражденную, пойду на беззаботныхъ, живущихъ безпечно,—чтобы произвести грабежъ и набрать добычи, наложить руку на вновь заселенныя разва-

дпны и па народъ, собранный пзъ народовъ, занимающійся хозяйствомъ и торговлею, живущій на вершинѣ земли... И пойдешь съ мѣста твоего, отъ предѣловъ сѣвера,—ты и многіе народы съ тобою, всѣ сидящіе на коняхъ, сборище великое и воиско многочисленное... И выведу тебя отъ краевъ сѣвера и приведу тебя на горы израилевы. И выбью лукъ твой изъ лѣвой руки твоей и выброшу стрѣлы твои изъ правой руки твоей... И будетъ въ тотъ день: дамъ Гогу мѣсто для могилы въ Израилѣ...» (Кн. Прор. Іезекиля, гл. XXXVIII и XXXIX).

Опустошеніе Ассиріи скивами.

12.—Неизвѣстно, какимъ образомъ Палестина и Сирія избавились отъ ужасныхъ посѣтителей. Послѣдніе нѣсколько лѣтъ властвовали надъ Западной Азіей; Геродотъ говоритъ: двадцать восемь лѣтъ, но эту цифру считаютъ преувеличенною. «Во все это время»,—пишетъ тотъ же историкъ:—«ихъ необузданное своеволіе безпощадно разоряло край, такъ какъ, помимо положенной дани, они безпрестанно требовали экстренныхъ пожертвованій, назначая суммы по своему усмотрѣнію, да, кромѣ того, разъѣзжали по всей странѣ и грабили, гдѣ только могли». Трудно повѣрить, чтобы Ассирія, со всѣми богатствами, накопленными ею за столько вѣковъ постоянной войны и грабежа, была пощажена скиѳами. Историки полагаютъ, что она не только подверглась нашествію варваровъ, но что именно этотъ ударъ потрясъ до самыхъ основъ безъ того уже расшатанную державу, непрочную по самому своему построенію, и лишилъ ее силы сопротивленія, когда настало время послѣдняго, окончательнаго погрома. Джорджъ Раулинсонъ и Франсуа Ленорманъ того мнѣнія, что ужасное состояніе, въ

которомъ находились дворцы, откопанные Лэйардомъ и Боттой и носившіе слѣды жестокихъ пожаровъ, свидѣтельствуетъ именно о присутствіи скиѳовъ, разорившихъ Ниневію дотла. Это мнѣніе въ значительной мѣрѣ подтверждается почти полнымъ отсутствіемъ цѣнныхъ вещей въ развалинахъ, но еще болѣе — убогостью и невзрачностью небольшого жилища, — (дворцомъ такое строеніе назвать нельзя!),—которое преемникъ Ашурбанипала, Ашур-идиль-или, поставилъ для себя въ Калахѣ, на юго-восточномъ углу большой террасы. «Эта невзрачность и грубость работы»,—замѣчаетъ Ленорманъ: — «свидѣтельствуютъ о поспѣшности, съ которой понадобилось построить хоть какое ни на есть жилье для царя тотчасъ послѣ какого-нибудь страшнаго разгрома... Сравненіе голыхъ стѣнъ этого смиреннаго зданія съ великолѣпными изваяніями, которыми полонъ дворецъ, построенный отцомъ Ашур-идиль-или въ Ниневіи, краснорѣчивѣе всякихъ словъ изображаетъ переворотъ, происшедшій въ ассирійской державѣ».

Кіаксаръ избавляетъ Мидію отъ скиѳовъ.

13.—Пророкъ Софоніи, можетъ-быть, ожидалъ окончательной гибели Ассиріи отъ скиѳовъ, когда писалъ свое грозное предреканіе (см. стр. 446 прим.). Но ей была дана отсрочка еще на нѣсколько лѣтъ. Кіаксару не удалось силой прогнать варваровъ, засѣвшихъ у него въ Мидіи, и онъ прибѣгъ къ хитрости. Преданіе гласитъ, что онъ и его приближенные пригласили Мадія и большинство скиѳовъ на большой пиръ, напоили ихъ пьяными, да тутъ же и перерѣзали.

Весьма возможно, что случилось нѣчто въ этомъ родѣ, но, во всякомъ случаѣ, такого средства нельзя было примѣнить въ большомъ размѣрѣ. Вѣроятнѣе всего, что Кіаксаръ, кромѣ того, какъ-нибудь ухитрился посѣять между варварами раздоръ и перессорить ихъ, причемъ онъ сумѣлъ привязать часть ихъ къ себѣ, такъ какъ у него немного позднѣе оказывается отрядъ тѣлохранителей - скиѳовъ, которые обучали знатныхъ мидійскихъ юношей стрѣльбѣ изъ лука и охотѣ. Понятно, что такое отпаденіе, тотчасъ послѣ избіенія ихъ военачальниковъ (ибо ловушка въ видѣ пира была возможна *только* для начальниковъ), должно было настолько ослабить скиѳовъ, что большинству ихъ оставалось только уйти. Какъ бы тамъ ни было, но они исчезаютъ, и, по любимому ассирійскому выраженію,—«слѣда ихъ не видно».

Кіаксаръ заключаетъ союзъ съ Набополассаромъ, царемъ вавилонскимъ.

14.—И вотъ, наконецъ, Кіаксаръ могъ снова обратить мысли свои и силы къ отложенному надолго, но никогда не забытому дѣлу. Царствовавшій въ то время въ Ассиріи царь, — тотъ самый, котораго Берозъ и греческіе историки называютъ Саракомъ,—самъ, своей неосмотрительностью, указалъ врагу первый шагъ, назначивъ намѣстникомъ вавилонскимъ нѣкоего халдейца, по имени Набу-пал-уззуръ (извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ Набополассара), который тотчасъ же вступилъ въ союзъ съ мидійскимъ царемъ. Они сговорились соединенными силами низвергнуть расшатанную державу и раздѣлить между собою земли, доселѣ подвластныя ей. На-

бополассаръ, конечно, долженъ былъ быть царемъ вавилонскимъ. Для скрѣпленія своей дружбы, союзники рѣшили устроить бракъ между дочерью Кіаксара, Амитой (вѣрнѣе: Амуйя), и сыномъ Набополассара, Навуходоносоромъ (по-настоящему: Набу-худур-уззуръ). Этотъ трактатъ можно, стало-быть, назвать фамильнымъ договоромъ.

Осада и паденіе Ниневіи.

15.—Въ 608 г. до Р. Х. соединенныя силы Мидіи и Вавилона приступили къ осадѣ Ниневіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что каждый изъ союзниковъ привелъ съ собою контингенты всѣхъ народовъ и племенъ, подвластныхъ тому и другому. Уныніе овладѣло гордой столицей. По царскому приказу, въ храмахъ возносились всенародныя моленія, распѣвались покаянные псалмы, горожанамъ и войскамъ былъ объявленъ стодневный строгій постъ. Не были забыты и дѣятельныя мѣры. У могучаго города хватило силы еще на два года. Но тутъ уже пришелъ ему и всей державѣ конецъ. Общепринятое преданіе гласитъ, что Саракъ, когда непріятель подошелъ совсѣмъ близко, поджегъ дворецъ и погибъ въ пожарѣ. Въ этомъ преданіи нѣтъ ничего неправдоподобнаго, но не имѣется ему и доказательствъ: не сохранилось никакихъ подробностей о страшной катастрофѣ. Есть и еще преданіе: Тигръ въ этомъ году разлился и пробилъ городскую стѣну, открывая широкую брешь осаждающимъ. Достовѣрно же извѣстно лишь то, что Ниневія погибла, а вмѣстѣ съ ней погибла и ассирійская держава.

Предреканіе пророка Наума.

16.—Конецъ этотъ наступилъ отнюдь не такъ внезапно, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Современники, повидимому, давно ожидали его. Такъ, іудейскій пророкъ, писавшій въ эпоху возстанія Шаман-Шумукина, за цѣлыхъ полстолѣтія воспѣлъ это событіе, и пѣснь его, гнѣвная и грозная, съ истинно-пророческимъ ясновидѣніемъ, описываетъ его во всей подробности, съ такой мощною картинностью, что, читая, невольно содрогаешься; характеристичныя же черты ассирійской націи выведены съ неподражаемымъ мастерствомъ. Такъ какъ вся эта пѣснь—одна изъ классическихъ въ древне-еврейской поэзіи, то мы здѣсь приведемъ главныя мѣста изъ нея. Пророкъ радуется неминуемой гибели Ассиріи, ожидая отъ нея избавленія своему народу:

«О тебѣ, Ашуръ, Господь опредѣлилъ: не будетъ болѣе сѣмени съ твоимъ именемъ; изъ дома бога твоего истреблю истуканы и кумиры... Вотъ, на горахъ стопы благовѣстника, возвѣщающаго миръ; празднуй, Іудея, праздники твои, ибо не будетъ проходить по тебѣ нечестивый: онъ совсѣмъ уничтоженъ... По улицамъ несутся колесницы, гремятъ на площадяхъ; блескъ отъ нихъ, какъ отъ огня; сверкаютъ, какъ молнія... Рѣчныя ворота отворяются, и дворецъ разрушается... Расхищайте серебро, расхищайте золото! нѣтъ конца запасамъ всякой драгоцѣнной утвари. Разграблена, опустошена и разорена она (Ниневія)... Гдѣ теперь логовище львовъ и то пастбище для львятъ, по которому ходили левъ, львица и львенокъ, и никто не пугалъ ихъ? Левъ, похищающій для насыщенія щенковъ своихъ и задушающій для львицъ своихъ, и наполняющій добычею пещеры свои и логовища свои... Горе городу кровей! весь онъ полонъ обмана и убійства; не прекращается въ немъ грабительство. Слышны хлопанье бича и стукъ крутящихся колесъ, ржаніе коня и грохотъ скачущей колесницы. Несется конница, сверкаетъ

мечъ и блестятъ копья; убитыхъ множество и груды труповъ; нѣтъ конца трупамъ; спотыкаются о трупы ихъ... И будетъ то, что всякій, увидѣвъ тебя, побѣжитъ отъ тебя и скажетъ: «разорена Ниневія! Кто пожалѣетъ о ней? гдѣ найду я утѣшителей для тебя?» Развѣ ты лучше Но-Аммона?.. *). Вотъ, народъ твой — какъ женщины у тебя: врагамъ твоимъ настежь отворятся ворота земли твоей; огонь пожретъ запоры твои... Спятъ пастыри твои, царь ассирійскій, покоятся вельможи твои; народъ твой разсѣялся по горамъ и некому собрать его. Нѣтъ врачества для раны твоей, болѣзненна язва твоя. Всѣ услышавшіе вѣсть о тебѣ будутъ рукоплескать о тебѣ, ибо на кого не простиралась безпрестанно злоба твоя?»

Но самой великолѣпной пѣснью на паденіе Ассиріи мы обязаны пророку Іезекіилю; онъ вставилъ ее въ свое пространное пророчество о Египтѣ, противъ котораго Навуходоносоръ въ то время успѣшно велъ войну. Какъ Наумъ говоритъ Ашуру: «Чѣмъ ты лучше Но-Аммона?..»— такъ Іезекіиль въ сущности говоритъ Египту: «Почему тебѣ не пасть? чѣмъ ты лучше Ашура?» Онъ писалъ сорокъ лѣтъ спустя послѣ паденія Ассиріи; гнѣвъ и горечь злорадства уже уступили мѣсто глубокой скорби, и вся пѣснь является поэтическимъ перломъ несравненной красоты даже въ простомъ прозаическомъ переводѣ; она вся дышитъ кроткой созерцательностью и какъ бы грустью о томъ, что такому величію суждено было погибнуть отъ собственныхъ беззаконій.

«...Было ко мнѣ слово Господне: «Сынъ человѣческій, скажи фараону, царю египетскому, и народу его: кому ты равняешь себя въ величіи своемъ? Вотъ, Ассуръ былъ кедръ

*) Одно изъ именъ египетской столицы Ѳивъ, недавно разоренной.

на Ливанѣ съ красивыми вѣтвями и тѣнистою листвою и высокій ростомъ; вершина его находилась среди толстыхъ сучьевъ. Воды ростили его, бездна поднимала его... Высота его перевысила всѣ дерева полевыя, и сучьевъ на немъ было много, и вѣтви его умножались... На сучьяхъ его вили гнѣзда всякія птицы небесныя, подъ вѣтвями его выводили дѣтей всякіе звѣри полевые, и подъ тѣнью его жили всякіе многочисленные народы, — онъ красовался высотою роста своего... Кедры въ саду Божіемъ не затемняли его; кипарисы не равнялись сучьямъ его, и каштаны не были величиною съ вѣтви его; ни одно дерево въ саду Божіемъ не равнялось съ нимъ красотою своею. Я украсилъ его множествомъ вѣтвей его, такъ что всѣ дерева эдемскія завидовали ему...

«...За беззаконіе его я отвергъ его. И срубили его чужеземцы, лютѣйшіе изъ народовъ; и на всѣ долины упали вѣтви его; и сучья его сокрушились на всѣхъ лощинахъ земли, и изъ-подъ тѣни его ушли всѣ народы земли и оставили его. На обломкахъ его помѣстились всякія птицы небесныя, и въ сучьяхъ были всякіе полевые звѣри... Въ тотъ день, когда онъ сошелъ въ могилу, Я сдѣлалъ сѣтованіе о немъ, затворилъ ради его бездну и остановилъ рѣки ея, и задержалъ большія воды, и омрачилъ по немъ Ливанъ, и всѣ дерева полевыя были въ унынии по немъ. Шумомъ паденія его Я привелъ въ трепетъ народы, когда низвелъ его въ преисподнюю, къ отошедшимъ въ могилу...» (Книга пророка Іезекіиля, XXXI).

Причины, ускорившія паденіе Ашура.

18.—Странною должна казаться, даже въ виду того, что паденіе Ассиріи задолго предвидѣлось и подготовлялось, ошеломляющая быстрота, съ которою оно подъ конецъ совершилось. На самомъ же дѣлѣ, объясненіе самое простое. Въ Ассиріи, именно подъ конецъ, настоящихъ, коренныхъ ассиріицевъ оставалось очень немного, кромѣ войска, должностныхъ лицъ, да лицъ, приближенныхъ къ царской особѣ. И это—не только

потому, что страна «медленно истекала кровью отъ собственныхъ побѣдъ», а главнымъ образомъ потому, что ассиріцы массами переселялись во всѣ концы державы, во всѣ полу-покоренныя и неблагонадежныя области, гдѣ, въ критическія минуты, они не могли приносить пользы безъ поддержки изъ родины и неминуемо должны были либо погибнуть, либо слиться съ мѣстнымъ населеніемъ. Съ другой стороны, въ Ассиріи насильно массами водворялись иноплеменные чужеземцы, которые должны были сдѣлаться подрывающимъ элементомъ, очагомъ недовольства, ненависти и, при случаѣ, подпольной измѣны. Изъ собственныхъ словъ Саргона извѣстно, какими способами ассиріискіе цари населяли новопостроенные города, участь же его достаточно показываетъ результаты подобнаго метода; между тѣмъ еще Ашурбанипалъ, даже послѣ послѣднихъ ожесточенныхъ войнъ съ Эламомъ, переселялъ въ Ассирію тысячи эламитскихъ семействъ. Понятно, что, когда начались нашествія, нигдѣ не оказалось обороны; развѣ только въ обведенныхъ стѣнами и укрѣпленныхъ городахъ, да и тамъ навѣрно измѣна не дремала

Удивляться ли, послѣ этого, что «ворота земли широко растворились передъ непріятелемъ, и огонь уничтожилъ запоры?»

Итакъ, Ашуръ палъ, — палъ отъ собственнаго беззаконія и безразсудства. Паденіе было страшное, безвозвратное.

КОНЕЦЪ.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Аввакумъ, пророкъ, о халдейцахъ, 193.
Агбатана, см. Экбатана.
Адонисъ-Ѳаммузъ, халдейскій Думузи; миоъ о немъ и его праздникъ, 158—160.
Азаилъ, царь дамасскій; узурпаторъ, убійца Венадада II, 203; разбитъ Салманассаромъ II, 204; получаетъ выкупъ за Іерусалимъ, 253.
Азарія, тоже Озія, царь іудейскій, 255.
Аккаронъ (Экронъ), городъ филистимлянъ, 168.
Акръ, нынѣ Акко, финикійскій городъ, 88.
Алароды или «Прото-армяне», населеніе царства Урарту и отчасти земель Напри, 228.
Алтаку (Элтекэ): битва при—между египтянами и ассиріянами, 346—347.
Амалекитяне; истребляются іудеями по приказу пророка Самуила, 13.
Амврій, царь израильскій, узурпаторъ, строитъ себѣ столицу, Самарію, 202.
Амита (Амуйя), дочь Кіаксара, сочетается бракомъ съ Навуходоносоромъ, сыномъ Набополассара, 475.
Анакимы, до-ханаанейскій народъ въ Палестинѣ, 83.
Ану, богъ, въ Ассиріи, 23, 25.
Арадосъ, см. Арвадъ.

Аракст, рѣка, нынѣ Арасъ, 127.
Арамейцы, 63—65; 166.
Араратъ, гора, 226.
Арасъ, см. Аракст.
Арахту, каналъ, 352.
Арбела (Арба-Илу), 7; городъ богини Иштаръ, 23.
Арвадъ (Арадосъ), одинъ изъ финикійскихъ городовъ, 69; усмиренъ Ашурбанипаломъ, 421.
Ардисъ, сынъ Гига, царь лидійскій, покоряется Ашурбанипалу, 425.
Арійская раса, 390.
Арійскія переселенія въ Россію и черезъ Россію, 398—400.
Ариана; въ древности—Арійскія земли Средней Азіи, 392.
Армянія, у ассирійцевъ «Земли Наири» и Урарту, 226 и сл.
Арпадъ, сирійское княжество, 250.
Асархаддонъ (Ашуръ-акхи-иддинъ), сынъ Сеннахериба, царь ассирійскій, 370—387; разбиваетъ братьевъ-отцеубійцъ, 371—373; усмиряетъ Халдею, 373—374; его любовь къ Вавилону, 374—376; его походы противъ мидянъ и киммерійцевъ, 376—377; въ Аравію, 377—378; усмиряетъ Сидонъ, 378—379; Тиръ, 383; его походъ въ Египетъ, 383—386; его отреченіе отъ престола и смерть; 386—387; его дворецъ въ Ниневіи, 379—380.
Аскалонъ, городъ филистимлянъ; его богиня, Деркето, 126; и богъ. Дагонъ, 130; 168.
Ассирія, начало ея, 6; ея размѣры, 7; ея религія, 8—25; ея отношенія къ Вавилону, 25 и сл.; ея первое столкновеніе съ Египтомъ, 34; въ затменіи послѣ Тиглат-Фелассара I, 72 и сл.; ея возрожденіе, 163 и сл.
Астарта, см. Ашторетъ.
Атаргата, или Деркето, богиня хананеевъ, филистимлянъ, 43, 168; и хетовъ, 407.
Аттисъ, лидійскій богъ-Солнце и легенда о немъ, 410.
Атурія, имя Ассиріи въ древности, 7.
Афганистанъ, арійская область Средней Азіи, 393.
Ахавъ, царь израильскій, вступаетъ въ коалицію противъ Салманассара II, 198; убитъ въ сраженіи, 202.

Ахазъ, царь іудейскій, тѣснимый царями израильскимъ и сирійскимъ, проситъ помощи у царя ассирійскаго, 254—256; ѣдетъ въ Дамаскъ, поклониться Тиглат-Феласcару II, 261—263.

Ашдодъ, городъ филистимлянъ, 168; возстаетъ противъ Ассиріи и покоренъ, 294—295.

Ашера, значеніе этой эмблемы въ хананейскихъ религіяхъ, 127—130.

Ашторетъ, у грековъ Астарта, богиня природы, любви, и—луна у хананейскихъ народовъ, 122, 125 и сл.

Ашур-акхи-иддинъ, см. Асархаддонъ.

Ашурбанипалъ (Ашур-бани-хабалъ), (у грековъ Сарданапалъ), сынъ Асархаддона, царь ассирійскій, 414—462; его первая кампанія—въ Египетъ, 416—421; усмиряетъ Тиръ и Арвадъ, 421; его сношенія съ Гигомъ, царемъ лидійскимъ, 421—428; его первая война съ Эламомъ, 428—430; его вторая война съ Эламомъ, 430—436; усмиряетъ возстаніе Шамаш-Шумукина, 436—438, 440 и сл.; его третья и послѣдняя война съ Эламомъ, 444—446; его кампанія въ Аравію, 451—452; его триумфальный въѣздъ на колесницѣ, запряженной плѣнными царями, 452—454; его дворецъ въ Ниневіи, 454—462.

Ашур-бани-хабалъ, см. Ашурбанипалъ.

Ашур-вал-нишш-шу, царь ассирійскій, его договоръ съ царемъ вавилонскимъ, Кара-индашемъ, 26.

Ашур-идиль-пал, сынъ Ашурбанипала, царь ассирійскій, 464.

Ашур-надин-сумъ, старшій сынъ Сеннахериба; посаженъ отцомъ на вавилонскій престолъ, 350.

Ашурназирпалъ, царь ассирійскій; его походъ въ земли Напри и звѣрскія жестокости, 177—182; въ Сирію, 182; перестраиваетъ и украшаетъ Калахъ, 182—186; его страсть къ охотѣ, 186—190; его столкновенія съ халдейцами, 190—192.

Ашур-Убаллитъ, царь ассирійскій; его вмѣшательство въ дѣла Вавилона, 27; 43.

Ашуръ (Калехъ-Шергатъ), первая столица Ассиріи, 6; имя, которымъ называли себя ассирійцы, 8; верховный богъ ассирійцевъ, 8—21.

Б.

Баалатъ, по-гречески Бэльтисъ, ханаанская богиня; миѳъ о ней и Адонисъ-Ѳаммузѣ, 159.
Баалъ (въ Библіи Ваалъ) «Господинъ», названіе божества вообще у ханаанскихъ народовъ, 122; благой и злой, 226—227.
Баалъ-Зебубъ (въ Библіи Веельзевулъ), богъ филистимлянъ, 168.
Баалъ-Мелькартъ, см. Мелькартъ.
Баб-эль-Мандебъ, проливъ, 79.
Бавіанъ; скала съ надписью Сеннахериба, 358.
Багистанъ, древній мидійскій городъ, 221.
Базу, неизвѣстная область Аравіи, 377.
Бактрія, арійская земля Средней Азіи, 392.
Балаватскія ворота, 213—216.
Бахрейнскіе острова, 77
Бейрутъ, см. Беритъ.
Белибни, намѣстникъ, посланный Ашурбаниналомъ въ Бит-Якинъ, 450.
Белибушъ, посаженъ Сеннахерибомъ на вавилонскій престолъ, 334.
Беритъ, нынѣ Бейрутъ, финикійскій городъ, 88.
Бикни, неизвѣстныя горы въ Мидіи, 250; 376.
Бит-Хумри, имя, которымъ ассирійцы называли израильское царство, 202.
Бит-Якинъ, халдейское княжество, 191; 264; разорено Сеннахерибомъ, 352.
Богазъ-Кеви, въ Каппадокіи; хеттейскія развалины и скалы съ изваяніями, 407.
Бурнабуріашъ, царь вавилонскій, его женитьба. 27.
Бэлъ-Мардукъ, см. Мардукъ.
Бэльтисъ, см. Баалатъ.

Вавилонъ; метрополія Ассиріи; ихъ взаимныя отношенія, 22, 25 и сл.; 70; 192—193; радостно принимаетъ Сар-

гона, 303; взятъ и разоренъ Сеннахерибомъ, 359—360; возстановленъ Асархаддономъ, 374—376.
Вайтэхъ, аравійскій шейхъ, увезенъ въ Ниневію, 452; запряженъ въ тріумфальную колесницу Ашурбанипала, 452.
Ванъ, озеро, 47; царство и городъ, 226 и сл.
Васъ, неизвѣстная область Аравіи, 451.
Вельзевулъ, см. Баалъ-Зебубъ.
Венададъ II (Дадидри), царь дамасскій, сынъ Азаила, вступаетъ въ коалицію противъ Салманассара II, 198; Салманассара III. 252.
Вивлосъ, см. Джебалъ.
Волга, рѣка, въ древности Ра, 401.

Г.

Гаги, см. Гогъ.
Гадесъ, нынѣ Кадиксъ, финикійская морская станція. 77; 102.
Газа, городъ филистимлянъ, 168.
Гамадакъ, см. Экбатана.
Гатъ, городъ филистимлянъ. 168.
Гигъ, царь лидійскій; проситъ помощи у Ашурбаниипала, 421—423; его отпаденіе и погибель, 423—425.
Гиксы въ Египтѣ, 30.
Гимирраи, см. Киммерійцы.
Гогъ (по-ассирійски Гаги), князь земли Магогъ, скиѳъ, 428.
Гомеръ, см. Киммерійцы.

Д.

Давидъ, царь іудейскій, 170 и сл.
Дагонъ, богъ хананеевъ и филистимлянъ. 168.
Дадидри, см. Венададъ.
Дайаукку, неизвѣстный князь, взятый въ плѣнъ Саргономъ, 466.
Далта, князь эламскій, другъ Ассиріи, 294; его сыновья по его смерти спорятъ о престолѣ, 307.
Дамаскъ, столица арамейцевъ, 63; 166; взятъ царемъ ассирійскимъ, Раммап-Нирари III, 218; взятъ Тиглат-Феласаромъ II, 259 и сл.
Дейокъ, основатель мидійскаго царства, 465—467.

Деркето или Атаргата, ханаанская богиня, 126.
Джевалъ, нынѣ Джебель, у грековъ Библосъ, финикійскій городъ, 88.
Дильмунъ, островъ въ Персидскомъ заливѣ, добровольно покоряется Саргону, 306.
Днѣстръ, рѣка, въ древности Тирасъ, 402.
Донъ, рѣка, въ древности Танаисъ, 401.
До-ханаанейскіе народы Сиріи и Палестины, 82 и сл.
Дунай, рѣка, въ древности Истеръ, 402.
Дур-Шаррукинъ (нынѣ Хорсабадъ), 7; городъ и дворецъ построены Саргономъ, царемъ ассирійскимъ, 307 и сл.; великолѣпіе дворца, 316—326.
Дур-Якинъ, столица княжества Бит-Якинъ, взята и разорена Саргономъ, 303—304.

Е.

Евлай, см. Улаи.
Египетъ; общій обзоръ его исторіи до Тотмеса III, 28—34; возрожденіе его при эѳіопской династіи, 268 и сл.; его сношенія съ сирійскими государями, 271; 281—282; покоренъ Асархаддономъ, 383—385.
Езекія, царь іудейскій, слѣдуетъ совѣтамъ пророка Исаіи, 282; его неосторожная откровенность съ послами Мередахъ-Баладана, 298—301; покоряется Сеннахерибу, 341; готовится къ оборонѣ, 346.

Ж.

Жертвы; значеніе ихъ въ древнихъ религіяхъ. 132—136; разные виды ихъ, 136—139; человѣческія, 139—157.

З.

Заггосъ (Загронъ), горы; по всей книгѣ.
Заклятія (херемъ) у іудеевъ, 155—157.
Зумзимы и Замзуммимы, до-ханаанейскій народъ въ Палестинѣ, 83.

И.

Ибриз, въ Киликіи; скала съ хеттейскимъ изваяніемъ. 406.
Израильское царство, 176.

Израильтяне; ихъ приходъ въ Египетъ, 32.
Илубидъ, см. Іаубидъ.
Илулаи, см. Салманассаръ IV.
Илья, пророкъ, и жрецы Баала, 131—132.
Ишдабигашъ, узурпаторъ, овладѣваетъ эламскимъ престоломъ, низвергнувъ Таммариту, 439; занимаетъ у Ашурбанипала, 442; умерщвленъ народомъ, 443.
Индо-европейцы, 390—392.
Иранъ или Эранъ—Персія и прочія арійскія земли Средней Азіи. 393.
Исаія. пророкъ, совѣтникъ Езекіи, царя іудейскаго, 282; 298—301; 346.
Истеръ, см. Дунай.
Ишми-Даганъ. патэси города Ашура, 25.
Иштаръ въ Ассиріи; ея храмъ въ Арбелѣ, 23—25; ея «посланія» Асархаддону, 371—373; посылаетъ Ашурбанипалу видѣніе, 431—432.

I.

Іаубидъ или Илубидъ. царь эмаѳскій, узурпаторъ, разбитъ и казненъ Саргономъ, 284.
Іафетовы сыновья. по Кн. Бытія, 389.
Іезекіиль, пророкъ; его описаніе и обличеніе города Тира, 106—108; его плачъ надъ Ашуромъ, 477—478.
Іеменъ, область Аравіи, 78—79.
Іерусалимъ, центръ іудейскаго богослуженія, 170—172; осажденъ Сеннахерибомъ, чудеснымъ образомъ избавленъ, 342—348.
Іегуй, царь израильскій, узурпаторъ; покоряется Салманассару II, 204—207.
Іона, пророкъ, въ Ниневіи. 231—233.
Іосифъ въ Египтѣ, и пришествіе туда патріарха Іакова съ его родомъ, 32.
Іудеи, ихъ расовое и духовное родство съ ассирійцами, 8—15.—Во всей книгѣ.
Іудейская держава до Давида и при Давидѣ, 169 и сл.; ея раздѣленіе на два царства, 176.
Іудейское царство, 176.

К.

Кабиры, семь божественныхъ братьевъ, въ ханаанской миѳологіи, 160—161.
Кабулъ, арійская область Средней Азіи, 392.
Кадешъ, первая столица хетовъ; битва съ египтянами при этомъ городѣ, 37.
Кадиксъ, см. Гадесъ.
Калахъ, вторая столица Ассиріи; основанъ Салманассаромъ I, 44; любимый городъ Ашурназирпала, 184 и сл.
Калду. см. Халдея.
Канонъ Эпонимовъ (лимму) и построенная на немъ хронологія. 164—166.
Каппадокія, область Малой Азіи, 373, 377, 406—407.
Карабель, ущелье въ Малой Азіи, недалеко отъ Смирны; съ хеттейскими изваяніями на скалѣ, 403.
Кара-пиндашъ, касситъ, царь вавилонскій; его договоръ съ царемъ ассирійскимъ, 26.
Кара-хардашъ, сынъ Кара-пиндаша, убитъ касситами, 27.
Карпсбрукъ-Кастль на островѣ Уайтъ, 103.
Каркаръ; битва близъ этого города между Салманассаромъ II и сирійской коалиціей, 200—201.
Кармилъ, гора, 88.
Кар-Нинибъ, ассирійская крѣпость въ Загросскихъ горахъ, 290.
Картъ-Хадачъ, см. Карѳагенъ.
Кархемишъ, другая столица хетовъ. 38; 166; покоряется Салманассару II, 197; возстаетъ противъ Саргона; взятъ и разграбленъ, 288—289.
Кар-Шаррукинъ, ассирійская крѣпость въ Загросскихъ горахъ, 290.
Карѳагенъ, (картъ-хадачъ), финикійская колонія въ Африкѣ, 151; какъ тамъ дѣти приносились въ жертву Молоху, 151—155; основанъ выходцами изъ Тира, 234.
Касситериды, острова Ламаншскаго канала, куда финикіяне ходили за оловомъ, 100 и сл.
Касситы или Кашши, горное племя, покоренное Сеннахерибомъ, 335.

Кафторъ, см. Критъ.
Кашши, см. Касситы.
Кибела, лидійская богиня. 410.
Кидинъ, рѣка, въ Киликіи, 361.
Килехъ-Шергатъ, см. Ашуръ.
Киликія, область Малой Азіи, 361, 406.
Киммерійцы (по-ассирійски Гимирраи, Гомеръ по Кн. Бытія), впервые появляются при Асархаддонѣ, 377, 389, занимаютъ южную Россію, 401; вытѣсненные скивами, уходятъ въ Ѳракію, 401—402; вторгаются въ Малую Азію, 412; въ Лидію, 424, 426.
Кипръ (Ятнанъ, Киттимъ), островъ, богатый мѣдью; основаніе на немъ финикійскихъ колоній, 97; добровольно покоряется Саргону, 305—306.
Куръ, рѣка на Кавказѣ, нынѣ Куръ, 427.
Киттимъ, см. Кипръ.
Кіаксаръ (Увакшатара), сынъ Фраорта, царь мидійскій: преобразователь арміи, 468; избавляетъ Мидію отъ скивовъ, 473—474.
Критъ, островъ (въ Библіи Кафторъ), 167.
Курригальзу I, братъ Кара-хардаша; водворенъ на престолѣ своимъ дѣдомъ, царемъ ассирійскимъ, Ашур-Убаллитомъ, 27.
Куръ, см. Кипръ.

Л.

Лапли, аравійскій князь, помилованный Асархаддономъ. 378.
Лахишъ, осажденъ и взятъ Сеннахерибомъ, 339—343.
Леманъ, нѣмецкій ассиріологъ, 74.
Ленорманъ, Франсуа, о мировой миссіи финикіянъ, 114.
Лидійское царство въ древнѣйшія времена 409—410.
Лимму, см. Канонъ Эпонимовъ.

М.

Магогъ, земля, см. Сакасена.
Мадаи, см. Мидяне.
Мадій, сынъ Прототія, скиѳскій князь, 469; убитъ Кіаксаромъ, 473—474.
Мазіосъ, горная цѣпь, продолженіе Тавра, 37.

Манесъ, верховный богъ лидійцевъ, 410.
Манассія, сынъ Езекіи, царь іудейскій; является на поклонъ къ Асархаддону, 379; заключенъ въ Вавилонѣ, но освобожденъ, 382.
Мардукъ, богъ, или Бэлъ-Мардукъ, въ Ассиріи, 22.
Мардукъ-хабал-иддинъ, см. Меродахъ-Баладанъ
Мегиддо, битва при, 34.
Мелькартовы Столпы, 102.
Мелькартъ или Баалъ-Мелькартъ, богъ финикійскаго города Тира, 102; его храмъ въ Тирѣ, 123.
Менаимъ, царь израильскій, платитъ дань Тиглат-Фелассару II, 251—252.
Меродахъ-Баладанъ (Мардукъ-хабал-иддинъ), князь бит-якинскій, халдеецъ, является въ Сапію, на поклонъ къ Тиглат-Фелассару II, 264 и сл.; вступаетъ въ союзъ съ Эламомъ и овладѣваетъ вавилонскимъ престоломъ, 287; пишетъ союзниковъ противъ Ассиріи, 296 и сл.; посылаетъ пословъ къ Езекіѣ, царю іудейскому, 298—301; первый начинаетъ войну, разбитъ и бѣжитъ въ Эламъ, 301—304; снова овладѣваетъ вавилонскимъ престоломъ и разбитъ Сеннахерибомъ, 332, бѣжитъ въ Бит-Якинъ, 334; окончательно удаляется въ Эламъ, 348—349.
Мертвое море, 48.
Меша, царь моабскій, приноситъ въ жертву сына, 145; его столбъ съ надписью, 236—241.
Мидяне (Мадаи), въ первый разъ появляются при царѣ Рамман-Нирари III, 219; — арійскій народъ иранской вѣтви, 394; ихъ древній общественный строй, 395; ихъ движеніе на западъ, 396; вытѣсняютъ туранскія племена, 397.
Милькатъ («Владычица»), богиня города Тира, супруга Мелькарта, 126.
Моисей посылаетъ развѣдчиковъ въ землю ханаанскую, 83—84.
Молохъ, богъ-Солнце, жестокій и свирѣпый у ханаанскихъ народовъ, 122; требуетъ человѣческихъ жертвъ, 150; его статуя и обрядъ жертвъ въ Карѳагенѣ, 151—155.
Музазиръ, княжество и городъ, 291—292.

Н.

Набополассаръ (Набу-пал-уззуръ), халдеецъ вступаетъ въ союзъ съ мидійскимъ царемъ, 474; и дѣлается царемъ вавилонскимъ, 475.

Набубельзикри, князь бит-якинскій, внукъ Меродахъ-Баладана, возстаетъ противъ Ашурбанипала, 442; его трагическая участь, 446—450.

Набу-пал-уззуръ, см. Набополассаръ.

Набу-худур-уззуръ, см. Навуходоносоръ.

Навуходоносоръ (Набу-худур-уззуръ), сынъ Набополассара, вступаетъ въ бракъ съ Амитой, дочерью Киаксара, 475.

Нагиту, эламскій городъ у устья рѣки Улаи, 349.

Нази-бугашъ, касситъ, узурпаторъ, овладѣваетъ вавилонскимъ престоломъ, послѣ убійства Кара-хардаша, 27.

Наири, земли; нынѣ Арменія, 50; опустошенія ихъ Тиглат-Фелассаромъ I-мъ, 54—62; Ашурназирпаломъ, 177—182; возстаютъ противъ Саргона, 286.

Нар-эль-Кэлбъ, рѣка въ Сиріи; памятники у ея устья, 385.

Наумъ, іудейскій пророкъ; его пророчество о паденіи Ашура, 476.

Нахид-Мардукъ, сынъ Меродахъ-Баладана, покоряется Асархаддону, 374.

Неббп-Юнусъ, курганъ напротивъ Куюнджика, 233; 363; 370; 380.

Нехо, князь египетскій, дружитъ съ царемъ ассирійскимъ Асархаддономъ, 384; и съ Ашурбанипаломъ, 418.

Ниневія, 7, и во всей книгѣ. Ея паденіе, 475 и сл.

Нини, сынъ баснословной царицы Семирамиды, 220—223.

Нинъ, баснословный царь ассирійскій, супругъ Семирамиды, 219.

Нипурскія горы, въ землѣ Наири, 350—351.

Но-Аммонъ, см. Ѳивы.

О.

Оанесъ или Онесъ, полководецъ баснословнаго царя Нина, 220.

Обелискъ, черный, Салманассара II, 205—213.
Озія, см. Азарія.
Олово, необходимо для изготовленія бронзы, 97; главное мѣсторожденіе его въ древности — англійскія острова; добывалось тамъ финикіянами, 100.
Оппертъ, Юліусъ, французскій ассиріологъ, 53.
Оргіастическія религіи; объясненіе этихъ словъ, 146—149.
Оронтъ, рѣка, 37.
Осія, царь израильскій, узурпаторъ, преемникъ Факея, 258; заключенъ въ темницу Салманассаромъ IV, 273.

П.

Падн, князь города Экрона, выданъ своимъ народомъ Езекіи, царю іудейскому, 339: освобожденъ и снова водворенъ Сеннахерибомъ, 341.
Палестина, откуда имя. 39; ея до-хананейское населеніе, 82 и сл.; не туранцы ли? 85.
Пантеонъ; ассирійскій почти тотъ же, что вавилонскій, 22 и сл.
Парѳія, сынъ Гаги, скиѳскій князь, 469.
Патэси въ Ассиріи, 25.
Пафлагонія, область Малой Азіи, 412.
Пахэ. выскочка, овладѣваетъ ненадолго эламскимъ престоломъ, 451; запряженъ въ тріумфальную колесницу Ашурбанипала, 452.
Пелиштимы, см. Филистимляне.
Пигмаліонъ, царь тирскій, 234.
Прото-армяне, см. Алароды.
Псамметикъ, сынъ Нехо, царь египетскій, 423—424; 437; 440.
Пунты или Пуны, хананейское племя, 78.
Пурпурная краска—монополія финикіянъ, 92.
Пуруша, индусская легенда объ учрежденіи человѣческихъ жертвъ, 146.

Р.

Ра, см. Волга.
Рамзесъ II, царь египетскій; одерживаетъ побѣду надъ хетами при Кадешѣ, 36, 37.

Рамманъ, богъ атмосферы, въ Ассиріи, 19; 21; 25.
Рамман-Нирари I, царь ассирійскій, правнукъ Ашур-Убалита, 27.
Рамман-Нирари III, царь ассирійскій, сынъ Шамши-Раммана III, 216—219.
Раулинсонъ, сэръ Генри, англійскій ориенталистъ, 53.
Раулинсонъ, Джорджъ, англійскій ориенталистъ; выписка изъ его книги, 7; его описаніе дворца Сеннахерива, 363—369,
Рафія, городъ близъ границы Египта; мѣсто сраженія между египтянами и ассирійцами и пораженія первыхъ, 285.
Религіи ассирійцевъ, 8—25, хананейскихъ народовъ, 118—162.
Рецинъ, царь сирійскій, сынъ Азаила: идетъ на Ахаза, царя іудейскаго, 254 и сл.; разбитъ Тиглат-Фелассаромъ II и умерщвленъ, 261.
Ровоамъ, сынъ Соломона, царь іудейскій; своей жестокостью подаетъ поводъ къ раздѣленію іудейской державы, 176.

С.

Сайда, см. Сидонъ.
Саисъ, египетское княжество, 384.
Сакасена (земля Магогъ), земля у южнаго склона Кавказа, занятая скиѳами, 427.
Саки или Сакхи, см. Скиѳы.
Салманассаръ I, царь ассирійскій; основываетъ городъ Калахъ, 44.
Салманассаръ II; воинственный характеръ его царствованія, 194—197; его три кампаніи въ Сирію, 197—201; 201—202; 203—205.
Салманассаръ III, сынъ Рамман-Нирари III; его походъ въ Урарту, 225 и сл.
Салманассаръ IV, (тоже Илулаи), преемникъ Тиглат-Феласcара II, 265 и сл.; усмиряетъ возстаніе въ Тирѣ, 272; осаждаетъ Самарію, 273.
Самарія, столица царства израильскаго, основана Амвріемъ, 202; осаждена Салманассаромъ IV, 273; взята Саргономъ, 274 и сл.

Санхониатонъ, авторъ потерянной книги о финикійской космогоніи, и отрывки изъ нея, 157 и сл.

Сапія, халдейскій городъ; мѣсто съѣзда царей и князей на поклонъ къ Тиглат-Фелассару II, 264.

Саракъ (Асархаддонъ II?) послѣдній царь ассирійскій, 474 и сл.

Саргонъ (Шаррү-кэнү), царь ассирійскій, 274 и сл.; беретъ Самарію и выселяетъ израильтянъ, 274—278; его политика, 278 и сл.; его кампанія противъ горцевъ Загроса, 289—290; противъ Урарту, 290—293; въ Мидію, 293—294; въ Халдею и Вавилонъ, 301—305; принимаетъ пословъ князей острова Кипра, 305—306; его послѣднія войны, 306—307; строитъ городъ и великолѣпный дворецъ Дур-Шаррукинъ, 307—326; его трагическая смерть, 326.

Сарданапалъ, см. Ашурбанипалъ.

Сарды, столица Лидійскаго царства, 403; разграблены киммерійцами, 426.

Саулъ, царь іудейскій; ослушивается пророка Самуила, 13—14; 155—156.

Семирамида, баснословная царица ассирійская, и греческая легенда о ней, 219—225.

Сеннахеримъ (Син-аххи-ериба), сынъ Саргона, царь ассирійскій; его печатный цилиндръ, 18; его царствованіе, 328—369; его кампанія въ Халдею противъ Меродахъ-Баладана, 330—335; противъ касситовъ и Эллипа, 335—336; противъ Запада и Египта, 336 и сл.; осаждаетъ и беретъ Лахишъ, 339—342; его отступленіе отъ Іерусалима, 342—348; его вторая кампанія въ Халдею, 348—350; кампанія въ Напри, 350—351; въ Эламъ, моремъ, 351—353; его неудача въ Загросѣ, 353; его походъ противъ Вавилона и битва при Халули, 353—358, беретъ и разоряетъ Вавилонъ, 359—360; его трагическая смерть, 361; его работы въ Ниневіи и великолѣпный дворецъ, 362 и сл.

Сидикъ, отецъ Кабировъ, 161.

Сидонъ (нынѣ Сайда), финикійскій городъ, 79; 88; 90; усмиренъ Асархаддономъ, 378—379.

Симмасъ, воспитатель баснословной царицы Семирамиды, 220.
Син-аххи-прибъ, см. Сеннахерибъ.
Синджарскія горы, 5.
Синопъ, греческая колонія на Черномъ морѣ, 412.
Сирія, земля арамейцевъ и хетовъ, 166; образуетъ коалицію противъ Салманассара II, 198.
Скивы (Саки или Сакхи), вытѣсняютъ киммерійцевъ изъ южной Россіи, 401; врываются черезъ Кавказъ въ Малую Азію, 427; въ Мидію, 469; въ Сирію, 470 и сл.; опустошаютъ Ассирію, 472; истреблены Киаксаромъ, 473—474.
Соломонъ, сынъ Давида, царь іудейскій, 172—176.
Сомали, восточный уголъ Африки, 79.
Суза, см. Шушанъ.
Сузубъ, преемникъ Меродахъ-Баладана на вавилонскомъ престолѣ, разбитъ Сеннахерибомъ, 348—349, 351; взятъ въ плѣнъ. 352; бѣжитъ изъ плѣна, разбитъ въ битвѣ при Халули, 354 и сл.
Сутехъ, верховный богъ хетовъ, 43.
Сутрук-Нанхунди, царь эламскій, преемникъ Хумбанигаша союзникъ Меродахъ-Баладана, 297, разбитъ и бѣжитъ въ горы, 302.

Т.

Таврскія горы, 37.
Тальботъ, Фоксъ, англійскій ассиріологъ, 53.
Таммариту, младшій сынъ Уртаки, убиваетъ дядю, царя Теуммака въ битвѣ у рѣки Улаи, 433; низвергаетъ Уммавигаша и овладѣваетъ эламскимъ престоломъ, 439; помогаетъ Шамаш-Шумукину противъ Ашурбанипала, 439; низвергнутъ узурпаторомъ и бѣжитъ въ Ниневію, 439; опять водворенъ Ашурбаниналомъ, снова возстаетъ и увезенъ въ Ниневію, 443—444; запряженъ въ тріумфальную колесницу Ашурбанипала, 452.
Танаисъ, см. Донъ.
Тарсъ, городъ, въ Киликіи, заложенный Сеннахерибомъ, 361.
Тартисъ, см. Таршишъ.

Тагишшъ (въ Библіи Өарсисъ, у грековъ—Тартесса) южная Испанія,—богатый край, открытый финикіянами, 98 и сл.

Тахарка (Тарку), третій египетскій царь эѳіопской династіи, вторгается въ Палестину, 338; отступаетъ передъ ассиріянами. 384; возстаетъ противъ Ассиріи, разбитъ; его смерть, 417—420.

Теуммапъ, братъ Уртакй, царь эламскій; начинаетъ войну противъ Ашурбаппала, 430—431; убитъ въ битвѣ у рѣки Улаи, 433.

Тиверій, римскій императоръ; запрещаетъ человѣческія жертвы, 154.

Тиглат-Фелассаръ I (Тукульти-Палешарра), царь ассирійскій; его воззваніе къ богамъ, 9; 11; его памятникъ у истоковъ Тигра. 51; его цилиндръ и сдѣланный съ нимъ опытъ. 52—53; его походы въ земли Напри, 54—62; въ земли арамейцевъ, 65; его мудрое правленіе, 66; его страсть къ охотѣ, 67; его поѣздка на морской берегъ, 68; его неудачный походъ противъ Вавилона, 71.

Тиглат-Фелассаръ II, тоже Фулъ, 230 и сл.; его политика и тактика. 243 и сл.; его кампаніи въ Халдею, Загросъ и Напри, 249—251; въ Сирію, 251 и сл.; въ Палестину, 256 и сл.; беретъ Дамаскъ, 259—261; его послѣдняя кампанія въ Халдею, 263 и сл.

Тирасъ, см. Днѣстръ.

Тиръ (Цоръ), нынѣ Суръ, финикійскій городъ, 88; 90; его богатство и великолѣпіе, 106—108; возстаетъ противъ Салманассара IV, 272; 286; усмиренъ Асархаддономъ, 383; Ашурбаппаломъ, 420.

Тушпа, князь киммерійцевъ, истребленъ Асархаддономъ, 376;

Тотмесъ III, царь египетскій; его походы въ Азіи, 27 и сл.. его побѣда при Мегиддо, 34; принимаетъ дары отъ *пашси* города Ашура, 34—35.

Троица, верховная,—Ану-Эа-Бэлъ,—въ Ассиріи, 23.

Тукульти-Нинивъ, царь ассирійскій, сынъ Салманассара I; его войны съ Вавилономъ, 45.

Тукульти-Палешарра, см. Тиглат-Фелассаръ.

Туранъ—туранскія земли Средней Азіи, 394.

Уайтъ, англійскій островъ; торговая станція финикіянъ, 103.
Увакшатара, см. Киаксаръ.
Укинзиръ (у грековъ Хинаросъ), халдейскій князь, овладѣваетъ престоломъ вавилонскимъ, 263.
Улаи (у грековъ Евлай), рѣка въ Эламѣ, 349; битва у рѣки, 433—434.
Умманалдашъ II, узурпаторъ, овладѣваетъ эламскимъ престоломъ послѣ смерти Индабигаша, 443; прогнанъ Ашурбанипаломъ, 443, возвращается послѣ взятія Шуши, 447, опять свергнутъ и увезенъ въ Ниневію, 451; запряженъ въ тріумфальную колесницу Ашурбанипала, 452.
Умманигашъ, старшій сынъ Уртаки, царь эламскій, 436; помогаетъ Шамаш-Шумукину противъ Ашурбанипала, 437; низвергнутъ братомъ, Таммариту, 439.
Умман-Минанъ, царь эламскій, сынъ Худур-Нанхунди, вступаетъ въ союзъ съ Сузубомъ и разбитъ въ битвѣ при Халули, 353—358.
Уралъ, рѣка, 401.
Урарту, царство, или Ванъ, 225 и сл.; покорено Саргономъ, 290—293.
Урза, царь Урарту, возстаетъ противъ Саргона, 286; его возстаніе и печальный конецъ, 290—293.
Урзана, сосѣдъ и союзникъ Урзы, 291—292.
Урмія, озеро, 47.
Уртаки, царь эламскій, вторгается въ Аккадъ, разбитъ, 429—430.

Ф.

Факей, сынъ Ремаліи, убивъ Факію, сына Менаима, овладѣваетъ израильскимъ престоломъ, 254.
Факія, царь израильскій, сынъ Менаима, убитъ, 254.
Филистимляне (по-ассирійски Пелиштимы), 39; 167.
Финикіяне, ихъ переселеніе съ Персидскаго залива, 77 и сл.; ихъ поселенія вдоль Средиземнаго моря, 86 и сл.; ихъ обширная торговля, 90 и сл.; ихъ монополія—изготовленіе пурпурной краски, 92 и сл.; ихъ далекія пла-

анія, 94 и сл.; за оловомъ, 97 и сл.; за янтаремъ, 04—105; ихъ караванная торговля въ Азіи, 105; великолѣпіе и богатство ихъ городовъ, 106 и сл.; ихъ характеръ и культура, 108—112; ихъ значеніе въ мировой исторіи, 112—117; ихъ религія, 118—162.

Фравартишъ, см. Фраортъ.

Фраортъ, сынъ Дейока, царь мидійскій, 466; нападаетъ на Ассирію, но побѣжденъ и убитъ, 467—468.

Фригія, область Малой Азіи, 410—412.

Фулъ, см. Тиглат-Фелассаръ II.

X.

Халдея (земля Калду), въ первый разъ упоминается въ ассирійской лѣтописи, 190.

Халди, верховный богъ алародовъ, 291.

Халулп. битва при 355—358.

Хананеи, ихъ переселенія въ земли Ханаанскія (Палестину и отчасти Сирію), 78 и сл.

Хатти, см. Хеты.

Хаузеръ или Хосръ (Хузуръ), рѣчка близъ древней Ниневіи, 363.

Хемошъ, богъ моавитянъ, 239.

Херемъ, см. Заклятіе.

Хеты (по-ассирійски Хатти); ихъ борьба съ Египтомъ, 35 и сл.; ихъ держава, 37 и сл.; ихъ культура и письмо, 41—43; конецъ ихъ національности въ Сиріи 288—289; ихъ памятники въ Малой Азіи, 403—410.

Хпизпгозъ, см. Укпизиръ.

Хпиксъ, англійскій ассиріологъ. 53.

Хпрамъ, царь тирскій, другъ Давида и Соломона, 173.

Хосръ, см. Хузуръ, Хаузеръ.

Хронологія, спорная по смерти Тиглат-Фелассара 1-го, 73; по «канону эпонимовъ», 164—166.

Худур-Нанхундп, царь эламскій, союзникъ Меродахъ-Баладана, 353.

Хузуръ, см. Хаузеръ.

Хумбанигашъ, царь эламскій, союзникъ Меродахъ-Баладана, князя бит-якинскаго и царя вавилонскаго, 287.

Ц.

Царство, первое или древнее, 51—75: второе, 144 и сл.
Цоръ, см. Тирь.

Ш.

Шабака (въ Библіи Со или Сохъ), основатель Эѳіопской династіи въ Египтѣ, 270 и сл.; обѣщаетъ помощь сирійскимъ государямъ противъ Ассиріи, 271; его тайныя сношенія съ ними, 281: разбитъ при Рафіи, 285
Шамаш-Шумукинъ, младшій сынъ Асархаддона; назначенъ отцомъ въ намѣстники вавилонскіе, 387; 429; возстаетъ противъ Ашурбанипала, 436—438, его погибель, 440.
Шаммурраматъ, царица ассирійская, супруга Рамман-Нирари III, названная греками Семпрамида, 219.
Шамши-Раммавъ, *патэси* города Ашуръ, 25.
Шамши-Раммавъ III, царь ассирійскій, сынъ Салманассара II. 216.
Шарру-кэну, см. Саргонъ
Шасу, хищныя бедуинскія племена, 30.
Шуши (у грековъ Суза), столица Элама. взята и вконецъ разграблена Ашурбанипаломъ, 444—446.
Шушинакъ, верховный богъ эламитовъ, 445.

Э.

Эа, богъ, въ Ассиріи, 23.
Экбатана или Агбатана (нынѣ Гамаданъ), столица древней Мидіи, 396.
Экронъ, см. Аккаронъ.
Эламитское нашествіе на Шумиръ даетъ толчокъ передвиженію народовъ въ Западной Азіи, 31, 81.
Элиссa, тирская царевна, основательница Карѳагена, 234.
Эллипъ, мидійское княжество, 294; опустошено Сеннахерибомъ, 335—336.
Элтекэ, см. Алтаку.
Эмѳекій царь вступаетъ въ коалицію противъ Салманассара II, 198.
Эмимы, до-хананейскій народъ въ Палестинѣ, 83.
Эпонимы (лимму), 164.

Э-Саггила, храмъ Мардука въ Вавилонѣ, 22.
Эфесъ, городъ въ Іоніи, 403; прославился храмомъ богини Атаргаты, 407—409.
Эщмунъ, восьмой Кабиръ, 161—166.
Эѳіопская династія въ Египтѣ, 270 и сл.

Я.

Яманъ или Яванъ, зачинщикъ возстанія города Ашдода противъ Ассиріи, 294—295.
Ятнанъ, см. Киприъ.

Ѳ.

Ѳаммузъ, халдейскій Думузи, у финикіянъ, 158—160; 410.
Ѳарсисъ, см. Тариншъ.
Ѳивы (Но-Аммонъ), египетская столица, взята и разорена ассиріицами, 420.
Ѳогарма (Кн. Бытія)—ѳрако-фригійскіе народы, 411—412.
Ѳракія, нынѣ отчасти Румелія; вторженіе въ нее скиѳовъ, 402.
Ѳрако-фригійская группа народовъ, 410 и сл.